

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Тяжела дорога к цели, но ведь и она когда-то заканчивается. Подошла к концу и дорога Андрея, бывшего монаха, в прошлом наемного убийцы, а теперь – оборотня, воина и человека, который оказался в параллельном мире ради своего предназначения. Какого, заинтересуетесь вы. Ну а какое предназначение должно быть у хорошего человека? Искоренять Зло, нести добро людям. Только что ты можешь сделать, если у тебя нет реальной власти и максимум, что тебе удастся, – это убить пару негодяев и помочь нескольким хорошим людям. Для масштабного же искоренения Зла нужна сила, власть, деньги... и еще нужно подумать, как их добыть. Все смешалось в этом странном мире: люди, драконы... Кто хороший, кто плохой – покажет время. Андрей обретает любовь, его «сестричка», драконица Шанти, – очередное развлечение, а мир получает проблемы и... надежду. Оправдается ли она?

- [Евгений Щепетнов](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
-

Евгений Щепетнов

Монах. Предназначение

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Это было запредельно. Антана не понимала, что произошло. Только что она была в плену, истязаемая отвратительным маньяком Юкаром, и вот она в незнакомой комнате, а перед ней стоят тяжело дышащий мужчина и... дракон?! Как дракон? Откуда дракон? Драконы существуют только в сказках! Или нет? Вот он стоит, скалит белые острые зубы, похожие на акулы, и... улыбается? Именно улыбка, а не угроза – она чувствовала это всем своим существом. Дракону было смешно!

А человек выглядит так странно – полуголый, вокруг бедер обернут кусок белой ткани... Полуголый? А она? Ой! Голая! Совсем!

Антана попятилась в угол и присела на корточки, прикрыв грудь скрещенными руками и возмущенно крича:

– Не смотрите на меня! Дайте что-нибудь надеть!

– Ну слава богу, вроде в разум вошла, – усмехнулся темноволосый человек в белом «килте». Оглядевшись по сторонам, он сорвал с кровати покрывало и бросил его девушке. – Накройся. Сарафан ты разорвала в клочья, так что придется пока походить в том, что есть. Впрочем, могу дать свои штаны и рубаху, но ты в них утонешь. Сейчас принесу.

Мужчина отодвинул шкаф, противно заскрипевший по половицам, за ним обнаружилась дверь, запертая на брус. Брус полетел в сторону, и в открывшуюся дверь хлынула струя прохладного, даже холодного воздуха, от которой Антана поежилась и поплотнее закуталась в покрывало.

Через несколько минут незнакомец вернулся, держа в руках сверток с одеждой, бросил его девушке и вышел со словами:

– Когда оденешься, выходи в кухню – поможешь мне разбирать вещи.

Дракона в комнате уже не было – он будто испарился, и Антана подумала: может быть, это была галлюцинация?

Девушка быстро натянула на себя мужскую одежду, предварительно с подозрением ее обнюхав. Одежда не пахла ничем, кроме мыла, так что Антана успокоилась на этот счет. Она была очень чистоплотной девушкой. Немного подумав, вышла из комнаты, оглядываясь и прислушиваясь к тишине в доме. Ее не нарушало ничего, кроме шагов, похоже мужских, звона тарелок и какого-то то ли шелеста, то ли шороха. Почему-то девушка слышала все эти звуки очень отчетливо. Еще ее удивило то, что при отсутствии света и вообще его источников видела она отлично – единственно что цвета были блеклыми, будто бы все предметы выцвели от

старости.

Девушка вышла в кухню – в ней было так же светло, как днем, хотя она сквозь щель в занавеске явственно видела луну, висящую в небе за окном, и звезды, серебряными гвоздями усыпавшие небосвод.

Мужчина обернулся на шорох позади себя и приветливо сказал:

– Давай-ка помогай мне разбирать барахло. Я этот дом купил только вчера, тут практически ничего нет, ни посуды, ни мелочей типа полотенец и мочалок. Завтра займемся хозяйством – приберемся, все вымоем, пыль вытрем, воды в душ нальем – в общем, приведем дом в порядок. А сейчас поедем – после возни с тобой у меня живот подвело. И Шанти проголодалась. Да ты и сама, скорее всего, сейчас совсем не против хорошего обеда.

Живот девушки тут же страшно заурчал, и она смущенно покраснела. Заметив это, мужчина улыбнулся, отчего его жесткое, волевое лицо стало добрым и каким-то слегка мальчишеским.

– Ну вот, я же сказал! Я помню, когда сам стал оборотнем, – как же мне хотелось есть! Готов был весь мир сожрать. Трансформации отнимают много энергии. Теперь тебе нужно к этому привыкать. И привыкать к тому, что ты будешь часто и помногу есть. Не так, как девушка девятнадцати лет, а как здоровенный грузчик после целого дня работы. Ну что же, присаживайся за стол, я вчера купил копченого мяса, лепешек – будем есть и разговаривать. Вот тут, в кувшине – апельсиновый сок. Тут – пиво, если хочешь. Не хочешь? Ну и ладно. Мне больше достанется. Теперь слушай меня – я тебе расскажу то, что тебе нужно знать. И самое главное – о твоём отце.

Рассказ Андрея в общем-то был недолгим. Все, что он рассказал, – это то, как с отцом Антаны, Марком, оказался в славийской тюрьме. Того обвинили в шпионаже и боголюбии, Андрея – в боголюбии и убийстве. Рассказал о том, как они оказались на Кругу, где преступников, осужденных на смерть, убивали на потеху толпе откормленные, сильные бойцы в полном боевом снаряжении. А преступниками были все, кого называли таковыми власти страны. И как Андрей выжил, единственный из десятков людей, – за счет своего боевого умения, удачливости и помощи ее отца. Рассказал о том, как пообещал Марку найти его дочь и помочь ей чем может. Для этого Андрей пересек две страны.

Больше времени занял его рассказ о том, как он случайно стал оборотнем, хлебнув крови женщины-оборотня. Антана стала оборотнем таким же способом – когда кровь Андрея попала ей в рот, Антана вцепилась ему в плечо и прокусила кожу до мяса, в горячечном бреду

вообразив, что на нее напал враг.

Рассказал о том, кто такая Шанти и откуда она взялась, – это так и так пришлось бы рассказать, Антана видела драконицу во всей ее красе. Да и невозможно скрывать такие вещи от девушки, с которой ему придется жить бок о бок ближайшие месяцы, а то и годы.

В общем – он рассказал все, что на первых порах нужно было знать новоиспеченному оборотню и партнерше борца со Злом.

Когда он рассказывал о смерти Марка, девушка заплакала – тихо, беззвучно, глядя в столешницу. Ее слезы капали на рубаху, оставляя на ней темные пятна влаги, но Антана не билась в истерику, не кричала в голос, не выла, как опасался Андрей. Ее горе было неподдельным и глубоким, но держалась девушка хорошо, и это вселяло надежду на то, что с ней все будет в порядке.

Насколько Андрей знал, отец ограждал девушку от всего мира, растил как экзотический цветок в оранжерее, и тем страшнее было для нее потрясение от происшедшего. Сможет ли она измениться и стать другим человеком? Андрей надеялся на это. Очень надеялся.

– Итак, теперь твое имя Марго. Почему Марго? Да первое, что пришло в голову. Сам не знаю почему. Антана для мира умерла. Ты меня понимаешь?

– Понимаю... – тихо ответила девушка, превратившаяся в соляной столб. – Спасибо вам, что вытащили меня из борделя. Мне приснился сон... или это был не сон – что я набрасывалась на вас, пыталась убить. Вы простите меня... я сама не понимала, что делаю. Мне казалось, что я так и нахожусь на этом корабле, с Юкаром. Какой он негодяй... Как могут существовать такие люди? Я читала в книгах о подлецах, но они были какие-то... другие. А этот – вкрадчивый, любезный, такой красивый... и такой мерзкий. Он меня истязал... было так больно, так страшно, и никакой надежды на спасение, кроме – скорее умереть, чтобы все прекратилось. Я не такая наивная, как вы бы могли подумать, – я знаю, откуда дети берутся и что делают мужчины и женщины. Он не насиловал меня. Не успел. А может, и не хотел делать *это* насильно. Ему хотелось, чтобы я сама просила его об этом. Ему доставляло удовольствие унижать, причинять боль, мучить. Ему нужно было сломить меня, превратить в свою грязную подстилку, в наложницу, которая молит о боли, унижении и насилии. Не знаю, смогла бы я сейчас жить, если бы покорилась ему. Слава Господу, Он дал мне силы, и я не сломилась, не поддалась. Я так поняла – мой папа возложил на вас заботу обо мне. Вы ничего не обязаны делать. Я снимаю с вас этот груз. Как-нибудь проживу, не сомневайтесь. После того что я

пережила, мне ничего не страшно. Ничего! Только вот хотелось бы кое-кому отомстить... а потом – будь что будет.

– И кому же ты собралась мстить? Кстати, зови меня на «ты», ладно?

– Ладно... Есть некий советник Карлос. Я хочу, чтобы он умер. Это он виноват в смерти моего отца. Это он разорил нас. Он хотел, чтобы я стала его любовницей, наложницей, а когда я отказалась, устроил похищение, уверена.

– Мир тесен, – усмехнулся Андрей, – мир тесен...

– Скажите... скажи, каковы ваши... твои планы насчет меня? У меня в голове не укладывается – теперь я оборотень?! Разве это угодно Богу? Разве я теперь не что-то нечистое, сродни демонам? Извини... – Антана виновато наклонила голову и слегка покраснела – она вспомнила вдруг, что Андрей-то тоже оборотень.

– А чего нечистого? – пожал плечами мужчина. – Все мы твари Божьи. Зависит от того, как себя вести. Если ты будешь вести себя как демон – значит, ты служишь Злу. Если как Человек – значит, Богу. Это так просто. Главное – не углубляться в дебри раздумий. Есть много такого, что недоступно нашему разуму. Повторюсь – надо вести себя как человек. Даже в шкуре Зверя. И это правильно.

– Постараюсь, – несмело улыбнулась девушка. – Надеюсь, вы мне будете подсказывать, как себя вести. – Антана нахмурилось, ее красивое лицо исказилось, и она добавила: – Только сразу скажу – я все равно убью этого Карлоса. Чего бы это мне ни стоило.

– Убьешь, убьешь. Только прежде надо научиться пользоваться своими способностями. Ты умеешь убивать людей? Ты когда-нибудь делала это? Ты знаешь, как уйти от преследования, как эффективнее проникнуть в помещение? Нет? Тогда твои планы – чистое самоубийство. И я не допущу, чтобы ты лезла в логово врага. Всему свое время, девочка, всему свое время. Я буду учить тебя всему, что знаю сам. Ты будешь моей помощницей. Насколько я понял, Карлос использовал исчадий для того, чтобы уничтожить твоего отца. Так что исчадия и твои враги, не так ли? Поэтому ограничиваться тем, что ты убьешь одного Карлоса, неправильно.

– Да, вы... ты прав. Не сомневайся, той девочки – Антаны – больше нет. Я сделаю все, что ты мне скажешь. Буду учиться, буду слушаться, буду тебе помогать. Скажи, а точно Юкар умер?

– Точно. Я выпотрошил его, как рыбу, и бросил умирать. С такими повреждениями он не мог выжить. Тем более что я дал нож одной из девчонок и предложил его добить, она с радостью согласилась. Видимо, его в борделе не очень-то любили.

– Еще бы, – усмехнулась девушка, – ведь все девчонки были на положении рабынь. Они выполняли любую прихоть Юкара, самую грязную и экзотическую. Он мне это демонстрировал как пример того, что я должна буду сделать. Сама, по своему желанию, да еще упрашивать его, чтобы он позволил это сделать. Я его ударила. После этого и начался ужас... я не могу вспоминать, меня начинает трясти!.. – Девушка побелела, ее руки сжались в кулаки, и вдруг она начала меняться, обрастая шерстью, горбясь и пригибаясь к столу.

– Стой! Назад! – резко крикнул Андрей. – Контролируй свои чувства! Иначе ты в неподходящий момент превратишься в Зверя, и будет беда! Возьми себя в руки, ну!

– Да-да, сейчас, – хрипло ответила девушка, к тому времени уже до половины превратившаяся в Зверицу. – Сейчас, сейчас...

Обратный процесс тоже был медленным, что удивило Андрея – он превращался за долю секунды и никогда не терял над собой контроля. Возможно, это был результат его выучки, тренировки, а девушка была пока слишком неорганизованным существом, не вполне контролирующим свои эмоции и желания.

Наконец девушка снова стала человеком и замерла за столом, тяжело дыша, вцепившись в столешницу.

– Сама не знаю, как это получилось... прости. Я как подумала о том, как буду мстить, и меня начало выкручивать. Боюсь, что так может случиться прямо посреди улицы, если я встречу Карлоса. Или просто подумаю о мести.

– А ты не думай о мести. Ты думай о хорошем. И будем учить тебя контролировать свои чувства. Ну все. Ешь, пей, потом будем спать, а утром приберемся в доме. Потом схожу в город и куплю тебе одежду. И запомни: ты – Марго. Не откликайся ни на какое другое имя. Марго Монах. Для всех – ты моя жена. Мы недавно поженились и приехали из провинции. Откуда – придумаем потом. Ты не бойся, приставать не буду. Мы номинально муж и жена, и это ни к чему не обязывает. Когда я буду убежден, что ты сможешь обеспечить свою жизнь, что ты не погибнешь без меня, – уйдешь куда захочешь. Пока что – ты выполняешь все, что я скажу.

– Я уже сказала, что согласна. Все что угодно, если надо – я буду с вами спать. – Девушка покраснела, но глаз не опустила. – Главное – дайте мне возможность поквитаться с врагами! Не жалейте меня. Меня не надо жалеть. Мне надо помочь отомстить.

– Хм... обещаю, что сделаю для этого все, что могу, – кивнул Андрей. – Все, что могу, и больше того.

– Можно я спрошу? – нерешительно произнесла Марго. – Я видела дракона, когда очнулась... Это и вправду был дракон или мне привиделось? Это была Шанти?

– Нет, не привиделось. Да, Шанти. Моя названная сестренка. Надеюсь, что вы с ней подружитесь. Две девушки всегда найдут о чем поговорить, я все-таки мужчина, со мной ей сложнее общаться.

– Это точно! – вмешалась Шанти. – С ним ой как сложно! Он так и норовит залезть в постель с какой-нибудь самкой, чтобы начать оплодотворять яйца. Кстати, вы когда займетесь этим делом?

– Хм... не слушай ее! – возмутился Андрей. – Ты чего несешь, ящерица с крыльями? Девчонка только очнулась, только соображать начала, а ты ее пугаешь! Шанти, я на тебя обиделся и не хочу с тобой разговаривать. Даже не обращай ко мне, не отвечу. Безобразница. Сегодня ты перешла все границы!

– А может, не надо? Я не напугалась, – улыбнулась девушка, – я же чувствую, что она тебя просто дразнит. И еще – немного ревнует.

– Ты что, стала эмпаткой? – с интересом спросил Андрей и вдруг спохватился: – Стоп! Это ты что, слышишь наш разговор? Ты слышала то, что мы говорили друг другу?

– Ну да, а почему нет? – в свою очередь удивилась Марго. – Вы громко говорили, я и услышала. Что в этом такого?

– А то, – хихикнула Шанти, – что мы не говорили, мы пользовались мыслесвязью. Мы думали! То есть теперь эмпатка – раз, телепатка – два. Очень интересно. А ты видишь ауры предметов?

– Ауры? А что такое аура?

– Свечение такое, – пояснил Андрей. – Каждый предмет, а тем более живое существо излучает некую ауру, некое туманное облачко, расцвеченное разными цветами. Я могу воздействовать на эту ауру, лечить людей, воздействовать на них – усыплять, к примеру. Как я усыплял тебя. Люди имеют ауру одного цвета, драконы и оборотни – другого цвета. Ты видишь что-то подобное? Какие-то ауры?

– Нет, не вижу, – разочарованно протянула девушка. – А может, я потом когда-то начну видеть?

– Увы, вряд ли, – пожал плечами Андрей. – Если сразу не начала видеть, то потом... Зато теперь ты можешь чувствовать запахи, как собака, видеть в темноте, слышать, как собака, ты намного сильнее, чем обычный человек, ты двигаешься быстрее человека в несколько раз. Теперь ты опасное оружие, не забывай об этом. Если тебе к тому же дать знания рукопашного боя, фехтования – ты будешь одним из самых опасных людей

в этом мире. Надеюсь, что ты не используешь свои способности во зло людям.

Спали они в одной кровати. Просто потому, что остальные кровати были пыльные, грязные – в палец пыли, и без матрасов, простыней и одеял.

Андрей решительно заявил, что не собирается спать, как собака, в углу на подстилке, и улегся в постель. Марго ничего не сказала, просто легла рядом, под то же самое одеяло. Шанти буркнула, что она привыкла спать в приличных условиях, – так что все трое угнездились под этим одеялом.

Марго – Антана почему-то не испытывала никакого неудобства, скорее наоборот – чувство защищенности и близости, как будто бы спала не с едва знакомым мужчиной, а с кем-то родным, близким, вроде как и вправду с любимым мужем. Она приняла все как есть, не комплексуя и не устраивая истерик, за что все больше и больше нравилась Андрею. Ей-ей, такую девчонку стоило спасать... Раздеваться они не стали. Ну так, на всякий случай...

Утро застало их сладко спящими. Ночь была бурной, переживательной, и поспать удалось всего часа четыре, максимум пять. Как только луч солнца упал через щель в занавесках на лицо Марго, она вздрогнула, открыла глаза и с оторопью увидела в сантиметре от себя щеку Андрея. Рука девушки покоилась на груди мужчины, а сам он сопел как паровоз, мощно всасывая в себя воздух и выбрасывая горячей струей.

Девушка улыбнулась и тихонько убрала руку. Затем приподняла одеяло и скользнула на пол. Ей очень захотелось... в общем, она срочно отправилась искать «удобства».

Они, эти самые «удобства», нашлись в комнате за кухней: большая ванна, можно сказать даже – небольшой бассейн, душ, унитаз, и самое главное – вода, текущая из емкости на крыше. Вода вначале текла черная, грязная, но потом, когда слилась, пошла чистая, вполне приличная, и девушка смогла умыться и даже принять душ, ежась и тихо попискивая. Как бы ни было холодно, приличная девушка не должна допускать, чтобы от нее плохо пахло. Даже если она оборотень. Это было твердое убеждение Марго.

Приведя себя в порядок, девушка налила воды в деревянное ведро, взяла тряпку и начала уборку в доме. Движения ее были неуклюжими – работать подобным образом ей никогда не приходилось, на то были слуги, но сидеть за столом, о который можно испачкаться, на стульях, серых от грязи, ей не хотелось, а другого способа избавиться от грязи, кроме как все убрать, не было.

– Что тут у нас происходит? – послышался веселый голос за ее спиной, и Марго вздрогнула, оборачиваясь с занесенной мокрой тряпкой. – Ой-ой, не зашиби, воительница!

Андрей усмехался, стоя в дверях и держа на руках Шанти, весело блестящую глазами-бусинами. Он посмотрел на результат трудов девушки и, улыбнувшись, сказал:

– М-да. Видимо, дома ты не особенно утруждала себя уборкой. Навозюкала-а-а... глянь, все в серых разводах. Уборщица из тебя аховая.

– Ну и не утруждала, да... – пожала плечами Марго. – У нас для этого были слуги. Как могу, так и делаю. Помогай, вдвоем быстрее сделаем. В такой грязюке жить – себя не уважать.

– Знаешь что, мы по-другому сделаем, – улыбнулся Андрей. – Я тоже терпеть не могу жить в грязюке, но и убирать в доме тоже ненавижу. Деньги у меня есть, так что надо нанять людей, и пусть занимаются, как считаешь?

– Считаю, что так будет правильно. – Девушка с облегчением бросила тряпку. – Знаешь, меня просто чуть не рвало от отвращения, когда я занималась уборкой. Не-на-ви-жу это дело! – Она весело рассмеялась, и лицо, покрасневшее от усилий по изничтожению пыли, озарилось улыбкой.

Андрей невольно залюбовался – она была красива, даже с мазком грязи на щеке, со спутавшимися волосами и запачканными руками. Если на нее надеть модельное земное платье, украсить бриллиантами, надеть туфли на шпильках... ой-ой... смерть мужикам. Это же надо уродиться такой красоте! Впрочем, каноны красоты Средневековья и современной Земли очень даже отличались. Это Андрей знал наверняка. Например, в Средние века считалось, что для женщины некрасиво быть здоровой, загорелой, сильной. Чахоточные, бледные, с нездоровым румянцем и высоким рахитичным лбом – вот идеал женщины того времени.

Марго не была чахоточной и рахитичной, скорее наоборот – пышущая здоровьем молодая девица. Но также она и не была кряжистой, могучей на вид, как те крестьянки, которые, со слов поэта, и горящую избу по бревнышкам раскатают, и коня куда-то там на себе перетащат, и оглоблей отлупят. Стройняшка, фигуристая, сильная девчонка.

Андрей не выдержал и спросил:

– Скажи, а ты занималась какими-нибудь физическими упражнениями?

– А как ты догадался? – смутилась девушка. – Рассмотрел меня, когда я была голышом, да? Ну и рассмотрел... чего уж теперь... меня уже

рассматривали во всех видах кому не лень. А уж тебе... сам бог велел. Да, отец учил меня драться на саблях, когда бывал дома. Показал физические упражнения для того, чтобы я была здоровой и крепкой. Мы с ним часто выезжали на лошадях на охоту. Так что я была не совсем уж такой «диванной» девушкой, если ты так подумал. И когда его не было – я подтягивалась на перекладине, что он сделал у меня в комнате, отжималась, приседала, тренировалась с палкой вместо сабли. Честно говоря, это единственное, что отвлекало меня от мыслей об отце. Все было просто ужасно – все сыпалось, разваливалось на глазах. Потом даже есть нечего стало, а я все ждала, когда папа приедет и спасет. Не приехал. Эх, папка, папка...

На глазах Марго снова появились слезы и потекли по щекам. Андрей непроизвольно сделал шаг к ней, обнял за плечи, прижал к себе, и она зарыдала, безнадежно, глухо кашляя и задыхаясь от нахлынувшей душевной боли. Рубаха на груди Андрея сразу пропиталась слезами, а он все поглаживал и поглаживал девушку по спине и бормотал какие-то бессмысленные утешающие слова, что-то вроде:

– Ну ладно, ладно... хватит тебе... надо жить. Все впереди, все будет хорошо, все будет очень хорошо. Иначе зачем все тогда? Все просто должно быть очень хорошо! Не плачь, девочка, не надо, я с тобой, не оставлю тебя. Не плачь.

– Не оставишь? – Марго подняла заплаканное лицо с красными, усталыми глазами на Андрея и внимательно всмотрелась в его лицо.

– Не оставлю, клянусь! Что бы ни случилось – не оставлю, – искренне заверил Андрей, и девушка неожиданно с силой притянула его голову к себе и крепко поцеловала в губы.

Ее губы были солеными от слез, упругими... и такими желанными, что мужчина задохнулся от нахлынувшего чувства. Он с трудом отстранил Марго от себя, пробормотав:

– Не надо, не стоит этого... перестань.

– Почему? – удивленно спросила та, держа его обеими руками за шею. – Я давно взрослая, могу иметь детей. Ты свободный мужчина, и я чувствую твоё желание. Ты меня ведь не можешь обмануть. Почему ты меня отталкиваешь? Ты брезгуешь мной, да? Я грязная – после Юкара? Так он не овладел мной. Он ощупывал меня, тискал и пытал. Но как женщиной он мной не овладел. Почему ты пренебрегаешь мной? Я не больная и не увечная. Я не соответствую твоему идеалу красоты? Я уродка?

Андрей снял со своей шеи ее руки, подвел к стулу и мягко усадил на него. Потом сел рядом, у стола, и, глядя на заплаканную, удрученную

девушку, сказал:

– Нет для меня ничего более желанного, чем ты. Если не считать желания искоренить зло в этом мире. Но я считаю, что не вправе пользоваться твоей неосведомленностью в этой жизни, твоим душевным смятением. В тебе сейчас говорит боль, желание восполнить пустующее место отца, наставника, и ты неосознанно поставила на это место меня, придумав себе любовь с первого взгляда. Так не бывает. Так не должно быть. Я не хочу быть подлецом, воспользовавшимся твоей слабостью. Кроме того – девочка моя, ведь ты мне по возрасту в дочери годишься. Я ведь ненамного младше твоего отца, мне далеко за сорок. Я старый, битый жизнью и людьми вояка, одиночка, без дома, рода и племени. Зачем тебе такой? Тебе нужен молодой, красивый, родовитый юноша, которого ты полюбишь, нарожаешь с ним детишек. Нет, тебе не нужен такой старикан, как я.

– Я обещала тебя слушаться, – задумчиво сказала Марго, – и я буду слушаться. Но только не в этом. Я сама знаю, кто из мужчин мне нужен и какого мужчину я хочу себе в мужья. Я буду ждать, когда ты изменишь решение. Хоть вечность. Кстати – ты очень красив, хотя видно, что не понимаешь этого. И совсем не стар. Я буду ждать, запомни. Каждую минуту, каждую секунду, каждый день.

– Договорились, – криво усмехнулся Андрей. – Время все расставит по своим местам.

– Андрей, тебе не кажется, что ты сейчас поступил как дурак? – неожиданно вмешалась Шанти. – Она не слышит, нет, я ее отключила.

– Не знаю... да, я чувствую себя последним идиотом, – признался Андрей. – И любой из мужчин сказал бы то же самое. Шанти, сестренка, но я не могу перешагнуть через себя! Переспать с ней *сейчас* было бы просто подло. Пусть проверит свои чувства, а потом...

– Я расскажу тебе о ее чувствах. Она испытывает к тебе щенячью любовь, обожание и желание – такое, что меня даже захлестывает его волнами. Она просто сжигает меня своими чувствами так, что с ней рядом и находиться-то опасно. Первый раз такое встречаю! А вдруг она может еще и излучать свои чувства на других? Внушать им свои желания? Честно говоря, когда я ловлю волны ее желаний, мне самой хочется тебя изнасиловать – благо, что я драконица, а то бы так и сделала. Ой-ой, а в тихой девочке-то вулкан страстей скрывается, мой дорогой братик! И еще странно – если она и вправду умеет внушать людям свои чувства, как это называется? Уже не эмпат, как-то по-другому. Псионик она, вот кто. Она может поднимать бунты, внушая людям желание ломать и крушить.

Удивляюсь, что ты этого не чувствуешь.

– Я и вправду не особо чувствую, – развел руками Андрей, – такой вот, наверное, уродился. Толстошкурый.

– Но это и хорошо. Подумай, как ее способности можно использовать в боевых целях. И я включаю ее в разговор – она уже поглядывает на нас, чувствует, что мы с тобой общаемся. А то неудобно как-то. Хорошая она девочка. Если у вас получится... я буду только рада.

– Спасибо, сестренка, – улыбнулся Андрей и посмотрел на Марго, нахмурившуюся и уткнувшуюся взглядом в крышку стола. – Марго, девочка, не сердись на меня. Все будет хорошо. Не сердишься?

– Не сержусь. Я же тебя люблю. Как я могу на тебя долго сердиться?

– Опять! Давай не будем, – поморщился Андрей, – я уже тебе все сказал по этому поводу.

– Детка, не слушай его, – вмешалась Шанти, – потом мы с тобой вернемся к этому вопросу. Да куда он от нас денется? Бесчувственный пенек!

– Не обзывай его! – неожиданно резко сказала девушка. – Он хороший. Только вот не понимает...

– И я о том же... – добродушно ответила Шанти. – Я имею право его обзывать, а ты – нет. Он мой названный брат, и мы с ним такое творили, что другим на сто жизней хватит. Но вообще – мне нравится, что ты его защищаешь, хвалю. Так и надо. Свою любовь надо защищать – от всего мира. Я тоже его люблю, только по-своему. Не как женщина мужчину. Именно – как сестра брата. Он ведь безумный, он может броситься очертя голову в бой за друзей и близких, его надо сдерживать и оберегать. И хорошо, что появилась ты. Теперь мы точно не дадим его в обиду. Днем и ночью будем охранять. Особенно ночью, правда, детка?

– Правда. Днем и ночью, – серьезно подтвердила Марго и хитро покосилась на Андрея, задумчиво блуждающего взглядом в пустоте.

– Заговор, да? И-и-э-эх... как две бабы соберутся – обязательно какой-то заговор против мужчин! – улыбнулся Андрей. – Не время сейчас любовь крутить, забыли? Исчадия заполоняют мир, негодяи всех мастей – а вы затанули свои сахарные сопли – любо-о-оффф! Любо-о-о-оффф! Тьфу!

– Мужчины все-таки недолюди, это точно, – хмыкнула Шанти. – Ничего не понимают. Им только войну подай, драки, и больше ничего. Мы потом обсудим с тобой ситуацию, без него. Как он отправится на рынок за слугами, а мы и поговорим. Сейчас разговаривать на эту тему – только бесить его, я точно знаю. Этот мужлан упрямый как осел! Ничего, девочка, ничего, и не такие преграды преодолевали. Андрей, душа моя, езжай, езжай

на рынок, найми там уборщиков. А мы тут с Марго пока поболтаем.

– Я вам задам, болталыщицы! – погрозил кулаком Андрей, глядя на сидящую на столе Шанти и улыбающуюся девушку. – Даже и не думайте. Никаких заговоров. Шанти – я тебе печенки не куплю! Марго – я тебя заставлю весь дом тряпкой вымыть три раза подряд, чтобы больше и мыслей не было о ваших глупостях!

– Ну и не покупай. Я сама слетаю в лес и поохочусь. И Марго помогу убираться. Только понравится ли тебе, если драконица в тонну весом будет бегать по дому с тряпкой в руках? А что соседи скажут? Мучает бедного дракона, заставляет его убираться в доме. Тебе же будет стыдно, правда же?

Андрей хмыкнул, представив, как Шанти с тряпкой надраивает полы и моет окна. От нереальности картины его пробило на смех, и он начал смеяться так, что прослезился.

– Шантажистка демоническая! Ведь так все вывернет, так сделает, хоть стой, хоть падай! – сказал он, утирая слезы запястьем правой руки. – И все равно – отстаньте от меня! Кстати, кто-то там в ворота скребется. Похоже, жених твой, Марго, Зоран Великолепный. Он вчера изъявил желание на тебе жениться. Прямо с ходу, у дверей дома. Нет у тебя желания выйти за него замуж? Тем более что ты его уже попробовала – на крепость черепа.

– Это тот смазливый парнишка, которому я палкой по голове врезала? Это после того, как я врезала, у него появилось желание пожениться? Или до того как? – улыбнулась девушка.

– До того как. По-моему, он всегда хочет жениться, – ядовито заметила Шанти. – На две минуты. Или полторы. На дольше его вряд ли хватит.

– Ф-фу-у-у... Шанти, чему учишь девушку! Благовоспитанные барышни о таких вещах не говорят! – нахмурился Андрей, а Шанти заговорщицки подмигнула Марго:

– Я тебе потом расскажу... и кое-что о твоём настоящем женихе расскажу – чего он любит и как он любит. Я все, все знаю! Я подсмотрела!

– Шанти, гадина ты эдакая! Я тебе твой хвост повыдеру, если посмеешь чего-нибудь ляпнуть, бесстыдница! – взревел Андрей. – Сейчас же прекрати твою подрывную деятельность, а то я и правда рассержусь, и сильно!

– Да ладно, чего там... вот разбушевался, как ураган. Иди-ка открывай этому недомерку, а то сейчас калитку снесет! Потом поговорим, Марго!

– Убью, ящерица! – Андрей опять погрозил кулаком и, рассерженный, пошел к забору. – Кто там? – спросил на всякий случай.

– Это я, Зоран! – ответил ему звонкий голос, и в открытую калитку ввалился веселый, ухмыляющийся парнишка. – Соскучились без меня? Как

больная? Ей легче? Мама тут прислала вам пирожков с ягодой и молока, говорит – обещали зайти к ней, так не забудьте.

«Эта самка, мамаша олуха, хочет нашего Андрея, аж пищит, – прокомментировала Шанти. – Но он, видишь ли, строгих правил и не поддается».

«Я ей уши поотрываю. Или... еще что-нибудь», – задумчиво отозвалась Марго.

– Проходи. Сейчас с тобой поедem на базар, надо прикупить кое-что. – Андрей закрыл калитку на запор и прошел в дом следом за Зораном.

Из дома уже слышались крики:

– О красotka! О великая, самая красивая, самая лучшая девушка всех времен и народов! О прекрасная из прекрасных! Давай поженимся? Ну давай, давай поженимся! Нет? Какая печаль. – Зоран деловито уселся за стол и стал выкладывать пироги из небольшой корзинки. – Мама прислала. Она к нашему господину Андрею испытывает патологическое влечение. Может, вы женитесь на моей матери? Она так страдает! Может, вообще станет помягче со мной, как мужик у нее заведется. А то, после того как вы съехали, она еще зануднее стала. Одолела совсем – хоть из дому беги. Господин Андрей, возьмите меня в секретари, а? Я лучше буду на вас работать, чем в этом чертовом присутствии. Мне там так нудно, так скучно, а с вами весело. Опять же – девушки красивые вокруг!

– Я его жена, Марго Монах, – неожиданно заявила девушка, – так что поищи невесту в другом месте.

«Осторожнее! – передал мыслесвязью Андрей. – Он ничего не знает о Шанти и о многих делах. Лучше поостеречься – парень хороший, но излишне болтливый и любопытный. Не отвечай мне, чтобы он не понял, что мы можем разговаривать мысленно. Кстати, что он ко мне чувствует? Ну-ка, определи. Передавай мысленно, сосредоточься».

«Радость. Желание – меня хочет. Желание – развлечений, веселья. Приязнь к тебе. Любопытство – вот что все перекрывает. Всепоглощающее любопытство».

«Спасибо. Как ты быстро научилась пользоваться мыслесвязью – я вначале никак не мог научиться. Знаешь что, поехали-ка мы вместе. Выберем тебе одежду, а то еще я наберу непонятно чего, потом носить не станешь. Поехали».

Андрей встал, посмотрел на всю компанию и объявил:

– Едем на рынок. У нас две задачи: первая, и самая главная, – нанять людей, чтобы вычистили дом. Второе – одеть как следует Марго. Моей жене не пристало ходить в мужниных обносках. Правда, Зоран?

– Правда, – уныло хмыкнул парнишка. – Вот так всегда бывает: как найдется та, за которой пошел бы на край света, и она – бац! – уже замужем. Ну вот скажите – как так жить? Безобразие какое-то. Ладно, что хоть за вас замуж вышла, а не за какого-то хлыща-аристократа, а то совсем было бы отвратительно. А может, вы еще разругаетесь и разведетесь? Ты дай мне знать, Марго, я буду ждать. – Он весело подмигнул девушке, и вся компания, смеясь и подтрунивая над любвеобильным юношей, вышла на улицу.

Зоран быстро поймал пролетку, куда они поскорее и загрузились.

Девушка стеснялась своего вида, того, что ходит в мужской одежде на несколько размеров больше. Андрею еще пришлось дать ей свои запасные башмаки, которые постоянно сваливались с ног. Выглядело это довольно смешно – если только не ты ходишь в одежде на несколько размеров больше и в спадающих башмаках. Так что первое, что они сделали, – посетили лавку готовой одежды, где и подобрали девушке сразу десяток различных сарафанов, платьев, юбок и рубаш. Потом отправились в обувную лавку – и там тоже набрали кучу барахла.

Кстати сказать, Марго настояла, чтобы и Андрею подобрали всякой одежды по местной моде. По ее мнению, человеку, собирающемуся взойти на вершину власти, не подобало ходить в том, в чем ходят простые наемники и охранники караванов. Андрей вынужден был согласиться скрепя сердце. Как и большинство нормальных мужчин, он терпеть не мог чего-то примерять, выбирать и покупать.

Потом уже преображенная Марго, смущаясь, заявила, что ей нужно в магазин женского белья. И пусть Андрей ее сопровождает – деньги-то у него. А вот Зоран точно ей в этом магазине не нужен. Когда найдет себе жену, вот с ней и будет выбирать кружевные панталончики, а пока – брысь!

Зоран был очень недоволен. Он уже предвкушал рассматривание того, что покупает Марго, с дальнейшим вставлением этих предметов в свои эротические фантазии.

Андрей слегка конфузился, когда на глазах умиленной продавщицы девушка спрашивала своего «мужа» – идут ли ей эти панталончики, нравятся ли ему эти чулочки и подвязочки, и не жмет ли в груди этот лиф, и не слишком ли вызывающе торчит из него грудь. Продавщица все время подливала масла в огонь, постоянно причитая: «Ой, ну какая красивая пара! Такие красавцы, такие красавцы! Вот, возьмите эти панталончики – укороченные и с кружавчиками! Посмотрите, как они подходят вашей супруге, вы не выпустите ее из объятий всю ночь, увидев ее в таких панталончиках!»

Шанти радостно хихикала, сидя в кармане и слушая причитания продавщицы, а Марго, мило улыбаясь и благодаря, подбирала и подбирала красивое белье, не обращая внимания на раздражение Андрея.

Наконец эта попытка лифчиками и трусами закончилась, к огромному облегчению Андрея. Узнав сумму, которую надо заплатить, он удивился – эти кружевные трусы стоили больше, чем все остальное барахло, что они закупили ранее.

На его недоумение продавщица снисходительно заметила: «Это же партагонские кружева! Это надо понимать! Спросите у вашей дражайшей супруги, что такое партагонские кружева! Это стоит денег – каждая уважающая себя дама носит панталончики из партагонских кружев. В обычном полотне ходят только торговки рыбой!»

После такой информационной атаки, подкрепленной томными взглядами Марго и ее подтверждающими кивками, Андрею ничего не оставалось, кроме как выложить искомую сумму. Хорошо хоть девушка не стала надевать эти самые кружевные трусы прямо тут, в лавке – продавщица точно была бы очень удивлена, что мужняя жена бежит по базару без трусов. Впрочем – удивлена ли? Судя по виду этой дамы, она видала всякое...

– Купили? А покажите, чего купили, а? – заканючил Зоран. – Ну покажите, жалко, что ли?

– Обойдешься, – ухмыльнулась Марго. – Сходи к маме да пошарь в ее белье, если интересно.

– Не. В маминых неинтересно, – твердо заявил парень. – Куда теперь? Слуг нанимать? Я предложу вот что – есть тут одна лавочка, они занимаются ремонтом домов. Может, там посоветуют, где нанять уборщиков. Они же убираются после ремонта, вдруг и просто уборку делают, без ремонта?

В строительной компании не удивились запросу, и через полчаса бурной торговли они договорились, что после обеда к Андрею домой придут десять человек, с мылом, тряпками, ведрами. И стоять это будет по десять серебряников на человека. То есть пять золотых. За эти деньги они вымоют весь дом, почистят и заново наполнят водой емкость на крыше, скосят траву во дворе и очистят виадук от листьев. Расстались довольные друг другом, при этом Андрею пришлось оставить задаток – золотой.

– Теперь куда? Может, зайдём в трактир? – невинно предложил Зоран. – Вашей супруге уже давно пора пообедать, она натрудила ножки. Устала, бедненькая... Хотите, я ей ступни помассирую?

– Я те щас помассирую, извращенец! – пообещал Андрей. – Знаю,

знаю все про тебя – твоя мама доложила уже о твоей излишней, патологической тяге к противоположному полу. Уши оторву!

– А я че... я ниче... просто предложил, – невозмутимо пожал плечами парнишка. – Так куда идем?

– К парикмахеру. Женскому парикмахеру. Где тут такой есть?

– Через базар, у южного входа. Мастер Сильбан. Там такие красотки иногда стригутся – просто обалдеть. Я по юности с мальчишками иногда туда бегал – посмотреть на красоток.

– Вот и веди к этому самому Сильбану. Кстати, а чего вы туда бегали-то? На улице, что ли, нет других красоток, чтобы на них поглядеть? Почему именно там?

– Не понимаете! – кивнул парень и ухмыльнулся. – Этот мастер ведь не только на голове прически делает. А если забраться на тую позадю дома и глянуть сверху, через щелку в занавесках... очень приятное зрелище можно увидеть, очень!

– Вот ты извращенец! – фыркнула Марго. – А если нет щелки в занавесках?

– Хе-хе... есть. Если дать уборщице два медяка, щелка будет.

– Вот сволочи, а? – восхитился Андрей. – А чего ты сдал нам эту кормушку – а если мы сейчас этому Сильбану и расскажем, чем занимаются мелкие извращенцы?

– А нет уже кормушки. Уборщицу уволили – один придурок так увлекся, когда теребил у себя... хм... в общем, влетел прямо в окно, вместе с рамой. Представляете – там любовница советника бургомистра с задранной юбкой, над ней трудится мастер с инструментами в руках, а в окно влетает Дутас Рыжий, со снятыми штанами и в полной боевой готовности. Баба так визжала, что у двух всадников, проезжавших мимо парикмахерской, понесли лошади и они посбивали половину базара. После этого издали приказ верхом на лошади не въезжать, а только лишь вести коней в поводу.

– Вот ты враль, – усмехнулась Марго. – Неужто правда?

– Чистая правда! Вот тебе крест! Гореть мне в геенне огненной на веки вечные, если это неправда! Мастер от неожиданности бритвой распахал ей лобок так, что остался шрам, и якобы из-за этого бургомистр ее бросил. Эта дуреха подала на Сильбана в суд, требуя компенсации за то, что лишилась кормушки, мол, богатый любовник сказал, что она похожа на раненого алебардщика, а он с алебардщиками не спит. Суд ей отказал, несмотря на то что она демонстрировала там свой раненый лобок. Над ней весь город смеялся, кроме бургомистра и его жены. Первый обещал закрыть дуру в

тюрьме за клевету, так как он добропорядочный муж и не имеет никаких любовниц, вторая обещала плеснуть ей кипятком в лицо и в то место, что прельщало ее мужа. Над этой любовницей весь город смеялся. Да только зря – после того как она продемонстрировала свой лобок городскому судье, он хоть и отказал ей в иске, но зато пригласил к себе в одно из загородных имений, и теперь она живет припеваючи, как у Бога за пазухой. Все об этом знают – кроме жены судьи. Впрочем, может, и она знает, но молчит. Ее устраивает, что судья помалкивает и закрывает глаза на то, что она кувыркается с молодым гренадером из Западного полка...

– Стой! Я уже не могу! У меня голова кругом! – рявкнул Андрей. – Вот это ты сказочник! В этом городе вообще что-то можно скрыть? Это что за дела такие? Все всё знают!

– Это столица, господин Андрей, – ухмыльнулся Зоран, – тут все на виду, слухи разносятся так, что если в одном конце города испортили воздух, то в другом через полчаса уже рассказывают, что такой-то обделался, кидался дерьмом, его забрали в тюрьму, и по дороге он плюнул на ногу императору и провозгласил себя самого императором всего сущего.

– Кошмар! Где твой мастер? Сам занавески проверю, после твоего рассказа мне теперь вечно будут мерещиться рыжие пацаны по всем углам!

– Да мы уже и пришли. Вот это белое здание. Видите, написано – мастер Сильбан. А для неграмотных – ножницы и гребень. У мужских мастеров – ножницы и бритва. Так что это точно женский мастер. Кстати, не удивляйтесь, он немного странный, – хихикнул Зоран и спросил: – Может, я пока что посижу в чайной? Чувствую, вы надолго застрянете. А я уже есть хочу, аж пищит все.

Андрей выделил «командировочные» своему «секретарю» (кстати задумался: «А ведь и правда удобно – все знает о столице, настоящий городской пацан, советы дельные дает, так-то неплохо иметь эдакого секретаря...»), и они с Марго вошли в парикмахерскую.

Когда Андрей увидел этого цирюльника, он закашлялся, поперхнувшись, и отвернулся, чтобы Сильбан не увидел его смеющегося лица. Это был вылитый эстрадный певец Боря М.! Стареющий, ухоженный, благообразный, но... В общем, теперь было понятно, почему дамы не стеснялись делать тут интимные прически и почему их мужчины позволяли этому мастеру заниматься такими делами с их женщинами. По его виду сразу было ясно, что он хочет, и главное – кого он хочет.

Так-то Андрей не был гомофобом, ему на геев было наплевать с высокой колокольни – ну занимаются своими грязными делишками, и пусть себе, они же его не трогают и детишек не насилуют, а что там между

собой, в запертых комнатах вытворяют, пусть это будет на их совести. Господь все равно всех рассортирует и расставит по своим местам.

– Приветствую вас, господин! И вас, госпожа! – поклонился парикмахер. – Чего желаете?

Андрей объяснил, чего он желает от мастера, спросил, сколько это будет стоить, и оставил деньги на столике, быстренько ретировавшись, спасаясь от томных взглядов Сильбана, бросаемых на него исподтишка. Ему не понравилось быть предметом вожделения стареющего педераста. Пусть Дутас Рыжий его удовлетворяет!

– Что так быстро сбежали? – радостно захихикал Зоран. – Неужто не нравятся такие мужчины? Так, ошибку понял, только не бейте! Ой! Ну у вас и палец! После вашего щелбана теперь шишка будет! Нет, ну зверство какое – то его жена меня поленом бьет, то он мне мозги выбивает. Бедный я, несчастный... давайте закажем пирог с соловьями, а? Дорогой, зараза, но, говорят, вкусный! – неожиданно прекратил ныть Зоран и облизнул губы в предвкушении угощения.

– Нет. Соловьев мы есть не будем. Я предпочитаю их слушать. Хватит и оленины. – Андрей подозвал подавальщицу и, сделав заказ, спросил Зорана: – Кстати, ты так и не досказал: а что стало с Дутасом Рыжим после того, как он приземлился на любовницу бургомистра?

– О-о-о! Это эпическая история! Рыжего высекли, хотели в тюрьму закрыть за членовредительство – он своим членом ведь так навредил, так навредил! – радостно заржал Зоран. – Но неожиданно вмешалась эта баба. Она нашла Дутаса в тюрьге, выкупила его и приняла к себе в пажи. Теперь он такой важный, носит за ней шляпки, подает руку при выходе из кареты и все такое прочее. Денег зарабатывает неплохо. Одевается хорошо.

– А чего это она вдруг к нему вспылала? – удивился Андрей, принимая миску с пирогами и с удовольствием откусывая здоровенный кусок.

– Ну как – благодаря ему она хорошо пристроилась к судье, посасывает из него деньжонки. Но сдается мне, что главным фактором в ее решении было то, что упал он в окно со снятыми до пят штанами и все его мужское достоинство было на виду. А баба-то сразу это дело просекла, запомнила! Поговаривают, что судья, человек уже в преклонном возрасте, не в состоянии как следует обиходить любовницу... так, может, Дутас-то и сгодился. Не искать же ей мужчину на улице? Но это только лишь мои умозаключения! – ухмыльнулся Зоран. – Может, он просто хорошо читает псалмы на ночь глядя! Вот и понравился даме своей праведностью.

Андрей рассмеялся, и они плотнее приступили к обеду, ожидая свою

даму.

Она и вправду задержалась часа на два, отчего Андрей уже стал скучать и засобиравшись идти ее разыскивать. Но не успел он встать со стула, как дверь парикмахерской распахнулась, и, сопровождаемая кланяющимся Сильбаном, из цирюльни вышла блондинка с прической каре – Андрей объяснил, как надо постричь его «жену», и парикмахер выполнил все его указания.

Получилось замечательно: светлая, почти платиновая блондинка с голубыми глазами, одетая элегантно и дорого, – она сразу бросалась в глаза. Но вряд ли теперь ее смог бы узнать кто-то из знакомых – по крайней мере издалека. Были длинные волосы – стали короткие, была брюнетка – стала блондинка. Вот только цвет глаз остался прежним.

Да, существовал риск, что кто-то может ее узнать – кто-то из старых знакомых, и тот же Карлос. Но что поделаешь? Впрочем, на Карлоса у Андрея были свои планы. Для него Карлоса в обозримом будущем не было. Он просто не должен был существовать.

– Здесь пропустили! Эй, старший, давай-ка не отлынивай! – покрикивал Зоран, следя за происходящим в доме. – Деньги берете, и немалые, – давайте-ка как следует работайте!

Рабочие суетились, переругивались, драили, мыли – вовсю шла работа. Дом преображался: из запыленного, запущенного строения он превращался в чистый и светлый особняк, в котором не стыдно жить самым придирчивым к чистоте жильцам.

К вечеру все было закончено – Андрей рассчитался с бригадиром рабочих, и те покинули дом, громко рассуждая о том, куда сейчас пойдут и чем займутся.

– Ну вот, теперь совсем другое дело, – довольно улыбнулась Марго, усаживаясь за стол и разливая по чашкам чай. – Когда, говоришь, придет эта женщина, Зоран?

– Завтра с утра. Она будет приходить рано утром и уходить ближе к вечеру. Я думаю, тут ей жить ни к чему, правда? И еще – может, нанять и прислугу для уборки? Ну пусть стирает, пыль вытирает и так далее. У вас хватит денег на это?

– Что-то мы совсем уж как аристократы зажили, – усмехнулся Андрей. – Прислуга, кухарка – эдак и до собственного экипажа с кучером и лакеями в ливреях доберемся!

– Ну а чего такого-то? – удивился парень. – Если у вас есть деньги и вы можете себе позволить их тратить – почему не обеспечить себе

приятную жизнь? Вы посмотрите с другой стороны – этим вы даете возможность жить еще нескольким людям. А то, что вы люди хорошие, не подлецы, зажимающие жалованье и истязаящие своих слуг, так это же замечательно. Вам будут только благодарны. Найти приличную работу с хорошими хозяевами не так просто. Пошла такая волна обмана, такая волна негодяйства – все просто стонут. Вы думаете, я просто так устроился работать в имперскую структуру? Там платят меньше, чем если бы я работал у какого-то частника, но! Я знаю, что мне заплатят всегда. Хотя и маленькую зарплату, но заплатят в срок. А частник... Устраивался я к одному аптекарю. Проработал полтора месяца, потом он заявил, что я ему не подхожу, отдал пару серебряников – мол, я большего не заработал, и выгнал. На следующий день у него работал уже другой парень, такой же придурок, как и я, которого так же, как и меня, вытурят без жалованья. И так по всему городу – впору отрезать бошки всем, кто так делает. Может, тогда задумались бы, как народ обманывать.

– А почему ты не захотел, Андрей, чтобы я пригласила свою кухарку, которая у нас работала? – недоумевающе пожала плечами Марго. – Она очень хорошая женщина и готовила хорошо. Она меня подкармливала, когда мне совсем уж было плохо.

– Нельзя. Мы что, зря тебе сменили имя и перекрасили в блондинку? Кстати, брюнеткой ты мне нравилась больше. Сама представь – она шепнет по секрету мужу, тот шепнет еще кому-то, этот – еще кому-то, и понеслось. Как Зоран рассказывал – стоит пустить слух, будет знать весь город. А у нас очень, очень могущественные враги. Зачем давать им зацепку?

– Когда все закончится, я снова стану брюнеткой, – задумчиво сказала Марго. – А вот прическа мне нравится. И с волосами меньше хлопот. А то вечно заплетаешь и расплетаешь эту косу, кошмар какой-то. И мыть короткие волосы легче.

«Ты станешь брюнеткой в тот же момент, когда обратишься в Зверицу и обратно в человека, учти это! – передал Андрей по мыслесвязи. – Так что осторожнее, иначе все наши усилия прахом!»

«А, я поняла», – ответила Марго.

– Андрей, ну так что, возьмете меня секретарем? Я вам очень пригожусь, очень, не сомневайтесь! А платить будете столько, сколько сочтете нужным. Я в присутствии получаю золотой в неделю. Это же для вас не слишком обременительно?

– Так-то не слишком... – задумался Андрей и решил: – Ладно. Завтра приступай. Будешь приходить с утра. Твои обязанности – делать все, что скажу: управлять домом, консультировать. Будешь составлять отчеты по

потраченным средствам, учти. Кстати, научишь Марго, как управлять. И найми прислугу по дому.

– Будет сделано! – обрадовался парень. – Вы не пожалеете, обещаю! Наконец-то я избавлюсь от этого демонова магистрата! Так он мне надоед... мать вот только будет ныть. Она старалась, пристраивала. Да ладно, переживу. Так, я ушел нанимать прислугу, не скучайте тут без меня!

– Уж как-нибудь найдем чем заняться, – рассмеялась Марго.

– М-да. Наверное, найдете. – Зоран подмигнул девушке, окинув ее похотливым взглядом, и выбежал в дверь, на ходу что-то напевая под нос.

– Ну что, жена моя, проверим, чему тебя научил отец? – улыбнувшись, предложил Андрей. – Бери одну из сабель, и пойдем во двор. Кстати, я тоже давно не тренировался. Мне это будет полезно – особенно перед турниром. Только переоденься, не в сарафане же скакать. Я тебя жду.

Марго кивнула. Ее не было минут пятнадцать, потом она появилась в мужских штанах, башмаках и в свободной мужской рубаше. Выглядела девушка очень соблазнительно, и Андрей невольно присвистнул:

– Ты в любом наряде прекрасна! Из тебя получился бы этакий миленький паж – просто мечта дам за сорок! Вот что – волосы перевяжи шнурком, чтобы не болтались и не лезли в глаза, я всегда так делаю. Да и если вспотеешь, пот глаза не будет заливать. Ага, вот так. Ух, красotka! Пойдем.

Они вышли во двор, встали друг против друга и достали свои сабли из ножен. Это были тренировочные сабли, с тупым лезвием и закругленным острием, но вес, баланс у них были такие же, как и у настоящих. Почти такие же. Само собой, боевые сабли, особенно такие дорогие, высшей марки, как у мастера Надила, гораздо лучше сбалансированы и при большей легкости намного опаснее, чем эти железяки. Однако при должном умении и эти железки могли нанести ощутимые, серьезные раны и даже убить. Поэтому Андрей сразу предупредил свою партнершу, чтобы она не лезла на рожон и обдумывала каждый шаг.

Честно сказать – Андрей не был великим мастером фехтования. Он был крепким середнячком, но недотягивал до уровня того же Федора Гнатьева – Федор был настоящим мастером. Андрей выигрывал поединки за счет своей феноменальной скорости, доставшейся ему от сущности оборотня, но до мастеров ему было ой как далеко. И это немудрено – люди типа Федора всю жизнь, с детства занимались фехтованием, оттачивали мастерство в армии. А что оттачивал в армии Андрей? Умение убивать любым доступным способом – из снайперской винтовки, из пистолета и автомата, ножом и голыми руками. Многие из того, чему он научился во

время своей службы в армии, здесь ему точно не пригодится – например, умение водить танки и бронетранспортеры или умение стрелять из автомата подводного пловца, прямо из воды, в стоящего на берегу человека. Фехтование на саблях и мечах не должно было входить в комплекс умений, необходимых диверсанту, – по крайней мере, так считало руководство «учебного заведения», готовившего подобных Андрею профессионалов военного дела.

– Ой, какая она легкая! – удивилась Марго, проверяя саблю на баланс и несколько раз с силой махнув ей в воздухе. – Мне казалось, я ее едва подниму! Папа специально брал мне тонкую, облегченную саблю – я бы такой, как эта, не смогла фехтовать.

– Не забывай – твоя сила увеличилась, так что ты сильнее многих самых сильных мужчин. Итак, приступим! Ага, фехтовать ты умеешь... молодец! Ух! Да ты не хуже меня фехтуешь... А вот так? Так? Ага!

Удары сыпались один за другим – Марго их ловко отбивала, видно было, что отец ее действительно кое-чему научил. Андрей некоторое время не мог до нее достать, потом выбрал правильную тактику – начал наносить тяжелые, прямые удары, всем весом и силой так, что они должны были отсушивать руку девушки. Марго морщилась, и после одного очень сильного удара сабля вылетела из ее руки и, вращаясь в воздухе, ударилась в заднюю дверь дома, едва не воткнувшись в ойкнувшего Зорана.

– Эй, вы меня решили лишить жизни, чтобы не платить жалованье?! – возмутился он. – Осторожнее с моим здоровым и красивым телом! Я вам привел прислугу. Господа! Это ваша служанка, Таина. Таина, это хозяин, господин Андрей, а это хозяйка – госпожа Марго. Таина будет прибираться в доме и делать то, что вы скажете. Жалованье – половина серебреника в неделю, как и у кухарки. Плюс питание. И вот еще что, господин Андрей, ей жить негде – муж погиб, а свекровь выгоняет из дому. Она согласна жить в вашем доме – у вас же есть свободные комнаты. Можно она займет одну из них? И вам удобнее – Таина будет целыми днями и ночами при деле, если что понадобится, и ей хорошо – не надо жилье искать. Ну так что?

Андрей воткнул саблю в землю, поросшую мелкой травой-подорожником, и подошел к Зорану, рядом с которым стояла женщина. Ей было около тридцати лет, вполне миленькая, пухленькая, но с хорошей фигурой и опрятно одетая. Она выглядела вполне прилично, так что Андрей чисто для проформы спросил:

– А где ты раньше работала? Кто-то может тебя рекомендовать?

– Извините, рекомендаций нет, – виновато потупилась та. – Так-то я на весь дом всегда и стирала, и готовила, и прибиралась. Муж в пограничной

страже работал, его подолгу не было, а у свекрови семья большая – приходилось на них работать. Притом бесплатно. Больше не хочу. Как муж погиб – больше меня в этой семейке ничего не держит. Я сирота, идти мне некуда. Родители умерли – мор в деревне был. Вот и осталась одна.

– Дети?

– Детей Бог не дал. Хотели, но не получилось. Значит, судьба такая.

– А откуда ты знаешь Зорана, как он тебя нашел?

– А разве важно? – заторопился парень. – Ну нашел и нашел! Хорошая женщина, я за нее отвечаю!

– Да-а-а? Тем более интересно, – усмехнулся Андрей. – Я же должен знать, откуда ты привел женщину в наш дом. Все-таки когда поселяешь в своем доме незнакомого человека, закономерно узнать, что тот собой представляет, верно? Ну так откуда ты знаешь Зорана?

– Мы встречались несколько раз, – призналась женщина. – Как муж умер, мне было тоскливо, я шла как-то по улице, и он со мной поговорил... ну мы и... Вы не сомневайтесь, я буду на совесть работать. Зоранчик мне сказал, что вы очень хорошие, добрые, вы не разочаруетесь во мне!

– Зоранчик? – улыбнулся Андрей. – Ну-ну, пусть будет Зоранчик. Оставайся. Займешь угловую комнату. Зоран, покажешь. Только сам пристроился, уже любовницу пристраиваешь? Да ладно, ладно. Только чтобы работала как следует. Таина, сразу хочу предупредить: поработаешь месяц, если не понравишься – мы расстанемся. Будет все хорошо – я не обижаю подчиненных. Хочу еще предупредить: все, что ты случайно или намеренно услышишь или увидишь в этом доме, должно в этом доме и остаться. В этой семье. Узнаю, что ты где-то распускаешь язык, – вылетишь с треском через минуту после того, как я узнаю. Ты поняла?

– Конечно, конечно, – заторопилась Таина, – не думайте, я не болтливая, никому ничего, клянусь!

– Иди устраивайся. Кстати, Зоранчик, кухарка, что завтра придет, тоже твоя любовница?

– Нет, вы прямо меня считаете каким-то сексуальным маньяком! – возмутился Зоран, а потом расплылся в улыбке. – Нет, она толстая! Я считаю, что кухарки должны быть толстыми: если они не толстые, а худые и злые – как они накормят людей? Они свою жратву-то есть не могут! Еще потравят, не дай бог. Кухарка обязательно должна быть мягкой, теплой, как пирог с олениной... кстати, есть чего-то захотелось. Не присоединитесь? Таина сейчас что-нибудь приготовит, пока кухарки нет. Потом? Ну ладно. Пошли, Таиночка, я тебе комнатку покажу...

Зоран исчез, уводя с собой подругу, Андрей же, усмехнувшись, сказал:

– Тебе не кажется, что мы слишком бурно начали обрастать слугами? Эдак скоро денег хватать не будет, чтобы их содержать. Шанти, сестренка, ты чего там затихла? Чего молчишь? Чего-то я соскучился по твоим выкрикам. Ты не заболела, случаем?

– Отдыхаю. А чего мне говорить? Смотреть, как вы скачете, – никакого интереса нет. Лучше я на солнышке полежу. – Шанти растянулась на травке у стены дома и блаженно закрыла глаза.

Андрей пожал плечами и пошел к своей сабле, торчащей посреди двора. Ему почему-то вспомнился Федор – он скучал без него. Видимо, сабли напомнили о Гнатеве. Андрей вздохнул. Как они там? Путешествие далекое. Как они будут добираться? У него ни с того ни с сего заныло сердце: не случилось ли чего с Федором, Аленой и Настенкой? В эти бурные дни он вспоминал о них, но не очень часто – не до того было. Всегда был уверен: Федор справится с любыми неприятностями. Тем более что он должен пристроиться к большому каравану – проблем не должно быть. Но чем больше уговаривал себя Андрей, тем больше в его душе нарастало предчувствие неприятностей. Наконец он не выдержал, опустил саблю, с которой готовился продолжить тренировку, и, снова воткнув ее в землю, пожаловался:

– Шанти, у меня плохие предчувствия. Можешь смеяться, но я откуда-то знаю, что у Федора с Аленой неприятности. Непокойно у меня на душе. Он как будто зовет меня. Вот сейчас, пятнадцать минут назад, как будто стукнуло по голове – беда! У меня всегда была хорошо развита интуиция, и я ей доверял. Тем и спасал свою жизнь.

– Ты предлагаешь мне проверить, что там у них делается? – догадалась драконица. – Ну а что... запросто. Почему и нет. Только я на таком расстоянии не смогу поддерживать с тобой связь. Тебе придется обходиться без меня. Сможешь продержаться? Не влезешь в какую-нибудь неприятность?

– Смогу, – фыркнул Андрей. – Уж как-нибудь продержусь. Знаешь, если что, хватай их и тащи по воздуху. Сумеешь унести?

– Только если в лапах. Понравится ли им часами висеть в воздухе?

– Лучше плохо лететь, чем хорошо идти и ехать, – это я такую формулу вывел. Придумаешь чего-нибудь, ты же умненькая девочка. Слетай, родная, проверь, а? Ну не на месте у меня сердце, и все тут. Тащи их сюда. Демон с лошадьми, с фургоном – купим других. Главное, чтобы Федя с семьей были живы и здоровы. Тащи их сюда.

– Как скажешь, как скажешь. – Шанти потянулась, села, и тут же на месте хорька оказался огромный, черный как ночь ворон. Он хитро

посмотрел блестящим глазом на Андрея, на Марго, раскрыв рот наблюдавшую за трансформацией драконицы, и, хрипло крикнув:

– Ждите! – сорвался в воздух, через несколько секунд превратившись в черную точку.

Андрей облегченно вздохнул – теперь все будет в порядке. Шанти порвет всех, кто попытается обидеть его друга. Этот разумный «летающий танк» был самым эффективным оружием в мире.

– Ну что, приступим? Или устала? Знаешь что, давай-ка я сейчас покажу тебе пару приемов рукопашного боя, мы с тобой слегка потренируемся, а потом пойдем ужинать – солнце уже садится, продолжим завтра. Мы должны заниматься каждый день – из тебя нужно сделать что-то более боеспособное, чем сейчас, да и мне необходимо поддержать форму перед турниром.

Они позанимались еще около часа. Марго была действительно очень сильна и быстро, на лету схватывала азы рукопашного боя. До какого-либо настоящего умения ей было еще тысячи тренировок по несколько часов, но, если она нахватается хотя бы верхов, обычный человек не сможет ее победить, даже если он будет супертренированным бойцом. Она задавит только лишь за счет скорости. Ну а если обернется Зверицей – тогда шансов у противника точно ни малейших.

Ужин был уже готов, в доме пахло щами и жареным мясом, печь в кухне гудела, подогревая кастрюлю и чайник, – уютно и хорошо. Они уселись за стол – Зоран тоже пожелал принять участие в трапезе – и принялись ужинать, обсуждая планы на завтра. С утра Андрей собирался навестить Акодима, а днем плотно заняться подготовкой к турниру – сегодняшняя тренировка с Марго показала ему, что он если и не безнадежно, то все-таки подзабыл навыки фехтования. Его расслабляло то, что он не мог себе найти подходящего противника. Бой с обычным человеком был для него скучен и банален – да и как могло быть по-другому, когда в скорости ты превосходишь противника раз в десять? Или больше... Когда тот, кто стоит перед тобой с саблей в руках, представляется тебе застывшим, неспешным, как в замедленной киносъемке? И ме-е-едле-е-енно-о-о, ме-е-едле-е-енно-о-о поднимает руку... заносит саблю... опускает руку... Можно за это время сесть, зевнуть, почесаться, высморкаться, посмотреть на облака... опять посидеть... а он все завершает и завершает движение. Да, за такую скорость приходилось платить высоким расходом энергии и как следствие – повышенным обменом веществ, усиленным питанием. Но это стоило того, считал Андрей.

Зоран попросился переночевать в доме, и Андрей разрешил, глядя на

довольные физиономии Таины и своего секретаря, – пусть радуются жизни, пока можно.

Все отправились спать, когда луна уже высоко поднялась в небе – было, вероятно, около десяти вечера.

Приняв душ, Андрей направился в спальню и тут вспомнил, что он теперь спит не один. Ему пришлось пойти на то, чтобы спать в одной постели с Марго, – глупо называть себя мужем и женой и спать в разных комнатах. По меньшей мере это вызовет кривотолки и слухи, тем более что теперь в доме у них чужие люди, прислуга. Так что, вздохнув, он улегся в кровать, застеленную свежим бельем. Спал он голышом – никаких трусов для мужчин тут предусмотрено не было, а спать в ночной рубашке, как это делали мужчины-аристократы, он не желал. Ему сразу вспоминались картинки из каких-то классических романов – рубашка, колпак на голове, бакенбарды... брр!

Марго пришла чуть позже – Андрей закрыл глаза и притворился спящим. Она аккуратно прикрыла дверь, присела на кровать и влезла под одеяло, стараясь не разбудить Андрея. Минут пять Марго лежала неподвижно, потом тихо-тихо протянула руку и осторожно погладила Андрея по бедру, животу... Он ничем не выдал, что чувствует ее прикосновения, хотя и знал, что та знает, что он не спит и хочет ее всем своим существом.

Наконец девушка убрала руку, глубоко, шумно вздохнула и, повернувшись к Андрею спиной, затихла. Так они лежали с полчаса, думая каждый о своем, и затем сон принял их в свои объятия, готовя к завтрашнему дню.

Глава 2

Простор. Звезды. Луна. Когда Шанти оказывалась в небе, ее неизменно охватывал щенячий восторг – свобода кипела в крови, бурлила, требовала выхода!

Она заметила стайку косуль, осторожно передвигающихся по ночному лесу, – ее зрение позволяло видеть в темноте не хуже, чем сова или... оборотень. Драконица сложила крылья, как это делает сокол во время атаки, и начала пикировать, с каждой секундой все быстрее и быстрее. Косули заметили летящую смерть, но было уже поздно – острейшие когти пробили шкуру животного, поймав косулю в тот миг, когда она перескакивала куст дикой малины, прорвали мясо до самой кости, и косуля закричала в бессильном желании жить, спастись, умчаться... и сознание ее померкло.

Шанти торжествующе заревела, упиваясь запахом крови, свежего, теплого мяса, упиваясь свободой и радостью зверя, настигнувшего свою добычу. В такие секунды в ней просыпался зверь, тот, что сотни миллионов лет плавал в морях, бегал по поверхности планеты, владея ею без остатка. От всех тысяч видов динозавров, которые миллиардами особей бегали и летали на этой планете, остались лишь драконы – их потомки, разумные, летающие и невероятно приспособленные к выживанию.

Природа дала им все: самое совершенное оружие, какое можно придумать, – острейшие когти, огромные острые зубы, сравнимые с акульими и, самое главное, – железы, вырабатывающие секрет для изрыгания огненной струи, прожигающей все, что только можно себе представить. Покрывавшую драконов броню не брало ни одно оружие, данное природой другим существам. Не было существа на планете, которое могло бы противостоять этим летающим танкам. И драконы желали, чтобы это положение сохранялось как можно дольше, а лучше – вечно.

Шанти с наслаждением глотала теплое мясо, его она могла съесть очень много – косуля спокойно вмещалась в брюхо драконицы, – что для нее какие-то пятьдесят – семьдесят килограммов мяса? Ерунда. При собственном весе в тонну с лишним...

С тех пор как Андрей нашел Шанти в темной пещере, ее реальный вес вырос как минимум в половину: отличное питание, летные тренировки, восстановление здоровья – все это благотворно повлияло на состояние драконицы. Она была в расцвете сил и росла не по дням, а по часам.

Конечно, до размера матери, Гары, ей было еще очень, очень далеко – та весила много тонн и своими размерами напоминала стратегический бомбардировщик, но все равно теперь в молодой драконице было не узнать прежнюю, исковерканную жизнью и злыми людьми нервную и злую Шанти. Теперь это была королева воздуха, летающая смерть... и добрая подруга, которая искренне переживала за своих друзей.

Когда Андрей попросил ее отправиться на поиски Федора, она охотно и беспрекословно согласилась. Во-первых, Андрей не был ей безразличен: она на самом деле считала его кем-то вроде своего брата, ущербного – не летающего и немного с придурью, как и все люди, – но все-таки брата. Так как же она могла отказать ему в просьбе? Кроме того, Федор и его семья были не безразличны драконице. Она всегда чувствовала своим эмпатическим восприятием, что Федор, Алена и особенно Настенка искренне ее любят. Ни за что – просто любят, и все тут. За что вот любят друзей или мужчина и женщина любят друг друга – если оставить в стороне секс и всякое такое прочее, – за что? Да кто знает за что. Бывает, что друг и не совсем по жизни хорош, и совершает дурацкие и безумные поступки, и все равно – его любишь, о нем заботишься. Как так может быть? Наверное, только Бог знает. Андрей ведь тоже ее любил, даже когда она пакостила или злобничала-вредничала, когда весь мир, кроме матери, от нее отвернулся.

Видимо, Шанти, общаясь с людьми, сама немного очеловечилась. Дошло до того, что иногда, пока никто не видит, она принимала человеческое обличье и пыталась ходить, как люди. У драконов это считалось настолько гадким, настолько мерзким и постыдным делом, как если бы кто-то принял образ глиста. Или полуразложившегося дерьма.

Драконы были о людях очень, очень плохого мнения. Те, с точки зрения драконов, были существами низкими, отвратительными и... опасными. Недаром где-то рядом с людьми всегда находились наблюдатели-драконы, которые смотрели за тем, как развивается человеческое общество и, самое главное, не вмешивается ли кто-то из драконов в жизнь людей, что было строжайше запрещено. Никто из драконов не имел права вмешиваться в жизнь людей, кроме старейшин-наблюдателей, следивших за соблюдением древнего договора. Гара нарушила этот договор, разрешив Андрею вылечить ее дочь и отправив жить рядом с ним. Шанти же просто не оставалось ничего иного: или жизнь в пещере – вечно – бескрылой, убогой уродкой, влачащей жалкое существование, или нарушить договор. Само собой, Гара и Шанти выбрали второе. И драконы и люди всегда выберут то, что им выгоднее, и плевать на

законы. Если только наказание не неминуемо... Узнают драконы о преступлении или нет, это еще вопрос. Они не могут следить за всем миром? На то и был расчет.

Шанти отправилась на поиск Федора и его семьи в ночь – лететь было несколько часов, а начинать поиски следовало на расстоянии несколько сотен километров от столицы. Обдумывая план того, как следовало искать фургон, она решила задачу так: с момента, как Андрей и она покинули Федора, прошло несколько дней. Зная, сколько фургон проходит в день, она может с достаточной долей достоверности вычислить расстояние, которое тот прошел за эти дни. Если только с ним все было нормально, само собой. Как выглядел фургон, она знала, тем более что Федор покрасил его в веселенький голубой цвет, резко отличающийся от стандартных темно-зеленых и серых фургонов купцов. Как он сказал, его раздражают эти серые коробки «как у всех», да и Настенке этот цвет очень нравится.

Рассчитав, где должен находиться фургон, она подлетела на нужное расстояние, взяв запас в несколько десятков километров, и спокойно принялась охотиться. Так и время можно убить, и поесть после дальнего перелета совсем не лишне, да и просто приятно поразмяться, не так уж и часто она вылетала в свободную охоту, да еще и на такое длительное время.

Насытившись, Шанти забралась в дебри терновника, раздвигая его своим бронированным телом как какую-нибудь осоку или луговую траву, и залегла там, наслаждаясь покоем и сытостью. Острейшие, твердые, как стальные, шипы терновника не могли причинить ей ни малейшего вреда, тогда как никто не мог подобраться к ней незамеченным, никто крупнее мыши или зайца. Впрочем, она опасалась лишь одного зверя – человека. Люди, вооруженные тяжелыми копьями и стрелометами, все-таки смогли бы нанести драконице ущерб. Больше никто. Не считая драконов...

Солнцу пришлось порядочно потрудиться, чтобы разбудить разоспавшуюся драконицу. После длинного перелета и сытного ужина ее охватил такой сон, что она готова была спать несколько суток, что для драконов вполне нормально и естественно. Может, потому они и жили десятки тысяч лет, что умели как следует поесть и отдохнуть, в отличие от людей, вечно бегущих куда-то зачем-то. По крайней мере, Шанти подозревала, что это так и есть.

Драконица потянулась, расправила ноги, пошевелила крыльями и огласила окрестности таким сладким зевком, что все живое кинулось наутек, – это напоминало рык льва. Впрочем, этой самой живности вокруг и так было мало. Запах драконицы, чем-то напоминающий запах ящерицы или крокодила, неошутимый носом человека, чувствовали все звери. И хотя

они никогда не видели живого или мертвого дракона, их инстинкты говорили: беги! Спасайся! Враг! Страшный враг! И они бежали. В них издревле, на инстинктивном уровне таилась память об этих страшных существах, спасение от которых было только в одном – бежать, и как можно быстрее.

Выломившись из зарослей, Шанти расправила крылья, помахала ими, разгоняя в жилах кровь, – правое крыло слегка затекло, отлежала. Потом мощно взмахнула и, подпрыгнув, взмыла в воздух, вызвав смерч и подняв воздушной струей лесной мусор и неосторожную мышь, с пискom приземлившуюся в здоровенный муравейник на южном склоне оврага.

Подниматься пришлось высоко в небо, чтобы, во-первых, увидеть тракт на как можно более далекое расстояние, а во-вторых, чтобы драконицу не могли разглядеть даже самые зоркие человеческие глаза.

С высоты четырех километров тракт был виден очень хорошо – он прорезал лес так, как будто кто-то ударил огромным ножом, оставив незаживающую зарубку на теле планеты. По дороге тянулись одиночные фургоны, телеги, виден был и караван, но фургона Федора не было. Это не расстроило Шанти – возможно, тот еще и не успел доехать в эти места. После осмотра тракта драконица прекратила свой парящий полет и, равномерно взмахивая могучими крыльями, устремилась к границе со Славией, откуда она и ее друзья когда-то прибыли в эту страну.

Она неслась, вспарывая воздух, как самолет, внимательно следя при этом за тем, что происходило внизу. Зрение дракона позволяло рассмотреть мельчайшие подробности – она могла фокусировать зрение на определенных объектах и приближать изображение так, как будто смотрела в бинокль. Увы, знакомого фургона все не было.

Через несколько часов Шанти уже подлетела к границе со Славией. Вот знакомый мост, вот село Лебяжино, где они с Андреем искоренили целую стаю оборотней, терроризировавших окрестности под предводительством церковного старосты. Вот здание трактира, постоялого двора, где Андрей покупал продукты... Нет, фургона не было.

Шанти легла на левое крыло и сделала широкий разворот, ложась на обратный курс. Теперь она была уверена: ее брат Андрей был совершенно прав – с Федором что-то случилось. Его не было на тракте, а он не мог с него сойти, ему просто незачем это было делать. И фургон Шанти заметила бы даже тогда, когда бы он стоял на постоялом дворе. Обычно фургоны за определенную плату загоняли во двор, под надзор охранников – в том случае, когда их хозяева ночевали в гостинице.

Шанти прикинула расстояние дневного перехода – примерно

пятьдесят верст. Постоялые дворы стояли через двадцать – тридцать верст, так что она знала, где начинать поиски. Пролетев километров сорок, она увидела постоянный двор на берегу ручья, перехваченного по дороге каменным мостиком, – с этого трактира она и решила начать свои поиски.

Свернув в сторону, Шанти стала пикировать, сложив крылья, будто на дичь, и только у самой земли распахнула их, хлопнув ими, будто кнутом. Вряд ли при такой скорости кто-то успел узнать дракона в этой промелькнувшей тени.

Усевшись посреди поляны, Шанти погрузилась в раздумья: облик какого существа ей нужно принять, кто лучше всего подходит для поисков? И не пришла ни к какому другому выводу, кроме одного: придется принять облик человека (о боже! Как гадко! Как отвратительно! Брр!).

Она стала вспоминать тех, кого ей довелось видеть в последнее время, и не нашла ничего лучшего, как принять за образец Марго. А кого она еще могла запомнить лучше всего? Андрея? Ну да, можно стать и Андреем, но девушке, драконице, стать еще и мужчиной? Это же противостоестественно! Само по себе то, что она станет человеком, уже извращение. Но чтобы еще и человеком-мужчиной?! Нет уж! Тем более что, может, девушке охотнее расскажут то, что утаят от мужчины? Или это она просто хотела подвести базу под то, что стала девушкой, а не мужчиной? Может, и так. Ну и что? «Мое тело, во что хочу, в то и превращаюсь!» С такими жизнеутверждающими мыслями, раздосадованная и злющая, как черт, Шанти стала продираться сквозь чащу леса к дороге.

Она изобразила на себе что-то вроде сарафана, поверх него куртка непонятного покроя, на ногах башмаки. Голова не покрыта ничем, тем более что довольно тепло. Что касается непокрытой головы, в этой стране не было требований для женщин в обязательном порядке носить платок или шляпу – видимо, потому, что в теплом и жарком климате, если будешь постоянно ходить в головном уборе, потом вся изойдешь, да как бы волосы еще не повылезали. Конечно, одежда на ней была такой же иллюзией, как и волосы, как и все видимое тело Шанти. Но если дотронуться до нее, рука ощутит лишь ткань, только волосы, теплое тело, и больше ничего – никакой чешуи, никаких когтей и острых зубов. Вот только снять всю эту одежду нельзя, она ведь часть тела драконицы.

Шанти несколько раз прошла по поляне, хромая и привыкая к походке людей. Небольшая практика у нее уже была, а училась она очень быстро – у драконов в крови умение имитировать тех, кого они изображают, – поэтому через полчаса она уже легко справлялась с ролью человека.

Все то время, что она ходила по поляне, Шанти тренировала голос. Вначале он был хриплым, каркающим, но чем дальше, тем больше утончался, становился более мелодичным и более похожим на голос Марго.

Абсолютной схожести с голосом этой девушки драконица и не добивалась – главное, чтобы она разговаривала, как девушка, а не как дракон или мужчина в женском обличье.

Через полчаса декламации обрывков каких-то разговоров Шанти убедилась, что ее голос звучит мелодично, как у настоящей девушки. Теперь она была готова к тому, чтобы зайти в трактир.

Серое здание, возле коновязи несколько лошадей, которые всхрапнули, когда Шанти мимо них проходила. Из двора выбежала собачка, истосно лая и бросаясь на драконицу, но, почуяв запах исконного страшного врага, завизжала и кинулась наутек, поджав хвост, на ходу орошая дорогу каплями мочи.

Это людей можно было обмануть иллюзией, животные же чуяли и видели то, что недоступно носу и глазам людей. Шанти нахмурилась – для нее это было небольшим открытием, раньше она как-то этого не замечала. Впрочем, и она со временем изменилась. Может быть, с взрослением, с развитием желез, которые они с Андреем называли плевательными, вырабатывающими секрет для огнеметания, изменился и ее запах? Все может быть...

Трактир был полупустым: все те путешественники, кто скоро воспользуется услугами трактира, пока еще в дороге, так что основной наплыв посетителей будет вечером. Здесь были только завсегдатаи да те, кто остановился по дороге перекусить, в основном одиночки на своих лошадях. Их-то коней Шанти и видела привязанными у входа.

Трактирщик оторвался от созерцания глиняной кружки и с интересом посмотрел на красивую девушку, неизвестно как оказавшуюся в его заведении. Распахнув двери, та напрямик направилась к нему, не обращая внимания на окружающих. Подойдя, мелодичным, глубоким голосом сказала:

– Приветствую тебя. Я разыскиваю фургон, в котором едут плотный мужчина за сорок лет, женщина двадцати пяти – двадцати семи лет и девочка лет четырех. Не проезжали ли они несколько дней назад?

– Проезжали, – кивнул трактирщик, – да, именно такие, как ты описала. У них фургон еще такой голубой, запоминающийся. Проезжали, ага. Ночевали у нас, ужинали, потом погрузились и уехали туда, на юг. А что случилось? Ты что, отстала от их фургона?

– Вроде как, – неопределенно сказала Шанти и собралась уйти, когда с

негодованием ощутила чью-то руку у себя на задку.

Драконница резко обернулась и увидела крепко поддатого мужчину в дорогом камзоле, который улыбнулся и подмигнул «девушке»:

– Красотка, не присоединишься к моему столу? Угощаю! – Он сделал широкий приглашающий жест, и Шанти усмехнулась: почему бы и нет? Под насмешливым взглядом трактирщика она прошла за стол мужчины и села на стул.

– Заказывай, что ты хочешь! Для такой красотки ничего не жалко! – ласково сказал тот и незаметно подмигнул хозяину трактира.

Тот усмехнулся: попала девка! Этот заставит отработать каждый съеденный кусочек...

Шанти ощущала похоть, исходящую от «доброхота», чувство превосходства над глупой девкой, гордость за себя, такого умного и хитрого. Но ей хотелось поесть, ночной ужин уже переварился. А кроме того, подмывало слегка похулиганить. Очень уж хотелось наказать этого типа за самонадеянность.

– Мяса. Лучше с кровью, – заявила Шанти и непринужденно закинула ногу на ногу, отчего тонкая ткань сарафана обтянула бедра.

Мужчина сглотнул слюну, посмотрев на объект вожделения, и хрипло крикнул:

– Мяса моей подруге! Да побольше!

– Без пряностей и специй, – потупясь, добавила Шанти и облизнула губы розовым язычком. Благо что она немало времени провела в трактире рядом с вышибалой и точно знала, как надо вести себя девушке, желающей соблазнить мужчину. Драконы ничего не забывают...

Следующие полчаса драконница усиленно поглощала обед, съев столько, что у мужчины глаза вылезали из орбит все больше и больше. Потом, аккуратно промокнув губы, она грустно сказала:

– Как ни печально, я вынуждена вас покинуть. Дела, понимаете ли! Прощайте.

– Как это прощайте? Какое прощайте? Поела – и прощайте? А навестить меня в моей комнате? – возмутился мужчина. – Нет уж, никуда тебя не пущу!

Он уцепил Шанти за руку и, вскочив с места, поволок ее к лестнице, ведущей наверх. Шанти не сопротивлялась, позволив ему затащить ее наверх. Он отпер дверь, держа драконницу за руку, впихнул ее в номер и тут же сбросил маску любезного господина:

– Раздевайся, быстро! Такой прожорливой шлюхи я в жизни не видал! Ты сожрала столько, сколько и не стоишь! Ты что, не слышишь? Стягивай с

себя шмотки, а то я сам их сорву!

– Ну что же – я хотела уйти, но ты пожелал развлечений. Так?

– Вы, девки, для развлечений и созданы. Так что не кобенься, снимай сарафан, и хватит болтовни, – усмехнулся мужчина, и его лицо покраснело от злости, – иначе я сейчас тебе личико попорчу! А оно такое красивое... жаль будет, если его испортит сломанный нос. Я люблю по-жесткому, а ты? Любишь, я знаю... вы все, сучки, любите, когда вас берут жестко, когда с вами настоящий мужик! Вы от этого заводитесь! Ну-ну, быстрее!

– Да я уже завелась, – скромно ответила Шанти и посмотрела в глаза насильнику. – Любишь по-жесткому? Замечательно! Я тоже люблю!

Драконница протянула руку, ухватила мужчину за горло и, не обращая внимания на хрип и вытаращенные глаза, стала срывать с него одежду, пока полностью не обнажила рыхлое, дряблое тело. Он пытался оттолкнуть ее, сдвинуть с места – какое там! Весь свой вес Шанти перекачала в земную проекцию. Теперь, чтобы сдвинуть эту стройную, миниатюрную девушку, требовалось что-то вроде трактора или тяжелого грузовика. Под ней даже прогнулись половицы.

Раздев мужчину донага, Шанти подтащила его к окну, приподняла и, как копье, метнула прямо сквозь раму. Грохот, осколки стекла, крики, шлепок тела о твердую землю...

«Интересно, он сломал себе шею или нет?» – подумалось Шанти, но она не стала проверять результат копьеметания и узнавать о состоянии «копья». Вместо этого она вышла из комнаты, перешла на противоположную сторону коридора, открыла небольшое окошко и, обратившись вороной, вылетела в оконный проем. Ее разбирал радостный смех, и, чуть успокоившись, усиленно работая крыльями, она подумала о том, что быть человеком не так уж и плохо. Вон сколько развлечений. Куда интереснее, чем загонять косулю! И еще она решила, что надо будет как-нибудь эдакую штуку повторить. Только потихоньку от Андрея: вряд ли он одобрит использование внешности Марго. Впрочем, надо будет присмотреться к какой-нибудь другой красотке и скопировать ее облик.

Следующий постоялый двор тоже ничего не дал, кроме похотливых взглядов и предложений посмотреть коллекцию брошек и колец, совершенно необходимых такой славной девушке. Коллекция, конечно, находилась в комнате наверху. Рассматривать коллекцию у Шанти не было времени, так что она отказалась от лестного предложения. Хотелось, конечно, развлечься «копьеметанием» и здесь, но, как известно, дело прежде всего. Развлечения потом. Теперь она знала, как развлекаться долгими скучными ночами. Охота бывает всякой... Федор с семьей был тут,

уехал рано утром.

Следы фургона терялись где-то на дороге между этим трактиром и следующим. Хозяин очередного трактира твердо заявил, что никакого голубого фургона он не видел. И никакого мужчины и женщины с девчонкой он тоже не видал. При этом трактирщик чего-то боялся, Шанти так и не поняла чего. Пожав плечами, она покинула трактир и медленно пошла по дороге, раздумывая – что делать дальше? Где искать конец оборванной ниточки?

Неожиданно кто-то дернул ее за руку, и Шанти обернулась, готовая обрушиться на нарушителя спокойствия со всей силой своего драконьего негодования. Однако это был всего лишь мальчишка-нищий, попрошайничавший перед трактиром. Шанти видела, как трактирщик дал ему пинка, чтобы тот не шастал возле входа и не раздражал клиентов.

Мальчишке было лет двенадцать – худой и жилистый, весь пропеченный солнцем и исхлестанный ветрами. Таких детей улицы полно в каждом городе – болезни, голод, войны уносили множество людей, и частенько дети оказывались на улице, предоставленные сами себе. Девчонкам была одна дорога – в проститутки или содержанки, ну а мальчишкам – или в нищие, или в воры-бандиты. Жили они недолго и плохо. Можно даже сказать, что это была не жизнь, а умирание: быстрое или медленное. Скорее быстрое.

Мальчишка поманил Шанти пальцем, и она, заинтригованная, зашла с ним за угол. Парнишка огляделся по сторонам и тихо сказал:

– Были они здесь. Мужчина, женщина и девчонка – задержались и отстали от каравана, там с девчонкой что-то было, вроде как заболела, караванщики отказались их взять в конвой. Мол, вдруг чума? Они поехали гораздо позже – покупали молока девчонке. А твой друг сдуру засветил пояс с деньгами. Много золотых, много... зря он это сделал. Эфран – наводчик разбойников. И их главарь. Там сидели Шуга Черный и Зарук Нос. Они поехали за ними следом. Скорее всего, твоего друга уже нет в живых.

– Почему ты мне это рассказал? – недоверчиво спросила Шанти.

– Подонок этот Эфран. Деньги с постояльцев берет и их же грабит. Он главный. И никто не знает. Он на церковь жертвует, селу помогает, изображает из себя праведника. А сам разбойник. Ненавижу таких. Я в город иду, там пропитание легче найти, и люди, говорят, лучше подают. А эта тварь такая жадная, такая скаредная, пусть ему будет плохо. Так же как он сделал тем, кого ограбил. Я, если и ворую, не убиваю людей. А этот гаденыш душ загубил столько, что гореть ему в аду. Они думают – я

придурковатый, ничего не вижу и не слышу. А я все подмечаю. Только ты осторожнее, если кого-то звать будешь – предупреди. У него в трактире всегда человека три-четыре из его банды сидят. Собирай побольше народу, и подпалите этого гада!

– Подпалить, говоришь?.. – задумчиво протянула Шанти. – А что, славная идея. А схожу-ка я да и поговорю с этим Эфраном.

– Не ходи одна! Не ходи! – Мальчишка вцепился в руку драконицы и стал со всей своей мальчишеской силы удерживать пропащую девицу, явно не соображавшую, что она делает. – Убьют! Не ходи!

Шанти улыбнулась и присела на корточки перед тяжело дышащим мальчуганом. Посмотрела ему в глаза и подмигнула:

– Все будет нормально. Не беспокойся. Он пожалеет, что пнул тебя. Веришь?

Мальчишка шмыгнул носом, посмотрел в глаза красавицы, неожиданно ставшие из голубых угольно-черными, и вдруг поверил – зря эти твари обидели семью ее друга. Он кивнул, а Шанти, поднявшись, пошла в трактир.

Скрипнула дверь, и в трактир вошла давешняя девица, которая задавала неудобные вопросы по поводу голубого фургона. Эфран усмехнулся: «Хороший куш был! Кто бы мог ожидать? В таком простецком фургончике... и всего-то понадобилось подержать нож у горла мелкой девки. Жаль, что баба успела убежать, развлеклись бы с ней очень приятно. И этот солдафон успел сбежать – со стрелой в спине, вот ведь гад! А бежал как олень, несмотря на пузо и седину. Все-таки хорошо, что Нос прибил к банде, стрелок он отменный, засадил стрелу со ста метров в бегущего – это очень хороший результат. Немало погранцов он так положил, у него почему-то к ним прямо-таки шипучая ненависть. А девка-то эта хороша... трахнуть ее одно удовольствие... а что, взять ее, запереть в подвале и трахать всей бандой, пока не подохнет. Можно не церемониться и не беречь. А можно придумать и еще какие-нибудь удовольствия... главное, чтобы сразу не сдохла. Похоже, что она одна. Ни каравана, ни сопровождающих. Вот дура! А в зале, кроме своих, никого! Это шанс! Давно я уже не развлекался с девками... давно не слышал, как они визжат и молят о пощаде...»

Трактирщик вышел из-за стойки, прошел к двери и молча закрыл ее на массивный брус. Дверь была сделана из массивного дуба, окованного полосами железа. Неспроста – случись что-то непредвиденное, в здании можно держать осаду против превосходящих сил противника даже

несколько дней. Запасы продовольствия, оружия, стрел позволяют. С плоской крыши очень удобно стрелять по мишеням внизу, маленькие окошечки могут служить бойницами – великолепное место для базирования банды.

Девушка обернулась к трактирщику и проводила его длинным, тяжелым взглядом. Почему-то ему стало не по себе, но он выбросил из головы всякую дурь вроде предчувствий и приказал:

– Нос, Черный, Ушан, примите девушку. Усадите ее за стол. А лучше положите на него! Нам предстоит веселое развлечение.

Бандиты загоготали и направились к безмятежно спокойной девчонке. Неожиданно она спросила:

– Ты хорошо запер двери? Никто сюда не может войти?

– Хорошо, никто не войдет, – опешив, автоматически ответил трактирщик.

– А отсюда другим путем можно выйти или только через дверь? – продолжала допытываться странная девка.

– Решила свалить? Нет, только через дверь, – осклабился трактирщик. – И не бойся, никто нашему счастью не помешает.

– Очень надеюсь на это, – серьезно ответила Шанти и откусила голову у Шуги Черного.

Преобразование соблазнительной девушки в монстра с женским телом и огромной драконьей головой было настолько ошеломляющим, настолько нереальным и диким, что бандиты замерли, затихли, и в трактире можно было услышать даже муху, жужжащую где-то на кухне. Тишину нарушал только плеск крови, фонтанирующей из перекушенной шеи, да сипение воздуха, выходящего из груди обезглавленного трупа.

– Иди к своим друзьям, – тихо приказала трактирщику Шанти, – сядь и отвечай на мои вопросы. – Драконица вернула на место лицо Марго, и это красивое лицо было безмятежно, как штилевая поверхность моря перед бурей. – Где фургон? Где люди из него?

– Какой фургон? – Трактирщик сделал попытку изобразить недоумение, но Шанти подошла вплотную к бандиту, вернула себе на плечи драконью голову, раскрыла пасть и медленно приблизила ее к лицу трактирщика. Немного подумала и одним движением откусила ему кисть руки, выплюнув ее в сторону остальных бандитов, с ужасом наблюдающих за страшным монстром. – А-а-а! Пожалуйста, не надо! – дико закричал трактирщик, а из обрубка его руки зафонтанировала кровь, заливая все вокруг, в том числе и лицо лже-Марго.

Драконица зажала ему руку, чтобы не истек кровью прежде, чем даст

информацию, и приказала одному из бандитов:

– Сюда иди, быстро! Перетяни ему руку! Да, вот так. Сядь, скотина! Хватит завывать! Где фургон и его хозяева? За каждый неверный ответ я буду откусывать кусок твоего тела. Следующей будет твоя вторая рука. Потом левая нога. Потом правая. Или нет, может, вначале сделать тебя женщиной? Зачем тебе мужские причиндалы, а? А потом я откушу у тебя все, что торчит, и... не убью. Оставлю тебя жить обрубком, поленом! Очнись, придурок!

Шанти врезала рукой по лицу трактирщика так, что из его рта вылетели брызги слюны пополам с кровью и тонкая струйка из рассеченной губы потекла по подбородку, капая на пол. Трактирщик сидел в полной прострации – видимо, в глубочайшем шоке после травмы.

– Так, – досадливо поморщилась Шанти, – пусть посидит, подумает над своим поведением. Ты... да-да, ты, – она указала на одного из бандитов, – иди сюда! Как звать?

– Нос. Я все, все расскажу! Только не убивай, пожалуйста! – Огромный рыжий детина плюхнулся на колени и с ужасом посмотрел в прекрасное лицо незнакомки. – Это все он, он, Эфран, заставлял нас убивать! Он все организовал! Мы работали только за долю малую! Он все себе брал! И золото из фургона тоже у него! Нам по горсти отсыпал, и все. А драгоценности, оружие – он все себе забрал! Он знает, где все спрятано! А что он нам дал – вот, возьми. Я все отдам, все! – Нос трясущимися руками выгреб из карманов золотые и серебряные монеты и кучкой сложил их на стол.

За ним потянулись и другие бандиты – их было пятеро, не считая Шуги, чья откушенная голова смотрела с пола мертвыми глазами.

– Федор жив? Алена? Девочка? – хмуро осведомилась Шанти.

– Мы не знаем! Женщина убежала в лес, а мужчина вначале дрался с Шугой и Щавелем, он их чуть не зарубил, а когда подросли еще наши – он побежал следом за своими. Я успел только его подстрелить, но не знаю, наповал или нет. Стрела в нем торчала, это точно, но он бежал, не шатался.

– Расскажи все с самого начала: как задумали их ограбить, где это было, что было потом. Только вначале скажи, куда делись кухарки и все те, кто должен работать на кухне?

– Эфран всех рассчитал – мы сегодня должны были разбежаться, он распускал банду. Говорит, хватит уже, пограбили, и будет. В столицу собирался уйти. Говорит, там что-нибудь замутит, повыгоднее, чем грабеж на дорогах. Трактир у него должны были сегодня вечером выкупить, последний день сегодня. Он хотел напоследок грабануть нового хозяина,

что деньги в уплату за трактир привезет, а потом уже и уезжать.

– А смысл какой грабить? Продал, да и все, – пожала плечами Шанти, чувствуя, что бандит не врет.

– А оставит сторожа и еще кому-нибудь продаст – дураков же на свете много! Может, еще кто-то клюнет.

– Глупо как-то... ну да это ваши дела. Рассказывай, что было с Федором и его фургоном.

– У него девчонка чем-то там заболела, и он хотел купить молока. Эфран ему продал молока, вареного мяса, пирогов. А когда этот мужик стал рассчитываться, Эфран и увидел у него толстый денежный пояс. Мужик держал девчонку на руках и неловко повернулся – рассыпал часть монет. В общем, решили перехватить его возле брода через ручей. Там неглубоко, но лес очень густой и уходит по склону вверх. Мы верхом его обошли – знаем тропы – и встретили у брода. Бросили бревно – он переехать не смог, а потом взяли их всех. Зиман взял девчонку и стал немного пугать клиентов – ножик к ее шее приставил, слегка порезал, потребовал показать, где деньги. Мужик вначале спокойный был, говорит – все отдам, девчонку не трогайте, – и тайник в фургоне показал. Мы стали доставать сокровища и отвлеклись. Тогда он откуда-то вынул ножик, кинул его в Зимана, да так ловко, прямо в глаз, по самую рукоять. Мы еще не успели сообразить ничего, когда баба выхватила девчонку и побежала вверх по ручью, в гору, а мужик взял саблю Зимана и стал драться с нами. Одного зарубил, другого сильно ранил – вон, Нирт, у него бок весь распахан. А когда увидел, что я и Шуга за луки взялись, побежал следом за бабой. Ну мы его и подстрелили. Преследовать не стали, смысла нет. Фургон у нас, сокровища тоже. Зачем бегать по горам? Нас они не знают, а Эфрана не видали – он морду замотал тряпкой. Решили – и так сдохнет в горах, стрела глубоко в спину ему вошла, не меньше чем наполовину. А без лекаря и еды все равно не выживет. Ну и все, фургон мы в деревню отогнали, там у Эфрана дом, драгоценности сюда, в схрон – он все складывает сюда, – хотели вывезти после обеда и после дележки. Вот вся история. Пощади! Не убивай! Я все рассказал!

– Ты знаешь, где схрон?

– Где-то под трактиром, что ли. Точно не знаю, вроде как из кладовой туда вход. Я ни разу там не был. Эфран знает, а нас туда не пускал.

– Свяжи своих коллег по ремеслу. Что встал? Вяжи их! И я проверю, будет плохо завязано – откушу тебе руки и ноги.

Нос вскочил и начал связывать бледных бандитов, разрывая на жгуты сорванные с окон занавески. Мужчины не сопротивлялись, парализованные

страхом, безвольно подставляя руки и ноги. Минут через пятнадцать все было закончено – спеленатые разбойники лежали на полу, Нос стоял у окошка, ожидая команды девушки-монстра, а трактирщик сидел на стуле, раскачиваясь и постанывая от боли.

Шанти посмотрела на покалеченного бандита и скомандовала:

– Встал и пошел показывать, где тайник! Лишнее движение, или я почувствую, что ты врешь, – отхватываю у тебя кусок килограмма на полтора. Ползадницы, в общем, оторву. Нос, идешь с ним.

Трактирщик, пошатываясь, встал и побрел на кухню. Разбойник был полностью деморализован, подчинен, и от страшного и подлого бандита не осталось ничего, кроме покалеченной оболочки, страдающей от боли и ужаса.

Они пришли в кладовую, теперь уже пустую, видимо, отсюда успели вывезти все продукты. Осталась лишь груда поломанных ящиков и пустые бочки.

– Вот тут, под бочками, надо выдвинуть половицу, за ней крюк. Повернуть крюк три раза, и откроется тайник.

– Делай, – кивнула Шанти, и Нос стал разбрасывать ящики, добираясь до половицы.

Добравшись, он ощупал руками все доски – одна из них прилегала неплотно. Нос поддел ее ножом, извлеченным из-за голенища сапога, и половица с трудом вылезла, открыв углубление, в котором действительно находился медный или бронзовый крюк.

– Куда вертеть-то? Вправо или влево? – осведомился Нос.

– Вправо, – скривился Эфран, и рыжий начал поворачивать рычаг по часовой стрелке.

Неожиданно в стене слева что-то закрипело, и вдруг Шанти почувствовала торжество Эфрана. Она не успела удивиться, как из противоположной стены вылетели несколько арбалетных болтов и ударили в нее и Носа, стоящих перед открывшимся проемом. Бандит умер не сразу, пронзенный двумя короткими металлическими стержнями, – один вошел в печень, другой в желудок, и, судя по ощущениям Шанти, Нос был очень удивлен, а кроме того, ему было очень, очень больно. Что же, получить стрелу в печень – совсем не ласки гладкой молодой подружки. Трактирщик заранее отступил в сторону, и потому болты его не задели.

Видимо, это была последняя надежда Эфрана – открывающаяся стена тайника спускала механизмы нескольких арбалетов, простреливающих все пространство впереди себя. В Шанти ударило три арбалетные стрелы. Несмотря на то что они не смогли пробить ее броню, удар был довольно

ощутимый, драконица недовольно поморщилась и покачала головой.

– Ну вот зачем ты не предупредил о ловушке, скотина ты безрогая, а? Я хотела его помучить, а ты не дал мне позабавиться. Еще сюрпризы есть? Нет? Чего-то я тебе не верю. Не скажешь, почему это так? Не скажешь, ясно. Тогда иди вперед и показывай, где чего напрятано. Самое главное – где сокровища, что лежали в фургоне. Ну и остальное – то, что ты нагребил у купцов.

– Там сундучок, – хрипло сказал трактирщик, – в нем сокровища из голубого фургона и все, что я скопил за время работы в трактире. Возьми, только оставь жить!

– Посмотрим, посмотрим... чего ты там скопил за годы безупречной работы? Ну-ка, открой сундук – вдруг ты там петли ядом каким-нибудь намазал или еще какая-то гадость. От тебя, шалуна, всего можно ожидать... ага... сюрпризов нет. Просто откинуть вот эти петли, и все? Замков нет? Ну понятно – замки всегда можно сбить, а вот такой тайничок – это самое то. Ух ты, да тут все как надо! Вижу, хорошо ты трудился. – Шанти довольно ухмыльнулась, сунула руку в россыпь сокровищ, хранившихся в сундуке.

Чего там только не было! В отблесках света, доходившего в тайник через открытую дверь кладовой, тускло блестели золотые и серебряные монеты, а в них, как изюмины в поминальной каше, – перстни, кольца, броши, кулоны, браслеты... И во многих были вделаны камни, крупные и мелкие, круглые и овальные, граненые и нет – изумруды, рубины, алмазы. «Сундучок» был размером сто на семьдесят сантиметров и высотой около семидесяти. Шанти прикинула – даже по самым скромным подсчетам, это были сотни тысяч или миллионы золотых.

– Ты дурак! – удивленно сказала она. – Зачем тебе надо было продолжать грабить, когда у тебя уже было столько, что не потратить до конца жизни? Зачем ты продолжал это делать? Вообще, откуда взялись эти все сокровища? Неужели это все снято с убитых купцов? И как это тебя до сих пор не разоблачили?

– Что касается золота и драгоценностей, захваченные товары мы потихоньку сбывали тем же купцам. Может, кто и догадывался, откуда все эти ткани, меха, пряности и всякое другое, но молчали. Я недорого продавал. Деньги за те товары, что продавал, – тут, в сундуке. Покупал камешки – они меньше размером и весят немного. Можно легко унести в кармане, а потом продать за много золотых. Никто не знал, чем я занимаюсь. Я время от времени своих помощников пускал в расход. – Бледный как полотно трактирщик показал на лежащего перед ними Носа. – А кто мог на меня плохо подумать? Я многим в селе помогал, они чуть не

молились на меня. И церкви жертвовал. Никому плохого слова не сказал, всегда и со всеми добрые отношения. Почему не бросил разбой? Сам не знаю. Не мог. Затягивает. Ты знаешь, что властен над их жизнью, а когда смотришь в угасающие глаза очередного купца, делается так сладко, так хорошо... это слаще, чем с бабой. Хотя, бабы купцов отдельное удовольствие. Так приятно насиловать ее на глазах мужа, и тот ничего не может сделать. А потом разделать, как свинью, смотреть, как ее муж прямо на глазах седеет и плачет, будто дитя.

– Да ты маньяк, неуважаемый, – хмыкнула Шанти. – Что, и детей пытал?

– Нет, я их просто убивал. Легко. Зачем они мне? Впрочем, если постарше, девочки, например, то... – Он не договорил.

Когтистая лапа мгновенно обратившейся драконицы вспорола живот и вырвала ему кишки, отбросив в сторону могучим ударом. Шанти больше не собиралась слушать откровения маньяка-убийцы. Решила – хватит чернухи, пора заниматься делом.

Драконница осмотрелась: большая потайная комната была почти пуста – кроме сундука и какого-то шмотья в мешках, в ней ничего не было.

Она пошевелила мешки – какие-то отрезы, рубахи, куртки, ничего такого дельного. Шанти закрыла сундук, пристроив защелки, уберегавшие крышку от непроизвольного открывания. Пошевелила «сокровищницу» – довольно тяжеленькая, не зря у сундука с торца приделаны по две ручки с каждой стороны, на мощных петлях – нести эту казну могли лишь двое или четверо взрослых мужчин.

Взялась за ручки и легко оторвала сундук от пола, тут же уменьшив его вес так, что можно было нести буквально под мышкой, если бы он там помещался.

Выйдя в обеденный зал трактира, осмотрелась – ничего не изменилось. Бандиты так и лежали в углу, связанные и беспомощные. Нос постарался на славу.

Шанти посмотрела на кучку золота на столешнице, которое бандиты wygrебли из своих карманов, и усмехнулась: она знала замечательное применение этим деньгам. Позже. Пока надо было разобраться с бандитами. Что с ними делать?

Вообще-то их точно надо было убить, это уж само собой разумеется. Отпусти их – и они снова пристроятся в какую-нибудь банду, будут вредить людям, пытаться, насиловать, грабить. Зачем они нужны этому миру? Не нужны, однозначно.

Шанти подошла к лежащим, они начали хором просить ее о милости,

умоляли не убивать, пощадить и всякое такое прочее. Шанти отрицательно качнула головой и подумала о том, что, вероятно, их жертвы так же зывали к милосердию. И что? Где теперь они?

Обратившись в дракона под завывания и крики бандитов, она прошла и деловито каждому из них аккуратно откусила голову, выплюнув туда же, где лежали тела, в угол. Потом несколько минут отплевывалась и вытирала пасть – вкус человеческой крови был отвратителен. Или это ей так казалось из-за того, что сами эти люди были отвратительными отбросами, достойными помойной ямы.

Закончив свое неприятное дело, Шанти подошла к двери, предварительно снова приняв обличье Марго, и сняла тяжелый брус, запирающий вход. Выглянула наружу.

Путников пока не было – самое глухое время дня для трактиров, когда путники находятся в дороге. Местные завсегдатаи сюда уже не шли, видимо зная, что трактир закрыт – слух об этом разнесся по всей округе.

Поодаль, на камне у дороги сидел давешний парнишка, с любопытством ожидающий событий, которые должны произойти в трактире. Драконица махнула ему рукой, и мальчишка нерешительно встал со своего насиженного места и, осторожно оглядываясь, пошел к ней. Шанти нетерпеливо прикрикнула, и он ускорил шаги, переходя почти что на бег.

Когда парень шагнул за порог, он побледнел и хотел убежать, но Шанти поймала его за руку, толкнула к стене и досадливо сказала:

– Демон тебя побери! Чего пугаешься-то? Ну да, я их всех убила. Привыкай к виду убитых бандитов – может пригодиться, запомнишь это и не станешь таким же, как эти твари. Впрочем, наверное, все-таки не станешь. Если ты пытался меня предупредить, значит, душа у тебя еще чиста. Чего, тошнит? Ну давай, вырви, я подожду. Все, готов слушать дальше? Ага. Теперь слушай. Видишь на столе деньги? Это все твои. И твои же все деньги, что найдешь тут, в трактире. И твои все лошади, что тут, во дворе. Слушай внимательно: обыскиваешь, очень быстро, трактир, седлаешь лошадей – умеешь ездить? Отец учил? Это хорошо. В общем, собираешь сумы, складываешь туда все, что тебе надо, и быстро сваливаешь отсюда подальше, лучше в столицу. Пристраиваешься учеником куда-нибудь или еще что-то придумываешь – деньги у тебя есть, хватит надолго, тут не менее тысячи золотых. Не прогадь их, как болван. Кстати, пошарь еще и у этого в карманах – у него точно есть деньжонки. В кладовке мешки с барахлом – оденься, возьми что надо. Не жадничай – тебе еще надо отсюда уйти, чтобы никто тебя не заподозрил. Меня забудь.

Не дай бог ляпнешь где-то – я тебе голову оторву, вот как им. Ты все понял? Сообразишь, что делать?

– Соображу, – твердо заявил мальчуган и тут же бросился к трупу Шуги обшаривать карманы. Его уже не тошнило. Ну почти не тошнило. Но он справлялся с позывами.

– Я сейчас уйду, а ты пока запри дверь. Сумеешь? Отлично. Как закончишь – подпали этот вертеп. Пусть все сгорит – и концы в воду. Никто ничего не поймет. Все, удачи тебе, поджигатель! – усмехнулась Шанти, взяла сундук и пошла к двери.

– Меня Харог звать, госпожа! А можно мне узнать ваше имя?

– Много будешь знать – станешь седым и старым раньше времени, – улыбнулась драконица. – Сказала же тебе – забудь меня! Меня никогда тут не было и вообще нет на белом свете!

Шанти вышла на улицу и услышала, как позади задвинулся дверной брус. Она довольно ухмыльнулась – мальчишка был понятливым, и вполне вероятно, что деньги пойдут ему впрок.

На тракте было тихо, никаких проезжих и прохожих. Трактир стоял далеко от деревни, так что не стоило ожидать, что деревенские объявятся тут в ближайшее время.

Драконица пошла подальше от любопытных глаз и углубилась в чащу леса. Там она обратилась в полуторатонную летающую рептилию, каковой изначально и являлась, подхватила сундук в лапы и поднялась в воздух, направляясь на юг.

Теперь надо было как-то исхитриться найти Федора, если он еще жив. И его семью. Задача обещала быть непростой: лес густой, с воздуха практически ничего не видно, да и уйти они могли далеко в сторону от первоначального маршрута, боясь разбойников. Шанти очень надеялась, что Федор жив. Она иногда скучала по его усатой физиономии – с ним было весело ругаться, не всерьез, конечно. И еще она знала, как сильно расстроится Андрей, узнав о смерти друга, и очень не хотела сообщать ему грустное известие.

Странно было лететь с сундуком в лапах. И со стороны, вероятно, это выглядело еще страннее: мало того что по небу летит дракон, мифическое существо, так еще и тащит чего-то – наверное, сокровища! А что же еще дракон может таскать, кроме сокровища? Самое смешное, были бы правы. Именно настоящее сокровище. Шанти хихикнула своим мыслям и посмотрела вниз, не раскрылось ли это причудливое сооружение, именуемое сундуком. Вот было бы забавно усеять весь свой путь грудami золота!

Показался ручей – по описанию бандитов Шанти сразу узнала это место. Брод, здоровенное бревно возле дороги – видимо, им перегораживали тракт.

Драконница развернулась и полетела в гору, выбирая место для посадки. Нашла колючий кустарник – смесь терновника с каким-то ядовитыми и сильно пахучими кустами, плюхнулась туда, проломив густую поросль, как подбитый бомбардировщик. Поворочалась, устраиваясь поудобнее, и осмотрелась вокруг.

Собственно, смотреть-то было не на что. Глухая стена колючих кустов, покрытых шипами, – самое лучшее место, чтобы спрятать сокровище.

Затолкала сундук в гущу, прикинула – ниоткуда не видно, никто не найдет. Отлично. Изловчилась и, аккуратно раздвигая ветви, тихонько выбралась из кустов, стараясь не оставлять за собой видимого следа. Как получилось – другой вопрос. Но большего она сделать не могла. Летать с сундучищем в лапах и при этом еще искать Федора было невозможно. Вернее, неудобно. Технически-то возможно.

Кстати сказать, как доставить это самое золото в столицу, она не особо представляла. – Опять искать повозку? Рисковать? Впрочем, эти планы подождут. Теперь главное – найти беглецов.

Как она поняла, Федор с семьей находятся в бегах около суток. Что бы сделал человек в подобном случае? Первое: уйти в лес как можно глубже и укрыться от бандитов. Отсидеться, пока разбойники не исчезнут. Второе: идти искать помощь. Где искать – в деревне, вероятно. Или же попробовать присоединиться к какому-либо каравану. Деньги у Федора были – не зря же их засекли бандиты, в поясе было много денег... Стоп! А кто сказал, что он не снял пояс? Вернее, что пояс с него не сняли? Отвратительно... скорее всего, так и было. Значит, он остался и без денег. Первое, что сделали бы разбойники, – сняли пояс с деньгами.

Шанти в отчаянии перестала махать крыльями и начала длинный, плавный спуск, скользя по воздуху, как завязанный планер.

Итак, скорее всего, в караван неизвестных нищих людей не возьмут, надо было искать деревню где-нибудь неподалеку. Или все-таки лететь к следующему постоянному двору?

Мысли Шанти разбегались, и она остро пожалела, что рядом нет Андрея, который наверняка принял бы правильное решение. А ей, несчастной драконнице, теперь надо ломать голову, куда лететь.

Она стала соображать: как бы на ее месте поступил Андрей? Он бы вначале рассчитал, куда бы вернулся Федор? Назад или пошел бы вперед? Итак, отсюда до постоянного двора бандитов двадцать верст, а до

следующего тоже двадцать? Или поменьше? А что толку, если они пойдут на постоянный двор, – кто им чего-то даст без денег?

Кстати сказать, Федор мог вообще-то и вычислить нападавших, чего-чего, а дураком он совсем даже не был. Опытный вояка, тем более раньше ходил охранником при караванах. Охранником? Ага! Вот и зацепка. Скорее всего, он все-таки пойдет по тракту, а не в деревню, в расчете, что его с семьей подберут охранники или караванщики какого-нибудь из караванов – у него среди них было много знакомых. Не пойдет он в деревню.

Теперь рассчитать время. Итак, по времени: добрались до брода они после полудня, потом отсиживались часа три, не меньше, а затем уже пошли на тракт. Со всеми предосторожностями, перепроверяясь, стараясь, чтобы их не увидели бандиты. Он ранен, Настенка больная, значит, шли медленно. Заночевали они в лесу – это точно. Тут тепло, так что вряд ли сильно замерзли без костра. Пошли утром, с рассветом. Опять же медленно. Значит, надо все-таки лететь к следующему тракту. Проверяя при этом попутный транспорт на предмет нахождения объектов.

Шанти радостно взмахнула крыльями, слегка подумала и обратилась здоровенным черным вороном. Они летают довольно быстро и внимания к себе не привлекают – таких птиц в лесу много.

Драконица была очень рада, что выстроила логическую цепочку не хуже Андрея! Он бы ее похвалил, это точно. Вот только говорить о том, что она принимала личину Марго, нельзя – ну так, на всякий случай... почему-то ей казалось, что он будет очень сердит.

Первую повозку она заметила минут через тридцать. Две лошади, полотняный навес над телегой. Сделала круг, пронеслась рядом с возницей. Нет Федора – мужик и баба сидят на мешках. Не то. Следующая телега попала через версту – вернее, не телега, а две телеги одна за другой. Рядом два охранника в кольчугах, гарцующие на лошадях. Опять результат нулевой – все чужие, все не те.

Так Шанти пролетела километров десять, проверив семь телег и минибобов, когда впереди увидела большой караван из сорока, не менее, фургонов. Он охранялся отрядом охранников человек в двадцать. Впереди ехал мужчина в цветастой одежде, отблескивающей шелком, – видимо, главный караванщик.

Шанти полетела над вереницей фургонов, стараясь заглянуть в каждый из них. Где-то ей удавалось это сделать, а где-то плотно фургонов было опущено, и она, как ни старалась, не могла увидеть, что там внутри делается.

Она металась над фургонами, и ее потуги найти Федора были

замечены одним из охранников, молодым парнем, кичившимся своим умением стрелять из лука.

Он долго наблюдал за кружением черного ворона, потом раздраженно сказал:

– Вот не нравится мне эта птица! Черная, вьется чего-то – не иначе беду накликает. Сниму-ка я этого гада из лука!

– Перестань! Тварь Божия, чего ее трогать? Ты же его не съешь, так зачем убивать? – попытался урезонить стражник в годах, с сединой в бороде и умным прищуром глубоко посаженных глаз. – И вообще, дурная примета в ворона стрелять. Это птица вещая, они даже говорить умеют. Не нужно этого делать.

– Вот еще! Вещая, понимаешь... жрать только умеет и гадить – на головы людям. Говорящая! Суеверия одни и бабкины сказки. Бесполезная птица, и нечего им существовать, раз людям они не полезны!

Сам не зная того, парень высказал мнение, в точности совпадавшее с мнением некоторых землян: зачем нужна эта птица/животное/насекомое? Оно же для меня бесполезно – значит, уничтожить. Когда-то по бескрайним прериям Северной Америки бродили миллионы бизонов. И их расстреливали из окон поездов – просто так, для развлечения. Тысячи туш великолепных животных гнили вдоль железных дорог... А время от времени небо закрывали гигантские, миллиардные стаи перелетных голубей. Их били, стреляли, ловили – казалось, что не будет конца этому бесконечному потоку птиц, закрывавших крыльями солнце... Исчезли перелетные голуби. Не осталось *ни одного*. Человек хуже чумы. Недаром последние годы Земля, как будто возмущенная его поведением, все чаще устраивает катаклизмы, уничтожающие тысячи и тысячи людей, словно смывая, счищая с себя человеческий род...

Само собой, никакие аргументы на стрелка не подействовали. Он наложил стрелу на лук и, когда Шанти в очередной раз взмыла над проверяемым фургоном, спустил тетиву.

Парень и взаправду был очень хорошим стрелком. Стрела, выйдя в небо по высокой траектории, точно ударила Шанти в грудь и, если бы не ее чешуйчатая броня, могла пробить навывлет. Не пробила. Лишь сбила дыхание и вызвала невероятную, кровожадную ярость к сидящему на коне конопатому парню с луком в руках.

Первое ее желание было – убить. Оторвать голову подлецу! Потом она остыла и решила – Андрею не понравилось бы такое убийство. Кроме того, как-то банально – взять и оторвать голову. Можно придумать кое-что поинтереснее, это точно.

Драконица радостно захихикала и поднялась высоко над караваном, отлетая в сторону так, что потерялась из глаз наблюдателей. Теперь надо было устроить все очень, очень аккуратно.

Она разогналась до максимальной скорости, превратившись в черную стрелу. Ей помогал ветер – драконица нарочно зашла с подветренной стороны, чтобы скорость была больше.

Через несколько секунд полета она приблизилась к каравану настолько, что сверху были видны физиономии возчиков, охранников, всех, кто был в этом караване. Стрелка из лука она засекла сразу и не выпускала его из поля зрения, как будто взяв его в перекрестье прицела бомбометателя.

Теперь предстояло само опасное – на секунду превратиться в дракона, да еще и умудриться испражниться в воздухе, да так, чтобы попасть по дугообразной траектории в своего обидчика. Шанти давно хотела сходить по-большому – косуля и всякое другое питание настойчиво просились наружу. Как-то было не до того. А вот теперь – в самый раз!

Разгон, переворот, р-р-раз! – здоровенная куча драконьего помета, наспигованного неперевавленными косточками, раздробленными мощными челюстями, как из пушки полетела в незадачливого парня.

У драконов, как и у птиц, родственниками которых они в какой-то степени и являлись – как ящерицы, как крокодилы (ученые это давно определили), – была одна интересная способность: они могли испражняться прямо в воздухе, кишечник опорожнялся практически мгновенно, выстреливая помет как из пушки. Чем Шанти радостно и воспользовалась.

Если кто-то и заметил, что в воздухе вдруг вместо черного ворона на секунду появилась громадная драконица, скорее всего списал это на галлюцинации – привиделось, мол. Меньше надо самогонки хлебать. Но вряд ли заметили. Часто ли люди поднимают голову и смотрят в небо? Если только лежа на спине, рядом со своей подругой, после бурного секса где-нибудь на лужайке возле ручейка.

Возчики же и стражники – люди приземленные, и в небесной голубизне им высматривать совершенно нечего. Поэтому никто не заметил – оттуда же прилетела эта здоровенная твердая куча дерьма?!

Эта куча выбила парня-лучника из седла, залепив ему всю шею, всю голову вонючей, клейкой массой, в которой угадывались косточки животных, шерсть и копыта. Хуже того, при падении лучник еще и сломал себе правую руку – ту, которой он оттягивал тетиву.

Все в караване забежали, стали смотреть в небо, но кто мог связать

ворона, черной точкой висящего где-то на горизонте, и эту кучу дерьма, весящую больше, чем десять таких птиц.

Оглушенного парня подняли, матерясь и брезгливо касаясь его опоганенной одежды, потом раздели и потребовали, чтобы он выкинул эти вонючие тряпки, иначе поедет сам по себе. На руку ему наложили шину, и дальше он ехал, кусая губы от боли в горящем огнем предплечье, обливаясь потом, бледный как покойник.

Старый охранник по этому поводу заметил:

– Говорил тебе – не стреляй в ворона, не стреляй! Птица колдовская, вещун, кто тронет его – будут неприятности. И что? Ты послушал? Хорошо хоть промазал по нему, а то совсем бы без башки остался.

– Я не промазал! – огрызнулся стрелок. – Я видел, как стрела в него попала! И вообще, эта дурацкая птица ни при чем! Мне просто не повезло, и все. Может, орел какой-то в небе нагадил, вот я и попал под это дело. Ворон-то при чем?

– Болван! Орел таких размеров не бывает... такое я видел однажды в молодости, на побережье – вот такую похожую кучу. Местные мне сказали, дракон это был. Так что, парень, ты самый неудачливый в мире человек: быть обгаженным драконом – это верх неудачливости! Их видели один из миллиона, а уж чтобы дракон тебя обгадил – это надо быть сверхнеудачником. Надо сказать капитану, пусть тебя больше с нами не берет. С твоей неудачливостью ты нас в такую беду можешь завести – ой-ой. И не слушаешь старших, болван болваном! Тебе лучше в городскую стражу пойти, шпану на улицах пугать. Там таких болванов ждут с распростертыми объятиями.

– Заладил – болван, болван! – рассердился парень. – Сам-то кто? Спят уже на старости лет, скоро драконы будут за каждым деревом мерещиться. Впадаешь в детство! Да я сам рядом с таким придурком, как ты, даже на одной полянке гадить не сяду! – Далее последовал непередаваемый стражницкий фольклор.

Шанти была очень, очень довольна результатом калометания – у нее даже улучшилось настроение, и в голову пришла гениальная мысль, как проверить наличие Федора в одном из фургонов. Она попросту полетела вдоль каравана, почти над самым полотном, вызывая по мыслесвязи:

«Федор, ты тут? Федор! Федор! Федор!»

Начала она с головы каравана и вот, когда пролетала над предпоследним фургоном, неожиданно получила четкий ответ:

«Шанти, детка, ты? Ты где, моя Шантючка? Твой старый друг чуть не помер...»

«Ну слава тебе господи! Нашла! – Шанти уселась на крышу фургона и прижалась к ткани, чтобы никто ее не заметил снизу. – Вы все целы? Настенка, ты, Алена? Ну да, ты-то не цел, я знаю».

«Что ты знаешь? – горько хмыкнул Федор. – Мы все потеряли. Хорошо, что главный караванщик Гиом меня хорошо знает – взял с собой, накормил, напоил. Лекаря прислал, иначе бы мне хана. Настенка нормально – похоже, простыла немного, вот и нездоровилось. Алена тоже в порядке, перепугалась только. А ты-то как тут оказалась? Вот чудо-то! Ограбили нас, детка. Все подчистую выгребли. Мы теперь без медяка в кармане. Андрей расстроится – у нас ведь все его денежные запасы были. Хорошо хоть я ему отсыпал денег, когда он улета. Расскажи, как вы там, что нового?»

«Андрей меня послал вас искать. Сказал – чуе что-то нехорошее. Что беда с вами. Вот я и полетела вас искать. И нашла. Видно, ты сильно думал о нас, если Андрей почуял за столько верст. Ты вот что скажи: как твоя спина? Стрелу вынули?»

«А ты откуда знаешь? Вынули. Легкое задела, но чисто. И наконечник бронебойный, извлекаемый. Так что я счастливо отделался».

«Откуда я знаю? Я все знаю. Кроме последних ваших суток, но тут уже догадываюсь. Вы отсиделись в лесу и пошли на дорогу в расчете на то, что ты встретишь знакомых – караванщиков или охранников. Так? Так. И тебе повезло. Ну вот, я вас вычислила и разыскала».

«У меня смутные подозрения, что шум впереди был неспроста. – Шанти показалось, что Федор улыбается. – Это не ты там почудила? Там такое вопили, что я и поверить не мог – вроде как одного придурковатого охранника сбило с коня здоровенным катяхом, упавшим с неба. Вроде как он оскорбил лесных богов, стрельнув по ворону и призвав на себя гнев духов. Сопоставив твое появление с шумихой, я сделал кое-какие выводы... Кстати, в каком облике ты сейчас? Почему-то мне кажется, что перья у тебя черные, а, подружка?»

«Не знаю ничего, отстань от меня! – буркнула Шанти и, не выдержав, рассмеялась. – Ну я, я это. А нечего было по мне из лука палить! Он самый настоящий кусок дерьма! И получил свою родню на голову. Все, не о том говорим. В общем, так: я уничтожила всех, кто на вас напал, и забрала золото. Так что не беспокойся насчет него. Получилось вот как: я отправилась в ночь по поручению Андрея...»

Шанти с полчаса рассказывала все, что она пережила за эти сутки, опуская некоторые незначительные подробности вроде наказания насильника в первом трактире и ненужные подробности о своей охоте.

Рассказ все равно получился довольно долгим, потому что Федор все время переспрашивал, уточнял, что немного раздражало драконицу, считающую эти подробности излишними. Он перебивал ее, снова выпрашивал и, когда Шанти уже готова была послать его ругательными словами, удовлетворился в расспросах и восхищенно сказал слова, после которых раздражение Шанти сразу улетучилось:

«Ты молодец. Ты настолько молодчина, что лучше тебя это дело не провернул бы никто, даже Андрей. Он будет горд тобой, уверен. Ты потрясающая девочка!»

Шанти промолчала, но была очень, очень довольна похвалой.

«Что теперь будем делать, детка? – осторожно спросил Федор. – Честно говоря, я еле живой и вряд ли смогу лететь в твоих лапах до столицы, увы. И девчонки тоже. Что ты предлагаешь? Я полностью рассчитываю на твой хитрый разум, сам ничего пока не могу предложить – тебе виднее, что делать».

«Сделаем вот как: караван будет ночевать в гостинице и вокруг нее, так? Ночью я слетаю за сундуком, заберу его и принесу в твой фургон. Кстати, в нем есть место? По крайней мере, для того чтобы втиснуть сундук? Он очень, очень тяжелый, учти. Размер – сто на семьдесят и еще на семьдесят сантиметров. Лучше, чтобы ты сразу по прибытии на постоянный двор купил лошадей и фургон. Денег хватит на сотни таких фургонов, не жалея злата. Грузим сундук, и едешь дальше – под охраной. На такой караван никто уже не нападет. А я буду сопровождать – так, на всякий случай. Если понадобится. Понимаешь, Андрей сильно рассчитывает на эти деньги, ему нужно выкупить один дом... потом расскажу».

«Кстати, он нашел девчонку-то, Антану?» – спохватился Федор.

«Нашел. И уже в нее влюбился, как и она в него. Теперь они муж и жена... на словах. Спят в одной постели, но не... в общем, мне тебе еще много, очень много нужно рассказать. У Андрея все замечательно – не считая того, что пришлось поубивать массу народу и обрести очень высокопоставленных врагов. Впрочем, и друзей».

«Узнаю Андрюху, он по мелочам не разменивается! Давай рассказывай все по порядку – нам еще далеко ехать, так что времени хватит. Полежай внутрь, я тебе сейчас в корме фургона дырку открою. Вернее, Алена откроет – я тут лежу, даже дышать больно. Вот бы Андрюха был сейчас здесь, он бы меня вмиг поднял, вылечил...»

Шанти шмыгнула с крыши фургона прямо в приоткрытую щель развязанного тента и тут же превратилась в черную кошку – привычный свой облик, в котором она долгое время путешествовала с Андреем.

Федор, бледный, лежал на полу фургона, на каких-то мешках, видимо с тканями на продажу, Алена, измученная, сидела рядом, обнимая спавшую Настенку. Картина была удручающая, и Шанти слегка расстроилась. Прокашлялась и тихо, голосом девушки лже-Марго, сказала:

– Ну привет вам, друзья! Привет, Алена. Соскучились без меня?

– Еще бы, – тихонько засмеялась Алена. – Мне Федя тут пересказывал, что ты ему говорила... как я тебе рада, если бы ты знала! Аж поплакать охота! – Она и вправду прослезилась и, схватив Шанти, прижала ее к своей груди, орошая слезами. – Федя чуть не погиб. Он нас прикрывал, чтобы бандиты за нами не погнались, и чуть не погиб. Это был такой ужас!

Шанти слушала и с горечью думала о том, что больший ужас был бы, если бы бандиты захватили и Алену, и Федора, и Настенку. Счастье и чудо, что они сумели уйти. Или все вместе – чудо плюс умение старого солдата. Ведь известно, что Бог помогает тем, кто не опускает руки, а бьется до последнего.

Федор перебил жену, потребовав, чтобы она успокоилась, и стал просить Шанти рассказать о том, что происходило с ними – с Андреем и драконицей – все те дни, когда они не виделись.

Шанти тяжело вздохнула и начала свой рассказ...

Глава 3

Андрей раскрыл глаза, как будто его кто-то толкнул в бок. Рядом спокойно спала, сопя аккуратным носиком, Марго, щекоча его плечо горячими выдохами.

Он посмотрел на безмятежное лицо своей «жены», огляделся по сторонам – все спокойно, все нормально. Что подняло его с «супружеского ложа»? Сны? Возня Зорана и Таины? Они с вечера были очень шумны – уши Андрея, уши оборотня, с его острым, животным слухом, передавали все нюансы их любовных игр, до последнего вскрика и стога, и он был очень недоволен. Решил – больше не позволит Зорану ночевать в комнате Таины. Пусть занимаются сексом где угодно, только не в доме Андрея или не тогда, когда он пытается уснуть, успокоиться, отвлечься от мыслей о своих проблемах. Пусть как хочет – обижается, не обижается, но будет так, как сказал Андрей. Работодатель он ему или нет, в конце-то концов?

Андрей отчего-то так рассердился на Зорана, что хотел даже немедленно пойти и объявить ему свое решение, но заставил себя успокоиться и обдумать: а чего он так вообще-то разозлился? Ну да, эту «порнокомнату» стоило успокоить, развести их по углам, но чего так злиться? И со стыдом пришел к выводу – завидует. Завидует тому, что Зоран спокойно занимается сексом с той, кто ему приятнее, кто его желает, без оглядки на какие-то правила и обстоятельства. А вот он, Андрей, не может себе позволить вести себя так, как хочется. И когда перед глазами стоит пример свободного в своих действиях человека, это вызывает злость и зависть.

Андрей сел на постели и посмотрел на Марго. Она лежала на боку, в позе зародыша, зажав между ног край одеяла. Тонкая кружевная рубаша задралась, высоко обнажая ее правую ногу, согнутую в колене, и Андрей залюбовался изгибом совершенного бедра с гладкой, как будто нейлоновой кожей. Его охватило дикое, невероятно сильное желание – обнять девушку, ласкать ее, ощутить прикосновение шелковистой кожи. Он не выдержал и, вытянув руку, легонько провел ею по бедру девушки, спускаясь от тугой попки к колену. Марго не проснулась, только глубоко вздохнула и прошептала что-то вроде: «Иди ко мне...» Еще миг, и Андрей бы не выдержал, но... в его голову ворвался голос Шанти:

«Хватит там развратничать, выходи во двор, я тебе гостинец принесла!»

Монах вострепнулся, отдернул руку и с облегчением ответил:

«Наконец-то! Я места себе не находил, все из рук валилось! Плохо, что я не могу связаться с тобой на таком расстоянии! Рассказывай, что там с Федором, как они?»

«Живы. Федор ранен, но состояние более-менее нормальное. Женщины в порядке. Я тебе потом все подробно расскажу. Иди скорее, прими гостинец, тебе говорю».

«Ранен? Как – ранен? И что за гостинец?» – спохватился Андрей, натягивая штаны и засовывая ноги в башмаки.

«Увидишь, – хмыкнула драконица. – А о Федоре потом расскажу».

Выйдя из дома, Андрей увидел посреди двора сундук, окованный железом, с хитрыми защелками на боку. На крышке сидела Шанти в виде черной кошки и, посверкивая глазами, весело смотрела на друга.

Андрей подошел к сундуку, взял в руки Шанти и, прижав к себе, ласково погладил по голове и спине:

– Как без тебя было плохо! Я так скучал! Как будто у меня руку оторвали или ногу. Вот не лишишься чего-то – и не узнаешь, как оно дорого!

– И не «оно», а «она»! – поправила довольная Шанти. – Я тоже скучала. Привыкла уже, что ты рядом. Ты открывай, открывай сундук, смотри!

Андрей отщелкнул запоры, разобравшись с их системой, откинул крышку и замер, открыв рот.

– Ничего себе! Это чего такое? Откуда?

– У бандитов отобрала. Тут твое золото и то золото, что разбойники грабили на дорогах. Давай вначале его куда-то определим, а потом я тебе все расскажу. Куда будем ставить?

– Да ну куда еще... в спальню, больше некуда. Потом тайник сделаем. А после того как выкупим дом Марка, туда переместим. Пока что надо как следует замаскировать, закрыть, чтобы ни один любопытный конопатый нос не мог туда залезть. Не нужно подвергать человека соблазнам, особенно таким. Ты представляешь, на какую сумму тут денег?

– На большую, наверное, – усмехнулась Шанти.

– На очень большую! – рассмеялся Андрей. – Если честно, я и сам не представляю на какую. Но на очень, очень большую. Можно сказать, что мы теперь богаты и можем позволить себе многое, очень многое.

Андрей спустил с рук на землю свою подругу, подошел к сундуку, аккуратно взял его за ручки... Шанти с интересом смотрела за его действиями и мысленно хихикала: она-то умела уменьшать вес предметов,

а людям и оборотням это недоступно. Потом ее хихиканье оборвалось, и она, открыв рот, проводила взглядом друга, поднявшего сундук, весящий не меньше трехсот килограммов.

Взяв сундук, Андрей зашагал к дому, оставляя в земле заметные следы, как будто шел по песку где-нибудь на берегу речки. Заскрипели половицы, с трудом выдержав вес человека с сундуком, и через минуту «золотой запас» был водворен в дальний угол спальни и накрыт покрывалом, взятым из шкафа.

– Ну ты и силен! – с уважением сказала Шанти, поглядывая на торс Андрея, весь перевитый жгутами мышц. – Я даже и не думала, что ты так силен. Я-то уменьшаю вес, потому и смогла прилететь с таким грузом, а ты просто взял и поднял, будто пучок соломы. Вообще, чисто интересно: а как ты воспринял этот груз? На пределе возможностей, с треском сухожилий или же без особых усилий?

– Хм... честно говоря, даже не задумывался, – признался Андрей. – Взял да поднял. Ничего такого особенного. Ты знаешь, иногда мне кажется, что у моего измененного тела есть несколько уровней силы и скорости. И по моему подсознательному желанию оно переключается с одного уровня на другой. Сверхскорости минимум два или три уровня, силы тоже. Вероятно, это потому, что организм не желает тратить больше энергии, чем необходимо. Ты же знаешь, что после включения высокой скорости или силы я потом много ем, во время этой работы у меня поднимается температура сразу на несколько градусов. Организм сжигает ресурсы. А зачем тратить лишние ресурсы, если он может обойтись и меньшими расходами? Сейчас, по моим ощущениям, я был где-то на втором уровне силы. А их три, и я подозреваю – больше. Может, четыре или пять. Боюсь даже подумать, что будет, если я включу высшие уровни, – мне кажется, что организм при этом спалит себя за минуту. И мне даже кажется, что в мозгу стоит что-то вроде барьера, не позволяющего работать на высших уровнях. Защита от дурака. Ладно, это все тебе неинтересно. Давай-ка рассказывай, что там у Федора случилось, как ты путешествовала, чего видала и делала.

– А может, до утра оставим? Выспимся, я тебе и расскажу, – зевнула Шанти.

– Нет уж. В двух словах расскажи, а завтра все до мелочей перескажешь. Пятнадцать минут погоды не сделают. Давай-давай, не спи!

– Соня, вставай, – вырвал из сна голос Марго.

Андрей очнулся и посмотрел в улыбающееся лицо своей «жены»,

затем подождал, чтобы она вышла из комнаты. Но она все не уходила, и ему пришлось встать и при ней натянуть на голый зад штаны, надеть рубаху, носки. Девушка следила за его действиями с улыбкой и довольно ехидно заметила:

– Вообще-то я видела тебя во всех видах... и даже трогала, когда ты спал. Так что зря ты меня стесняешься. Ничего нет в твоём теле такого, что ты должен скрывать от жены. И не забывай – от меня не скрыть твои чувства. Ты меня любишь, а еще злишься и из чистого упрямства противишься очевидному: мы предназначены друг другу. Ты мой муж, а я твоя жена. На самом деле, а не номинально. Все хочу спросить тебя про одну вещь и никак не решаюсь... Знаешь, мне иногда в голову приходит глупая мысль: не пояснишь мне это дело? Ну никак не могу понять, и все тут!

– Какое дело? – немного недовольно сказал Андрей, чувствуя злость на себя и на Марго, от которой невозможно скрыть истинные чувства. Ну как вот жить с такой женой, от которой нельзя скрыть то, что чувствуешь? Хорошо хоть мысли не читает...

– В конце концов, мы с тобой займемся любовью, рано или поздно, это однозначно, не спорь. Ты упрямый, я еще упрямее, а ты не сможешь противиться зову природы. Ночью ты чуть не сдался, и, если бы не наша подружка, я бы сегодня уже была женщиной. Так вот, когда я преобразуюсь в Зверицу, а потом в человека – не восстановится ли моя девственность? Вот чисто интересно! Я ведь девственница, ты же знаешь. И каждый раз при переходе из состояния человека в состояние Зверя и обратно снова буду становиться девственницей? Что думаешь по этому поводу?

– Вообще-то, чисто научно, вопрос интересный, – хмыкнул Андрей. – Действительно, восстановится все, что присуще организму в расцвете сил. Разрыв девственной плевы можно считать за рану, нанесенную организму, и она будет устранена! Вот демонство! Да, каждый раз после того, как обернешься, ты будешь девственницей. Вообще-то не очень удобно – если ты мужняя жена, конечно, тебе не кажется?

– Почему? Ну да, немножко неудобно, есть такое дело. Но я заметила, что, когда стала оборотнем, порог болевых ощущений у меня вырос, и очень сильно. То, что раньше воспринимала как сильную боль, от которой темнело в глазах, теперь легкая боль, вроде игольного укола. Я вчера палец порезала, но порез затянулся за считанные минуты, вот, только шрамик остался. – Марго протянула и показала Андрею свою гладкую руку, на указательном пальце которой и правда был довольно длинный порез. – Затянулось все так быстро, что я даже не перевязывала. Настоящее чудо.

Так что, мой любимый муж, каждый раз после того, как я обернусь Зверицей, буду дарить тебе свою девственность! Как в первый раз, который от тебя никуда не денется, как бы ты ни взбрыкивал жеребенком.

– Да ну тебя, – досадливо махнул рукой Андрей и пошел из комнаты, косясь на стоящую в проеме двери Марго, опирающуюся спиной о косяк.

Когда он проходил мимо, девушка чуть наклонилась вперед, и Андрей задел локтем ее упругую грудь, отчего к его чреслам сразу стала приливать кровь, а он сбился с шага. Марго злорадно захихикала, чувствуя его возбуждение, и тихо шепнула вслед:

– Никуда не денешься. Ты мой. А я твоя.

Андрей все прекрасно слышал, но проигнорировал ее слова. У него было такое чувство, как у соловья, попавшего в силки... Впрочем, возможно, что он и не возражал против этих силков. Единственно, что его останавливало, это старое, въевшееся в кровь правило – ему нельзя иметь семью, нельзя привязываться к кому-либо так, чтобы он не смог в любой момент все бросить и бежать куда глаза глядят. Это правило было выше его, сильнее его, на уровне инстинктов. А еще он очень боялся потерять Марго. Тем более на его памяти был совсем недавний пример с Олрой, в которую он в общем-то влюбился и которая носила его ребенка. Ему еще предстояло сообщить Марго, что у него где-то там скоро родится дитя. Как онаотреагирует на это? Женщины совершенно непредсказуемы. Может, она посчитает его подлецом, бросившим женщину на сносках?

За обеденным столом уже сидел Зоран, на столе сидела Шанти, снова принявшая образ хорька, чтобы не наводить среди персонала дома панику своим умением менять внешность. Тут же, за столом, сидели Таина, вся сияющая довольством и радостью жизни («Еще бы! – хмуро подумал Андрей. – Этот злостный тип полночи ее пахал! Чего бы ей не радоваться...»), а еще – огромная женщина, просто какой-то монстр, а не баба. Под два метра ростом и широченная, как танк. Она встала со стула, жалобно скрипнувшего при передвижении, и густым басом сказала:

– Приветствую вас, господин Андрей! Я кухарка, Эрна. Зоран нанял меня на работу. Я уже наготовила всего, так что мы с Таиной можем подавать на стол. Когда прикажете – сейчас или немного погодя?

Андрей с уважением посмотрел на кухарку снизу вверх и спросил:

– Ты замужем? Дети? Сколько тебе лет?

– Тридцать лет, – прогудела женщина, – не замужем, дети есть. Муж сбежал – хилый нынче мужик пошел. Не выдерживает настоящих женщин, господин Андрей! – Она заухала басом. – Сказал, боится, что я, если рассержусь, проломлю ему голову кулаком. Он любил закладывать за

воротник, и я его немного учила. – Эрна сжала кулак, больше похожий на дыню, и продемонстрировала его хозяину.

– А ты не думала о карьере стражника, например? – с интересом осведомился Андрей, глядя на этого борца сумо женского рода. – Мне кажется, тебе лучше было пойти в армию или в стражники. Тебя бы все враги боялись, только покажешься на поле брани, только кулак им продемонстрируешь – и все, победа обеспечена.

– Ха-ха-ха! Скажете же, шутник вы, господин Андрей. Нет, в армию не хочу. Я добрая слишком – чтобы я убила, меня нужно сильно рассердить. Да еще я готовить люблю, с детства. И у меня хорошо получается, скоро вы в этом убедитесь. Меня звали в трактиры работать, они меня все знают. Но я не люблю эти заведения – суета, пьянь, я бы их сразу повыкидывала вон. И еще там же не дадут развернуться таланту, там гонят вал, им не надо экзотического вкуса, не надо тонкого вкуса – дай им кусок мяса на решетке да пива, а чтобы придумать что-то особое, красивое – этого в трактирах не надо. Вот если бы свой трактир открыть, да такой, чтобы там особые блюда были, чтобы можно было развернуться душе! Я предлагала кое-кому из трактирщиков сделать такое заведение для богатых, изысканную кухню, они не захотели, побоялись. Ну и пошли они к демонам. Я лучше буду вам служить. Зоранчик сказал мне, вы хороший человек. Ваша жена – ну такая душка, такая славная! Душа радуется. Берегите ее, таких девушек надо беречь, как редкий цветок! Простите, что я взяла на себя смелость что-то вам посоветовать, – скромно потупилась женщина.

Андрей помолчал, еще раз осмотрел могучую Эрну – она только на первый взгляд была толстой, на самом деле при внимательном рассмотрении ее жир не был жиром больной женщины, нет, он всего лишь смягчал, округлял формы, налитые стальными мышцами, укрепленные мощным костяком, толстенными сухожилиями.

Ему подумалось: если ей дать в руки алебарду и пустить на прорыв вражеского строя – она будет косить врагов, как траву, и алебарда в ее руках покажется игрушкой. Потом вдруг вспомнилось – «Зоранчик»? Ах, паскуда! Неужели он и на эту уже слазил?! Да как сумел-то? Он же по сравнению с ней, как воробей рядом с гусыней! Его сильно позабавил этот факт, и Андрей невинно спросил:

– А откуда ты знаешь Зорана? Где вы с ним познакомились?

Женщина слегка смутилась, кинула взгляд на потупившегося парня и, пожав плечами, ответила:

– Мы встречались с ним раньше... он как-то шел по улице, такой несчастный, такой мокрый, как воробушек, ничего не замечал по

сторонам – и уткнулся прямо мне в грудь. Я его и пожалела, привела домой, чаем напоила, обогрела... Он хороший парень, очень хороший... во всех отношениях. – Женщина слегка порозовела, а Зоран исподтишка незаметно подмигнул Андрею правым глазом.

– Послушай, Зоранчик, – ядовито спросил Андрей, – есть еще в этом городе женщина, с которой ты не «встречался раньше»?

– Есть, конечно, – невозмутимо парировал Зоран. – Ваша супруга и моя мама. Ну еще тетка, хотя она и строила мне глазки. Но я же не извращенец какой-то – с теткой спать! Что касается Эрны – это клад, настоящий клад, увидите! Как она готовит – язык проглотить можно. Только одно у нее плохо... – Зоран помедлил, а Эрна нахмурилась, ожидая его слов. – Она использует продукты только высшего сорта, самые дорогие, и приправы такие, что они стоят дороже золота! Типа – из плохих продуктов не сготовишь хорошее блюдо. Потому ее трактирщики и не берут – она отказывается готовить из залежалого мяса и прогорклой муки.

– Я что, буду травить клиентов? – пожала могучими плечами Эрна. – Нет уж, мне такого добра не надо. Ладно, на стол подаем?

– Подавайте, – кивнул Андрей и уселся в кресло, лицом к двери – многолетняя привычка.

Кстати сказать, не зря же у воинственного народа, чеченцев, самое почетное место, на котором обычно сидит хозяин дома, глава рода, напротив входной двери. С этого места видно, кто входит в комнату, а значит – легче встретить опасность. Опасность ведь всегда приходит снаружи, из мира за стенами дома...

Завтрак и вправду был отменным – Андрей ел так, как не ел уже много лет. Пирожки таяли во рту, брызгая соком, суп из морепродуктов был лучше, чем в самых лучших ресторанах. Андрей так облопался, что пожаловался кухарке:

– Эдак ты раскормишь меня так, что скоро в дверь проходить не буду! Разве можно так объедаться?! Растолстею, меня жена любить не будет. – Он весело подмигнул потупившейся Марго, также не отстающей от него в поглощении вкуснот.

– Хе-хе-хе, – порадовалась Эрна, – ничего-ничего, кушайте! Вам надо немножко пополнеть, жирок набрать. Женщины любят сильных мужчин, в теле. Как придавит, как сожмет – и улетишь!

– Что, и Зоранчик придавливает, с его воробыным весом? – поинтересовался Андрей.

– У Зоранчика другие умения... он умеет женщину удовлетворить, не сомневайтесь, – хихикнула кухарка. – Женщины ушами любят, а он

говорить умеет. И вообще – языком он работает виртуозно.

– Ф-фу! Замолчи! – покраснел Зоран. – Разболталась! Будешь болтать, уволю!

– Не ты мне деньги платишь, не тебе и увольнять, – парировала кухарка. – И вообще, чего ты взбеленился? Я тебя, наоборот, похвалила, женщины тебя любят, и обращаться с ними ты умеешь, правда, Таина?

– Правда, – рассмеялась служанка, – чистая правда! Ох и умеет!

– Верю, – буркнул Андрей. – Знаешь, умельщик, применяй-ка свои способности где-нибудь подальше от этого дома, вот что я хочу тебе сказать. Полночи уснуть не мог – ваши крики и стоны, наверное, слышали все соседи в округе. Я хочу ночами спать.

– Да мы вроде старались потише, – смутился Зоран. – Ладно, если так мешаем, мы постараемся не шуметь, правда, Таишка?

– Как господин скажет, так и будет, – потупилась женщина. – Вы извините нас, мы не думали, что так шумим... не замечали этого. Простите великодушно.

– Ладно, чего уж там, – махнул рукой Андрей и вдруг спросил Эрну: – Послушай, а был ли хоть один мужчина, чтобы одолел тебя в силе? Чтобы был сильнее, чем ты?

– Хо-хо-хо! – Уханье женщины чем-то напомнило Андрею смех Санта-Клауса («Хо-хо-хо! Ты не шалил, мальчик, в этом году?»). – Все мужчины почему-то об этом спрашивают. Нет, сильнее себя ни одного мужчины, ни женщины я не встречала.

– А хочешь, потягаемся с тобой на руках? – коварно спросил Андрей.

– Каждый второй мужчина мне это предлагает, – снова заухала кухарка. – Господин Андрей, может, не стоит? Обидитесь еще, а вы такой хороший человек, разговариваете с нами как с равными, не гнушаетесь. Не надо бы, а?

– Давай-давай, садись, – усмехнулся Андрей и указал на стул напротив себя. – Вот сюда, в угол садись. И не стесняйся, положишь мою руку – десять золотых твои.

– Десять! Ух ты! Ну что же, готовьте ваши денежки, мой господин!

– А ты, если проиграешь, сготовишь нам чего-нибудь такое экзотичное, что и сама не решалась, что надо делать целый день! Согласна?

– Да я и так приготовлю, с радостью! – рассмеялась Эрн. – И без соревнования! Ну раз вы хотите, значит, так тому и быть, – заторопилась она и, напевая под нос: – Десять золотых, десять золотых... – уселась за стол и поставила руку на локоть, приподняв рукав платья. На ее ручище тут же вздулся огромный желвак бицепса, как у ярмарочного силача.

Андрей примерился, ухватился за ее кисть и тоже поставил руку на локоть, потом сказал Зорану:

– Скомандуешь, когда начать. Готова, Эрна?

– Готова!

– Начали! – крикнул Зоран, глаза которого блестели от возбуждения. Ему ужасно нравилось происходящее.

Эрна тут же навалилась всем весом, желая мгновенно покончить с мужчиной, попытавшимся противостоять ее силе. И действительно – она была невероятно сильна. Андрей почувствовал такой нажим, как если бы ему на руку налег автомобиль. Пришлось перейти на третий уровень силы, иначе она подмяла бы его руку.

Эрна покраснела, ее могучие мышцы напряглись, и она в этот момент напоминала быка, пытающегося порвать цепь, которой его притянули к каменной стене. Безуспешно. Мужчина сидел, слегка улыбаясь, и даже не особенно напрягался. Потом усилил нажим, и рука Эрны начала медленно, но верно клониться к столу. Женщина продержалась до последнего, пока ее рука не коснулась стола, и обмякла, как будто из нее выпустили воздух.

– Вот это да! – прошептала она, с восхищением глядя на Андрея. – Никогда бы не подумала, что вы так можете, уж простите меня за откровенность! Вы худенький такой, красавец, выглядите как аристократ, и такая сила! Вы первый, кто смог одолеть Эрну! Я ведь пари выигрывала в трактирах, и не раз. Пока не перестали со мной соревноваться. Одно время подрабатывала этим делом – деньги сильно нужны были, когда дочь родилась. Ей сейчас десять лет, дочке моей, она с бабушкой сидит. Вы не будете против, если она иногда возле меня побудет, тут, в доме? Она не хулиганка, не шумит, не бегаёт, помогает мне на кухне. Тоже любит готовить, как и я. Учю потихоньку.

– Не против, конечно, – улыбнулся Андрей. – За тобой особое блюдо, помнишь условия?

– Конечно! Я придумаю что-то особенное, не сомневайтесь. Вы не подумайте, что я какая-то тупая деревенская баба, я грамотная, меня учили в местной школе. А еще я училась у повара Заскара, он при дворе императора служил, пока здоровье позволяло. Умер не так давно. Жалко, хороший старик был и умел многое.

– Она свитки древние покупает – ищет рецепты, книги всякие старинные покупает с рецептами, – не выдержал Зоран. – У нее целая полка завалена старинными рецептами! Она профессор в кулинарии!

– Покупаю, ага, – призналась Эрна, – люблю это дело. Жаль, денег не хватает, а то бы я большую коллекцию рецептов собрала.

– Эрна, а не хочешь попробовать посоревноваться с Марго? Условия те же. Десять золотых.

– Вы шутите? – недоверчиво переспросила Эрна. – Я же покалечу ее! Разве можно?! Вы гляньте, какая она хрупкая и маленькая. Вы-то жилистый, хоть и не в теле, а она – нежный цветок, сразу сломается. Нет, нет и нет. Не надо мне десяти золотых – не хочу калечить госпожу.

– Сто золотых! – сощурив левый глаз, невозмутимо сказал Андрей. – Никаких претензий к тебе не будет. Сто золотых, если она проиграет. Как ты, Марго, не против?

– Не против, – улыбнулась девушка. – Посоревнуемся? Мы с папой тоже иногда вот так садились и начинали друг с другом бороться. Только я никогда у него не выигрывала – он такой сильный был!

– Вот-вот, а вы хотите, чтобы она со мной соревновалась? Ладно, – решила Эрна, – воля ваша, как же я могу противиться хозяину, если он приказал? Тем более сто золотых... мне за них два года работать нужно. Давайте, я готова!

Эрна водрузила свою руку-окорок на стол, Андрей и Марго поменялись местами, и через несколько секунд маленькая ручка девушки утонула в огромной лапе кухарки. Та с жалостью посмотрела на Марго, потом на Андрея, укоризненно качая головой, мол, как ты можешь позволять такое?! – и поединок начался.

Андрей скомандовал, и кухарка рванула руку девушки к столу, вернее, собралась это сделать и снова, как и с Андреем, застыла в недоумении, напрягаясь изо всех сил и не сдвинув руку противницы ни на сантиметр. Она нависла горой над хрупкой девчонкой, покраснела, перекосилась в невероятном усилии – и безуспешно. Эта пигалица легко, без напряжения положила ее руку на столешницу, будто руку ребенка.

– Вот это да! – ахнул Зоран. – Я такого еще не видал! Кому расскажешь, не поверят!

– Только попробуй рассказать! – пригрозил Андрей. – Помнишь, что я говорил? Если кто-то разболтает о том, что тут видел или слышал, вылетит со своего места с треском, а то еще и башку откручу!

– Вы можете! Это точно! – с уважением и даже некоторым страхом сказала Эрна. – И она может. Я тоже никогда бы не поверила, что такое может быть. Уважаю вас. Вот почему вы поженились, вы так подходите друг другу, как никто другой. Правда, Таина? Они даже чем-то похожи друг на друга! Ну ладно, вам еще принести что-то? Попить? Я морс сделала из летних ягод – вкуснотища! Попьете?

– Попьем, – кивнул Андрей.

Эрна унеслась на кухню, напоминая паровоз «Иосиф Сталин», а Андрей взял голову в руки и задумался над тем, что видел и что не заметил никто, кроме него.

Во время поединка ноги Марго, которые не были видны присутствующим, стали покрываться шерстью – она начала перекидываться в оборотня, и Андрей с ужасом ждал, чем все это закончится, и ругал себя последними словами, что затеял это дурацкое состязание. Развлекался он, видите ли, болван. Возможно, что Марго почувствовала его страх, а может, она овладела собой, но шерсть исчезла так же быстро, как и появилась. Никто ничего не успел заметить, тем более что внимание было приковано к рукам на столе. «Хорошо хоть преобразование началось с ног», – подумалось Андрею.

Марго виновато смотрела на его окаменевшее лицо – они были в миге от того, чтобы раскрыть свою сущность. И как из этого случая стало ясно, Марго еще не до конца могла себя контролировать. Случись какой-то стресс, максимальное напряжение умственных и физических сил – и вот, получите вместо девочки-одуванчика Зверицу с когтями и зубами. Эдак и до инквизиции недалеко. А Андрею никак не хотелось оказаться на костре вместе со своей «женой». С этим надо было что-то делать. Что? Он еще не знал.

Хотя... в общем-то даже хорошо, что так вышло. Теперь у них есть время, чтобы научить ее контролировать себя, свое сознание. Как? Тренировками, усиленными, на пределе сил и возможностей. Жестокими тренировками, с болью и травмами.

– Что у тебя тут делалось, пока меня не было? – Шанти вольготно расположилась на кровати в спальне и смотрела на Андрея, устроившегося рядом и, как удав, переваривающего съеденный завтрак.

– Ходил я к Акодиму. Ничего хорошего. Великий Синод, а точнее, его глава категорически против того, чтобы выдвигать на должность начальника стражи никому не известного человека. Никто не пропустит эту кандидатуру. Они считают притчу об Ангеле Смерти бреднями. Как оказалось, время от времени кто-нибудь называет себя этим самым Ангелом, они уже перевешали и сожгли кучу народа, возомнивших себя посланцем Божьим. И еще новость узнал – Карлос все-таки настоял, чтобы турнир проходил с настоящими, острыми саблями. Мол, это способствует укреплению духа нации. Император подписал указ несмотря на то, что Синод был против этого решения. Это показывает, что Карлос набирает все большую и большую силу. А инициатором решения по турниру, скорее всего, был его сынок. Почему-то они очень уверены, что выиграют турнир.

Что-то в этом есть, не пойму что. Подозрительно.

– Ну так чего мы ждем тогда? – хмыкнула Шанти. – Грохнуть этого Карлоса, и вся недолга! Первый раз, что ли...

– Шум будет большой. Турнир могут перенести. Или вообще отменить. По причине траура. Начнется мощное расследование – копать будут по полной, и многие головы полетят. Будут искать убийц. Могут и нас зацепить. Как-то по-хитрому надо сделать, не так, как обычно. Стрела в затылок не решает проблему... Впрочем, когда как... – Андрей задумался. – Полагаю, пока что надо все оставить так, как есть, и идти на турнир. Выиграть его и уж потом... потом смотреть, что будет дальше. Нужно подобраться к этому самому Карлосу поближе, тогда и ясно будет, как его искоренять.

– Ты зашорен. Не видишь то, что по сторонам дороги. Почему его надо сразу убивать? А если похитить?

– А как ты похитишь его, когда вокруг десятки человек охраны? Это надо валить всех, поднимется страшный шум, просто невероятный шум! Как к нему подобраться? Опять летать ночью? Ты видела освещение его дома? Нет? А я видел. Факелы всю ночь горят, фонари. Денег не жалеет. Не подобраться.

– Не подобраться тебе. А я могу. Влечу в форточку воробьем, а потом сверну ему шею. Запросто.

– А если кто-то увидит? Пойдут слухи, может дойти до старейшин-драконов. Они стянут сюда кучу драконов в поиске нарушителя конвенции. Я не хочу рисковать тобой. Кстати, они могут видеть ауры? Как они узнают в тебе дракона?

– Наверное, могут, – согласилась Шанти. – Насколько я знаю, могут. Или кого-то приглашают, того, кто может. Честно говоря, я не знаю. Кто-то из драконов видит ауры, кто-то нет, не могу тебе сказать. Видимо, это как у людей или наоборот – у одних есть такое умение, у других нет. Я вот не вижу ауры. Вернее, иногда вижу что-то похожее на ауру, когда сосредоточусь, а потом – р-р-раз! – и пропало изображение. Может, когда старше стану, научусь? Старейшинам ведь десятки тысяч лет. А я слышала, кое-кто и за сотню тысяч перешагнул, двое вроде как. Вот это пеньки замшелые! Представляешь, что для них люди? Даже не бабочки, а как язычок пламени – мелькнул и исчез. Что они могут думать о людях, как они их воспринимают? Как неловкую помеху, не более того.

– Есть у меня одна мысль насчет того, как убрать Карлоса. Но это придется делать тебе. Сумеешь?

– Чего не сумеешь-то, – усмехнулась Шанти. – Сколько я людей уже

положила... Не людей – негодяев.

– Хорошо. Слушай меня внимательно...

Минут десять Андрей рассказывал свой план. Шанти пришла в восторг и заявила, что это великолепно. И пусть не боится, все пройдет как надо.

После разговора Андрей с Шанти заторопились в город. Зоран целился поехать с хозяином, но тот категорически отказался, заявив обиженному парню, что хочет немного отдохнуть от его болтовни.

Через несколько часов Андрей вернулся, удовлетворенный поездкой. Он ничего не объяснил ни Зорану, ни Марго, был рассеян и как будто ушел в себя, в свои мысли, отвечая невпопад и молча поглощая за обедом то, что ему подавала кухарка. Она даже немного обиделась, что он не оценил ее старания, но обиду долго не держала. Вообще-то она прониклась к нему таким уважением после их соревнования, что чуть ли не боготворила его. Впрочем, как и его жену.

Ближе к вечеру Андрей и Марго отправились во двор, на тренировку. Андрей взял с собой длинные дубинки и тупые сабли, ему необходимо было выполнить две задачи: потренироваться перед турниром, восстанавливая слегка утерянную форму, и научить Марго контролировать свои эмоции и не выпускать из себя Зверицу.

– Бери дубинку. Слушай меня внимательно. Сейчас будем биться, и ты получишь много, очень много плух. Очень болезненных. Ты заметила, что я закрыл ставни на окнах и подпер дверь? Чтобы любопытные физиономии не совались и не подглядывали. Я специально буду делать так, чтобы ты раздражалась, приходила в ярость, а ты старайся контролировать свои эмоции и не превращаться в Зверицу. Оставайся в человеческом обличье. Вот твоя задача.

– Поняла... – Марго закусила губу и с опаской взяла в руки дубинку, держа ее так, как будто она была ядовитой змеей.

– Ну что ты ее держишь, как скалку для теста! – рассердился Андрей, приводя себя в боевую ярость. – Возьми в руки крепко! Перед тобой Карлос! Он уничтожил твою жизнь, твою семью, твоего отца! Что ты застыла, как пенек?! Бей! Бей его! Ну! Или он убьет тебя! Я Карлос! Бей меня! На! На тебе, сучка марковская! На! – Андрей врезал по плечу Марго, она от неожиданности чуть не выронила палку, потом схватилась за ее конец и, вытаращив глаза, яростно врезала по обидчику, стараясь попасть туда же, куда попал ей он.

– Н-на! Получи! Получи! Тварь! – Андрей врезал Марго по ноге (потом точно будет здоровенный синяк), по лбу (шишка, чуть не с кулак).

Марго зарычала и стала преображаться в Зверицу.

– Нет! Держись! Держи человека! Палкой, палкой бей! – резко приказал он. – Остановись сейчас же!

Марго встала, тяжело дыша, и снова стала юной девушкой. Подняла палку и напала на Андрея с такой яростью, что ему пришлось включить сверхскорость, чтобы отразить атаку. Он отбил серию мощных ударов и тычков и начал колошматить девушку по бокам, по голове, по рукам. Она вскрикивала от боли, но держалась, стараясь достать его палкой и применяя те же приемы, что и при фехтовании саблей. Тогда Андрей еще ускорился, и его удары становились все сильнее и сильнее. Один угодил по державшей палку руке Марго, разбил кисть, прорвав кожу. Потекла кровь, девушка выронила оружие и снова начала превращаться в Зверя.

Андрей остановился:

– Не смей превращаться! Не смей! Вернись! Палку, палку взяла! Начали!

Ее повреждения почти исчезли, когда она едва не превратилась, и Марго со слезами на глазах, избитая и несчастная, снова подняла палку. У Андрея сердце разрывалось от жалости, но он не мог остановить экзекуцию. Она *должна* уметь контролировать себя при любых обстоятельствах. Способность превращаться должна быть взята под контроль, иначе Марго подставит под удар себя и близких, его в первую очередь. И тогда все рухнет.

Удар! Еще удар! Серия ударов! Марго яростно сражалась, покрытая синяками, с разбитой губой, с рассеченной бровью – Андрей не жалел ее, не имел права жалеть.

Это продолжалось часа три, пока не начало смеркаться. Он не давал ей отдыха, не позволял остановиться, перевести дыхание. Благодаря способностям оборотня она продержалась долго, очень долго, но под конец беспрерывной гонки она все-таки выдохлась и с мольбой смотрела на своего мучителя.

За все время они остановились только раз – поменять дубинки на сабли. От сабли ей досталось еще больше – рассеченная кожа на лбу и шишка на макушке были не самыми болезненным повреждениями. Несмотря на то что ссадины и ушибы на ней заживали быстро и боль Марго чувствовала не так сильно, как обычные люди, к концу тренировки ее тело болело так, как если бы три часа ее избивали палками и дубинками. Она была сплошной синяк. Зато теперь, после пятой попытки превратиться в Зверицу, она уже не пыталась совершить превращение. Мозг как будто запомнил – нельзя! Только по команде, и все тут! Никаких Зверей!

– Ну все, все... – Андрей забрал из рук тяжело дышащей Марго саблю, обнял ее, прижав голову к груди. – Извини, что пришлось тебя так бить. Мне нужно было закрепить в мозгу блок, чтобы не происходило самопроизвольного обращения. Пойдем в душ, я тебе помогу. Можешь сама идти?

– Еле-еле... – усмехнулась разбитыми губами девушка. – Вот ты мне дал трепку.

– Сейчас все пройдет. Обернешься – и будешь как новенькая. Пойдем в душ, чтобы никто не видал, как ты оборачиваешься. Вдруг кто случайно увидит, мы не можем рисковать. Сейчас я помогу!

Андрей подхватил девушку на руки, и она затихла, как ребенок, глядя синими глазами в его лицо. Он не выдержал, наклонился и поцеловал ее прямо в распухшую губу, ощутив солоноватый вкус крови. Она слегка улыбнулась и тихо сказала:

– Ради этого стоило получить трепку. Поцелуй меня еще, пожалуйста...

Андрей наклонился, и теперь их поцелуй был долгим, очень долгим, пока у них хватало запаса воздуха в груди...

Андрей помог Марго снять одежду – она не стеснялась его совершенно, сняла штаны, рубаху, стянула свои знаменитые панталончики из каких-то там знаменитых кружев, и Андрей замер: все ее тело было в кровоподтеках и ссадинах. Она заметила его взгляд и, не смущаясь, стала показывать:

– Глянь, это вот палкой. А вот это саблей – здорово ты мне засветил! Если бы острой, я бы уже померла. Никто не сможет противостоять тебе на турнире, уверена!

– Обращайся скорее! – взмолился Андрей. – Не могу смотреть на тебя избитую, сердце колет!

– Да ладно... мне не очень-то и больно. У оборотней есть свои преимущества. Кстати, смотри, синяки потихоньку рассасываются, и губа уже почти поджила. Ладно, я сейчас.

Марго на глазах стала покрываться шерстью, изменяться, Андрей с интересом смотрел, как это происходит. Он обращался в секунды, а она делала это медленно, и, судя по всему, процесс был довольно болезненным – ее буквально корежило, и Марго слегка постанывала и поскуливала от боли. Через минуту перед ним стояла Зверица – с гладкой, блестящей шерстью, мощными когтистыми лапами, белыми клыками, торчащими из пасти, и... синими глазами. Почему-то ее глаза так и остались синими, светящимися, как голубые алмазы.

– Красотка! – восхитился Андрей. – Даже сейчас ты красотка! Давай обращай назад, нам еще ужинать надо, наши домочадцы уже небось голову сломали, чего мы там делаем целых три часа.

Зверица высунула красный язык и улыбнулась. Потом начала превращаться в девушку, и скоро перед Андреем снова стояла Марго в своем первозданном виде. Она была покрыта кровью из ссадин, запекшейся в корочку, и Андрей, скинув рубаху, включил кран с теплой, нагретой за день водой и, поставив Марго под струйки, стал тереть ей спину, отмывая и мысленно ругая себя за жестокость.

Она стояла покорно и молчала. Ее прическа, которую они делали у парикмахера, исчезла – снова появились волосы длиной до пояса, и Марго была похожа на какую-то ведьму или русалку. Андрей развернул ее, осторожно смывая кровь с лица девушки, с губ, и Марго неожиданно схватила его за плечи и притянула к себе.

– Попался! Теперь не уйдешь!

Она обняла его руками за шею и стала яростно целовать, тяжело дыша, покраснев и жмуря свои синие глаза. Потом яростно дернула за пояс штанов Андрея и разорвала их, как бумажные, под его сдавленный смех:

– Ты что делаешь, хулиганка?!

Марго не ответила, сорвала остатки одежды и запрыгнула на него, обхватив ногами. Потом протяжно вскрикнула, застонала, сжалась и задвигалась, вжимаясь в мужчину. Через несколько минут она вздрогнула, по ее телу прошли судороги, она вздохнула и, чуть отстранившись от его груди, облегченно сказала:

– Вот и все. Теперь я женщина. Давай поменяемся местами и продолжим?

И они продолжили...

– И как я теперь пойду в дом? – недоуменно развел руками Андрей. – Взяла и уничтожила мои тренировочные штаны! В одной рубахе, что ли, идти? Натягивая ее на колени, на корточках? Кстати сказать, всегда подозревал, что в тихонях сидит демоница. Но чтобы такая злостная демоница! М-да-а-а... может, это сущность оборотня сделала тебя такой любвеобильной? Вообще, как-то неправильно. Это я должен был тебя соблазнять, а потом лишить девственности. А у меня такое впечатление, что это я неприступная девица, а ты меня домогалась и в конце концов изнасиловала. Чувствую себя изнасилованной девственницей! Требую компенсации!

– Это еще что, – туманно пообещала Марго, – ты еще не знаешь, что

тебя ждет в супружеской постели. Я как-то нашла древний трактат об искусстве любви. Там были нарисованы такие интересные позы... все время думала: как люди делают *такое*?! Вот выйду замуж – попробую с мужем это сделать. Вот, теперь держись! Я начитанная девушка!

– Ой, только не это! У нас на Земле тоже такие трактаты дурацкие имеются, я читал о том, что некоторые пары, попробовав эту хрень, попадали к лекарю – вывихивали себе руки, ноги, поясницу. Нет уж, членовредительства не будет.

– Нет уж, не увильнешь. – Марго помахала пальцем перед его лицом. – Как повредишься, так и вылечишься – тебе только раз обернуться, и все. Не увиливай от супружеских обязанностей. Теперь ты мой муж по всем статьям. Первый мой и последний мужчина.

– Дай-то Бог, – тихонько буркнул под нос Андрей, но Марго услышала и снова погрозила ему пальцем:

– Нет уж, никуда не денешься. Мой мужчина, мой муж. Никому в обиду не дам. И вообще, мы теперь с тобой единое целое, так что не скрывай от меня ничего, как и я не буду. Хорошо? Чего вы там с Шанти задумали, сознавайся!

– Я потом тебе расскажу. Иди-ка сходи за штанами. Должен же я как-то добраться до своей комнаты? До нашей комнаты... Кстати, как ты себя чувствуешь? Я смотрю, ты бодренькая, будто и не скакала с палками три часа.

– Хм... знаешь, а правда, усталость ушла, как не бывало! Чудеса, да и только. Может, оттого что мы занялись любовью? Я так давно этого ждала...

– Все проще, – усмехнулся Андрей. – От усталости в мышцах накапливается молочная кислота. И другие токсины. Когда ты обращалась, кислота исчезла, растворилась, организм обновился, и ты снова бодр и свежа. Вот и весь секрет.

– А что такое молочная кислота?

– Это... в общем, неинтересно, – улыбнулся Андрей, – тебе это не пригодится, забудь. Иди за штанами, а то мне уже надоело сидеть с голым задом, как идиоту.

– А что, ты очень хорошо так выглядишь, такой соблазнительный, я уже снова тебя захотела... иди ко мне...

– Кыш! Кыш отсюда, распутница! – Андрей шутливо оттолкнул Марго, вставшую вплотную и ухватившую его... – Штаны тащи, безобразница! Инквизитора на тебя надо – может, в тебя вселился демон? Бесы тебя тербят! Надо изгонять!

– Не шути так, – посерьезнела Марго. – Я помню, у нас на улице башмачник был, дядя Шурс, так он однажды сказал жене, что видит свечение вокруг людей. И как-то получилось, что он стал лечить соседей, к нему все приходили. Вылечивал и простуду, и переломы, и ожоги. Его все любили. И денег не брал. Инквизиция прознала, его забрали и обвинили в том, что он исчадие. Потом на площади сожгли. Говорят, он так кричал, так просил не трогать его, а те люди, которых он лечил, кидали в него камнями и смеялись. Я не ходила, а мне рассказали дочери одного купца, делового партнера папы. Мы в гостях у него были, и вот эти девки стали рассказывать про казнь и смеяться над башмачником, передразнивать, изображая, как он просил его не сжигать. Я сказала, что они дуры проклятые, и врезала одной по уху. Скандал бы невероятный. Отец разругался с партнером, тот требовал меня наказать, а отец сказал, что не за что. И что, если они такие дуры и ничего не понимают, а он не научил их жизни, значит, и ему с ним нечего делать. И он расторгает с ним отношения. Они тогда сильно поругались, до драки. Но потом примирились и снова вели дела. Только дружбы уже не было, и в гости к ним я уже не ходила. Я так со многими девчонками, дочерьми отцовских знакомых, разругалась. Они такие тупые, такие ограниченные, это просто невозможно! Они ничего не читают, разговоры только о тряпках, шушукаются о мальчиках. И знаешь, какие грязные фантазии у них – ты бы ахнул! Я даже говорить не хочу. А на людях такие благовоспитанные... Ханжи! А мальчишки еще хуже – только ходят как фазаны, распустив хвост, перед девчонками выкаблучиваются. А спросишь о чем-то, он этого не знает, того не знает, все, что интересуется, – карьера, охота, сабли и турнир. Вот тут уж они знают имена всех победителей! Это культ какой-то! Взахлеб рассказывают – и мальчишки, и девочки, какую известную аристократку соблазнил очередной победитель турнира. И ведь дамы не стесняются, хвастаются тем, что изменили своим мужьям с каким-то тупым мужланом, который лучше всех машет саблями! Идиоты и идиотки. Ненавижу это общество. Ну ладно, хватит обо мне. Пойду за штанами.

Марго направилась к дверям, но Андрей вдруг сказал:

– Подожди, Марго, я должен тебе кое-что рассказать.

– О чем?

– Марго, у меня ребенок есть. Или, вернее, будет.

– Как это – будет?

– Понимаешь... пока я к тебе добирался, мне пришлось пожить в столице Славии. И в меня влюбилась одна женщина, Олра. И я в нее влюбился. Она не могла иметь детей, я вылечил ее и... в общем, я помог ей

забеременеть. И у меня скоро будет сын или дочь. Я не хочу скрывать это от тебя.

– А почему ты оставил ее? – спросила Марго, усаживаясь на скамью рядом с мужем. – Олру эту? Беременную? Как ты мог?

– Я не виноват, – устало ответил Андрей. – Я предлагал ей уехать со мной, но она отказалась. Я как-нибудь расскажу тебе эту историю. Впрочем, сейчас расскажу. В общем, ее некогда изнасиловали, очень страшно, мучительно, после чего она и не могла иметь детей. Избили ее отца до полусмерти – он прожил недолго, и до самой смерти его били припадками. И Олра сказала, что хотела бы убить этих подонков сама, своими руками. Ну я сдуру и расстарался – нашел их, вместе с Шанти выкрал из дома, привел Олру к подонкам и вложил в ее руку кинжал. Она убила одного из них, самого мерзкого. Я добил остальных. После этого наша любовь кончилась. Она видела во мне кровожадного убийцу. А я... я постарался забыть ее. Вот такая история.

Марго помолчала, потом посмотрела на Андрея и упала перед ним на колени, целуя его руки.

– Милый... бедный мой! Я никогда бы так не сделала. Ведь ты же старался для нее, старался, чтобы она была счастлива. И она трижды дура, что не поняла этого. Просто идиотка. И спасибо ей, что она упустила такое сокровище, как ты. За это я прощаю ей то, что она обидела моего мужа. А то бы я ей космы повыдирила! А то, что ребенок, это не страшно, это хорошо. Дети всегда хорошо. Будешь с ним видаться. Ребенок есть ребенок. Мало ли что у родителей случилось – он должен иметь и мать и отца. Обязательно, как разберемся с делами, поедem и посмотрим на него. И будем приезжать время от времени. Только я тоже попрошу тебя – хочу ребенка. Надеюсь, что сегодня я от тебя зачала. Скажи, а что будет, если я зачала и после этого обращусь в Зверицу? Не воспримет ли организм образование зародыша так, как будто это постороннее образование, не присущее организму?

– Это вопрос... не знаю, – признался Андрей. – Чисто по логике – да. При преобразовании должно исчезать все то, что не присуще организму в высшем пике физического состояния. А с другой стороны, ведь ребенок – это часть тебя. Организм воспринимает его как какой-то орган. Ведь не отторгает же он другие органы? Интересная проблема. Если бы почитать про это – про оборотней, про драконов... Я так скучаю по книгам, по библиотекам... мне совершенно необходима хорошая библиотека.

– Эх, если бы ты видел, какая библиотека была в нашем доме, – грустно сказала Марго. – Папа покупал очень много книг, в том числе и

старых рукописных. Много старинных свитков. Он всегда говорил – в них есть такие знания, которые на первый взгляд бесполезны, а на самом деле могут очень, очень помочь человечеству. И что терять эти знания глупо и преступно. Он очень много денег тратил на книги. Ну так что насчет ребенка, ты не против?

– А если я против – что ты сделаешь? Все равно ведь по-своему поступишь, – улыбнулся Андрей. – Если уж женщина решила, разве можно ей противостоять в таком деле? Скажи, а аборт тут принят?

– Официально запрещены, – посерьезнела Марго, – церковь против этого. Но подпольно делали и делают. Дочери аристократов, купцов развлекаются, а потом убивают своего ребенка, прячась от стыда. Главное, чтобы деньги были, а так делай что хочешь. Я считаю, что можно делать аборт лишь в одном случае – если какая-то погань тебя изнасиловала. А если ты сама раздвигала ноги перед победителем турнира – при чем тут ребенок? За что он смерть принимает?

– А разве с плодом насильника не так? – осторожно осведомился Андрей. – Ребенок ни при чем, если так рассуждать. Может, и он имеет право жить?

– Не знаю. – Марго с сомнением посмотрела на Андрея. – Представляешь – жить, зная, что в тебе растет плод Юкара, растить ребенка своего врага, глядя на него каждый день и каждый раз вспоминая, как он над тобой издевался. Ты бы смог это выдержать? Я бы, наверное, сошла с ума. По-моему, это еще хуже, чем аборт. Не знаю. Не хочу над этим думать. Славу богу, я этого избежала.

Она поднялась, помахала ручкой и исчезла за дверью. Андрей остался сидеть на скамье, опираясь о деревянную стену, обшитую дубовыми плашками. Ему было хорошо и спокойно на душе. Как-то все правильно завершилось. Разве нет?

Охранник у ворот дома оторопело посмотрел на худощавого инквизитора с фанатично горящими глазами.

– Доложи хозяину, что я срочно хочу с ним поговорить! И не мешкай, иначе будешь отвечать за нерасторопность. Быстро!

Охранника как ветром сдуло – не каждый день в дом является сам великий инквизитор! Промедлишь – как бы не оказаться у него в пыточной. Говорят, что у него все сознаются – даже в том, чего никогда не делали.

Через несколько минут во дворе появился сам хозяин поместья, лично вышедший встретить именитого гостя.

– Приветствую вас, инквизитор. Чему я обязан такой честью? Почему

без предупреждения, оставив все свои дела по выявлению исчадий? – Некрасивое лицо Карлоса было настороженно, и маленькие глазки буравили инквизитора, будто стальными сверлами. – Где ваша охрана, где эскорт из инквизиторов?

– Мы должны приучаться к скромности, – парировал великий инквизитор. – Или вы считаете, что Богу угодны ваши кортежи с толпами телохранителей и слуг? Меня охраняет Господь наш всемогущий! А если вы нажили столько врагов, что каждый второй в городе норовит воткнуть вам нож в спину, это не заслуга, это беда.

– Можно подумать, вы меньше врагов нажили! – рассердился Карлос, и его оттопыренные уши покраснели от возмущения. – Вы знаете, что в народе уже брожение по поводу ваших бессмысленных сожжений? Мне иногда кажется, что вы палите эту чернь только для того, чтобы развлечься! И ладно бы чернь, но скоро и аристократы могут угодить в вашу пыточную – мне доложили, вы на днях вызывали на допрос одного из моих родственников, троюродного кузена, графа Авалова. Какого демона вы его таскаете? Вы что, не знаете, чей это родственник? Много на себя берете!

– Вам не кажется, что лучше поговорить об этом в тиши кабинета? – вкрадчиво сказал инквизитор, оглядываясь по сторонам. – Здесь слишком много ушей. Авалов мне сказал, что в вашем доме укоренилась ересь, что у вас укрываются исчадия. Кстати, а где ваш сын? Он дома?

– Что вам мой сын? – угрюмо буркнул Карлос. – А в ваших пыточных человек сознается, что он дракон, не то что является исчадием. Что же, пойдемте, расскажете, какие претензии вы имеете к моему сыну. Заверяю вас, я не позволю допрашивать никого из моей родни, а тем более сына – императору это очень сильно не понравится, очень. И вы не один инквизитор на свете. Кстати сказать, вы тоже не бессмертны, так что не особенно задирайте нос, уважаемый!

– Вы мне угрожаете? – приподнял бровь инквизитор.

– Нет, что вы, как я могу угрожать такому уважаемому человеку! – усмехнулся Карлос. – Пойдемте поговорим. Кстати сказать, не пора ли нам прекратить нашу вялотекущую войну?

– И перейти к бурно текущей войне, это вы имели в виду?

– Нет. Я бы предложил объединить наши усилия по искоренению исчадий. Я могу предоставить вам список множества скрытых исчадий, которые заслуживают смерти на костре. В списке много именитых и даже родовитых горожан. И простых горожан. У меня есть сведения, что они занимаются колдовством, потворствуют исчадиям. Мы можем сделать так, чтобы часть имущества этих скрытых исчадий шла в нашу казну, за усилия

по выявлению предателей Господа нашего. Я подготовил соответствующий указ императора по этому поводу, так что мы не останемся внакладе. Вы и я получим огромные средства, которые сможем употребить на свои нужды. Вы, например, сможете еще более усердно заниматься поиском и искоренением исчадий. И оставите в покое моего сына... Кстати, откуда вы узнали про него? Кто вам донес? Впрочем, чего я спрашиваю... я же тоже не выдаю своих информаторов. Например, никогда не скажу, кто мне донес о вашем гареме из девочек.

– Каком гареме? – нахмурился инквизитор, проходя в кабинет Карлоса.

– Ну-ну, не прикидывайтесь, я знаю о несчастных заблудших овечках, из которых вы усиленно изгоняете демонов. То-то они так кричат по ночам... видимо, ваша плеть очень хорошо способствует вере, не правда ли?

– Не понимаю, о чем вы, – отчеканил инквизитор. – Так где, говорите, ваш сын?

– Я же сказал – не трогайте моего сына. – Карлос окаменел лицом и, плотно закрыв дверь кабинета, уселся за письменный стол, напротив инквизитора. – Мы никогда не будем друзьями, но можем заключить союз, очень выгодный. Но про сына моего забудьте. Он таков, каков есть, к исчадиям это не имеет никакого отношения.

Инквизитор задумался, потупив глаза, взял нож для разрезания бумаги, лежавший на столе у советника, и стал вертеть его в руках.

– Так что вы скажете на мое предложение? – настороженно спросил Карлос. – Мне кажется, объединившись, мы можем принести друг другу очень много пользы. Хватит уже строить друг другу козни, вам не кажется?

– Да, думаю, что хватит, – вздохнул инквизитор и, мгновенно перегнувшись через стол, загнал нож в горло собеседнику.

Тот удивленно вытаращил глаза, схватился за горло, из которого торчала рукоять, сделанная из слоновой кости, встал и тут же рухнул в кресло, потеряв сознание от резкого изменения давления крови в сосудах.

Инквизитор подошел к раненому, выдернул нож, давая свободно выходить крови, немедленно забрызгавшей стол, кресло, стену яркими каплями. Потом фонтан крови из сонной артерии иссяк, советник успокоился и затих в своем кресле. Инквизитор осмотрел труп и на всякий случай перерезал ему глотку, отделяя голову от плеч, пробормотав: «Так, на всякий случай... семейка та еще...» Нож тихо скрябнул по шейным позвонкам – он был тупым, и пилить ножом для бумаги было непросто, спасала лишь огромная физическая сила убийцы. Позвонки, конечно, нож не взял – пришлось наклонить голову назад и переломить шею через

спинку кресла. И потом опять же пилить тупым ножом. Наконец голова брякнулась на пол, инквизитор поднял ее за волосы, поставил на стол и, макая палец в кровь, аккуратно написал на столешнице: «Исчадие». Бросил нож на пол, брезгливо вытер руки об одежду убитого. Потом спокойным шагом вышел из кабинета, спускаясь по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой. Навстречу попался молодой человек, видимо секретарь советника. Он заботливо спросил:

– Уже покидаете нас, господин инквизитор? А господин советник у себя?

– Он беседует с Богом и не хотел бы, чтобы его отвлекали, – ответил инквизитор, строго глядя на собеседника. – Мне кажется, в этом доме слишком мало заботятся о душе и слишком любят роскошь! – Инквизитор указал на кулон на груди секретаря. – Так и заводятся исчадия! Не стоит ли и вам обратиться к Богу, подумать о своих прегрешениях, молодой человек?

Больше не обращая на него внимания, инквизитор спустился вниз, пересек двор, и услужливый привратник открыл ему дверь, проводив в спину ненавидящим взглядом – инквизиция ни у кого не вызывала радости и приязни.

– Как ты? Все в порядке? – Андрей облегченно вздохнул, увидев знакомую фигуру, вышедшую из-за угла.

Шанти замерцала и обратилась в хорька, тут же запрыгнувшего другу в карман.

Андрей посмотрел по сторонам и быстро зашагал прочь от дома советника.

– Ф-фух-х-х... вот это приключение! – сказала драконица, облегченно вздыхая. – Я заporола его ножом для резки бумаги. Отвратительно. Но ты же сказал, что надо сделать так, чтобы это было похоже на убийство человеком. Если бы я просто оторвала ему голову, все сразу бы решили, что в этом деле что-то нечисто. А теперь точно подумают – инквизитор спятил, пришел и отрезал башку советнику. Представляешь, каково теперь придется инквизитору? Ему теперь некогда будет строить козни. Особенно находясь в темнице. Надеюсь, что теперь он сполна попробует своих методов дознания. Здорово ты придумал с внешностью! Не зря мы два дня за ним наблюдали. Теперь я могу воспроизвести его облик в любой момент. Чтобы соседей поугаать, например. Когда ему башку отрубят. Кстати, этот демонский советник намекал, что у инквизитора где-то в доме целый гарем из девочек и тот их то ли насилует, то ли истязает, пытается. У тебя нет плана,

как им помочь? Я очень не люблю, когда мучают маленьких девочек. Давай что-нибудь придумаем?

– Хм... – Андрей нахмурился, глядя в пространство. – Надо ведь как-то сделать, чтобы не засветиться, а? Иначе сама знаешь... Вообще-то под шумок может и прокатить. Давай-ка мы сходим к Акодиму, поговорим. Он сейчас в Синоде, так что можем застать на месте. Никто не заподозрил ничего, ты не почувствовала?

– Нет. Карлос был растерян – инквизитор еще ни разу его не навещал. И ты знаешь, он чего-то сильно боялся. За сына. Все время намекал, что ему известно, что инквизитору известно про сына. Я вначале-то не сообразила, у меня была одна задача – ликвидировать подонка. А сейчас думаю – поторопилась. Ой как поторопилась! Как бы тебе это боком не вышло на турнире. Он все время говорил, сейчас вспоминаю, что тот – сын – такой с детства, и что поделать ничего нельзя, и что это никак не относится к исчадиям. Тебе ничего не напоминает?

– Что, думаешь, он тоже? Этого только не хватало...

Акодим встретил их в своем кабинете, хмурый и не очень разговорчивый.

– Приветствую. Что-то случилось? Чем могу помочь? У меня сегодня не очень хороший день, так что, если можно, покороче.

– Может, я могу помочь? Вижу, вы очень расстроены.

– Первый инквизитор, он же отец Харт – вот проблема. Этот идиот скоро спалит полгорода. Вообще без прихожан останемся. И патриарх уже у него на крючке – похоже, у старца рыльце в пушку, и этот гад его держит за бороду. Он сегодня предложил провести чистку рядов священников, убирая тех, кто не подает списки прихожан, потенциально склонных к поклонению исчадиям. А также не выявляющих скрытых исчадий, что, впрочем, суть одно и то же. Худые дела, господин Андрей Монах.

– А я как раз по поводу инквизитора, – осторожно начал Андрей. – У меня есть информация, что тот содержит гарем малолетних девочек, которых истязает и насилует. И мне бы очень хотелось, чтобы Синод занялся расследованием этого дела.

– И каким же образом? – горько усмехнулся секретарь Синода. – Мы к нему подступиться не можем! Зацепиться не за что! Какие тут девочки, к демонам. Скоро Синод-то разгонят, будет Совет инквизиторов, чую это.

– Я попрошу вас об одном: если вдруг будет какой-то шум, первого инквизитора обвинят в страшном преступлении и начнется расследование – не забудьте про девочек, хорошо?

Акодим впился глазами в лицо Андрея. Тот сидел безмятежный,

спокойный, как будто говорил о каких-то будничных, простых вещах. Из его кармана высунулась Шанти и посмотрела на секретаря, потом передала Андрею:

«Ты не засветился? Он же все понял! Сейчас у него внутри страх, надежда и любопытство. Спорим, он сейчас спросит: какое преступление совершил инквизитор? На что спорим?»

«Не буду спорить. Ты жульничаешь».

«Не ври! Я четко придерживаюсь условий, а то, что ты не обдумываешь договор как следует, твои проблемы». – Шанти захихикала, и тут Акодим спросил густым басом:

– Не мучайте меня. Меня снедает любопытство. Какое такое преступление совершил этот демонский Харт, что мы можем зацепиться и сместить его?

– Он убил советника Карлоса.

– Как?! Точно?! – Акодим взвился над столом, взволнованный, опирающийся на свои могучие руки. – Вы уверены?! Точно – убил и точно – Карлоса?

– Более чем. Харта видели десятки людей – как он входил в дом, встречался с Карлосом, а потом Карлос был мертв. Так что совершенно точно.

– О боже! Два таких противника одним ударом! Император ему точно не простит смерти любимого советника! – Акодим забежал по кабинету, закусив губу. – Обдумать, нужно обдумать! Это меняет все!

– Про девочек не забудьте, помните, что я сказал?

– Девочки? Какие девочки? А! Девочки... Ну да, да, придется обыскивать его особняк. И кабинет. Найдем мы ваших девочек. И ему припишем еще преступление, не отвертится! Теперь повод уничтожить его есть!

– Вы помогите девчонкам. Они, скорее всего, изуродованы и психически и физически, если он их мучил. У вас есть приюты для сирот?

– Есть, при Синоде. Да, мы поместим их туда, не беспокойтесь. Ох, какие перспективы... А если он скажет, что это наговор и на самом деле он в это время был в другом месте? Что его видели люди?

– Может и сказать. Вот только труп Карлоса свидетельствует против него, а если он в это время был в другом месте, это козни исчадия и он сам исчадие, колдун, раз оказался в двух местах сразу. Хитрость колдовская. Еще раз – позаботьтесь о девочках, я даже не прошу, а требую. Слышите?

– Да-да, конечно! Ну вы и новость принесли! Я должен бежать, сообщить о ней патриарху. Скажу – агенты донесли. Кстати, один вопрос. Я

вижу у вас животное, хорек, да?

– Ага. Люблю животных.

– Да. Те, кто любит животных, не обижает их, угодны Богу. Кстати сказать, до меня дошла информация из Славии. Там какой-то человек перебил нескольких высокопоставленных офицеров славской армии, и, по рассказам, он всегда ходил с черной кошкой. Разыскивают его очень интенсивно – говорят, ушел куда-то в Балрон, скрылся от преследования. Шум поднялся невероятный. А еще он исчадие убил. Ну хорек не кошка, но я поставил бы сто золотых против медяка, что это вы. Слишком много совпадений. Хотя все бывает... Я уже достаточно пожил, много видел. Вот вы верите в совпадения?

– Верю. Я тоже достаточно пожил и много видел, – усмехнулся Андрей. – Бывают такие совпадения – просто диву даешься. Ну мы пошли. Удачного дня. Надеюсь, вы правильно распорядитесь полученной информацией.

– Да-да, извините, провожать не буду – это дело не терпит отлагательства!

Акодим сопровождал Андрея до двери, закрыл ее и помчался по лестнице вверх – туда, где был кабинет патриарха, решил Андрей.

Они с Шанти вышли на улицу. Было уже за полдень, и очень хотелось есть. Андрей направился было в трактир, но спохватился: какого черта ходить по забегаловкам, когда дома готовит шеф-повар мирового класса? Да и по Марго соскучился. Прошлая ночь была просто великолепна. В девушке таился ураган чувственности, и любовь помогла его освободить. Вероятно, их этой ночью слышал весь квартал...

Глава 4

– Ну вот он, этот день! Вы, господин Андрей, запомните его на всю жизнь! – Физиономия Зорана сияла, и он просто лучился довольством и радостью. – Турнир – это наше все! Пойдемте вон туда, видите, там столы, надо отметить у распорядителя.

– Сабли тут дают? Или приносить нужно? – рассеянно спросил Андрей, окидывая взглядом море голов на трибунах. – Интересно, а сколько берут за вход на трибуны?

– Первые ряды – до тысячи золотых доходит, на самые лучшие места, – уважительно сказал Зоран, – а так – самые дальние по пять серебреников, и чем ближе к арене, тем дороже. Представляете, сколько за один раз получает казна с этого стадиона? Ни одного свободного места нет! Съезжаются заранее со всей страны, и из Славии тоже есть зрители! Пойдемте, пойдемте скорее! Пока не прозвучали последние фанфары, надо регистрироваться, иначе могут не допустить до боев, ваши денежки пропадут зазря.

– Кстати, а приз-то не такой уж и большой, – заметил Андрей. – Что такое тысяча золотых, когда одно только место в первых рядах стоит тысячу? Что-то жадничает империя.

– Вот вы шутник! – хмыкнул парень. – Во-первых, тысяча золотых для многих, в том числе и для меня, это заработок за несколько лет работы. Во-вторых, а обожание всего народа? А успех у женщин и восхищение мужчин? А должность при дворе, которая при удаче принесет гораздо больше денег? Имя тоже кое-что стоит... Вон, вон император, смотрите!

Андрей поднял голову и посмотрел на трибуну, куда указывал Зоран. В императорской ложе, отделанной шелком и полированным деревом, появился человек, облик которого будет стоять в глазах Андрея много лет. Он запомнит его навсегда, так, что, наверное, смог бы нарисовать это лицо с закрытыми глазами, в полной темноте.

Это был человек под сорок лет, совсем не императорского облика – так, какой-то забудыжного вида мужик, одетый в дорогие тряпки, прошитые золотыми нитями и украшенные драгоценными камнями. Острые глаза Андрея видели все: красные прожилки на его носу, пористую, не очень здоровую кожу, светлые негустые волосы, казавшиеся какими-то засаленными, как будто он несколько дней не мылся. Может, так оно и было?

Взгляд его был немного сонным, но потом император оживился и, жестикулируя, стал показывать на что-то своим спутникам – возле него сидело человек десять сопровождающих, один павлинистее другого.

Справа от императора стояло пустое кресло, и он, как будто забывшись, иногда оборачивался к этому месту, хмурился и отворачивался, погрузившись. Никто не решался сесть в это кресло, из чего Андрей сделал вывод: тут когда-то восседал Карлос.

Император не отличался ни ростом, ни статью, этакий среднеарифметический мужчина, ни высокий ни низкий – пойдешь мимо такого в толпе и не обратишь внимания. В который раз Андрей удивился: как это судьба ставит во главе миллионов таких ничтожных, никудышных людишек? Ну почему вот так получается – многие из тех, кто мог бы поднять государство с колен, принести благо народу, гибнут в неизвестности, а вот такие бездарности живут и процветают, бездумно прожигают свою жизнь. Еще в юности ему приходили в голову мысли: вот был бы я царем – что бы сделал? И то бы сделал, и это бы изменил, и пятое, и десятое... И только став взрослым, он стал понимать: царя делает свита, и ему не дали бы особенно развернуться – пристрелили бы, или отравили, или зарезали.

Самым приличным из царей Руси, действительно что-то сделавшим для страны, был Александр II. И что? Убили царя Освободителя, отменившего рабство, проводившего и готовившего реформы, которые не нравились аристократии, помещикам, всем тем, кого устраивало положение вещей и кто не желал ничего менять. Натравили дебильных бомбистов – бах! И нет реформ. Кто знает, может, и революции семнадцатого года не было бы, доведи Александр свои реформы до конца. Он был убит в тот день, когда должен был подписать проект крупных экономических и политических реформ в Российской империи. Кто-то очень не хотел этого допустить...

Этот император ничего не хотел. Кроме кутежей, баб, охоты и зрелищ. Потому жить ему долго и счастливо. Правда, без детей – бесплоден, как утверждали злые языки. Хотя он и говорил обратное, женившись в третий раз и прогнав очередную «бесплодную» супругу. Со слов императора, ему не везло – каждый раз попадалась больная жена, неспособная произвести наследника.

Кстати сказать, все бывшие жены быстро куда-то пропадали, исчезали с глаз любопытных наблюдателей. Кто-то говорил, что они пополняли население женского монастыря на юге страны, а кто-то – что число неопознанных женских трупов в безымянной могиле с табличкой «Десять

неизвестных женских тел». Зачем императору дурная молва – вдруг кто-то из бывших жен понесет от бравого гвардейца или случайного любовника? Тогда ведь окажется, что он, император, неполноценен, не может оставить после себя наследника, а значит, можно его попытаться и подвинуть... такие случаи бывали в истории империи.

Над императорской ложей нависал козырек, укрывая власть имущих от влюбленных во властителей горожан. Своих «фанатов» власти и здесь хватало. Конечно, если кто-то бросит глиняной бутылкой и разобьет императору голову, ему отрубят его дурную башку, но это будет *потом*! Император не желал получить глиняной бутылкой по башке, а еще пуще – стрелу в затылок. Хотя между Славией и Балроном сейчас было перемирие, но... фактически холодная война. В любую минуту грозящая перерасти в горячую. Очень горячую. Как уже бывало не раз и не два.

Андрей отошел от стола регистрации и пошарил глазами по сторонам. Нашел Зорана, подошел к нему и спросил:

– А где победитель турнира прошлого года? Где этот демонов Гортус? Хочу поглядеть на него.

– Он появится в последний момент. Любит устраивать представление из своего выхода, – улыбнулся Зоран. – Скорее всего, он уже давно отметил, да и если бы не отметил – кто будет препятствовать участию прошлогоднего победителя? Турнир – вещь святая. Даже смерть советника Карлоса турнира не отменила. В истории был прецедент, когда один из императоров отменил соревнования по причине того, что умерла его жена и он не хотел шумных празднеств. Знаете, во что это вылилось? В неделю бунта. Громили лавки, устраивали баррикады, дрались со стражей – погибло тысячи полторы горожан и около сотни стражников. Бои были нешуточные, и потом город долго зализывал раны. Зрелища – это то, что нельзя отнимать у народа. Они ведь не пожрут, а заплатят за проход на трибуны. Голодать будут, ходить в обносках, но придут. Потому что это единственная радость в их тусклой жизни. Лишить их ее – все равно как лишить самой жизни. А вот, кстати, и Гортус – смотрите, вон там, он в императорской ложе! Похоже, что император приносит ему соболезнования. Ну и рожа у этого Гортуса – обезьяна обезьяной. Весь в папочку... И чего император так прилепился к его папаше – я никогда этого не понимал. Ходили слухи об их некой связи... хотя, скорее всего, слухи! Вранье, – хитро покосился на Андрея Зоран, – вот скажут и ошибутся! Наш император самый мужчинский из мужчин!

Андрей напряженно всматривался в фигуру Гортуса, но с такого расстояния не мог разглядеть его ауру как следует и определить, верные

они с Шанти сделали выводы или нет.

Наконец прозвучали трубы, и стадион стих. На середину вышел глашатай и стал зачитывать правила турнира, перемежая их цветистыми оборотами. Зоран досадливо поморщился и сплюнул:

– Каждый раз одно и то же. Как будто никто не знает этих правил! Нет сказать проще – и вот начинают наворачивать свои древние словеса, хрен разберешь, чего говорит-то! А все просто: выходишь к противнику, в паре с которым выкликнули, и бьешься, пока не победишь, у тебя на это десять минут. Судья определяет, победил или нет. Оп-па! Вот это да! Точно, слухи подтверждаются – биться будете боевыми саблями! В «память безвинно погибшего от рук исчадий Карлоса»! Чего уж там безвинно – передрались с инквизитором, тот спятил и башку ему отрезал. Сколько дерьма этот Карлос сотворил – погодите, ему еще и памятник поставят, как именитому гражданину. Чем дерьмовее деятель, тем больше его стараются увековечить. Это уже закономерность такая. Кто хороший – тому памятник не поставят. Вот мне, например. Я ведь славный, а памятника мне не будет, – хмыкнул Зоран. – Все, сейчас начнется. По двадцать бойцов за раз будут выставлять. А их всего пять сотен. Этак до нас не скоро дело дойдет – мы где-то в середине списка. Сейчас начнут выкликать имя участника и номер площадки, на которой будет бой. Это отборочные бои, так что на них практически никто не делает ставки, а вот потом начнется... Не хотите сделать ставку? На себя, например?

– А разве можно на себя? – усмехнулся Андрей.

– А кто тут следит? На кого хотите, на того и делайте ставку. Кстати сказать, уже столько скандалов было – поговаривают, что хотят запретить делать ставки на себя. Но как тогда уследить за мелкими дельцами, принимающими эти самые ставки? Контора на стадионе не будет принимать, да, а эта мелкота – на что угодно, только деньги давай. Тоже, кстати, до драк доходит и до убийства: нескольких дельцов нашли мертвыми в канаве – прирезали. И все равно занимаются приемом ставок – выгодно, большие деньги. Теперь все вертится вокруг турнира. Пока он не закончится, ничего в городе делаться не будет. Жизнь застыла.

– А сколько времени он длится?

– Зависит от количества участников и от того, по сколько бойцов за один раз ставят на арену. Смотрите, бой десять минут. За десять минут боец или побеждает, или проигрывает. За раз двадцать человек. Между боями десять минут, итого двадцать минут. Значит, в час три партии бойцов по двадцать человек. Десять часов – двести человек. Их сейчас пятьсот. Значит, два с половиной дня будут идти отборочные, потом бойцов будет

становиться все меньше и меньше. За два дня вы выступите только один раз. Кстати сказать, находиться на стадионе все равно придется – вдруг что-то изменится, переставят по времени или продлят соревнования. Уходить нельзя.

– С голоду сдохнешь тут! А как же вся эта масса ходит в туалет? Вот мне интересно...

– Общественные туалеты под трибунами, конечно... иначе запакосят все. А насчет голода – тут разносчиков чуть не больше, чем зрителей. Кстати, может, купим по паре осьминогов? Что-то есть захотелось. Или пирожков с мясом...

– Вот, держи корзинку, – усмехнулась Марго. – Знаешь же, что Эрна нам собрала с собой. Ешь. Только не все лопай, оставь и нам.

– Что я, болван какой-то? Оставлю, конечно, – обиделся Зоран, уцепив сразу два пирожка и жадно откусывая от каждого по очереди.

Время тянулось медленно, и Андрей слегка затосковал: хуже нет – ждать и догонять. Потом опять зазвучали фанфары, и глашатай начал объявлять первые пары. Андрея в объявленных не было, и он приготовился смотреть за тем, что происходит на арене.

Бойцы выходили на посыпанные песком площадки, выбирали из груды сабель ту, которая подходила им по руке, и замирали друг перед другом в боевой стойке. Опять фанфары – бой начался.

Андрей не мог следить за всеми, но те, кого он видел, оставляли неплохое впечатление. Уровень их фехтовальной подготовки действительно был выше среднего, это точно. Не было длительного, бессмысленного махания железками – короткие удары, уколы, и вот половина бойцов уже окрасились кровью, и часть из них лежали на песке.

Народ на трибунах ревел, вопил, лица зрителей покраснели от азарта, и казалось, будто пролитая кровь тонкой пленкой покрыла оружие физиономии. Им очень нравилось то, что происходило, и многие кричали: «Славься, император! Многие лета императору!»

Бои закончились очень быстро, три – пять минут, и все. Через пять минут глашатай уже выкликал имена новых участников, а служащие быстренько засыпали лужи крови и уносили павших бойцов.

Андрей даже удивился такой отлаженности системы: никаких задержек, никаких промедлений – конвейер, да и только. Нет, и конвейер, бывает, лихорадит, а тут пять минут – и все чисто, все прибрано, и новые бойцы уже выбирают себе сабли.

Андрей оказался в этой партии.

Перед ним встал боец среднего роста, крепкий, жилистый, с руками,

перевитыми синими венами. Ни грамма лишнего жира, никакой дряблости или неуклюжести. Точные, выверенные движения, холодный взгляд исподлобья. Андрей сразу заподозрил, что ему достался непростой соперник, – слишком уж уверенно и с превосходством он смотрел. Андрей оглянулся на Марго, стоявшую с Шанти в руках, на Зорана, почему-то вытаращившего глаза и прикрывшего рот рукой, и весело подмигнул им. Шанти передала:

«Ты не увлекайся игрушками – прибей его по-быстрому, и все. От него идет волна уверенности, и ему смешно. Он ждет легкой победы. Убей его».

«Не хочу я убивать, – ответил Андрей, – он мне ничего не сделал, зачем я его буду убивать?»

«Это наиболее быстрый способ добиться цели. Хочешь действовать наверняка – не строй из себя человеколюба. Бей его как следует».

Прозвучали фанфары, и противник напал на Андрея, нанеся молниеносные удары, с расчетом первым же ударом разрубить ключицу, вторым – бок соперника. И был очень удивлен, когда новичок легко и небрежно парировал все его удары так, как будто заранее знал, куда они придутся. Для Андрея движения бойца были такими, как если бы тот действовал в морской глубине – медленно, преодолевая сопротивление жидкости, и при этом вода приобрела густоту киселя.

Боец рассердился – что отметила комментирующая события Шанти – и разразился таким вихрем ударов, выкладываясь на полную катушку, что трибуны ахнули, глядя на это облако из сверкающих клинков. Андрей давно уже мог ранить или убить противника, но он хотел проверить, каков в действительности уровень самых сильных бойцов, а он не сомневался, что ему попался совсем не слабак.

Через пять минут Шанти забеспокоилась и передала:

«Кончай с ним! Какого демона ты играешь, я же тебя предупредила! Зоран говорит, если не будет явного преимущества, судьи неизвестно кому отдадут предпочтение, тебе или ему. Ты очень пассивно ведешь бой, потому могут отдать победу противнику. Все, заканчиваю!»

Андрей сделал мгновенный финт, отбил саблю противника в сторону и, использовав всю свою силу, закрутил его саблю своим клинком. Сабля вылетела из рук бойца, описав высокую дугу, а клинок Андрея уткнулся в горло сопернику, недоуменно проводившему свое оружие широко раскрытыми глазами.

– Сдаешься? – спокойно спросил Андрей, чуть усилив нажим так, что у противника на жилистой шее выступила капелька крови.

– Да... – хрипло ответил тот и, отведя рукой Андрееву саблю,

потерянно наклонил голову и вышел с площадки, огражденной веревками.

Судья, наблюдавший за поединком, объявил победителем Андрея, и трибуны взорвались воем и криками.

– Вот это да! А-а-а! Я в восторге! – чуть не визжал Зоран, подпрыгивая на месте, рубя рукой воздух и вопя: – Да! Да! Вы сделали его! Вы вообще знаете, кто это был?! Я не стал говорить вам, чтобы не пугать, но это Зиртон Герский!

– Где-то слышал это имя... – задумчиво пожал плечами Андрей. – Мне кто-то называл его. Он постоянный участник турнира, что ли?

– Да вы что?! Взаправду? Как вы можете не знать?! А-а-а! Я в отпаде! Это же победитель турнира, три года назад он его выиграл просто со свистом! Тогда еще не было Гортуса Шанского, ему он проигрывает. А так последние годы стабильное второе место! Это один из лучших бойцов в мире!

– Хм... я что-то не заметил этого. Он медлительный, так мне показалось, – снова пожал плечами Монах.

– Какой там медлительный, ничего себе! Да как вы с ним двигались, уследить-то нельзя было. Какое-то серебристое мелькание, как облако, потом из него вылетает сабля – и Зиртон стоит, как в штаны наделал! Вы бы видели, что на трибунах творилось, я давно такого безобразия не наблюдал. Стражу пришлось звать – все вопили, что это подстава, что Зиртон нарочно поддался, а этот проигрыш есть жульничество дельцов, принимающих ставки. Стражники десятка два зрителей загребли в каталажку. Щас оберут до нитки, отлупят и выгонят. Завтра они опять тут появятся. Так всегда бывает. Меня как-то под горячую руку тоже загребли в участок. Весело было, там даже три девчонки были симпатичные, одна бутылкой кинула в стражника, и ей такой классный фингал поставили, любо-дорого глядеть. Но мы с ней в каталажке, пока никто не видал, развлекались – в отместку стражникам.

– Да ладно! – не поверила Марго. – Прямо в тюрьме, на глазах у сокамерников? Не поверю. Заврался ты, парень.

– И ничего не заврался, – не обиделся и хихикнул Зоран. – Мы были слегка пьяны, а сокамерники были только рады развлечению – советы подавали и хором считали движения. Вот было весело! Есть что вспомнить.

– Ну ты и извращенец, – весело поморщилась Марго, – вот так нравы в этом городе...

– Да ладно, госпожа Марго, не будьте ханжой, – усмехнулся Зоран, – все всё знают и это делают. Однако говорить об *этом* считается почему-то неприличным и незаконным. Глупости все. Надо избавляться от

заблуждений и все называть своими именами. Ой, смотрите, к нам кто-то идет, это точно ведь к нам! Он на нас смотрел, ему судья показал. Готовьтесь, сейчас что-то будет. Я так и знал, что ваш бой не останется незамеченным.

Андрей повернул голову – действительно, к ним спешил человек, по виду слуга, но одетый дорого и вычурно, во что-то вроде камзола или ливреи. Похоже, что лакей высокопоставленного аристократа.

– Господин Андрей Монах? – Лицо человека было надменным, какое иногда бывает у слуг очень высокопоставленных господ, порой персональный водитель какой-нибудь шишки ведет себя гораздо барственнее, чем его хозяин. Впрочем, когда это касается простых людей.

– Да, я. – Андрей после небольшой паузы кивнул и выжидающе посмотрел на гонца.

– Мой господин приглашает вас в ложу, желая удостоить аудиенции и познакомиться с человеком, одолевшим Зиртона Герского.

– А кто ваш господин? – рассеянно спросил Андрей, обдумывая свои дальнейшие планы. Он уже прекрасно понял, от кого гонец, но тянул время, готовясь к встрече.

– Мой господин – император Зарт Четвертый! – Посланец сказал это так, как будто Зарт был наместником Бога на планете.

Впрочем, для многих так оно и было. Но только не для Андрея, который родился еще при советской власти и у которого напрочь отсутствовало почтение к аристократии и к императорским особам. В его глазах они в большинстве своем были бездельниками, бесполезными трутнями, занимающимися лишь прожиганием жизни и больше ничем.

«Ключуло!» – подумал Андрей и, снова кивнув, спросил:

– Когда он хочет меня видеть?

– Сейчас, конечно, – снисходительно усмехнулся посланник. – По зову императора идут, не спрашивая, когда им прийти. Это же император!

– Хорошо. Ведите, – пожал плечами Андрей и, обратившись к Марго и Зорану, добавил: – Ждите меня здесь. Марго, у тебя деньги есть? Оставить тебе на всякий случай?

– Оставь, – кивнула девушка, и Андрей, достав из пояса несколько серебряных монет, высыпал их в подставленную ладонь.

– Не хулиганьте тут и не кидайтесь бутылками в стражников.

– Постараюсь, – серьезно сказала Марго и улыбнулась. – Если только не вынудят.

– Поторопитесь! Император не любит долго ждать, – укоряюще одернул Андрея посланник, и он, сунув Шанти за пазуху, пошел следом за

этим высокопоставленным лакеем.

Дорогу к императорской ложе преграждали несколько гвардейцев в полном боевом вооружении – чешуйчатых латах, с саблями и длинными тонкими мечами. У двух из десятка охранников были заряженные арбалеты, и они внимательно следили за окружающей обстановкой. Они узнали лакея и молча пропустили его и Андрея в ложу, будучи, вероятно, предупреждены заранее.

В ложе царило веселье. Император был слегка хмелен – похоже, что для него это было нормальное состояние. Его спутники распивали вино из высоких бокалов синего стекла, переговариваясь и обсуждая некоторые моменты турнирных боев. Император иногда улыбался, слушая оживленные разговоры своих советников, но был вял и хмур. Рядом с ним сидел человек, вид которого сразу привел Андрея в состояние «на щелчке», когда оружие снято с предохранителя и готово к стрельбе. Это был Гортус, сын убитого Шанти Карлоса. Ростом, как потом увидел Андрей, Гортус был ниже его, но шире в плечах, массивнее, а его длинные, как у орангутана, руки все время находились в движении, будто щупальца спрута. Он беседовал с императором, скривив лицо и яростно что-то доказывая. Андрей уловил последние слова Гортуса:

– Его видели десятки людей! Слуги отца, его секретарь, все! И вел он себя так же, как всегда, надменный фанатик! Кроме того, он еще занимался еретическими вещами – вспомните его гарем из малолеток. Мне так-то плевать – кто чем хочет, тем и занимается. Но он убил вашего советника, вашего преданного человека. Это прямое выступление против вашего императорского величества, это бунт! И как всякий бунт, это выступление должно быть пресечено самым кровавым и страшным образом, чтобы никому неповадно было! Я готов лично распилить его на части, разрубить на куски – прямо на этой арене! Позвольте мне, мой господин!

– Гортус, я очень любил твоего отца, но это будет слишком – народ не поймет. И это бросит тень на всю церковь, не только на инквизицию. Я соболезную твоему горю, но... О! Наш победитель. Потом договорим. Итак, господин...

– Андрей Монах его имя, – напомнил кто-то позади императора.

– ...Андрей Монах, я восхищен вашим умением! Вы в первом же бою победили бойца, которого мог победить только господин Гортус и больше никто! Я потрясен вашими успехами, и у меня есть к вам предложение. Надеюсь, вы правильно воспримете мои слова.

Император замолчал – замолчали и все те, кто находился рядом с ним, не решаясь нарушить молчание. В ложе было слышно, как жужжит муха,

целясь на пирожное возле голубого хрустального бокала, и шумит толпа на трибунах, комментируя очередную бой.

Андрей тоже молчал – он не собирался делать первый шаг и выдавать свое любопытство. Все равно узнает, но выказывать себя нетерпеливым, излишне любопытным, поверхностным человеком он не собирался. Сейчас могло решиться все, что он наметил. Теперь он близко подошел к верхушке горы, на которой сидят власть имущие, осталось забросить туда крюк и подняться по веревке.

– Я хочу предложить вам оставить турнир. Прекратить выступления. – Император с интересом посмотрел на Андрея, и тот с удивлением заметил в глазах этого человека огонек ума. Похоже, что император совсем не так глуп, как казалось с первого взгляда. – Вы поняли, почему я вам это предлагаю?

– Вероятно, вы опасаетесь за мою жизнь и хотите предложить мне службу возле трона? – прищурился Андрей. – Так я понимаю?

– Верно, – кивнул император. – У вас нет никаких шансов победить Гортуса – он непобедим. А этот турнир проходит на боевых саблях. Кстати, я вам обязан и должен пятьсот золотых. Знаете за что?

– За что? – удивился Андрей.

– Вы не убили моего телохранителя, моего гвардейца – Зиртона, хотя и могли. Вот Гортус точно бы убил – он иногда бывает слишком жесток. Видишь, Гортус, этот господин и победу одержал, и противника не уничтожил – это ли не высший уровень мастерства! Может, я и зря опасаюсь за его жизнь, и он сильнее тебя? – Император ехидно усмехнулся и покосился на красного от злости Гортуса, пересевшего в кресло, ранее принадлежащее его отцу. – Кстати, пересядь в свое кресло. Тебе еще рановато занимать место отца, – нахмурился император, – пока что я не вижу, чтобы ты мог давать мне такие же умные советы, как и он. Одно зверство, желание отомстить, и все. Вот давай спросим нашего нового друга – что человек со стороны скажет по поводу того, что мы с тобой обсуждали раньше. Не откажете мне в совете, мой новый друг Андрей Монах? – Глаза императора вдруг остро уставились в лицо Андрея, буравя, как будто испытывая его на прочность.

Андрей пожал плечами:

– Все, что пожелает ваше императорское величество. Как я могу отказать вам в совете? Но разве у вашего величества нет множества гораздо более компетентных советчиков, чем какой-то рубака, которого вы только недавно увидели в первый раз? Как я могу заменить целую толпу таких умных и разносторонне образованных людей?

– Видите, господа, еще остались скромные люди! – рассмеялся император. – А вы лезете со своими советами, надо это или не надо. И что потом, после того как я следую вашим советам? Потом приходится выслушивать другие ваши советы – как избавиться от результатов действий по первым вашим советам. Может, разогнать вас всех, к демонам, и взять штуки три вот таких честных рубак, пусть дают советы, честно и прямо, а не юлят и не выгадывают, как вы?

Группа советников зашевелилась и молча, неодобрительно посмотрела на Андрея. Шанти из-за пазухи выругалась:

«Глянь, чего сучонок делает! Он же натравил их всех на тебя! Они готовы тебя на части разорвать – ненависть идет такой волной, что это просто невозможно терпеть».

– Все-таки выслушаю твой совет. Вот рассуди: ты слышал про ужасное преступление, совершенное, как говорят, первым инквизитором? Якобы он пошел и отрезал голову моему советнику – отцу Гортуса. Только вот в чем проблема: в то время как он совершал это преступление, инквизитор был на собрании и его многие видели...

«Вот демонство! – удрученно буркнула Шанти. – Ну кто мог знать? Он же обычно в это время был в своих подвалах, мы же выясняли!»

– ...Как он мог быть одновременно в двух местах? Гортус настаивает, что все бывает, колдовство. И что инквизитора надо казнить. Итак, что нам делать?

– Казнить, конечно.

– Мотивация? – Император поднял брови и оглянулся на удивленного Гортуса.

– За колдовство, само собой.

– Не верю в такое колдовство, – пожал плечами император, хитро блестя глазами, – чушь это все. Уверен, что его подставили.

– И гарем из малолетних девиц тоже подставили? – ехидно осведомился Гортус.

– Это – нет, – невозмутимо ответил император, – но если всех, кто шалит с девочками и даже с мальчиками, сажать на кол, у меня ни одного советника не останется. Вы все развратные и растленные типы. Правда, Нумис? – Император оглянулся на одного из советников. – Любишь мальчиков, а? Знаю, знаю все! Вы друг на друга доносите так, что не успеваю и запоминать! Все про вас знаю. Итак: почему мы должны казнить инквизитора, Андрей Монах?

– Он узурпирует вашу власть, – снова невозмутимо ответил Андрей, переминаясь с ноги на ногу. – С его подачи вы скоро останетесь без

подданных, а в стране начнутся бунты. Этот случай – хороший повод разогнать инквизиторов, завоевать любовь народа, все будут вас славить за то, что укоротили руки этим негодьям. Они слишком много власти забрали. И в первую очередь в этом виновен первый инквизитор. Не будет сильного лидера – не будет и сильной организации, которая в конце концов может обвинить в ереси и самого императора. Зачем вам рядом такая сильная фигура? Не нужна. Так что колдовал он или нет, какая разница? Укоротить его на голову – это святое дело.

– Хм... вы с патриархом как будто сговорились, – усмехнулся император. – Я подумаю над твоими словами. Умно, да. Инквизитор забрал себе слишком много власти. А что же делать с его структурой? Куда девать инквизиторов?

– Придать Синоду. Пусть это будет их органом, подотчетным отделом. Тогда они не выйдут из-под контроля.

– Не выйдут ли?.. – с сомнением протянул император. – Образуется новый лидер, теперь уже патриарх.

– Тогда делайте последний шаг – возглавьте эту структуру. Примите на себя должность великого инквизитора. Это решит все проблемы.

– Я – инквизитор? О нет! И вообще, инквизицией может командовать только священник, а я пока не готов отойти от мира, – рассмеялся император.

– Но есть же достойные люди, которых можно поставить на должность инквизитора. К примеру, я слышал, секретарь Синода Акодим очень достойный человек – он точно не будет угрожать вашей власти. Истинно верующий, но без фанатизма. И притом человек со стороны, точно не придворный интриган. Подчинить его напрямую императору, и вы получите отличную структуру, подчиняющуюся вашей власти, укрепляющую власть.

– Хм... откуда ты такой умный взялся? – прищурился император. – Откуда прибыл сюда, в столицу?

– Я жил в провинции. Решил поучаствовать в турнире, вот и приехал.

– И уже знаешь про Акодима? Откуда?

– Просто рассказали – слухами город полнится. Вы же знаете, здесь, в столице, все всё знают. Ничего не скрыть.

– Ну да, ну да, – неопределенно сказал император, задумавшись и чего-то решая. – Итак, что ты ответишь на мое предложение?

– Оставить турнир и поступить к вам на службу? – переспросил Андрей.

– Ну да, тем более что мне нужны такие умные советчики,

разбирающиеся в политике.

– Какова должность, которую вы мне предлагаете?

– Должность? Хм... лейтенант стражи, например. Присмотримся к тебе, а там и можно будет войти в число моих телохранителей. Ты же понимаешь, я не могу взять в телохранители человека с улицы. Мы должны к тебе присмотреться – может, ты вообще агент Славии и мечтаешь вогнать нож мне в спину. Ну так что? Я два раза предлагать не буду, – нахмурился император.

– Могу ли я принять ваше предложение после турнира? Мне бы все-таки хотелось его выиграть, ваше величество, – улыбнулся Андрей. – Мне кажется, я смогу выиграть. Иначе зачем я сюда пришел?

– Ты понимаешь, что он тебя попросту убьет? Гортус, ты убьешь его? – Император обернулся к орангутанообразному бойцу.

– Само собой, убью. Мне не нужны самодовольные амбициозные выскочки, – ощерился Гортус. – И если ты думаешь, деревенский болван, что я оставлю тебя жить потому, что ты поддержал мое предложение казнить этого фанатика, – ошибаешься. Я убью тебя в любом случае. Мне не нравится твоя смазливая физиономия. Мне не нравится, что ты осмелился подавать советы императору. Мне вообще ничего в тебе не нравится, в том числе твоя поганая зверюшка, которая выглядывает у тебя из-за пазухи! От тебя навозом воняет, скотина!

– Ну что же, может, и навозом, – усмехнулся Андрей. – От тебя же воняет мертвечиной, трупоед. А зверюшка моя умнее тебя в тысячу раз. Так что заткни свою пасть и не позорься перед императором. Простите, ваше величество, – Андрей слегка поклонился императору, – я не хотел, он сам меня вызвал. Когда мы встретимся на турнире, я его обязательно убью. А мы встретимся. Прошу не счесть мой отказ пропустить турнир отказом от вашего лестного предложения – уж очень мне хочется снести башку этому самодовольному индюку.

– Ты?! Как ты смеешь! – Гортус вскочил с места, и лишь то, что между Андреем и ним сидел император, помешало бойцу броситься на «деревенщину» с кулаками.

– Тихо! Прекратите, господа! – прикрикнул император, но глаза его блестели, ему явно нравилось происходящее. Всегда приятно, когда твои подданные ополчаются друг на друга, а не на своего императора. Зарт посмотрел на Гортуса, красного, сжавшего огромные кулачищи, на Андрея, игравшего желваками на скулах, и вынес свой вердикт: – Хорошо. Если ты останешься жив после встречи с Гортусом, мое предложение остается в силе. Я понимаю тебя, турнир – это превыше всего. Азарт, слава, успех –

кто не хочет достичь высшего? Кто знает, Бог и не такие шутки шутил, может, ты и правда выиграешь бой с Гортусом. Гортус, ты готов расстаться с жизнью? Может, сразу уступишь свое место Андрею? Нет? А похоже, придется, – весело хихикнул император, но в глазах его блеснул опасный огонек.

«Непрост император, очень непрост! – подумал Андрей. – Не весь еще мозг пропил, это точно. Ленив, но совсем не глуп».

– Только пятьсот золотых я отдам тебе после окончания турнира, хорошо? – хихикнул император, закашлялся и отпил красной, густой жидкости из бокала. Пошлепал губами, потом допил оставшееся и кинул куда-то в сторону: – Не подавай мне больше этого вина – какой-то смолистый привкус, он мне не нравится. Лучше полегче чего-то, белого ильфанского давай. Можешь идти, господин Андрей. Жду после турнира.

Император легонько повел рукой, отпуская Андрея, и тот, слегка поклонившись, вышел из ложи. Его никто не сопровождал, и гвардейцы не обратили на него никакого внимания.

«Что думаешь, сестренка? Куда мы вляпались?»

«В сортир какой-то, – усмехнулась Шанти. – Мне все там не нравятся, в том числе император. Он хитрая двуличная скотина. Самодовольная и самовлюбленная».

«Нет, а что ты хотела? Чтобы он был белым и чистым? На вершине власти чистыми не бывают. Политику не делают чистыми руками. Каждый, кто наверху, по уши в грязи. Если хорошенько поискать – обязательно какие-то пакости вылезут, уверен. Как ты думаешь, казнит он инквизитора?»

«Не знаю, – с сомнением ответила Шанти. – А не зря ты ему по Акодима вернул? Не засветился ли? И вообще, а ты уверен, что Акодиму нужна эта должность?»

«А были какие-то варианты? Ты знаешь еще какого-нибудь святого отца, занимающего высокую должность и достойного, чтобы можно было рекомендовать на эту работу? Он будет иметь возможность реорганизовать службу инквизиторов и сделать из них не каких-то маньяков, сжигающих всех, кто не соответствует общепринятым нормам, а действительно службу очистки церкви от нежелательного балласта, а кроме того, на самом деле бороться с агентами исчадий и с самими исчадиями. Этим они должны заниматься, а не разбирательствами с наветами соседей друг на друга. Мы на Земле все это уже проходили, и не раз, когда кто-то, желая насолить соседям, пишет доносы, по которым тех сжигают, сажают в тюрьму или расстреливают. Кстати сказать, инквизитор действительно угрожал власти

императора, надеюсь, что у того хватит ума это понять».

– Как все прошло? Вы встретились с императором? – Глаза Зорана возбужденно блеснули, он изнывал от любопытства. – Что он вам сказал? Что хотел?

– Сказал спасибо, что я не убил Зиртона. И еще предложил отказаться от турнира и принять должность лейтенанта гвардии.

– А вы, вы что? – Зоран нетерпеливо подпрыгивал на месте и кусал губы.

– Ничего. Сказал, что хочу выиграть турнир. – Андрей откинулся на спинку кресла и одной рукой обнял Марго, положившую голову ему на плечо.

– Да вы не выиграете! Зачем вы отказались! – схватился за голову Зоран. – Это же зверь, с ним никто не сравнится, Зиртон по сравнению с ним дитя! Зачем этот риск?! Ой-ой, вы вроде такой умный и такую... в общем, зря вы отказались. – Зоран надолго замолчал и закрыл глаза. Похоже, он уже представлял себя во дворце, и известие об отказе хозяина от выгодной должности привело его в расстройство.

«Может, и правда стоило согласиться, – передала Шанти, – на кой демон тебе этот выигрыш? Зачем ты повелся на хамство Гортуса? Ведь он явно тебя провоцировал! Зверь, понимаешь, – усмехнулась Шанти. – Знаем, что Зверь. Интересно, в каком возрасте он инициировался? Папаша сказал – в детстве. Значит, опыта быть оборотнем у него гораздо больше. И кстати, вот откуда эта патологическая тяга к убийствам, крови, жестокости. Ты подавил инстинкты Зверя, а он выпустил их наружу и доволен собой. Ты уверен, что сможешь его победить? Ведь он великолепный фехтовальщик, много лет этим занимавшийся, с детства! А ты? Ты же середнячок, и все. Задача: два оборотня бьются на саблях. Один с детства занимается фехтованием, выигрывает турниры, другой – только-только научился держать саблю в руках. Кто выиграет?»

«Я должен выиграть, – уныло сказал Андрей, – и то, что ты не вселяешь в меня уверенность в своих силах, не очень-то содействует моей победе, тебе не кажется?»

«Объясни мне необъяснимое: зачем ты отказался от предложения императора, на кой демон тебе эта победа? – не унималась Шанти. – Мальчишка-то верно сказал. Принял бы предложение – и вперед, на завоевание вершин власти. Глупо ты сделал».

«Во-первых, я думаю, что все-таки убью этого Гортуса, – я тоже не деревенщина какая-то, мы еще померяемся в скорости. Во-вторых,

победителю турнира обеспечена поддержка всех слоев общества – это может сильно пригодиться. В-третьих, император легче возвысит человека, который победил на турнире. И в-четвертых, мне очень хочется грохнуть эту скотину. Род Карлоса надо выкорчевать, как сорную траву. Эти твари не заслуживают, чтобы жить. Он бы все равно вредил мне любым способом. Считаю, что я устраняю конкурента».

«Много пафоса, – хмыкнула Шанти. – Практичнее было бы принять предложение и потихоньку грохнуть этого паскудника. Отравить или загрызть ночью, во сне. Знаешь, что пришло в голову: интересно, он знает, что ты оборотень?»

«Вряд ли, – после раздумья сказал Андрей, – иначе он как-то дал бы мне это понять. Впрочем, иногда вроде как мне казалось, что он знает. Но я не уверен. Посмотрим на поединке, там все и выяснится».

Следующий его поединок состоялся ближе к вечеру. Андрей заметил, что теперь он в центре внимания трибун наравне с Гортусом. Кстати сказать, Монах не следил за поединками своего будущего противника, не хотел. Ничего нового он не увидит, а наблюдать за тем, как тот убивает своих противников, не хотелось. Впрочем, как потом оказалось, никаких убийств не было. Противники Гортуса сразу признавали проигрыш, не дожидаясь, когда начнется бой. По правилам можно было это сделать. Так что Гортус шел к своему последнему бою легко и приятно.

Высокий, крепкий мужчина без страха смотрел на Андрея. Он приветственно поднял саблю, прозвучал гонг, скрестились клинки, и Андрей понял – никаких неожиданностей. Да, хороший фехтовальщик, но недотягивает до уровня Зиртона даже близко. Андрей немного поиграл с ним и снова выбил из рук саблю. Противник поклонился Андрею, публично признал поражение и, довольный, ушел с арены. И немудрено быть довольным – ведь остался в живых, проиграв противнику, победившему Зиртона!

На этом поединки первого дня турнира для Андрея закончились. День подошел к концу, глашатай объявил об окончании боев, и Андрей со своими спутниками, дождавшись, когда основная масса зрителей, толкаясь, вопя, смеясь и ругаясь, разойдется, отправился домой.

Извозчиков уже не было, всех разобрали, так что пришлось тащиться пешком, хотя от стадиона до дома и было довольно далеко. Зоран злился и время от времени ныл, что его нежные ноги не приспособлены для такого длительного хождения, на что Андрей предложил ему поймать извозчика, а если не получится – заткнуться и идти как все, без нытья.

До темноты они не успели, так что последний отрезок пути пришлось идти уже в кромешной темноте. Для Андрея и Марго это было безразлично – они прекрасно видели и в темноте, а Зоран дважды упал, споткнувшись о выбоины в мостовой, рассадив себе руку, – порвал кожу об остатки куста сирени, торчащие у забора одного из домов. В связи с этим он пришел в совершенно отвратительное расположение духа и, отстав метров на пятьдесят, плелся нога за ногу, демонстрируя, как ему плохо и как злой хозяин истязает его нежный организм.

Андрей в сердцах выругался и, заявив, что демон с ним, подхватил под руку Марго и ускорил шаг, сказав, что до дома недалеко и Зоран сам доберется. Потом все-таки пожалел парня, мало ли что может случиться на темных улицах, и решил вернуться и тащить за собой, даже если придется буксиром.

Столица не отличалась хорошим освещением и тем более праведными нравами в темное время суток. Неосторожному путнику легко было получить нож в спину или дубинкой по голове за его тощий кошелек. Стража редко обходила второстепенные улицы – она предпочитала патрулировать центр города, улицы, где жили богатые горожане, да и то старалась отлынивать от своих обязанностей в совершенной уверенности: случись что, позовут. А за это мизерное жалованье обивать ноги по улицам будет только идиот.

Андрей попросил Марго постоять на месте и никуда не уходить, он быстро вернется. Оставив ее в одиночестве, быстро пошел туда, где вдалеке топал его секретарь.

Зоран отстал уже метров на сто, за углом одного из зданий, поэтому Андрей не мог видеть, что с ним происходит. Когда увидел, досадливо покачал головой – все-таки нарвались!

Возле парня стояли пятеро мужчин, обшаривающие его карманы, – вернее, двое держали, один обшаривал, а еще двое наблюдали за процессом.

– Ну что, будем развлекаться? Чувствую, придется размять мышцы, – довольно спросила притихшая за пазухой Шанти. Она давно не подавала признаков жизни, впав в спячку, как объясняла – копя силы к очередному развлечению. Ей было скучно.

– Нет. Ты не вмешивайся, – отрезал Андрей, – не хочу, чтобы ты засветилась перед Зораном. Меньше знает – крепче спит. Только в крайнем случае, смотри по обстоятельствам.

Монах подошел к группе людей. Они молчали и лишь сопели, истово обыскивая свою жертву.

– Эй, оставьте его и уходите. Иначе умрете! – холодно сказал Андрей.

Мужчины оглянулись, и один из них огрызнулся:

– Как бы сам не умер. Сейчас ты под прицелом арбалетов. Стой спокойно и не делай резких движений. Ты, этот придурок и твоя девка сейчас пойдете с нами, кое-кто хочет вас как следует допросить: откуда вы такие взялись, кто вы и что вы.

– Значит, вы не грабители, – негромко хмыкнул Андрей. – Что, Гортус боится проиграть? Решил выиграть таким методом?

– Послушай, парень, нам все равно, чего там у вас с хозяином. Нам сказано привести тебя к нему, если будешь кобениться – убить. Ничего личного, просто работа такая. – Мужчина обернулся и посмотрел назад. – А вот и твоя подружка. Не дергайся, иначе все будет очень, очень плохо и печально.

Андрей поглядел – Марго вели четверо мужчин, двое держали за руки, по одному шли сзади и спереди. Волнение девушки выдавали лишь упрямо поджатые губы.

– Ты цела? Все в порядке? – спокойно спросил Андрей.

– Цела, – кивнула Марго. – Они откуда-то из подворотни выскочили, сказали, что ты захвачен и меня сейчас к тебе отведут. Ну я и не сопротивлялась.

– Интересно, как бы она могла сопротивляться, дуреха! – заржал один из похитителей, но старший прикрикнул:

– Заткнись! – и, обращаясь к Андрею и Марго, добавил: – Вы правильно сделали, что не стали дергаться. Пока человек жив, есть надежда. А когда получаешь болт в живот – тут уже никакой надежды не остается. Может, вы еще договоритесь с хозяином, хотя... такого случая я и не припомню.

Стоящий рядом со старшим человек тихо сказал:

– Слушай, девчонка-то какая красotka... Может, попользуемся? А потом грохнем. Скажем – она побежала, пришлось пристрелить, а? Ему же только этот парень нужен, так что...

Старший не дал ему закончить – резко, наотмашь ударил ладонью по лицу говорящего и холодно, жестко сказал:

– Тебе сказали, что делать?! Заткнись и выполняй! Никакой отсебятины! Я тебя уже не раз предупреждал – хозяин не любит инициативы, особенно такого рода. Последний, кто не выполнил его приказ, прожил два дня. Без кожи. Вероятно, ему было очень неприятно без кожи. Хозяин сам его обработал как следует. Ты недавно в команде, поэтому еще полный дурак, не знающий, как себя вести. И вот что, еще раз

схватишься за кинжал в разговоре со мной, я сам тебе башку отрежу. – Выждав небольшую паузу, главарь сказал: – Ну что, Андрей Монах, готов идти? Или надо еще как-то убеждать? Хотелось бы, чтобы обошлось без крови. Не люблю грязной работы. Всегда ведь можно договориться, не правда ли?

– Увы, не в этом случае, – сказал Андрей, прыгнул вперед и с силой ударил в лицо одного из наемников, держащего нож у шеи Зорана. Переносица несчастного с хрустом проломилась, кости черепа вошли в мозг, и бандит умер, не успев еще упасть на землю.

Из окна дома напротив прилетели два болта и со стуком воткнулись Андрею в правую половину груди и в бедро, но он как будто и не заметил боли. Два удара руками – еще два трупа. Предводитель попытался сбежать, но Андрей настиг его и сломал шею, как сухой прут.

Шанти выскользнула из-за пазухи и помчалась к окну, из которого прилетели болты, а мимо Андрея пролетел один из тех, кто держал Марго. Он раскинул в воздухе руки, как тряпичная кукла, – видимо, прежде чем отправиться в полет, наемник лишился целостности своих шейных позвонков. Проще говоря, Марго свернула ему шею.

Расправившись со своими противниками, Андрей обернулся и увидел стоящую посреди трупов Марго. Девушка зажала рот, отвернувшись в сторону, и Андрей, подойдя, обнял ее и похлопал по спине:

– Тише, ну тише... подыши глубоко... вот так. Первый раз всегда так. Они хотели нас убить, ты правильно сделала, что их уничтожила. Все-все, не переживай – их работа такая, они знали, на что идут.

Марго обняла Андрея за шею и вздрогнула, наткнувшись на конец болта, торчащий из груди мужа.

– Ой! Ты ранен! – Широко раскрыв от ужаса глаза, она уставилась на металлический черенок.

– Ерунда. Бывало и хуже. – Андрей уцепился за кончик болта и вырвал его из тела.

В глазах потемнело, он покачнулся, но удержался на ногах. Когда Андрей вырвал болт, кровь хлынула из перебитых сосудов и попала в рот – было задето легкое. Сплюнув темным сгустком, с удовлетворением почувствовал, что боль внутри утихает и хрипы в груди пропадают – организм срочно залечивал повреждения.

Вырвал болт из бедра – тот ударился в кость, не сумел ее сломать и застрял, царапая при каждом движении. Второй болт отправился туда же, куда первый.

Из дома, где сидели арбалетчики, слышались крики ужаса и

сдавленные хрипы. Через пару минут оттуда выскочила Шанти и, подбежав к Андрею, ловко забралась к нему за пазуху.

– Сколько человек там было? – осведомился Андрей, внимательно оглядывая окрестности.

– Трое. Кричали сильно. Ты знаешь, тот трюк с акулой, как всегда, впечатляет противника – один обделался от страха! – усмехнулась Шанти. – Может, еще где-то негодяи спрятались, а? Я только разошлась – и все уже кончилось. Тебе не кажется, что мы как-то скучно живем?

– Это скучно?! – приподнял брови Андрей. – Если *это* скучно, то как, ты считаешь, жить будет весело? Нет уж, плевал я на такое веселье. Спи давай. Набирайся сил. Похоже, это не последнее веселье в обозримом будущем.

– Слушай, а может, надо было сходить с этими придурками? Привели бы к Гортусу, мы бы его грохнули – вот и славно, вот и хорошо.

– Нет. Мы грохнем его, но только официально, на турнире, – не согласился Андрей, – при стечении народа, у всех на глазах. Убей его сейчас – пойдут разговоры, все знают о нашей с ним ссоре в ложе императора, небось слухи по всему городу пошли. Кроме того, а с чего ты решила, что нас бы привели к именно нему? Заперли бы где-нибудь в темнице – и сиди, пока турнир не окончится. Да ну их к демонам с такими приглашениями. Все. Забыли.

– Тебе не кажется, что ты стал слишком самоуверенным? – осторожно спросила Шанти. – А если ты и вправду не сможешь его убить? Гортуса этого? Что тогда? Что с нами будет? Ну я-то улечу в поля, случись что с тобой, предварительно поубивав всех твоих обидчиков, кого смогу достать, а Марго? А Федор с семьей? Мне кажется, ты зарываешься. Нужно методично выбивать всех врагов, тихо и без шума, а не устраивать турнирные бои. Чую, это добром не кончится.

Андрей промолчал, посмотрел на бледного Зорана и озабоченно спросил:

– Ты живой, что ли, вояка? Не ранен?

– Живой, – посипел Зоран. – Кому рассказать – не поверят! Как она их положила – это песня! Ну вы-то ладно, вы тот еще вояка, но на нее никогда бы не подумал. Вот это да!

– Забудь, – серьезно ответил Андрей, – этого никогда не было. Языком не трепли. И больше не отставай, иначе лишишься не только языка. Давайте-ка поторапливаться, уже поздно. И поужинать хочется. Эрн уже небось домой ушла, ужин остыл, а мы тут все развлекаемся.

– Ничего себе развлечение! – не согласился Зоран. – Чихал я на такие

развлечения! Хорошо хоть не обделался! Позорище было бы. Честно говоря, мне стыдно. Девушка так билась, как настоящий воин, а я стоял как идиот. Чувствую себя абсолютно бесполезным пеньком...

– Нормально все, – рассеянно ответил Андрей, добавив: – Пошли быстрее, а?

На месте побоища остались только трупы, живых не было. Андрей проверил – никто из нападавших не дышал, так что добивать никого не пришлось.

На душе у него было гадко – Шанти угодила своим когтем прямо в открытую рану: может, он и вправду стал зарываться? Действует неосторожно, непродуманно? Слишком полагается на свои способности оборотня? Ведь он же видит, что Гортус оборотень, владеющий фехтованием гораздо лучше его, – на что рассчитывает? Может, и вправду надо было принять предложение императора и не заморачиваться насчет турнира? На кой черт ему этот турнир, эта слава? Неужели у него разыгралось желание стать известным, стать официально признанным лучшим бойцом этого мира? Тщеславие? Вроде бы он такого за собой раньше не замечал... Сообщить императору, что готов отказаться от турнира и принять его предложение? Сейчас это будет выглядеть как-то неприлично... И тем более после ссоры с Гортусом, когда он обещал его убить. Голова шла кругом. Запутал себя в такие сети, что теперь и сам не знает, как из них вылезть.

Эрна не ушла. Они с Таиной ждали хозяев, наставив зажженных светильников, накрыв стол – сегодня кухарка приготовила какие-то экзотические блюда с неизвестными травами, таявшие во рту.

Из кухни застенчиво выглядывала дочь кухарки, копия своей матери, только потоньше и поменьше. Все трое с улыбкой смотрели, как Андрей и его жена жадно сметали со стола все, что им наготовили. Волнения никак не сказались на аппетите хозяев дома. Как и на аппетите Зорана, постанывавшего от удовольствия, когда жевал очередной пирожок.

– Весь город гудит! – не выдержала Эрна. – Я на базаре была – только и говорят о том, что какой-то неизвестный победил Зиртона! И все делают ставки – сможете ли вы побить Гортуса или нет. Я верю в вас и поставила целый золотой! Не подведите, господин Андрей!

– Сам не хочу! – усмехнулся он. – Проигрыш означает смерть, а мне как-то еще хочется пожить. Постараюсь, чтобы ты не потеряла свой золотой.

Спалось Андрею беспокойно, впрочем, как и Марго. Она что-то

бормотала сквозь сон, постанывала, и ему пришлось тихонько толкнуть жену, чтобы кошмары ушли. Марго испуганно раскрыла глаза, вздохнула и прижалась к плечу мужа:

– Пакость какая-то приснилась. Будто я бегу по улице, бегу, за мной гонится толпа негодяев, а я не могу убежать. А еще дом снился, наш с папой дом. Кто-то там сейчас живет, наверное, спит на моей кровати... читает мои книги. Каждый раз, как я думаю об этом, слезы на глаза наворачиваются.

– Вернем мы твой дом, не беспокойся, – хмыкнул Андрей. – После турнира. Я уже договорился – оплатим отцовские долги и переедем в ваш дом. А этот оставим Федору. Он тут будет жить.

– Правда?! А чего ты раньше не говорил? – радостно вскрикнула Марго. – И молчишь, а? Ну как так можно, я ведь переживаю.

– Хотел сюрприз тебе сделать, – улыбнулся Андрей, – не утерпел, как видишь. Скоро снова будешь жить в своем доме. А хочешь, другой купим. Деньги у нас есть, деньги не проблема.

– Как хорошо! – прошептала Марго. – Я даже и надеяться не могла, что все так будет хорошо. Только папы не хватает... а так я счастлива. Иди ко мне...

Они занялись любовью – медленно, нежно, прижимая друг к другу, как к источнику радости и покоя. И в самом деле – забывались проблемы, горести и переживания, и оставались только двое – любящие друг друга существа.

Шанти лежала в соседней комнате, на своей персональной кровати, и чувствовала желание и любовь этой пары. Она немного грустила и еще слегка ревновала к Марго, хотя и была рада за своего друга и брата. Драконица сильно изменилась, иногда она даже думала, что слишком уж очеловечилась. Но что поделать, каждому своя судьба, и все так, как оно должно быть. Она не задумывалась над будущим – пусть идет, как идет. У нее было много вкусной еды, много развлечений, друзья, впереди тысячи лет жизни – зачем думать, что будет дальше? Как-то будет, и она постарается, чтобы было не хуже.

Шанти скользнула с постели, подошла к двери и поддела ее лапкой. Дверь неслышно открылась, и драконица выскользнула в коридор, прислушиваясь к звукам в доме. В комнате служанки пыхтели и сопели Зоран с Таиной, тяжело дышала Марго в супружеской спальне, Эрна с дочкой, оставшиеся в этот раз ночевать у Андрея, оглашали тишину богатырским храпом. Никто не слышал, как в форточку выскользнула тихая тень, мелькнувшая под лунным светом, как призрак ночи.

Шанти обратилась в ворона и полетела над пустынным городом. Ночной ветерок клонил пышные кроны деревьев с маслянисто-зелеными листьями, они тихо шелестели, ловя ветвями струи прохладного воздуха. На помойке возле трактира лазили несколько бродячих кошек, соревнуясь с пищущими крысами, кто быстрее ухватит очередной обьедок. Они соблюдали паритет и не нападали друг на друга. Какой смысл воевать, когда всем хватает сочных обьедков, тепло и хочется лишь сожрать как можно больше и залечь в уютном месте переваривать съеденное.

Шанти летела дальше и дальше, заворачивая по дуге, пока не обнаружила внизу цель – возле подворотни стояли четверо мужчин, как будто бы кого-то поджидая.

Шанти развернулась, запомнив место, спланировала и приземлилась возле дощатого забора метрах в двухстах от засады. Ворон замерцал, как будто расплылся, размазался по пространству, и через несколько мгновений на его месте стояла девушка, одетая довольно смело и богато – в платье с декольте, сапожки, а на груди ее висел здоровенный золотой кулон (Шанти видела такой в сундуке с драгоценностями, отобранными у бандитов). Волосы убраны в причудливую прическу, украшенную жемчужинами, на обнаженных руках блестели золотые браслеты в виде змеек (тоже из сундука). Лицо в этот раз Шанти «приобрела» на турнире – не зря она внимательно разглядывала зрителей, особенно сидящих в первых рядах. Несколько лиц она запомнила до мельчайших подробностей. Одно из них она и «надела» для охоты.

Драконница несколько раз прошлась туда-сюда, привыкая к хождению на двух ногах, и потом засеменила к тому месту, где стояли темные фигуры мужчин. Все своим видом Шанти изображала молодую женщину, сильно припозднившуюся, а может, разругавшуюся с мужем и спешащую в отчий дом за поддержкой и защитой, несмотря на поздний час.

Появление жертвы было замечено мгновенно, едва стук каблучков стал слышен из подворотни. Фигуры зашевелились, и, когда Шанти поравнялась с темным проемом, из которого несло мочой и запахом помойки, один из мужчин вышел и преградил ей дорогу:

– Стой! Куда спешишь? Парни, вот это удача! Гляньте, какие цацки на ней! И позабавимся заодно. Кто будет первым, разогреет красотку для меня?

Мужчина усмехнулся и ухватил Шанти за шею, желая слегка придушить и заодно заткнуть глотку, чтобы не визжала. Мало ли, вдруг где-то рядом болтается стража. Девчонка-то не простая – вон сколько цацек на ней висит. Если стража прихватит на обычной девке – служанке или

белошвейке, всегда можно откупиться, а если на богатенькой – можно и в темницу загреметь.

Он не успел удивиться твердости шеи незнакомки – его рука попала в стальной захват лапы драконицы. Кости человека треснули, раздавленные невероятно сильным захватом, соревноваться с которым могли только стальные мышцы Андрея-оборотня. Грабитель тонко завизжал от боли, а его спутники с удивлением смотрели на то, как красавица, улыбаясь, осторожно держит их главаря за руку своей тонкой, изящной рукой и тот извивается и кричит, ползая у ее ног, как червяк.

Прежде чем они что-то смогли осознать, драконица схватила бандита сзади за шею и, как яблоко, сорвала голову с плеч. Труп негодяя упал на мостовую, содрогаясь в последних судорогах, а грабители застыли, парализованные ужасом. Потом вскрикнули и бросились бежать.

Шанти превратилась в огромную черную кошку, похожую на пантеру-переростка, и, метнувшись за ними, в считанные секунды покончила со всеми. Оттерла лапы об одежду убитых и снова обратилась в ворона.

Птица наклонила голову, глядя на трупы разбойников, каркнула, взмахнула крыльями и взлетела в небо. Скоро она снова неслась над городом, как истребитель-перехватчик на службе правосудия.

После получаса барражирования больше ничего подозрительного ей не попало. Случайные прохожие, которые пробегали внизу, не вызвали у нее никакого интереса, и скоро полет над городом наскучил драконице. Она стала забираться выше и выше в небо, уходя от города в сторону леса. Поднявшись на высоту двух километров, расправила крылья и вернула себе тело дракона.

Опершись радужными крыльями о ночной воздух, драконица начала тихо скользить над деревьями, поглядывая вниз, пока не заметила стадо диких свиней, деловито вспахивающих своими белыми клыками мягкую землю в поисках вкусных корешков.

Шанти спикировала на них, выбрав целью огромную жирную свинью, и скоро та, жалобно взвизгнув, закончила свое существование в желудке драконицы.

После сытного ужина Шанти тяжело поднялась в воздух, как бомбардировщик с полным боезапасом, и полетела в сторону моря, серебрившегося под лунным светом. Она шла низко над водой, а потом сложила крылья и с грохотом плюхнулась в воду, распугав здоровенный косяк мелкой рыбешки.

Длинный хвост Шанти великолепно работал и как винт корабля, и как руль, поэтому она скользила под водой легко и свободно, двигаясь будто

тюлень или огромная рыба. Драконица проталкивала свое тело сквозь толщу воды, когда вдруг заметила над головой несколько световых пятен. Они располагались в нескольких метрах друг от друга, и любопытной Шанти ужасно захотелось посмотреть, что же это там такое. Она стала осторожно приближаться к поверхности моря, затихшего перед рассветом, и высунула голову прямо в центре одного из пятен.

– А-а-а! Демон! Демон! – послышался крик, и фонарь, который выронил рыбак, упал прямо на голову Шанти, ощутимо врезав ей по макушке.

Шанти зашипела от злости, а потом рассмеялась – световые пятна были не чем иным, как способом ловли то ли креветок, то ли какой-то рыбешки, которая собиралась на свет фонаря, подхватываемая при этом специальными широкими сачками.

Шанти снова ушла в глубину, распугивая косяки рыб и акул, вечно кочующих вокруг этих косяков. Потом разогналась на максимальную скорость, выскочив из воды, как летучая рыба. В воздухе она расправила крылья и снова понеслась над морем, освещаемая призрачным лунным светом.

Сегодняшняя ночь прошла неплохо, решила она, надо почаще повторять такие прогулки. Андрею знать о них необязательно. Не только же ему одному быть мечом возмездия в руке Божьей. Сегодня она наказала нескольких негодяев – и ей весело, и этот мир стал почище.

Обратный маршрут был все тот же – форточка, дверь в комнату. Скоро Шанти спала сном праведника, утомленная охотой и развлечением. Жирная свинья переваривалась в желудке, и Шанти сопела, довольная и благостная.

Решающий бой был назначен на третий день турнира. Все слабейшие бойцы уже отсеялись, и главная интрига боя была в том, сумеет ли Андрей, ранее не известный никому боец откуда-то из провинции, победить прославленного Гортуса. Ставки принимались два к трем – большинство все-таки ставило на старого чемпиона.

Андрей утром ограничился легким завтраком, не желая загружать желудок обильной пищей, дождался, когда Марго оденется и приведет себя в порядок, и они погрузились в пролетку, заранее отловленную расторопным Зораном где-то в окрестностях.

Андрей поднял тент повозки, не желая показывать свое лицо прохожим, – теперь многие знали его и приветствовали криками: «Задай этому Гортусу!» Это его слегка раздражало и заставляло снова задуматься, не зря ли отказался от предложения императора. Как никогда сегодня он

был сосредоточен и напряжен.

– Шанти, если со мной и вправду что-то случится, не оставь Марго без помощи, ладно? Помоги ей всем, чем можешь. Деньги теперь у вас есть, не пропадете. Найдете Федора – он, по моим расчетам, через несколько дней должен появиться в городе.

– Ты чего это прощальные песни заладил? – рассердилась драконица. – Ты это прекрати! Ты должен выиграть бой у этого негодяя, и все тут! Иначе мне придется всех тут перебить!

– Не вздумай, – серьезно ответил Андрей. – Если ты сделаешь что-то подобное, то привлечешь внимание старейшин, и тебе не поздоровится. Будет беда. Я запрещаю тебе совершать такие глупости! Если уж будет желание отомстить – потихоньку, с Марго и Федором, чтобы никто не догадался, и только так.

В этот день должен был состояться один-единственный бой. Бой двух главных претендентов на звание победителя турнира. Этот бой оговаривался особым пунктом правил: нет ограничения во времени, площадка для боя увеличена в два раза. Перерывов на отдых не предусмотрено, противники бьются до тех пор, пока кто-то из них не сдастся или не сможет продолжать бой по причине своей безвременной кончины или увечья. Это сообщил Андрею Зоран, лихорадочно блестя глазами и кусая губы. Он сильно нервничал, переживая за исход поединка, и Андрей понимал почему – Зоран увидел в Андрее способ выбиться наверх из низов, занять какое-то положение при дворе. И очень расстроился, когда Андрей сообщил о своем отказе немедленно принять предложение императора.

Стадион просто трещал от людей. Андрей подозревал, что на трибунах было гораздо больше народу, чем мест, – видимо, жулики из администрации стадиона расстарались. Андрей затруднился бы даже сказать, сколько зрителей собралось смотреть бой – тысячи, десятки тысяч? Бегали букмекеры, протискивались лоточники с пирожками, сладостями и водой.

Андрей отметил у стола распорядителя и пошел к своему месту возле арены. На площадке сустились рабочие, граблями и щеточками устраняя последние неровности, готовя арену к бою. Наконец и тут все затихло и успокоилось. Стадион гудел, как будто огромный улей, и, когда появился император, взорвался криками и шумом.

Зарт вышел к краю ложи, поднял руку и, дождавшись, когда стадион затихнет, сказал:

– Сегодня мы увидим бой между Гортусом Шанским и Андреем

Монахом!

– Ур-р-р-а-а-а! Славься! – взорвался стадион.

Император дождался, когда трибуны снова стихнут, и добавил:

– Победитель получит тысячу золотых, положенную как приз, и еще тысячу от меня, за риск – бой будет проходить на боевых саблях. Так пожелаем обоим претендентам удачи! Слава смелым бойцам!

– Слава! Слава! – неистовствовали трибуны. – Слава императору! Славься на века!

Зарт обернулся к свите и негромко сказал:

– Видите, как мало нужно, чтобы завоевать любовь черни. Немного зрелищ, немного денег – и они у тебя в кармане. Еще мой дед говорил: «Внук, учись управлять чувствами черни. Они руководствуются не логикой, не разумом, лишь чувствами. Если найдется настоящий лидер, который захватит их чувства, заставит полюбить себя, – ради него они пойдут куда угодно. Но какой бы ты ни был умный, если народ тебя возненавидит – одним террором не проживешь. Твое правление скатится в череду бунтов, и страна захлебнется в крови. Зрелища – вот чего жаждет душа простолюдина. Развлечений». Ну что же, господа, подготовимся получить удовольствие от зрелища – в этом мы мало отличаемся от простолюдинов, не правда ли? – Император усмехнулся и поудобнее устроился в кресле, откидываясь на спинку и вглядываясь в выходящих на арену противников.

Глава 5

Андрей выбрал саблю из груды лежащих на козлах клинков. Обычный, простой клинок, без изысков и украшений. Отточенный как бритва. Его жало было холодным и тускло блестело, как будто мечтая о том, чтобы напитаться кровью и заблестеть, засверкать в солнечных лучах.

Противник уже стоял на площадке, невозмутимо глядя в пространство, вытаращив белесые, оловянные глаза. Он остался в одной безрукавке-жилетке, обнажавшей могучие, мускулистые, необычайно длинные руки. Несмотря на то что он был ниже Андрея, преимущество в росте не имело значения – длина рук компенсировала эту разницу.

Андрей оставил на себе белую свободную рубаху, застегивающуюся на запястьях. Надел свободные штаны и мягкие, удобные башмаки, чем-то похожие на индейские мокасины – специально ходили на рынок, искали такие удобные. Они хорошо стояли на земле, не скользили и не жали ноги.

Отодвинув канаты, Андрей вышел на площадку. Она чем-то напоминала боксерский ринг, только гораздо больший по размеру. Напротив площадки находилась ложа императора, и с площадки хорошо были видны лица всех, кто в этой самой ложе находился. Император, его свита, слуги – все с нетерпением и живым интересом наблюдали за теми, кто вышел биться ради их удовольствия. Андрей невольно усмехнулся: «Идущие на смерть приветствуют тебя!..» Ничего не меняется во всех мирах. В том числе и развлечения. История развивается по спирали...

Гортус увидел улыбку на лице противника, тоже усмехнулся и негромко, но отчетливо сказал:

– Рано радуешься, деревенщина. Но вообще-то мне нравится твой настрой. Эти слабаки, которых я убивал раньше, они только ныли и просили сохранить им жизнь – мол, дети, семья. Идиоты. Кстати, у тебя красивая жена. После того как ты умрешь, я с ней хорошо развлекусь. Обязательно приглашу ее в свое поместье. У меня там хватит места и для нее. Ты даже не представляешь, какое удовольствие трахать бабу, мужа которой ты не так давно убил! Вспоминаешь его тускнеющие глаза и...

Речь Гортуса прервали фанфары, и оба соперника поклонились императору в ложе, предлагая дать команду к началу боя. Тот помедлил, демонстративно нагнетая обстановку, потом встал, достал белый платочек из-за обшлага камзола и, подняв его в воздух, махнул. Трибуны забурили, но громких криков не было – все ждали начала поединка и как будто бы

боялись спугнуть противников.

Гортус так и стоял, горделиво подбоченясь и уперев саблю в землю. Потом он поднял левую руку, приветствуя стадион, и трибуны заревели в восторге. Какой бы он ни был подонок, сейчас они его обожали – ведь он дает им зрелище!

Андрей взмахнул саблей в воздухе, пожал плечами – он тоже не особенно торопился, день впереди, куда спешить? Если противник желает устроить из поединка шоу – его право. Пусть себе тешится. Андрей усмехнулся своим мыслям, потом все-таки не выдержал и сказал:

– Ты еще долго будешь комедиантствовать? Как ярмарочный паяц... вышел биться – бейся.

– Торопишься на тот свет, деревенщина? – тоже усмехнулся Гортус, и в его глазах загорелись огоньки бешенства. – Это запросто.

Без подготовки, без красивых поз и стоек, Гортус мгновенно напал на Андрея, целясь в левое плечо: Монах сразу понял, что тому хотелось поиграть, устроить представление – он вначале желал как следует ранить противника и уж затем постепенно изрубить в капусту.

Клинки встретились, выбив искры, тут же растворившиеся в солнечных лучах. Гортус нахмурился – противник не собирался сдаваться, и его скорость была не менее высокой, чем у него. Гортус был опытным бойцом, возможно – одним из самых лучших фехтовальщиков того времени. Поэтому он тут же ослабил нажим и разложил серию на несколько прощупывающих ударов.

Гортус то увеличивал силу удара, то ослаблял, пытался прощупать оборону противника уколами и финтами. Но нет, тот успевал отразить все хитрые финты и удары, крепко держа в руке саблю. В свою очередь он активно и очень, очень быстро давал ответную атаку, и, не будучи оборотнем, Гортус вряд ли бы успел парировать эти молниеносные атаки.

Бой длился уже минуты три, и Гортус понял: перед ним противник с огромными силовыми и скоростными возможностями, но гораздо менее умелый в фехтовании, чем он. Это следовало из некоторых нечеткостей в завершении атаки, в смазанности ударов. Противник был хорош в фехтовании, выше среднего уровня бойцов, но намного хуже Гортуса, обладающего высшим уровнем мастерства.

Гортус начал постепенно увеличивать темп. Серии следовали за сериями, удары слились в сверкающий вихрь. Трибуны замерли, затихли, люди раскрыли рты, понимая, что на арене совершается что-то такое, чего они не видели никогда и, возможно, больше не увидят. Силуэты противников как будто смазались, звон клинков слился в какой-то

сплошной визг, стон, будто металл сабель протестовал против такого его варварского использования. Наконец трибуны вскрикнули и зашумели – первая кровь!

Андрей вздрогнул – сабля противника рассекла ему кожу на груди, оставив сильно кровоточащую рану глубиной около сантиметра и длиной сантиметров тридцать. Так-то сама по себе она была неопасна, но имела психологическое значение, да и просто – неприятно и болезненно.

Система регенерации организма тут же закрыла перерубленные сосуды и начала зализывать порез. Кровь остановилась, и о ране напоминал лишь косой разрез на рубашке, ее намокший красным подол да неприятное ощущение, когда края раны размыкались при движениях и касались ткани.

Гортус усмехался и не ослаблял натиска. Андрей был спокоен, но в глубине его души копошилось отчаяние – зря, зря он влез в это «мероприятие»! Он выбросил из головы эти упадочные мысли и с новой силой напал на противника, увеличив скорость по максимуму. Гортус перестал улыбаться, он был сосредоточен и действовал саблей как человек, который очень боится за целостность кожи, – Андрей не мог приблизить клинок к телу противника ближе чем на сантиметр. Каждый раз Гортус непостижимым образом успевал подставить саблю либо отступить, уклониться именно на этот сантиметр, которого не хватало.

Пять минут, десять минут – темп боя не снижался, оба противника покрылись потом, их лица покраснели – температура тел увеличилась до сорока градусов, – они буквально сжигали себя, свои ресурсы.

Финт, укол! Андрей вздрогнул от боли – его левое бедро оказалось пропоротым насквозь, и нога онемела. Подвижность сразу уменьшилась, и Андрей приготовился к худшему: после такого ранения нога восстановится не скоро. Не обращаться же в Зверя прямо на глазах тысяч людей? Единственное, что радовало, – Гортус не успел вовремя убрать руку после укола в бедро, и Андрей разрубил ему предплечье. Тот поморщился и перекинул саблю в левую руку. Впрочем, на скорость и эффективность Гортуса это не повлияло, в этом Монах убедился тут же – противник после ранения как будто получил заряд энергии и с удвоенной силой набросился на Андрея, нанеся ему легкое ранение в запястье и рассадив руку до кости.

Стадион уже ревел – кто-то болел за Гортуса, кто-то за Андрея, и все жаждали крови, крови, крови! Император встал и, опершись на барьер, ограждавший ложу от арены, подался вперед, как будто для того, чтобы получше видеть происходящее. От бойцов его отделяло всего десять метров, так что от него не мог ускользнуть ни один нюанс этой эпической битвы, о которой будут долгие годы петь все барды во всем мире.

Драться с левшой было еще хуже. Для этого нужны длительные тренировки с подобным противником – левша очень неудобен в бою, очень. Другая защита, другие атаки, и как следствие через две минуты Андрей получил еще ранение – сабля противника рассекла мышцы на боку справа.

Бесчисленные удары врага, едва не касающиеся тела и нанесшие раны, изрубили белую рубаху в клочья, и она свисала с плеч окровавленными лоскутами, отвлекая от боя. Андрей левой рукой сорвал эти лохмотья, оставшись по пояс голым, и стадион вздохнул от удовольствия, особенно дамы, напряженно следящие за бойцами. Глаза их увлажнились, красные язычки как по команде смочили пересохшие губы, и женщины, мечтавшие о твердом мужском теле, вцепились в локти своих спутников, с которыми пришли на стадион.

Только одна женщина в первом ряду стадиона в отчаянии смотрела на то, что происходит на арене, и истово молила Бога: «Помоги! Ну помоги же!»

Тонкие пальцы Марго, со всей своей силой сжимавшие деревянное сиденье, впились в деревяшку так, что раздробили ее и прошли навылет. Девушка даже не заметила этого, готовая броситься и отбить своего возлюбленного, спасти его, унести туда, где ему ничто не будет угрожать.

Количество царапин и порезов на теле Андрея увеличилось до десятка в считанные минуты. Он был буквально залит кровью, тогда как у его противника была лишь одна существенная рана, впрочем совершенно не мешавшая вести бой. Оба противника тяжело дышали, их легкие прогоняли невероятное количество воздуха, напитывая сжигающий ресурсы организм.

Бам-бам-бам-бам-бам – сыпались удары, зазубренные клинки скрежетали и грозили переломиться.

Один из мощных ударов Гортуса сбоку переломил клинок Андрея, как спичку, и у того остался в руке обломок сантиметров двадцать длиной. Распорядитель боя, стоящий неподалеку, тут же закричал, останавливая бой, – по правилам в этом случае сабля подлежала замене. Но до того, как служитель арены выкрикнул приказ, Гортус успел нанести три удара, два из которых крест-накрест рассекли и так уже пораненную грудь Андрея. Один из ударов прошел довольно глубоко и, если бы не усиленные кости оборотня, перерубил бы грудную клетку и рассек сердце.

После сигнала Гортус опустил саблю и, усмехнувшись издевательски, спросил:

– Ну что, теперь не улыбаешься? Хорошая у тебя женушка, хорошая, я точно ею займусь, и в ближайшее время! Я трахну ее на твоей могиле – вот как я сделаю! Да, точно, а потом сниму с нее кожу и повешу на твой крест.

Правда, здорово?

– Рано, рано ты радуешься, тварь, – хрипло сказал Андрей и, повернувшись, пошел за новой саблей.

Небольшая передышка вроде бы и помогла Андрею – организм слегка отошел от стресса, вызванного ранениями и невероятной перегрузкой в бою, но ран было слишком много, организм протестовал, и Андрея неожиданно начало клонить в сон. Видимо, сказывалась большая потеря крови.

Он скинул с себя одурь и снова встал в позицию. Гортус улыбался, видя, что силы противника на пределе. Андрей был холоден, сосредоточен и усиленно соображал, что ему делать. Его голова была ясной, светлой, казалось, что мысли звенят, как хрустальные подвески.

Удар! Удар! Удар! Да, скорость слегка снизилась, Монах неловко поворачивался на раненой ноге, и противник, видя это, все время старался зайти с разных сторон, заставляя Андрея как можно больше двигаться и терять силы.

Укол, на отходе Гортус врезал Андрею громадным кулачищем свободной руки в бок, прямо по ране. Его надрубленная рука уже довольно легко двигалась, видимо, восстановилась в достаточной мере, а у Андрея ранений было слишком много, чтобы они могли так быстро зажить, – ресурсы организма не безграничны. Он и так за этот бой потерял несколько килограммов веса, и это при том, что толстяком точно никогда не был.

«Андрей! – ворвался в голову голос Шанти. – Давай я налечу на него драконом и куда-нибудь унесу или прямо тут оторву ему голову? Ты погибнешь!»

«Ты подставишь себя! Не смей! Я еще жив, а пока жив – ничего не потеряно!»

«Андрей, ты на пределе, – настаивала драконица. – Я выйду со стадиона, а потом налечу и оторву ему башку! Позволь!»

«Я сказал – нет! – яростно передал Андрей. – Запрещаю это! Не отвлекай, молчи!»

Удар! Удар! Удар! Укол-удар! Гортус усиливал и усиливал напор, и Андрей медленно начал отступать под тяжестью атаки. Он думал, думал – и вдруг вспомнил. Гортус ударил его правой рукой, свободной от сабли. Значит, это правилами не возбраняется? Хорошо, посмотрим...

Андрей собрался, остановился и, когда в очередной раз сабля Гортуса коснулась его клинка, нанес сильнейший удар кулаком в челюсть противника. Тот не успел парировать, и челюсть треснула, перекосившись и вылетев из суставов. Чего-чего, а в схватке голыми руками Андрей был

посильнее. И знал, как и куда нужно ударить, чтобы сломать или вырвать.

Гортус сплюнул на песок окровавленные зубы, ударом слева поставил челюсть на место и снова яростно бросился на противника, залитый кровью из рассеченной скулы.

Андрей попытался ударить его свободной рукой, подцепить ногой, но сам чуть не упал – раненая нога не очень хорошо слушалась, онемелая как колода. Да и Гортус теперь был настороже и не подпускал его на расстояние удара кулаком или ногой.

Финт, удар, финт, удар... уклон – казалось, что эта попытка будет бесконечной. У Андрея темнело в глазах, ухмыляющаяся физиономия Гортуса как будто нависала над ним. Регенерация у этого ублюдка была потрясающей.

В очередной раз отразив несколько сильнейших ударов противника, Андрей все-таки нарвался – клинок Гортуса, обойдя защиту, вонзился в тело, пробив его насквозь и выйдя со спины. Боль была такой резкой и шипучей, что Андрей внезапно понял, что ему нужно делать.

Он бросился вперед, не обращая внимания на то, что клинок врага так и торчал в его левом боку, притянул Гортуса к себе и вошел в контакт с аурой.

Если он может лечить – значит, может и калечить? Ну так и вперед!

Мгновенным усилием мысли Андрей загнал в ауру противника всю боль, которую он испытывал, разогнав ее в десятки раз. Гортус должен был чувствовать страшную, невероятную боль – его аура стала ярко-красной, такой красной, какой она никогда не бывает у живых. Потому что ни одно существо не может выдержать такую боль.

Гортус тоже не выдержал. Его сердце разорвалось, выплеснув фонтан крови внутрь грудной клетки. Но он был жив и, возможно, даже смог бы выжить, когда система регенерации утихомирит этот поток боли и закроет дыры в огромном, тренированном сердце. Вот только Андрей не собирался этого позволять. Отпрыгнув назад, он изо всей силы рубанул противника в шею.

Гортус в это время стоял, зажав голову обеими руками, – боль в голове была настолько велика, что он ничего не слышал и не видел, полностью закрывшись от окружающего мира. Какой там бой, какие противники – не осталось ничего, кроме красной, бурлящей, ужасной боли, разрывающей голову, грудь, все тело, будто их жгли раскаленным железом.

Сабля Андрея прошла через толстые кости руки Гортуса и, потеряв силу, врубилась в шею противника. Усиленные кости оборотня ослабили удар, и вместо того, чтобы смахнуть голову с плеч, сабля лишь сильно

поранила Гортуса.

Эффект от этого получился страшным и неожиданным – оборотень, от боли полностью потерявший контроль над своим разумом, стал перекидываться в Зверя. Через секунду на месте человека стоял Зверь, похудевший, но здоровый, полный сил и злобы на весь мир. Зверь прыгнул на Андрея, встретившего его ударами клинка. Вмиг бедро человека и его бок были разодраны, как будто по ним прошлись острейшими граблями, у которых вместо зубьев торчали булатные лезвия.

Андрей бил Зверя саблей, кромсая его на куски, но клинок застревал в стальных мышцах, в костях Зверя, не причиняя ему вреда такого, чтобы повреждения смогли остановить это средоточие ярости и злобы.

Андрей уже изнемогал от усталости, боли и потери крови, когда внезапно пришла помощь извне: в боку Зверя выросли несколько оперенных стрел, и Зверь рыкнул, обернувшись и глядя назад, – подоспели гвардейцы под командованием Зиртона. Лучники и арбалетчики снова выпустили стрелы, утыкавшие существо с ног до головы и сделавшие его похожим на дикобраза.

Зверь заревел – на него надвигалась стена гвардейцев в стальной броне, со щитами и тяжелыми копьями, которых испугался бы даже дракон. Он сделал громадный прыжок, помчался к выходу со стадиона, по дороге сбивая солдат и опрокидывая любопытных зрителей, не успевших убежать, затем исчез под трибуной в проходе, ведущем на улицу.

Стадион молчал, потрясенный происшедшим. На поле боя остался стоять Андрей, тяжело опиравшийся на саблю, да гвардейцы, обступившие площадку для боя со всех сторон. На песке в луже крови лежала отрубленная рука Гортуса с толстенной костью.

Зиртон осторожно подошел к Андрею, покачивающемуся на ногах так, как будто его колыхали порывы ветра, и спросил:

– Ты можешь идти? Или вызвать лекаря сюда? Он сейчас извлечет из тебя саблю, потерпи...

– Саблю? – не понял Андрей и посмотрел вниз, на рукоять сабли Гортуса, так и торчавшей у него из бока. – А, саблю, да...

Он схватился за рукоять и, коротко выругавшись, вынул клинок, сплюнув нахлынувшую в рот кровь. Зиртон сморщился и укоряюще сказал:

– Зачем? Лекаря надо было!

– Неважно, – легонько махнул рукой Андрей, – помоги мне дойти до трибуны, пожалуйста. Я посижу, и все будет нормально.

Монах покачнулся и неминуемо бы упал, если бы его не подхватил Зиртон. Он положил руку Андрея себе на шею и повел к тому месту, где

сидела Марго, побелевшая и сжавшаяся, будто пружина. Она боялась выбежать на арену, не зная – может, этим нарушит какие-то правила, а тогда все достигнутое пойдет прахом.

Видя, как Андрея ведет гвардеец, она уже не раздумывала и, вскочив, перепрыгнула через барьер, обняла мужа и прижала к себе, не обращая внимания на то, что тот был весь в крови.

– Что дальше?

– Дальше – пойду на службу, чего же еще. – Андрей заложил руку за голову и ласково провел пальцем по упругой груди жены.

Она ойкнула и прикрыла сосок:

– Щекотно! Не балуйся! У меня очень чувствительная грудь, а ты своим железным пальцем!

– Это еще посмотреть, у кого железные. Кто скамейку раздробил? Мне уже донесли, как ты там сиденье корежила.

– Зоран? – понимающе хмыкнула Марго. – Вот проныра. Он везде сует свой нос. Иногда мне кажется, что он как будто собирает информацию – на всякий случай, чтобы продать потом подороже. Как шпион какой-то.

– Ты к нему пристрастна. Он так-то парень неплохой, только вот любопытный излишне, да. Ему лет-то столько же, сколько тебе.

– Иногда кажется, что мне тысяча лет, – грустно улыбнулась девушка, – а тот же Зоран кажется просто младенцем.

– Тогда тебе прямая дорога в компанию Шанти – вам, старушкам, будет о чем поговорить. Одной сто лет, другой тысяча.

– Точно. Кстати, где она сама-то? Я выходила в кухню попить и видела, как та ускользнула через форточку.

– На охоту, видать, отправилась. Она любит полетать по ночам, поохотиться. Думает, я не вижу, как она убегает. Пусть себе...

– Послушай, а не удивятся, что после таких серьезных ран ты уже через три дня идешь на службу? Спросят: а как ты сумел залечить свои раны?

– Ну не три дня, а неделя – ты с днями ошиблась. С тех событий прошла уже неделя.

– Ну неделя. А что, любой человек за неделю вылечит такие раны? И еще: а шрамы? Куда шрамы делись?

– Во-первых, я не собираюсь раздеваться... ты считаешь, что я тут же начну во дворце бегать голышом или прыгать к дамам в будуары, из постели в постель?

– Надеюсь, что так не будет! – угрожающе фыркнула Марго. – Оторву

ведь! Уснешь – а я все оторву! И тогда будешь петь то-о-оненьким голосом, и тебя возьмут в хор Синода.

– Мне тебя хватает сполна, – ухмыльнулся Андрей, – даже слишком хватает.

– То-то же... главное – мужа запугать как следует, и все будет нормально, – хихикнула Марго и тут же спохватилась: – Как это слишком? Как это? Можно подумать, я с тебя не слезаю днями и ночами!

– А то нет, – поддразнил Андрей. – Ох и женщины! Спать давай.

– И ты больше ничего не хочешь?

– Хватит! Спать надо! И так уже полночи не спим... И откуда в тебе столько чувственности, в кого? Отец вроде не был таким любвеобильным...

– А то ты знаешь! Вы с ним только в тюрьме-то и общались да на арене. Он ходок тот еще был. Я знала, что он приводил женщин, они его любили. Я раз как-то подкралась и подсмотрела в щелочку, чего они там делали... – Марго захихикала, а Андрей осуждающе покачал головой:

– Ф-фу-у-у... бесстыжая. Пороть тебя надо. Как-нибудь займусь твоим воспитанием. В свободное от несения службы время.

Они замолчали, и Андрей почувствовал, как погружается в сон. Его дремоту снова прервал голос Марго:

– Скажи, а ты не думаешь, что Гортус начнет за нами охоту? Ты не слышал, где он сейчас? Куда девался?

– Говорят, он промчался по улицам, выскочил за городские ворота и ушел куда-то на юг. У них там родовое гнездо, он же барон. Огромные земли с плантациями овощей, поля с пшеницей и ячменем, рудники и плавильни. Конечно, вернуться в столицу он не сможет – его тут признали колдуном и преступником, но зато там достать его трудно. Во-первых, у него одна из самых крупных армий на юге, во-вторых, южные земельные магнаты его поддерживают и всегда поддерживали. Он заявит, что его оговорили, что все насчет оборотней вранье, что император на него ополчился. Они давно уже точат зубы на императорский престол, так что все это может вылиться в гражданскую войну, если Гортус сумеет договориться со своими соседями. Но загадывать не стоит – что там, впереди, покажет время. Что касается наших с ним отношений – ты что, думаешь, он простит мне такое поражение? Простит то, что я не помер на арене, как мне полагалось, а изгнал его из столицы? Больше всего я ругаю себя за то, что не нанес точного удара. Дал ему уйти. И это нам еще аукнется. Уверен.

Марго потянулась всем гибким телом, закинув руки за голову, и протяжно зевнула. Потом мечтательно сказала:

– А хорошо бы, чтоб не было никаких волнений, никаких интриг и политики, а мы бы с тобой просто жили, и все. Завели бы кучу детишек, построили еще пару таких же домов, как этот... А правда хороший дом, а? Мне так тут хорошо! Жаль, часть мебели повывезли, теперь не найдешь уже. Этот дом строился по папиному проекту, тут все продумано, все сделано, чтобы нам было удобнее жить. Хорошо, что ты его выкупил. Ты такой молодец, я тебя так люблю...

Марго принялась целовать лицо, грудь Андрея и через минуту уже забралась на него верхом... сон опять как рукой сняло. Впрочем, Андрей не пожалел об этом...

Длинный коридор здания, где размещался штаб императорских гвардейцев, выглядел так же уныло, как и в большинстве присутственных мест во всех мирах, – деревянный пол, комнаты по бокам коридора, в конце его – большая двустворчатая дверь, за которой обнаружилась секретарская комната. Вместо секретаря здесь сидел щеголеватый лейтенант, перед которым лежала стопа депеш и рапортов. Он явно пребывал в тоске и мучительных раздумьях, и вид штатского, вошедшего в комнату, не улучшил его настроения. Он недовольно посмотрел на башмаки Андрея, поднялся взглядом по гражданским штанам, и, только когда его взгляд остановился на лице визитера, в глазах возникло понимание.

– А! Наш победитель! Прибыли для представления генералу, насколько я понимаю? А почему в гражданской одежде?

– Не успел сшить мундир. Тем более, как я понимаю, вначале мне на это должны выдать довольствие или нет?

– Да-да, – поскучнел лейтенант, – довольствие. Вообще-то в последнее время что-то задерживают это самое довольствие, так что, если хотите соответствовать уставу, шейте мундир сами. Потом казна возместит вам затраты. Впрочем, может, для адъютанта императора они и найдут деньги – мы-то сошки мелкие, не победители турниров...

«То-то ты такое рыло тут наел, – зло подумал Андрей. – Штабная крыса! Видал я таких, насмотрелся на Земле. Пока мы под пулями бегали, вы, суки, оружие и нашу жратву боевикам продавали, твари!»

– Так что, я могу войти и представиться генералу Шамору?

– Можете... сейчас только от него выйдет капитан Зиртон, и войдете. Присядьте пока что.

Ждать, когда освободится генерал, пришлось минут десять, и все это время Андрей вынужден был с неудовольствием созерцать, как секретарь перекладывает бумажку к бумажке, шурша и пыхтя, даже высунув язык от

усердия. Наконец дверь кабинета распахнулась, и в приемную вышел Зиртон, злющий и красный как рак. Он обвел помещение взглядом, как будто выбирая цель, на которой можно сорвать злость, заметил Андрея, и вдруг его лицо помягчело.

Приподняв удивленно брови, он воскликнул:

– Ты уже встал?! Ну ты и живучий! Я готов был поклясться, что ты встанешь не раньше чем месяца через полтора, край – месяц. Ты представляться генералу Шамору? Я дождусь тебя на улице, тут воняет. – Он кинул взгляд на недовольного полноватого секретаря, искоса посмотревшего на капитана. – Как закончишь – выходи, пообщаемся.

Капитан вышел, а секретарь сделал Андрею приглашающий жест:

– Входите!

Толкнув створку двери, Андрей попал в огромный кабинет, обстановкой больше похожий на будуар, чем на то место, где решаются воинские задачи. Хозяин кабинета сидел за столом, красный и сердитый. Он завидел фигуру в гражданском и тут же завопил:

– Кто это еще?! Почему здесь гражданские?! Вон отсюда! Стучаться не научились, болваны? Чего приперся сюда?

– Лейтенант Андрей Монах, – на щеках Андрея заиграли желваки, – прибыл для прохождения службы.

– А! Понятно! Ставленник его величества... еще одна проблема на мою больную шею. – Генерал страдальчески потер названную часть тела и, сморщившись, посмотрел на подчиненного. – Почему в гражданском?

– Потому, что в канцелярии отказались выдать довольствие, направив к вам. Необходимо подписать ордер. – Андрей достал из кармана листок, расчерченный линиями, и подал генералу.

Тот взял его в руки и не глядя черкнул роспись, макая перо в серебряную чернильницу. Перо оставило ореол мелких брызг на плотной бумаге, а генерал брезгливо спросил:

– Еще что-то?

– Вообще-то хотелось бы получить направление – куда идти служить, чем заниматься, – пожал плечами Андрей.

– А вы что, не знаете? Император приказал, чтобы вы были его офицером для особых поручений.

– Каких поручений? – поинтересовался Андрей.

– А это уже вопросы к его величеству, – так же ядовито ответил генерал. – У меня и так голова пухнет – как выдать жалованье, когда казна пуста. Где мне еще заниматься проблемами офицеров для особых поручений! Может, будете перед ним показывать, как побеждаете на

турнире, в лицах, а может, горшок подавать – это уже его величество решит. Отправляйтесь к нему и все узнаете. Мне вы подчиняетесь только формально, все приказы будете получать от императора. Все, шагайте!

Андрей повернулся и пошел прочь, услышав, как генерал буркнул себе под нос:

– Совсем армия скатывается в сортир – набрали простоллюдинов, такое впечатление, в коридоре уже навозом пахнет.

Андрей вышел как деревянный солдатик, на прямых ногах. Ужасно хотелось врезать этому чванливому придурку в рыло.

Не попрощавшись с надменным секретарем, Андрей, не заходя в канцелярию, вышел на улицу. На плацу под надзором капралов стройными рядами маршировали гвардейцы. Они были в полном боевом вооружении, в кольчугах и латах – похоже, отрабатывалось взаимодействие в строю. Они чем-то напоминали римских легионеров, даже полуцилиндрические щиты были такими же. Андрея заинтересовали их маневры – выглядело все это как-то... эпически, что ли. Всяко покруче, чем те парады, которые он видел на Земле. Тут все лязгало, звенело, блестело...

– Интересно, да? – К увлекшемуся зрелищем Андрею незаметно подошел Зиртон. – Смотрится красиво. Только вот толку от них маловато. Одна показуха. Если кто-то чего-то и стоит, так это моя рота охраны императора – сто пятьдесят человек, лучшие бойцы во всем мире. Заметил, они не испугались даже оборотня – тут же нашпиговали его стрелами! Если бы оборотень налетел на этих придурков, – Зиртон кивнул на марширующих гвардейцев, – они бы все разбежались, предварительно обделавшись. На самом деле армия выродилась. Если бы сейчас Славия на нас напала – скорее всего, нам бы солоно пришлось. А все из-за чего – вот из-за таких придурков, как генерал Шамор. Показуха, воровство... Обмундирование солдат дрянь, сабли дешевые, ломаются – сталь плохая. Куда уходят деньги – ты видел его кабинет? И это у воина! Его гнать надо! Но его семья находится в какой-то дальней родственной связи с императором, потому он и получил должность командира гвардейцев. А старого боевого командира сослали в свое поместье, где он благополучно спился. Ты бы еще видел дворец этого Шамора, а еще дворцы его любовниц. И после этого тварь заявляет, что казна пуста и выдать жалованье моим гвардейцам нечем. – Зиртон помолчал, потом посветлел лицом и улыбнулся. – Хочу поблагодарить тебя, что не лишил армию лучшего своего капитана. Ты мог меня спокойно убить, и никто бы тебе не сказал ни слова.

– А ты бы мог? – Андрей с интересом посмотрел на собеседника.

– В пылу схватки мог бы. А чтобы так, безоружного, – скорее всего нет, – усмехнулся Зиртон. – Вот Гортус – тот запросто. Он этим и отличался. Зверь зверем. Как оказалось, зверь и есть. Говорят, засел у себя в поместье и сидит. Собирает войско – думает, что за ним скоро придут. Дурак, нам и приходить-то не с кем. С этими, что ли? – Зиртон пренебрежительно указал на несколько сотен гвардейцев, упорно марширующих по плацу. – Только вид один. Пойдем посидим в трактире? Пива выпьем, поговорим?

– Пойдем, – кивнул Андрей. – Расскажешь мне, каков расклад, кто тут всем в армии управляет.

Они направились к воротам гарнизонного городка и вскоре оказались возле большого трактира с вывеской, на которой толпа солдат маршировала, держа в руках кружки с пенистым напитком.

Свободных мест в трактире было полно, посреди дня солдаты заняты, и только вечером здесь начнется самое веселье, как пояснил Андрею Зиртон.

Сидя за столом, они с удовольствием прихлебывали холодное пиво из высоких глиняных кружек. Жажде очень даже способствовала уличная жара, усугубленная отсутствием ветра.

– Ты спрашиваешь, кто управляет? – вернулся к начатому разговору Зиртон. – Хлыщи, бездари, ворюги и всякая тварь, вставшая на свое место по протекции родственников или потому, что понравились императору. Надеюсь, ты меня ему не сдашь, – криво улыбнулся он. – Впрочем, я и ему бы сказал в лицо – таких, как генерал Шамор, гнать надо палками до самого его поместья, и чтобы он сидел там и не вылезал! Он ведь совершенно не понимает в военном деле и считает, что основная обязанность армии пройти парадным маршем по площади перед императором. Все. На большее его не хватает. И такое же положение у пехотинцев, кавалеристов. Флота так у нас вообще нет – зачем, если Славия тоже не имеет своего флота? И никто не задумывается – а что находится далеко на юге? Кто туда отправлял корабли? Никто. Что там находится? Ведь никто не знает! Никому не интересно. Все только жрать и... в общем, ничего хорошего. Небось сидишь и думаешь: чего это он передо мной так распинается? Почему все это мне говорит? А я смотрю на тебя и думаю: этот человек похож на меня – тоже вылез откуда-то из провинции, не аристократ, добился своего силой и ловкостью. Почему и не помочь ему? А он когда-нибудь поможет мне. Например, подскажет императору правильное решение в отношении армии. Теперь ведь, по слухам, ты офицер для особых поручений при императоре. Когда-то и я был таким,

потом пожелал служить по-другому.

Андрей недоуменно пожал плечами и попросил:

– Ты не мог бы рассказать мне подробнее, чем занимается этот самый офицер для особых поручений.

– Как бы тебе сказать... – усмехнулся капитан. – Это нечто среднее между адъютантом, телохранителем, сутенером и слугой.

– Это как так? – нахмурился Андрей.

– Как? – скривился Зиртон. – Ты будешь выполнять все, что скажет тебе император. Приходишь утром к десяти часам – раньше его величество не встает. Узнаешь, что он намечает сегодня делать, какие поручения даст тебе, и едешь туда, куда он тебе скажет, например приглашаешь графиню Н. или баронессу Е. к императору на ужин. Или отправляешься в труппу бродячих жонглеров или акробатов и договариваешься с ними о представлении – и за особую плату, чтобы они не отказали в близости всем тем гостям, какие этого пожелают. В том числе и императору. Или составляешь ему партию в фигурки – умеешь играть? Нет? Научись. Это важное во дворце умение. Его величество играет неплохо и хочет регулярно в этом убеждаться. Или играешь с ним в одну из игр – я тебя научу, если хочешь. Ты должен уметь много пить и не пьянеть – пиры будут часто, практически через день. А потом с утра, после ночи пьянки – скакать через лес, чтобы заporоть копьем несчастную свинью или козулю. Или оленя. И так день за днем, год за годом... Я выдержал три года. Потом попросил списать меня в роту охраны. Теперь отдежурил свое – и к жене под бок. Слава богу, закончились эти бритые потные акробатки и пахнущие селедкой престарелые матроны, которые обязательно желают с тобой переспать. Кончились эти бесконечные пьянки, на которые никакого здоровья не хватит. А охоту, честно говоря, я никогда не любил. Не знаю, чего хорошего в том, чтобы затравить несчастного кабана, – против него сотня егерей с солдатами и человек пятьдесят свиты во главе с императором. Он с одного страху кончается. Тоже мне охота... единственная выгода в положении офицера для особых поручений, а проще – любимчика императора, это то, что ты иногда сможешь влиять на политику в нужном направлении. Император время от времени спрашивает совета у своих приближенных и, если на него найдет такой стих, делает так, как они скажут. Кардинально ничего изменить нельзя, но хотя бы что-то сделать для государства можно. Вот я и попрошу тебя, если будет такая возможность, хоть как-то помочь армии. Где-то подсказать императору, где-то направить его мысль в нужное русло. Вот как-то так.

– Я не прочь, конечно, – осторожно начал Андрей, – только не

представляю, как бы я мог это сделать. И еще скажи мне одну вещь... как бы это выразиться... нехорошие слухи ходили, что император любит мужчин... Нет?

– Вранье! – решительно отрезал Зиртон. – Он любит баб, а еще больше – вино и охоту. Хотя и снисходительно относится к пристрастиям некоторых своих советников. Вот они-то главная твоя проблема. Будут пакостить, стараться унижить. Ты должен уметь стерпеть или же ответить умным словом. Иначе туго придется. Ну да ладно, я нагнал на тебя жути, да? – Мужчина рассмеялся и подмигнул. – Если ты любишь шум, пиры, охоту и баб – лучше, чем эта, должности тебе не найти. Император частенько награждает – то сто золотых сунет, то приз какой-нибудь, то подарит чего-нибудь. Я неплохо заработал за три года – он подарил мне поместье недалеко от столицы, хороший дом. Кроме того, к тебе будут обращаться купцы, промышленники с просьбой похлопотать об их деле – сделать разрешение на торговлю или еще что-то такое. Денег будут давать, и недурно. У меня имеется кругленькая сумма в имперском банке. Так что не все так плохо. Только вот в конце концов надоедает, и ты начинаешь думать: а зачем живешь? И жена тебя начинает пилить, когда ты приходишь с очередного пира, пахнувший женскими благовониями и мускусом. Кстати, жена у меня из благородных, из обедневших дворян. Его величество пожаловал мне наследственный дворянский титул – я как-то спас его от медведя, возжелавшего непременно вырвать ему кишки. Ну ладно, хорошо посидели. Заглядывай как-нибудь ко мне в роту, пофехтуем. Я видел твой поединок с Гортусом. Так вот, ты невероятно быстр и силен, так же как он. Но уровень твоего фехтования гораздо ниже моего. Будешь спорить?

– Не буду, – улыбнулся Андрей. – Меня учил старый солдат, и я, вероятно, так и не усвоил его уроки в должной мере.

– Ты ведь не так давно начал фехтовать, не правда ли? – проницательно заметил Зиртон. – Тех, кто занимается этим с детства, сразу видно. Сабля в их руке как будто прирастает, становится ее продолжением.

– Да, я стал фехтовать уже довольно взрослым, – туманно пояснил Андрей. – С удовольствием взял бы уроки мастерства у такого великого фехтовальщика, как ты.

– Смеешься? – подозрительно сощурился капитан. – Ты же в считанные минуты расправился с «таким великим фехтовальщиком»!

– Не смеюсь, – заверил Андрей. – Если бы я фехтовал, как ты, на таком уровне, то расправился бы с этим Гортусом, не довел бы себя до такого состояния, как в конце боя. Он ведь чуть не убил меня. Больше я такого допустить не хочу.

– Но какой бой был! – причмокнул губами Зиртон. – И какое окончание! Про тебя уже поют в трактирах, барды о тебе песни сложили! Ты победил оборотня, исторгающего из ноздрей огонь, а из задницы дым! На мой взгляд, это похоже на праздничную шутиху, но барды есть барды. – Капитан рассмеялся и откинулся на спинку стула. – Да, по уровню фехтования он выше тебя, это точно. Но не выше меня. Если бы не его скорость... ну да ладно. Демон с ним. Ты еще с ним увидишься, я тоже так думаю. Поднимем твой уровень, не беспокойся.

– Вопрос еще... – Андрей поводил пальцем по столу, рисуя из пролитого пива замысловатую фигурку. – Как у вас относятся к дуэлям? При дворе, я имею в виду.

– Интересный вопрос, – нахмурился Зиртон. – Не хотелось об этом говорить. Ты будешь драться на дуэлях, если от тебя этого потребует император. Фактически ты его рука.

– Ты намекаешь, что я буду кем-то вроде палача? – тоже нахмурился Андрей.

– Да. Если хочешь – так. Согласно дуэльному кодексу ты имеешь право вызвать любого мужчину – офицера или же аристократа. Если он откажется – будет опозорен. А не откажется – ты его убьешь. Или покалечишь. Это уж как его величество пожелает. Что смотришь? Да, и я это делал. И говорить об этом не хочу. Может, потому я и ушел в простые капитаны. Сам решишь для себя, сможешь ли ты удержаться на плаву в этом дерьме или нет. Ну что же, давай прощаться. Завтра заступаешь на службу – охрана предупреждена, так что тебя пропустят. Форму можешь не надевать – все равно император пожелает, чтобы ты был в гражданской одежде. Надень что-то приличное, но не слишком яркое. Украшений не надевай, вызываяще тоже не одевайся. Ты тень императора. Впрочем, тебе будет трудно быть в тени после победы в турнире. Слава победителя оборотней тебя будет преследовать еще долго.

Андрей и Зиртон покинули трактир и разошлись в разные стороны. Неспешно шагая по улице, Андрей обдумывал слова Зиртона и укладывал информацию в голове. То, что он слышал, ему совсем не нравилось. Впрочем, а чего ожидал? Чем ближе к власти, тем большая вонь от нее идет. Если он собирается стать ближе к императору, ему придется терпеть и совершать такие поступки, о которых он потом пожалеет. Сделать малое зло, чтобы искоренить большое? А иначе как он осуществит задуманное?

Их с Марго дом находился довольно близко от военного городка, потому Андрей не стал брать извозчика и немного прогулялся. У его ворот стояла повозка, кучер похрапывал на козлах. Андрей постучал и, когда

привратник открыл ему калитку, спросил:

– Кто приехал?

Привратник поклонился и с придыханием сообщил:

– Сам первый инквизитор! Желает вас увидеть! Госпожа Марго сказала ему, что вы скоро прибудете, вот он сейчас и сидит в гостиной, ждет вас!

Андрей нахмурился и поспешил в дом. Неужели инквизитора все-таки выпустили из темницы? И какого черта он приперся в его дом? У Андрея было очень нехорошо на душе: такие визиты так просто не совершают. Не та величина первый инквизитор, чтобы разъезжать по домам обычных горожан. Ежели только не имеют к ним очень серьезного дела. Например, спалить на костре. Или попытаться узнать, как дошел до такой исчадиевской жизни.

Так-то по поводу безопасности Андрей не беспокоился – дома оставалась Шанти, а она одна была страшнее, чем полк пехотинцев. Кроме того, Марго не только скамейки умеет ломать... Но все равно, случись какой-то шум, какие-то неприятности – все задуманное провалится. А ему ведь надо ни много ни мало, а подмять под себя власть в одном государстве, чтобы потом пойти войной на другое государство. Вот задача-минимум. А как максимум – истребить исчадий, установить в мире благоденствие для всех людей. Смешно? Но почему нет? Если имеется вертикаль власти, абсолютное самодержавие и во главе государства человек порядочный, дельный, почему бы и не установить это самое благоденствие?

Андрей прошел мимо двух охранников, патрулирующих территорию двора (он завел охрану сразу после турнира, опасаясь нападения на дом, благо, что в деньгах недостатка нет), и взлетел по ступеням мраморной лестницы в гостиную на первом этаже.

За столом полированного дерева с золочением и завитушками, лицом к двери сидела Марго. Рядом с ней, на стуле, свернулась колечком Шанти, как всегда мирно сопящая и якобы отключившаяся от всего мира. (Чушь! Андрей знал, как быстро из якобы мирно спящего хорька получается здоровенная полуторатонная драконица, перекусывающая пополам супостатов. Секунда – и полетят клочки по закоулочкам.)

Гость сидел спиной к входу, и при виде него у Андрея отлегло от сердца. Эта громадная спина могла принадлежать только Илье Муромцу да еще отцу Акодиму.

– Приветствую вас, господин Андрей Монах, победитель турнира, гонитель оборотней-исчадий и офицер для особых поручений его

императорского величества! – прогудел тот, поднявшись со своего кресла и кланяясь Андрею.

– Ну перестаньте, – досадливо поморщился Андрей, – ну чего смеетесь... Быть прислугой у императора – вот это карьера, да?

– Недопонимаете, – кивнул Акодим и уселся на место, подхватывая громадной ручищей с толстыми пальцами, способными гнуть подкову, маленький румяный пирожок с тарелки. Пирожков оставалось уже мало, и было видно – отец Акодим очень любит вкусно поесть и не стесняется это делать. – Политику, дорогой Андрей, делают не те, кто стоит на трибунах императорского совета, и не те, о ком пишут в летописях. Ее делают незаметные люди, которые стоят за тронем и тихо-тихо подсказывают императору, как ему следует поступить. Первый шаг к этому вы уже сделали, да еще какой! – Он многозначительно поводит бровями и отхлебнул из красивой фарфоровой чашки.

– Отец Акодим теперь первый инквизитор, – поспешила пояснить Марго, – вчера его назначил император. А сам император теперь глава церкви, и ему подчиняются Синод и инквизиция. То есть он теперь первосвященник. Потом идут патриарх и инквизитор. И подчиняются они непосредственно его величеству.

– Именно так, – усмехнулся Акодим. – И обязан я этим вам, господин Андрей.

– Поздравляю, – улыбнулся Андрей. – Только я не император. При чем тут я?

– Перестаньте, не хитрите, – отмахнулся Акодим, – мне известно о разговоре в императорской ложе во время турнира. Вы же знаете, ничего нельзя скрыть. Все всё знают. Вчера бывшего первого инквизитора обезглавили по приказу императора, и его голова украшает городскую стену.

– Что за дурацкий обычай, – поморщился Андрей. – А мотивация казни?

– За убийство советника Карлоса и за потворство исчадиям, – пожал плечами Акодим.

– Еще раз – мои поздравления, отец Акодим. Но хотелось бы узнать цель вашего визита. Не каждый день в дом простого горожанина является сам первый инквизитор.

– Не принижайте себя, – гулко рассмеялся Акодим, – не такой уж и простой горожанин. Победитель турнира, приближенный к императору человек. И не являюсь я – являются ангелы. А я всего лишь человек.

Акодим подмигнул Андрею, и тот нахмурился – священник явно

намекал на то, что Монаху почему-то выдали роль некоего Ангела Смерти из пророчества, во что он, честно говоря, не верил. И вообще испытывал недоверие к различного рода кликушествам и пророчествам.

– Ну так что вас привело ко мне, отец Акодим? – продолжал настаивать Андрей. – Нет, так-то я рад, что вы приехали. Хорошего человека всегда приятно принять в своем доме. Но вы настолько значимая фигура, что... в общем – ясно, я думаю.

– За советом, – просто сказал Акодим, и у Марго от удивления расширились глаза, – за советом. Хочу спросить, как жить дальше. Мне кажется, вам виднее.

– Очень сомневаюсь, – скривился Андрей. – Если бы я мог предсказать результат своих действий...

– Вы оружие в руке Божьей. И Он не стал бы посылать вас в этот мир просто так. Поэтому я спрашиваю вас: что нам делать? Мне лично.

– Вам нужно отладить систему противодействия Злу, – решительно начал Андрей, пожав плечами. – В результате действий вашего предшественника были выбиты все, кто обладал хоть какими-то магическими способностями, данными им Богом. И вы беззащитны перед исчадиями, которые, в отличие от вас, как раз обладают этими способностями. Вам нужно кинуть клич по стране, собрать в столицу всех, кто мало-мальски владеет магией, – лекарей, предсказателей, всех кого угодно. Далее – их в церковные школы, обучать, наставлять. Сделать чистку в рядах инквизиторов. Тех, кто активно помогали вашему предшественнику, судить и казнить, если они запятнаны преступлениями. Остальных выгнать к демонам. Набрать из числа священников тех, кто вправду хочет бороться со Злом, и сделать их инквизиторами. Изменить в сознании людей само понятие инквизиции! Она должна быть не истребляющим население органом церкви и государства, а инструментом борьбы со злом, помощником людей. Как вы это сделаете, вам виднее. В общем-то вы и сами все это знали, так зачем пришли ко мне за советом?

– Почему же, совет никогда не бывает лишним, особенно если он умный. Кроме того, должен же был я вас поздравить с победой в турнире? С женитьбой тоже поздравить не грех. Такую красавицу найти – как не поздравить? Госпожа Марго... или Антана? Как мне вас правильно звать?

– А как хотите, так и зовите, – ответил вместо нее Андрей, – теперь можно звать и так, и эдак. Карлоса нет, Гортуса нет, начальника стражи нет. Теперь можно звать и Антаной. Кстати, кто донес?

– Кто донес? Не скажу. У меня свои источники информации. М-да... Ангел Смерти работает чисто, – усмехнулся священник, – уже практически

никого, кто встал на вашем пути, нет в живых.

– Гортус жив, – нахмурился Андрей, – и похоже, строит козни.

– Я вам скажу так: юг всегда строил козни. И появление там Гортуса ничего не изменило. Ну, может, слегка ускорило события, и все. Будет война, обязательно будет. Когда? Может, через полгода, может, через год, но будет обязательно. Уже давно поступления в казну из южных областей свелись к нулю. Император сквозь пальцы на это смотрит, лишь бы не было войны. Не будет Гортуса – будет другой лидер. Не будет того лидера – будет третий. Это объективная реальность. Не надо демонизировать Гортуса, он так, сошка. Хоть и оборотень. Большая группа землевладельцев с юга не желают платить налоги и накопили такие средства, что скоро сравнятся по мощи со всем государством. Они желают поставить на место императора своего человека. Так что войне быть. И вы могли бы подготовить императора к мысли о том, что надо готовиться к войне как следует. Кстати сказать, если у вас возникла мысль уничтожить Гортуса в расчете на то, что войны не будет, раз уж он мертв, – это заблуждение. Хотя, возможно, это и отсрочит наступление на какое-то время, пока не выберут нового лидера. Их нужно выбивать всех, сразу.

Акодим помолчал, молчали и хозяева дома. Потом он улыбнулся и сказал:

– Повидал вас, поговорил, вот и легче стало. Вы один из немногих людей, с кем я могу поговорить откровенно, не считая матушки Ниомы, моей супруги, да друга детства Никодима. Кстати, хочу вызвать его в столицу, сделать своим помощником. Что думаете по этому поводу?

– А почему и нет, – пожал плечами Андрей, – само собой, вы будете подбирать себе тех, на кого можете положиться.

– Ну все, – Акодим удовлетворенно хлопнул ладонями по коленям, прикрытым рясой, и встал во весь свой немалый рост. – Пообедал, теперь можно и домой. Кухарка у вас, похоже, мастерица! Эх и знатные пироги делает! Всего вам доброго, хозяева, пора и дела делать. Так бы и сидел у вас, не уходил.

Проводив священника, Андрей снова уселся за стол. Жена смотрела на него с улыбкой и обожанием.

– Никогда не думала, что буду замужем за человеком, к которому на поклон приходит первый инквизитор! Послушай, кстати, а почему мы не повенчаны? Или мы не муж и жена? – нахмурилась Антана.

– Муж и жена, – утвердительно кивнул Андрей, – но... давай мы оставим этот вопрос на будущее, ладно? Когда все будет более-менее ясно. Успеется. Разве тебе плохо живется?

Девушка осуждающе покачала головой, но ничего не сказала. В воздухе повисла напряженность, разрешила которую Шанти:

– Странные вы, люди. Драконы живут тысячи лет в браке и не задумываются, венчали их или нет, записаны их имена в церковную книгу или нет. Главное, чтобы любовь была. А сколько раз ни запиши в эту самую книгу – любви не прибавится. Девочка, насколько я знаю Андрея, если он не захочет этого сделать – никто его не заставит. И кроме того, он никогда ничего не делает без объективных причин. Значит, пока не надо этого. Правда, Андрей?

– Правда. Хотите, сочтите это блажью, но вот чувствую – не надо пока что этого делать. Боюсь, как бы это не обернулось чем-то не очень приятным. Например, лягу спать, и меня во сне опять куда-то утащат. В другой мир. И останется Марго... Антана одна, то ли женой, то ли не женой – смерти-то моей никто не видел. А значит, замуж выйти она не сможет, пока не убедятся, что я мертв.

– Я не хочу об этом даже думать! – со страхом воскликнула Антана. – Может, вообще привязывать тебя к себе? А что – привяжемся, и, если тебя украдут, я полечу вместе с тобой!

– Вряд ли это поможет, – грустно улыбнулся Андрей. – Все когда-то кончается. Но моя миссия здесь не закончена. Так что пока можете быть спокойны. Я все хочу спросить мою сестренку Шанти, а где ты охотишься ночами? Почему это меня терзают смутные подозрения? Весь город шумит о том, что кто-то истребляет грабителей и насильников. А неподалеку от места происшествия видят красивую девушку. Я вначале грешным делом подумал на мою любимую жену. Но она бывает слишком занята ночами и, как ни проснусь, сопит возле меня. А вот моей сестренки ночами в доме нет. Это ты развлекаешься? Только не ври, а? Я тебя вычислил.

– Ну-у-у... я же должна помочь тебе в деле искоренения зла? – хихикнула драконица. – Ну да, прогуливаюсь ночами по городу. Зато теперь стало чисто, безопасно. Марго, не хочешь как-нибудь со мной прогуляться? Андрей ленивый, не пойдет.

– Ага! Ты еще ее за собой потащи! Этого только не хватало, – хмыкнул Андрей. – Нет уж, похоже, и вправду надо привязываться друг к другу, чтобы жена не ускользнула шастать по улицам. Не вздумай ее тащить с собой, слышишь? Мне не хватало, чтобы ее лицо узнали случайные прохожие. Потом греха не оберешься.

– Не потащу, успокойся... если она сама не захочет, – туманно согласилась Шанти. – Ты расскажи, как сходил, чего нового...

– Расскажу. Только куда вы Зорана дели? Чувствую, чего-то не хватает.

– К матери пошел, – пожала плечами Антана. – Пусть себе. И хорошо, что его сейчас не было, когда инквизитор приходил. Кстати, я все-таки Антана или Марго?

– А как хочешь. Хочешь – Антана. А хочешь – Марго. Как тебе нравится. Теперь все твои враги мертвы... почти все. Скрываться незачем. Тем более что многие из твоих соседей тебя точно узнают.

– Узнали уже. С утра прибежали, – хмуро ответила девушка. – А когда я нищенствовала, когда меня выбросили без медяка в кармане – где они были? Куска хлеба никто не дал. Теперь я жена влиятельного, известного человека, победителя турнира, приближенного императора – сразу же прибежали: госпожа Антана, госпожа Антана... Я велела не пускать их даже на порог. Твари!

– И правильно. Пошли они к демонам. Ладно, слушайте теперь, что я сегодня узнал... – И Андрей начал расписывать свой сегодняшний поход в штаб гвардейцев и последующий разговор с Зиртоном.

После того как он закончил рассказ, некоторое время все молчали, потом Марго брезгливо сморщилась и угрюмо сказала:

– И ты будешь участвовать в оргиях во дворце? Прислуживать этому недомерку? Тебе самому не противно?

– Знаешь что, не сыпь мне соль на рану! – рассердился Андрей. – Мне и так тошно! А в оргиях я участвовать не собираюсь. Если думаешь, что мне все это больно сладко, ошибаешься. По крайней мере, это шаг, очень серьезный шаг к власти. А если я смогу там укрепиться, задержаться, будет еще больше пользы. Господь знает, что я это делаю не для себя, а для людей!

– Прости... я не хотела обидеть, – расстроилась девушка. – И правда, чего я на тебя напала. Если бы можно было по-другому, ты бы сделал. Только это... не изменяй мне слишком часто, ладно? Только если нужно для дела...

– Тьфу на тебя! – рассмеялся Андрей. – Я вообще не собираюсь тебе изменять! Там без измен грязи хватает... Кстати, ты играешь в фигурки?

– Играю... папа меня научил. – Антана удивленно подняла брови. – И в карты играю, и в кости – мы с ним любили иногда поиграть.

– Научишь меня. Как оказалось, это одно из наиболее важных для офицера умений, – усмехнулся Андрей, – после фехтования, конечно.

– Научу. Ну что, будем обедать?

– Будем. Потом мне надо кое-куда сходить. Пойдешь со мной?

– Нет, мне надо по дому кое-чем заняться и привести в порядок библиотеку.

– Приветствую вас, господин... э-э-э...

– Ладрак, просто Ладрак. – Невысокий шустрый человечек в прожженном халате смотрел на Андрея, щуря глаза и не понимая, чего это к нему появился этот мужчина и чего ему надо в логове алхимика.

С полчаса Андрей объяснял, что ему надо, пояснял, где взять составляющие, втолковывал ему то, что должно получиться в итоге. Алхимик недоверчиво таращил глаза, но, когда Андрей вывалил перед ним мешочек с десятком золотых, загорелся:

– Не знаю, что именно вы хотите, но я буду это делать. Беспольных знаний не бывает. Все веселее, чем готовить снадобья для аптекарей.

– Я повторяю: очень, очень осторожно! Я набросал вам всю технологическую цепочку, сказал, что в итоге должно получиться. И это именно так и получится. И на будущее – если вы хороший специалист, то работать будете только на меня и жить безбедно. Это очень важно для государства, учтите. И еще – никому ни слова. Иначе ваша жизнь не будет стоить и ломаного медяка. Это важная государственная тайна!

– Да-да, конечно!

Андрей усмехнулся – алхимик был уже где-то далеко, очень далеко, там, куда унесли его скачущие резвыми скакунами мысли. Оставив алхимика обдумывать задание, он вышел из пропахшего химикатами домика алхимика и сел в ожидающую его пролетку.

– К мастеру Надилу. Знаешь, где его мастерские?

– Обижаете! – ухмыльнулся извозчик и, свистнув, хлестнул лошадку вожжами.

Та взяла с места, и скоро пролетка гроыхала по булыжной мостовой, распугивая бродячих котов и расплескивая скопившуюся в лужах воду – недавно прошел дождь и мостовая парила под лучами яркого солнца.

Мастер Надил сидел у себя в конторе и радостно встретил своего поставщика, оказавшегося при этом таким известным человеком.

– О-о-о! Какой человек к нам зашел! Хотите хорошую саблю? Такому мастеру, как вы, не пристало владеть плохими клинками – только самое лучшее! Я сам, лично подберу вам великолепный клинок.

– Клинок – это хорошо. Мы подберем, да. Но я к вам по другому делу. Мне нужны ваши способности как механика и как кузнеца одновременно.

– Вы меня заинтриговали. – Глаза мастера заблестели. – Я люблю загадки! И что вы хотели? Кстати, я применил вашу шестерню – великолепно! Не закусывает, не клинит! Как вы догадались, что нужно так

сделать?

– Это неважно, – усмехнулся Андрей. – Я сейчас загадаю вам такую загадку, что вы будете очень, очень удивлены. Вы не могли бы мне дать несколько листов бумаги? И что-то, чем рисовать на них.

– Свинцовый карандаш подойдет? Линейку дать?

– Подойдет. Давайте.

Мастер пошел в угол кабинета, пошарил на полках и достал пачку желтоватой бумаги и два карандаша.

– Ну, слушаю вас!

Андрей начал говорить и рисовать на бумаге. Чем дольше он говорил, тем больше вытягивалось лицо мастера Надила.

– Сможете? – закончив объяснения, спросил Андрей. – Это будет главное дело вашей жизни. Я предлагаю организовать предприятие на паях. Мы вложимся в это дело и будем первыми в этом мире, кто такое сделает. Гарантирую государственный заказ.

– Я смогу, – медленно ответил Надил, глядя на странного человека. – Не знаю, кто вы такой, но то, что вы сейчас мне тут нарисовали, – это страшно. Вы понимаете, что будет? С миром что будет, когда в него войдет это изобретение? И еще странно, что до сих пор никто этого не сделал.

– А все вроде бы очевидно, да? Стремена, например. Но только пока не изобрели стремян, воевать верхом было нельзя. Так и тут. Еще мне нужно вот что, смотрите сюда...

Андрей нарисовал еще несколько рисунков и сопровождал их объяснениями, потом спросил:

– Нужны дельные литейщики. У вас должны быть такие, вы же работаете с металлом. И вот что, мастер Надил, никому не говорите. Ни-кому. Никто не должен знать, что это и зачем. А эти медные штуки сумеете сделать?

– А чего сложного? Два удара – один вырубить, другим придать форму. Мне тут пришла в голову мысль сделать некое приспособление... Зачем вручную?

Домой Андрей попал уже поздно ночью. До тех пор пока у прожекторов не стали слипаться глаза и пока они не охрипли – два будущих компаньона обсуждали то, что им предстояло сделать, обсасывали каждую деталь, каждый узел. В который раз Андрей порадовался, что неплохо рисует, а кроме того, имеет отличную память.

Его задачей было создать лучшую армию в мире. Отлаженную, как швейцарский часовой механизм. Для этого было необходимо полностью ее

изменить, перевооружить, научить обращаться с новым оружием. Каким? Ружья и пушки. Вот что сделает армию непобедимой. Пушки – стандартные, стреляющие ядрами. На большее пока не было ни сил, ни времени. А вот ружья – это основное. Именно ружья, а не винтовки. За образец Андрей решил взять тульские курковые охотничьи ружья двенадцатого калибра, которые могли стрелять и картечью и пулями. Дальность их была не очень велика, но разрушительная способность и скорострельность делали их гораздо более эффективными, чем арбалеты и луки. Самое главное – компактность и возможность использования ружей всеми, с кем позанимались пятнадцать минут. Ведь так просто – направил на противника ствол, нажал спуск, и в супостата вылетела целая стая смертоносных шариков пяти миллиметров в диаметре, пронизывающих любую кольчугу, ранивших и убивающих лошадей, сносящих целую толпу пехотинцев. А если враг одет в тяжелую броню, так на то и пули – тяжеленные свинцовые цилиндрики пробьют любую броню, собьют с коней тяжеловооруженных всадников.

Андрей несколько дней выяснял, где можно добыть селитру, натриевую и калийную, как найти серу, где торгуют древесным углем, и самое главное – где взять ртуть. Без ртути невозможно сделать капсули, а значит, невозможно сделать патроны.

Предстояло еще много, очень много хлопот – завезти селитру с месторождения на островах рядом с побережьем и селитру с месторождения в джунглях западнее столицы, навезти древесного угля, скупить все запасы серы, что были в городе, и договориться с купцами о том, чтобы они подвозили ее как можно больше, построить новые кузницы и новые литейки – на берегу реки, используя ее силу для молотов, а еще построить паровую машину. Все это впереди. Пока что нужно сделать несколько экземпляров нового оружия. Как только ружья будут готовы, тогда можно показать их императору. Но это гораздо позже, гораздо. Нынешняя задача была – закрепиться воле трона, стать необходимым императору, стать человеком, без которого тот не сможет обойтись.

Глава 6

– Приветствую! – Стражник у дверей дворца отсалютовал Андрею, как важному чину. – Проходите. Нас предупредили. Знаете, куда пройти? По коридору, через три зала, там у покоев императора стоит пост, у них спросите, куда идти дальше. Удачи, Победитель!

Стражник подмигнул Андрею и снова застыл у дверей, держа обеими руками здоровенную алебарду. Роль его была, скорее всего, декоративной – основная охрана была спрятана в нишах за портьерами. Сколько тут было охранников, Андрей не знал. Много. Сто пятьдесят гвардейцев, сменяясь, по очереди несли круглосуточную службу.

Он ни разу не был в Зимнем дворце. Видел на картинках, по телевизору и как-то равнодушно воспринимал его красоту. Дворец императора Балрона если и не повторял Зимний дворец, то точно мог составить ему конкуренцию в роскоши, красоте и размерах. Стенные панели из дерева, как будто бы светящегося изнутри, украшены причудливыми узорами, паркетный пол не уступает по красоте стенам. Хрустальные люстры вечером сверкают от множества свечей. Только вот потолок слегка закопчен – свечи есть свечи. Но этого снизу почти не видеть – потолок находится очень высоко и теряется в темноте.

Длинные комнаты, между ними высокие двустворчатые двери. Столики, причудливые стулья и позолота, позолота, позолота... все сверкает, блестит, как будто находишься в золотой шкатулке.

Андрей шел и усмехался, глядя на такую бессмысленную, безудержную и пошлую роскошь. А еще он немного смущался: для такого великолепия он был одет довольно скромно – темно-синие штаны, темно-синяя блуза поверх белой рубашки. Ни украшений, ни изящных вещиц – кроме дорогой и очень качественной сабли, подобранной ему мастером Надилом. Все-таки он офицер, а для офицера прийти на службу безоружным просто глупо.

– Я тоже хочу поглядеть, – недовольно сказала Шанти. – Мне из кармана ничего не видно!

– Как ты думаешь, хорошо будет прийти на службу с ящерицей?

– И чего? Почему ящерица вызывает у тебя неприязнь? – недовольно осведомилась Шанти. – Вообще-то это мои родственники, можно сказать. Если тебе не нравятся ящерицы, значит, тебе не нравятся и драконы.

– Слушай, я чувствую, ты сегодня не в духе. Иначе бы не стала нести

такую чушь. При чем тут ящерицы и драконы? Просто странно будет выглядеть, если офицер придет с ящеркой на поводке!

– Да кто тебе даст взять меня на поводок! Я что тебе, собачка?

– Все, молчу – чувство юмора тоже тебя покинуло, как и хорошее настроение. Хочешь, забирайся в нагрудный карман и выглядывай оттуда. Кстати, поможешь мне определять, врет человек или нет. Увы, я этого не чувствую.

– Ты много чего не чувствуешь, – сварливо ответила Шанти. – Сажай меня в карман, бесчувственный ты пень! У меня, может, депрессия, а ты со мной споришь.

Андрей молча сунул руку в карман штанов и, взяв драконицу, посадил ее в нагрудный карман. Она высунулась оттуда, поблестела глазами и снова спряталась внутрь.

Они с Шанти решили, что она должна сопровождать его на службе. Случись что, «танковая» поддержка всегда подоспеет вовремя. Тем более что она, обладая способностями эмпата, очень даже может помочь при дворе, насквозь лживом и пропитанном интригами. Здесь нужно было держать ухо востро, тем более в связи с назревающим бунтом в южных провинциях.

– Приветствую вас, господин Андрей! – отсалютовал гвардеец у дверей императорских покоев.

Он открыл перед Андреем створку, и тот вошел в большую комнату, вдоль правой и левой стены которой виднелось еще несколько дверей. В этой комнате или, точнее, в зале, стояли столы, стулья, на которых сидели несколько богато одетых людей, негромко беседующих и, видимо, ожидающих выхода императора. Они замолчали при появлении Андрея, а один из этих вельмож негромко и сквозь зубы сказал:

– Очередной ручной зверек императора! Какого демона его держат тут, вместе с родовитыми господами? Сидел бы в своей конюшне, и все.

Андрей молча подошел к этому хлыщу, встал перед ним и долго, пристально смотрел в его глаза. Все вокруг замерло, ожидая, что же произойдет дальше, а вельможа покраснел, опустил глаза, как будто не замечая стоящего перед ним человека. Неизвестно, что бы было дальше – положение спас церемониймейстер, громко объявивший:

– Его императорское величество Зарт Четвертый!

Лицо императора было помятым, волосы всклокочены и торчали какими-то сосульками. Похоже, что он не вызвал к себе парикмахера и не утрудил слуг мытьем своей головы. Глаза его были красными, будто он не спал всю ночь. Кто-то в толпе тихо шепнул:

– Похоже, что он совсем не ложился спать. Говорят, всю ночь в дворцовом парке шутихи пускали. Эдак скоро совсем себя загонит...

Император обвел глазами зал, его взгляд споткнулся на Андрее, спокойно стоящем в стороне от толпы разряженных дворян. Зарт сделал приглашающий жест, и Андрей прошел вперед под вздох вельмож.

– Заставляешь себя ждать? Чего ты толчешься здесь, с этими павлинами? Надо было пойти сразу ко мне в спальню и узнать, чего я планирую на сегодняшний день. Следующий раз так и сделай. Господа! Это мой новый офицер для особых поручений Андрей Монах. Надеюсь, что у вас не возникнет дурной мысли оскорбить его или как-то задеть. Напомню, он победитель турнира фехтовальщиков, и, если вызовет кого-то из вас на дуэль, мало вам не покажется. Кстати, Гурос, ты не желаешь сойтись с моим офицером на дуэли? – Император показал на молодого вельможу, напряженно смотревшего на Андрея. – Я гляжу, ты чуть не съедаешь его взглядом! Или у тебя проснулась великая к нему любовь? Так он не из ваших, он женщин любит. А где Манрикос? Быстро же он переметнулся к Югу.

– Извините, ваше величество, – усмехнулся вельможа, – мои таланты далеки от умения фехтовать. Я больше головой работаю, чем руками.

– Оно и видно, – скривился император. – Твой совет повесить пошлины на ввоз шелка в столицу привел к тому, что скоро все будут ходить в сукне! Весь шелк пошел в Славию – они скоро портянки шелковые будут солдатам выдавать! Не вижу, чтобы ты работал головой. Впрочем, может, ты имел в виду иное дело для головы, более экзотичное? Ваши развлечения мне известны... Господа! Сегодня вечером будет пир. На него приглашаются все присутствующие, в сопровождении своих дам – жен или любовниц. Кто как пожелает. Одежда повседневная, без особых изысков. Будет весело. Через час я жду в своем кабинете советников Дистана и Жатгора. Андрей, за мной.

Император повернулся и быстро пошел прочь. Андрей рванулся следом и прошел сразу за Зартом в открытую перед ними дверь. За дверью была уютная комната, посреди которой стоял стол с выставленными на нем блюдами, большими и маленькими графинчиками и графинами.

Зарт с разгону упал в кресло, протянул руку и, не дожидаясь, когда слуга нальет ему вина, наплескал здоровенный фужер и жадно его выпил, обливая красным подбородок и камзол.

– Ох, хорошо!.. – облегченно сказал император, промакивая губы льняным платком с кружевами. – Сегодня ночью отлично развлеклись, только вот горло сухое, как будто в него песка насыпали. А где

императрица?

– Императрица изволят одеваться. Сказали, скоро придут! – поклонился слуга, услужливо наливающий вина в пустой бокал императора.

– Вот видишь, Андрей, они изволят! – скривился Зарт. – Солнце уже давно встало, а она спит и спит, будто на нее какая-то болезнь напала! Нет бы произвести мне наследника, а она спать только может!

– Если бы вы как следует старались, а не пропадали бы всю ночь на пирах, возможно, и наследник уже появился бы на свет, – холодно парировала женщина, вошедшая в столовую быстрым шагом. За ней ворвались три фрейлины, пытающиеся на ходу поправить какие-то невидимые погрешности в ее прическе и расправить складки платья.

– С тобой бесполезно стараться, – не менее холодно ответил император, – лежишь как бревно. Хочется даже ущипнуть побольнее, чтобы хоть как-то прореагировала и показала, что жива. Интересно, твои родители не потомки рыб?

– Ну да, я не сравнюсь с твоими акробатками и посудомойками – уж они-то извиваются как надо. И пахнут селедкой. Ты же любишь запах рыбы, не правда ли?

– Ты много себе позволяешь! – Император стукнул кулаком по столу.

– Нет, это ты себе много позволяешь! – не сдавалась бледная императрица. – При слугах, при незнакомом человеке ты позволяешь себе оскорблять императрицу Балрона! Какое уважение будет к тебе после этого, если ты так себя ведешь? Твои оргии и кутежи на устах у всех подданных империи! После них мне противно прикоснуться к тебе – можно подцепить какую-нибудь заразу! А вы кто? – обратилась императрица к Андрею. – Очередной наперсник моего мужа? Участник его богопротивных оргий?

– Именно так, – усмехнулся император, – участник и наперсник. По крайней мере, он заслужил это. А ты ничего не заслужила. И вообще, прикуси язычок. Иначе отправишься в монастырь, как твои предшественницы.

– Дура я была. Считала, что то, что про тебя говорят, наветы. Что ты гораздо лучше, чем о тебе говорят. А ты гораздо хуже. Что касается наследника – ты когда последний раз заходил в мою спальню, чтобы сделать это? Не помнишь? А я помню. Как можно забыть такое великое событие? Одиннадцать месяцев и девять дней назад. Вероятно, ты думаешь, что дети заводятся от того, что люди вместе обедают или смотрят друг на друга не отрываясь, вот как ты сейчас на меня!

Андрей внимательно посмотрел на императрицу – она была чуть

старше Марго. Лет двадцать, не больше. Брюнетка. Карие глаза горели огнем – женщина была очень рассержена. Честно говоря, и немудрено при таком муже. Лицо покраснелось, пухлые губы поджаты, пальцы стиснуты в кулачки – так бы и врезала этому мерзкому мужу! Если бы только после этого не последовала неминуемая расправа. Никто не может безнаказанно ударить императора.

– Ты знала, на что шла, – криво усмехнулся Зарт. – Твоя семейка получила привилегии, земли. Твой папаша занял должность казначея. Так какого демона ты теперь тут устраиваешь истерики? У тебя своя жизнь, у меня своя. Только учти: узнаю, что ты путаешься с кем-то из твоего окружения – я имею в виду мужчин, – лишишься головы. Монастырем тут не обойдется. А теперь присаживайся, позавтракаем вместе. Не желаешь? Печалиться не буду. – Император с довольным видом отхлебнул из бокала и посмотрел вслед уходящей супруге.

Андрей успел заметить, как на лице молодой женщины маска упрямства, решимости и непреклонности сменилась выражением отчаяния и из глаз потекли слезы. Видимо, это заметил и Зарт, поэтому он был особенно благостен и доволен, как будто бы истязание жены было для него высшим удовольствием. Впрочем, возможно, что так и было. Андрей не раз замечал, что чем ничтожнее человек, тем больше удовольствия он получает от истязания близких, не способных дать отпор, ведь чужие могут и в морду дать. А тут полный простор для развлечений. Был ли так ничтожен Зарт? Андрей пока что не мог этого определить. Слишком мало информации. Этот человек был противоречивым и странным, подлежащим осмыслению.

– Все, пойдемте в зал для аудиенций, – приказал Зарт. – Кто там сегодня должен прийти? Секретарь, доложи.

Из группы придворных за спиной императора вышел мужчина лет сорока, с умным, бесстрастным лицом:

– Купец Хорос с жалобой на решение городского суда, вынесенное в пользу баронета Эрта, прошение гильдии продавцов шелка о снижении пошлины на ввоз товара, прошение графини Хастар о возврате ей поместья, конфискованного в счет уплаты долгов ее мужа, ну и еще с десятков различных мелких просителей – я перечислил основных.

– Может, послать их всех к демонам? – с тоской протянул Зарт. – На кой демон мне графини с их долгами и купцы с тряпками? Императорское ли это дело заниматься такой дрянью?

– Ваше величество, – почтительно склонился секретарь, – графиня состоит в родстве с императорской семьей, ее дед был двоюродным

кузеном вашей матери, и...

– Да-да... куда пальцем ни ткни – одна родня! – раздраженно бросил Зарт. – Подавайте парадный камзол, сейчас пойдем. Андрей, будешь стоять возле меня. Интересно, что ты скажешь мне по поводу тех или иных решений. Нужна свежая кровь – мои демоновы советники зажрались, ничего дельного уже не могут сказать. Что глаза все вытаращили? Да, вы идиоты. Буду теперь слушать советы простого, честного рубаки. Больше толку будет, чем от вас.

Зарт восседал на троне – здоровенном кресле, покрытом позолотой и украшенном вензелями. Андрей стоял чуть позади, по правую руку от императора. Справа и слева перед троном застыли двое гвардейцев-телохранителей, скорее играющих роль почетных охранников, чем настоящих телохранителей. Основная охрана была спрятана за портьерами по стенам зала, и Андрей подозревал, что за отдушинами наверху затаились стрелки. Хотя... их могло и не быть. Чего проще – купить или запугать стрелка. И тогда во время очередного дежурства тот пустит стрелу в императора – р-раз! – и нет Зарта. Андрей на месте императора не стал бы рисковать и не поставил таких стрелков.

В дальнем конце зала стояли люди – это были просители, которые должны подойти по сигналу секретаря и вынести на суд императора свою просьбу.

Насколько знал Андрей, просителей во дворце принимали каждый третий день недели, то есть в среду. Этот порядок был введен еще прапрадедом нынешнего императора, и все последующие императоры старались соблюдать обычай.

Через пять минут пошла вереница челобитчиков. Первой была пресловутая дальняя родственница императора, которая просила вернуть ей одно из поместий, заложенное недавно скончавшимся супругом и конфискованное казной, – граф взял крупный кредит в имперском банке и проиграл его в карты. Само собой, имперский банк отобрал поместье и земли, которые ему принадлежали. Графиня долго доказывала, что он проиграл поместье без ее ведома, перечисляла регалии, которые получили ее предки от императорской семьи, рассказывала, что они верно и преданно... во все времена... пять грамот... три ордена... устная благодарность...

Император кивал, щурился, и было видно, что он с трудом удерживается, чтобы не зевнуть. Поток слов тянулся долго, долго, до-о-олго...

– Андрей! – негромко сказал император, прервав речь графини, запнувшейся на одном из перечислений заслуг ее семьи. – Как думаешь, отдавать ей поместье или нет? Вот что ты, не искушенный в интригах человек, скажешь?

– А с какого демона? – хмыкнул Андрей. – Любил играть в карты, развлекаться – набрал денег у вас из кармана, а потом его вдова требует вернуть залог. Это с какого такого перепугу?

– Вот видите, уважаемая графиня, – безмятежно сказал император, – и так скажут все, кто узнает, что я вдруг решил вернуть это поместье. Я сочувствую вам – ведь так трудно будет жить на доходы от оставшихся пяти поместий. Но это поместье я вам не отдам. Еще что-то есть?

– Ничего, ваше величество! – Графиня, женщина лет пятидесяти на вид, с такой ненавистью посмотрела на Андрея, что тот сразу осознал: приобрел еще одного врага. Самое интересное, что подставил его император. Сам остался в стороне – мол, по совету Андрея все сделал.

«Любопытно! – подумал Андрей. – А не для того ли он держит советников, чтобы в случае чего свалить на них непопулярные решения? Мол, вот этот негодяй плохо посоветовал. А я в стороне, я хочу как лучше, и я отменяю его решение! Хм... занимательная схема».

– Давай следующего, – кивнул сонный император.

«Видать, в сон клонит после бурной ночи – отходняк. Да и винишка выпил уже прилично. Сколько это он выхлебал? Да не меньше пол-литра! Интересно, чего это там у него с аурой? Цирроз печени, сердце в норме, нервная система расшатана, повышенное давление, кариес... чего еще там? Букет целый. Полечить? Успеется. Не надо пока выдавать своих умений», – думал Андрей.

– Ваше величество! – начал мужчина, стоящий во главе группы из семи человек. – Вашим указом были подняты ввозные пошлины на шелка, доставляемые в столицу. Кроме того, в указе говорилось о том, что вся торговля может идти только через государственные органы, с разрешения налогового департамента. Одновременно ужесточился контроль на границе со Славией, а также контроль при въезде в город. Как известно, шелка изготавливаются на юге страны, и караванный путь идет через столицу нашего государства, поэтому...

Андрей слушал бубнеж купца и плавно впадал в транс. Он уже давно понял, о чем речь, понимал проблему и император, и всем было тоскливо и скучно. За исключением, конечно, желающего устранить государственный контроль над торговлей шелком и снизить торговые пошлины. Только нечто неувловимое, то, что Андрей услышал в речи купца, шевелилось где-то на

задворках его сознания. Он с минуту думал об этом, вспоминал – что же его потревожило, что он упустил? Почему у него такое странное ощущение неудобства, как будто бы что-то мешает?

«В этой толпе кто-то очень сильно ненавидит императора – от него идут волны ненависти. А еще этот человек к чему-то готовится. Будь осторожен!» – неожиданно проснулась Шанти.

Андрей осторожно сделал шаг вперед, выходя из-за спинки трона, и вдруг крестик на его груди как будто нагрелся и стал жечь кожу! Монах посмотрел на стоящих перед тронном купцов и заметил, как один из них, мужчина с невыразительным, отстраненным лицом, тихо-тихо пробирается вперед. Андрей сделал еще шаг и на глазах изумленных людей заслонил императора собой. Купец, который бубнил, выкладывая свои расклады о правильной торговле, замер, заткнувшись на полуслове, а император востепенно, с удивлением увидев перед собой «тыл» своего офицера для особых поручений.

Андрей впился глазами в пробирающегося к трону исчадия и, показав на него рукой, громко крикнул:

– Охрана! Взять его! Это исчадие! Скорее!

– Ах ты тварь! Умри, тварь! – крикнул лжекупец и направил в сторону трона руку с вытянутым указательным пальцем, как будто пытаясь из него выстрелить.

Два гвардейца-телохранителя, вытаращив глаза и схватившись за горло, упали мертвыми. Полегли секретарь, все советники – они свалились, как сорная трава под косой косаря.

В зале закричали, завизжали, народ стал разбегаться, а исчадие разил и разил – вначале бегущих к нему стражников, потом всех, кто пытался хоть на шаг к нему приблизиться.

Андрей, раскинув руки крестом, прикрывал императора своим телом. Грудь, на которой лежал «раскаленный» крестик, ужасно болела, но Андрей, не обращая внимания на боль, прыгнул к потрясенному исчадию и, выхватив саблю, одним ударом располосовал того сверху донизу.

Добротная булатная сталь, выкованная в мастерских мастера Надила, дошла практически до пупка врага, от самой ключицы развалив его на две части. После этого боль от соприкосновения с нателным крестом пропала, как будто ее никогда и не было.

Андрей осмотрелся – император был жив, только сидел на троне белый как полотно, вцепившись в подлокотники кресла. Вокруг него лежало несколько трупов. В зале же не осталось практически ни одного живого человека – за исключением, как ни странно, дурковатой графини,

полчаса назад требовавшей возврата поместья.

Все стражники, что до того стояли в нишах, скрытые портьерами, лежали на полу в нескольких метрах от исчадия, не успев до него добежать. Купцы, в группе которых стоял этот «человек», тоже были мертвы, и самое гадкое, что они при этом раздулись, покрывшись черными нарывами. Почему-то к ним исчадие применил не мгновенное смертельное заклятие, а так называемую «чуму», правда, очень, очень ускоренную. Может, у него было что-то свое, что-то личное к этим купцам? Все может быть.

Андрей подошел к императору и спросил:

– Вы в порядке?

И тут же невольно внутренне усмехнулся вопросу. Это было похоже на голливудские фильмы, где полицейский спрашивает потерпевшего: «С вами все в порядке?!» При этом потерпевший лежит в луже крови, у него торчит нож в груди и оторвана нога. Так и хочется крикнуть в экран: «Нет, debil! У него не все в порядке, придурок! У него кишки вывалились – ослеп?!» Может, потому зритель так любит голливудские фильмы, что при просмотре чувствует себя гигантом мысли?

– Нет, не все у меня в порядке! – хрипло ответил император. – Мне требуется ванна! Похоже, я обделался!

Император, одетый в толстый, простеганный золотыми нитями халат, сидел в кресле возле бассейна. На столике рядом стояло множество блюд и блюдец с засахаренными фруктами, пирожными и прочими вкусностями, которым Андрей не знал названия. И не хотел знать. Вообще, он как-то не особенно любил сладкое. Император же наслаждался, пробуя со всех блюдец и запивая красным вином.

Зарт посмотрел на слугу, в ожидании распоряжений стоящего рядом, и сказал:

– Иди отсюда. Выйди за дверь и жди, когда я позвоню в колокольчик. Нечего тут развешивать свои длинные уши!

Слуга поклонился и молча пятился, пока не скрылся за дверью.

– Ну что, может, расскажешь, как ты видишь то, что произошло? – Император перевел тяжелый взгляд карих глаз на Андрея, и тот немного удивился – Зарт выпил не менее полулитра вина, но глаза были трезвыми, как у снайпера во время прицеливания. Непрост император, ох непрост!

Андрей переменил позу – он сидел на стуле рядом с властителем государства, – пожал плечами и сказал:

– Исчадия хотели вас убить. Я убил исчадие. Что еще может быть, какое видение этой проблемы?

– Не все так просто, – скривился император. – Почему именно сейчас, когда назревает война с Югом? Почему раньше они меня не трогали? Не хочешь озвучить? Боишься сказать мне правду? Тогда на хрена ты мне сдался? Мне и льстивых советников хватало, и еще найдутся те, кто будет говорить мне то, что я хотел бы слышать. А мне нужна правда. Почему именно сейчас они активизировались? И как они вообще смогли проникнуть во дворец? Говори!

– Если вы так хотите... Я думаю, что вы сами виноваты в том, что сегодня вас чуть не убили. Наказаний без вины не бывает, не правда ли?

– Нет, не бывает. Если назначает наказания император, – усмехнулся Зарт. – Императору виднее, виноват человек или нет. Кто же мне назначил наказание?

– Вы сами, – улыбнулся Андрей. – Смотрите, что получается. Вы приблизили к себе советника Карлоса. Он давал вам советы, которым вы следовали. К его благу и к благу его клана, южных кланов. Южные кланы, скорее всего, давно уже вели переговоры с исчадиями – на юге блуждают сепаратистские настроения, и эти идиоты думают, что, если договориться с исчадиями, получится сместить законного императора и поставить своего. Они нападут на столицу с юга, исчадия с севера, потом поделят страну. Пока это было не нужно – вы действовали на пользу исчадиям, искореняя в стране тех, кто мог им противостоять. То есть магов, колдунов. Искореняя этих людей, инквизиция фактически работала на исчадий. Вероятно, так и так скоро началась бы война и вам бы точно не поздоровилось, но события ускорились. Карлос мертв, вы подмяли инквизицию, и та стала работать против исчадий. Уже знают о вашем приказе собрать в столицу всех людей с паранормальными способностями. Значит, нужно поторопиться и убрать опасного императора. До этих пор вы были не только не опасны им, но и помогали им вести подкоп под вас самого. Теперь все изменилось. И поэтому понадобилось убрать неудобного императора. Сразу начался бы хаос, началась война. Безвластие – что может быть страшнее в стране в преддверии войны. Вот так.

Император помолчал, размышляя над словами Андрея, потом прищурился и спокойно спросил:

– Как ты сумел распознать исчадие среди купцов? Ты колдун?

– Да, – просто ответил Андрей.

– Вот оно как... – Император постучал пальцами по столу и, довольно ухмыльнувшись, добавил: – Не зря я тебя приметил и приблизил к себе. Было в тебе что-то такое, что сразу обращало на себя внимание. Не пойму, что это, но вот чувствую – этот человек мне нужен, и все тут.

Интуиция? Может быть. Моя бабка по материнской линии обладала магическим даром. Она могла предвидеть. Может, и мне достались какие-то остатки ее магии? Иначе как я мог взять тебя в ближнее окружение, почти что незнакомого человека? Сам удивляюсь. Или это ты как-то навел на меня эту мысль, сознавайся! – Император нахмурился и подозрительно посмотрел на собеседника.

– Увы, не умею внушать мысли и желания, – усмехнулся Андрей. – Божий промысел это. Господь захотел, чтобы мы встретились, чтобы я вас защитил. Вот так и получилось. Я борюсь с исчадиями. Когда они ко мне приближаются, ощущаю их приближение. И еще я чувствую, знаю, когда мне врут.

«Ага! Орган такой у тебя есть – шанти-нос. Чует он! – хихикнула драконица. – От скромности ты не умрешь».

«А что я должен ему сказать? – огрызнулся Андрей. – У меня в кармане сидит дракон, и он подсказывает мне, когда собеседник брешет?! Давай скажу...»

«Есть хочу! Скоро ты уйдешь от этого вонючего человечешки?» – сменила тему Шанти.

– Хороший промысел, – удовлетворенно вздохнул император, – ох хороший! Может, я и не такой уж грешник, а? Раз Господь мне помогает! Хе-хе-хе... Только вот как теперь выходить к подданным? Как подумаю, что там стоит исчадие и того и гляди меня прикончит, живот начинает крутить!

– Давайте рассудим так: заклинание исчадий действует на расстоянии около десяти метров, потом все, сходит на нет. Вспомните, как вы воевали со Славией, – главное, не подпустить исчадие близко, истыкать его стрелами. А если подпустили, то тут уже вашим солдатам труба. Смертельный номер. Я же знаю, что в армии были специальные стрелки для охоты за исчадиями – отстреливать их на расстоянии. Так что вам надо всего лишь не подпускать исчадий на расстояние ближе чем десять метров, и все будет нормально. А тех, кто подходит к вам близко, я буду проверять. Исчадия не смогут от меня скрыться, заверяю вас.

– Послушай, может быть, ты поселишься во дворце? – обеспокоился император. – Ты мне нужен постоянно! Вдруг мне понадобятся твои услуги посреди ночи? И как тогда?

– Меня жена ждет дома, – усмехнулся Андрей.

– Ну давай ее сюда! Или еще лучше – оставь дома, на кой демон тебе тут жена? Вечером пир будет, много женщин, на любой вкус! Вот еще, сюда жену тащить! Глупо это. Да, точно, я тебе выделю комнату рядом с моей,

хочешь – с женой там спи, хочешь – толпу девок наведи. Главное, чтобы ты был рядом. Я так хочу. А желание императора закон. Ты что, будешь перечить своему императору? – Глаза Зарта опасно блеснули. – Ты должен охранять меня днем и ночью! Понадобится – будешь даже спать в той комнате, где и я.

Зарт позвонил в серебряный колокольчик, украшенный позолотой, и в ванную комнату тут же вбежал слуга.

– Позови ко мне камергера, сейчас же!

Слуга умчался, и через пять минут в комнату вошел запыхавшийся камергер. Его, насколько знал Андрей, звали Хиба.

– Слушаю, ваше величество, – склонился он в низком поклоне.

– Хиба, поселишь этого господина – Андрея Монаха – в комнату, смежную с моими покоями. Да-да, в ту, где спала императрица. Он будет жить там. Снимите с него мерку и сшейте что-нибудь поприличнее этих тряпок. Счет представишь. Я подпишу. Он имеет право беспрепятственного входа ко мне в любое время дня и ночи, право входа и выхода из дворца. Приставишь к нему охранников, двух. Пусть ходят с ним всегда и везде. Даже в сортир. И не протестуй! – Император резко двинул рукой, отметая возможные возражения Андрея. – Я не хочу, чтобы тебе исподтишка перерезали глотку. Ты будешь под круглосуточной охраной. Какие-то пожелания есть? Что-то тебе нужно?

– Мне нужно время от времени выходить из дворца в город – я занимаюсь научными исследованиями в военном деле, мне нужно посещать алхимика и мастера Надила. Кроме того, ваше величество, я хотел просить вас о выделении мне земель на берегу реки возле города для постройки мастерских – мы с мастером Надилом собираемся организовать производство оружия, я потом продемонстрирую вам, какого оружия. С ним мы сумеем победить всех бунтовщиков и исчадий, вместе взятых. Нужна земля.

– Представишь мне план того места, где нужен участок, я подпишу. Еще что-то? Жалованье будешь получать из казны, на уровне моего первого советника – три тысячи золотых в месяц. Так что насчет денег не беспокойся. Впрочем, мне доносили, что ты не беден, однако деньги никогда не бывают лишними. Что касается выхода в город – выходи, только по моему предварительному разрешению и с информированием, куда пошел, где тебя можно найти. Ты теперь не принадлежишь себе – это дело государственной важности, так что можешь не хмурить брови.

– Мне надо предупредить супругу, сходить домой. Все случилось как-то быстро, неожиданно, и я просто немного не готов принять и осознать.

– А надо быть всегда готовым к неожиданностям, – усмехнулся император. – Со мной не заскучаешь. Что касается сходить предупредить – через час у меня встреча с первым инквизитором, патриархом, верховным судьей, командующим войсками Балрона и главным бургомистром. Будем решать вопрос, кого поставить на должность начальника стражи. Так что после того, как мы поговорим, можешь посетить свой дом. Вечером будет пир, к нему ты должен вернуться. Будешь стоять на входе и отслеживать всех исчадий.

– А он зачем тут, ваше величество? – Мужчина в мундире, увешанном звездами наград, подозрительно покосился на Андрея, скромно сидящего немного в стороне от стола.

– А это уж позвольте мне решать, зачем он тут. Ты позволяешь мне, Хеарт? – вкрадчиво спросил император.

– Зарт, ты император, тебе и решать, – хмуро ответил тот, кривя тонкие, сжатые в ниточку губы. – Только я заметил бы...

– Я уже все, что надо, заметил! – оборвал император. – Кстати сказать, не стоит тебе забывать, что ты сейчас не мой кузен, а подданный империи. Обращайся соответственно. Не забывайся. Вы все слишком много о себе возомнили! Завтра начнете решать, нужен ли этот Зарт на троне или нет, а? Хеарт, может, это ты приложил руку к покушению на меня? Ну-ка, ответь мне!

– Ваше величество, никакого отношения к покушению на вас я не имею! – спокойно ответил главнокомандующий, уткнувшись в столешницу взглядом. – Клянусь!

«Не врет! – заметила Шанти. – Не он. Но императора он терпеть не может и при случае пристукнул бы, это точно. Он его ненавидит и завидует».

– Ты, патриарх?

– Не я. Как вы могли подумать? – Человек в тиаре, с длинной бородой, надменно покачал головой и перекрестился. – Я молю Бога о вашем здоровье, ваше величество!

«Точно. Не врет».

– А ты, инквизитор?

– Ваше величество, вы меня назначили на должность, ну как я могу идти против вас? – прогудел Акодим. – Да я сам бы порвал этих исчадий своими руками! – Он потряс ручищами, способными сломать подкову, как картонную.

– Итак, наш предводитель бургомистров. Ты причастен к покушению

на меня?

– Ваше величество, мне-то зачем это? – с нервным смешком спросил главный бургомистр. – При вашем правлении я отлично живу, а придет новый император – головы полетят. В том числе и моя. Зачем мне это?

«Не врет», – констатировала Шанти.

– Ага, а если бы тебе пообещали, что не полетит твоя голова, то ты и нового императора бы воспринял, как меня, да, Ордан?

– Я всего лишь чиновник, мое дело – организация работы администрации городов и селений. Вы поставили меня, я работаю для вас. Интриги не мое дело. Я буду поддерживать вас всеми силами, не сомневайтесь, – пожал плечами мужчина.

Император бросил взгляд на Андрея, и тот утвердительно опустил глаза: не врут.

– Ну что же, приступим к обсуждению кандидатуры начальника стражи. Как известно, прежний погиб при невыясненных обстоятельствах. Предположительно убит своим племянником, ограбившим его и скрывшимся в неизвестном направлении. Нам нужно поставить на эту должность того, кто будет верен нам, кто займется обеспечением порядка даже тогда, когда начнутся боевые действия. Не секрет, что назревает война с Югом, да и Славия зашевелилась. Есть два варианта: оставить на этой должности исполняющего обязанности сейчас или назначить другого человека. Какие у вас будут мысли по этому поводу?

– Другого. Эдран слишком вялый и вообще не очень компетентный человек, – решительно отрезал глава бургомистров. – Прежний начальник стражи решал все сам и подбирал подчиненных так, чтобы они были его слугами, а не профессионалами. И вообще, вся структура стражи прогнила. Поборы превысили мыслимые границы. По улицам нельзя пройти в вечернее время без того, чтобы не ограбили, не убили, – люди жаловались. Если бы не Ночной Мститель, разбойники совсем бы удавили город.

– Что за Ночной Мститель? – настороженно спросил император. – Почему не знаю?

– Точнее не мститель, а мстительница, – усмехнулся глава бургомистров. – Убивает разбойников на улицах города. Говорят, по улицам ходит красивая девушка в смелых нарядах и, когда на нее пытаются напасть, убивает всех бандитов. Каждую ночь находят несколько трупов.

– На кой демон тогда нам начальник стражи?! – рассердился император. – Взять на службу одну такую мстительницу и разогнать всех бездельников! Они только пузо наедают да с лавочников деньги за защиту берут. Да-да, я все знаю. Обнаглели совсем!

«Видишь, какая от меня польза! – горделиво сказала Шанти. – А ты все ругаешься на меня! Может, и правда пойти на службу императору? Смотри, как здорово звучит – Ночная Мстительница!»

«Ага. Догадайся еще. Светишься ты по полной, вот что тебе скажу. И себя подставишь, и меня. Я же не буду спокойно смотреть, как тебя убивают старейшины? Встряну, а справиться с ними мы с тобой, сестренка, не сможем. Пока не сможем...»

«Ну-ну, не накручивай! Я все сделала тихо, осторожно – не подкопаешься».

«Наивная ты. И бываешь очень умной. И при этом совершеннейшей дурой! Если я могу по остаткам ауры видеть, кто это сделал, почему ты думаешь, что те же самые старейшины не умеют это делать? А если они заинтересуются? Ты как убивала бандитов – ножом, саблей, мечом? Головы им отрывала? То-то же. Больше не делай этого. Пусть стража занимается патрулированием и поиском преступников. Хватит дури».

«Ага, занимается она! Только деньги умеют снимать с населения – не слышишь, что ли?»

– Давайте кинем клич: принимаем на работу Ночную Мстительницу, оклад начальника стражи! – усмехнулся император.

«А чего, я бы пошла! – заволновалась Шанти. – Выдвигай мою кандидатуру!»

– Ладно, шучу. Расправа без суда – это незаконно. А все, что незаконно, подрывает устои государства. Если в государстве не соблюдаются законы, как оно может существовать? Нужно поймать эту мстительницу и привлечь к ответственности. Примерно наказать. Я бы сам занялся ее наказанием... если она красивая, конечно! – развеселился Зарт.

«Не хочу! Проклятый извращенец!» – возмутилась Шанти.

«Ты чего несешь? Откуда он знает, что ты драконица? – ухмыльнулся Андрей. – Он думает, что ты девушка человеческого рода, а не летающая ящерица».

«Сам ты ящерица! Вот ты негодяй какой! – возмутилась Шанти. – Будешь обзывать – я тебе отомщу, и страшно отомщу. И прямо сейчас!»

«Ой, прекрати, щекотно! Вылезай! Все, я признал свои ошибки и раскаиваюсь! Нет, ну это свинство! Ты мне всю спину поцарапала! Что потом Марго скажет? Ушел во дворец и вернулся с исцарапанной спиной! Шанти, ты летающая свинья!»

«Щас еще покорябаю, если не заткнешься! Обзывается он, понимаешь!»

«Сама будешь с Марго разбираться!»

«Да не ной, ты оборотень, на тебе через полчаса и следа не останется. Распереживался!»

– У меня есть предложение – поставить на должность начальника стражи Зиртона Герского. Что думаете по этому поводу? – Император обвел взглядом своих соратников и прищурился в ехидной улыбке. – Что, своих собирались пропихнуть? Есть какие-то возражения против моего ставленника?

– Возражу, а потом обвинишь в бунте? – хмуро осведомился Хеарт. – А кто будет командовать твоей охраной, если Зиртона уберешь?

– Он и будет. Мы выведем мою охрану из состава армейских гвардейцев. Теперь они будут называться особым отрядом телохранителей и подчиняться Зиртону.

– Если вы уже все решили, зачем приглашали нас? – недовольно, с кислым выражением лица осведомился патриарх.

– Должен же я был узнать ваше мнение, – усмехнулся император. – Вдруг вы выскажете что-то такое, что повлияет на мое решение. Так есть у вас какие-то возражения? Нет? Быть по сему. Хеарт, подготовь приказ о переводе Зиртона и тех, кого он возьмет с собой. Аудиенция закончена. Господа, займитесь своими делами.

Император встал, встали и присутствующие. Главы ведомств ушли, и в комнате остались император, Андрей, слуга и новый секретарь, сменивший погибшего во время покушения.

– Антог и ты, выйдите! – Император указал на секретаря и слугу. – Вызовите ко мне Зиртона. Сейчас же.

Слуги вышли, а император выжидающе уставился на Андрея:

– Что скажешь? Как прошло? Никто не догадался, что я пригласил их не для совещания?

– Может, и догадались, но ничем себя не выдали, – пожал плечами Андрей. – Все лояльны, только ваш кузен сильно раздражен и недоволен. Но к заговору и покушению они отношения не имеют.

– И слава богу, – вздохнул император. – Потянет твой Зиртон стражу? Одно дело командовать гвардейцами, другое...

– А давайте у него и спросим, – усмехнулся Андрей, – он-то лучше знает. И себе соврать не сможет.

В дверь постучали, и после ответа вошел слуга:

– Зиртон, ваше величество!

– Приглашай. – Император отхлебнул из бокала и облегченно вздохнул.

Андрей нахмурился – он не доверял алкашам. Они слишком

непредсказуемы. И вот интересный вопрос: с чего спиваются такие вот личности? Кажется, все есть. Власть неограниченная и самодержавная. Денег сколько угодно. Каждый подданный спешит исполнить любую твою прихоть. И вот алкоголик. Почему? Андрей где-то читал, что Николай Второй был алкоголиком, любил хорошенько выпить. Зачем? Почему? Кстати, это дурно кончилось. Если бы не этот человек, Российская империя, скорее всего, была бы цела. Что ему стоило передуть большевиков, грохнуть Ленина, зажать страну в жесткие тиски? Если бы он навел порядок в стране, передул «оппозицию», поющую с иностранных голосов, навел бы порядок в военном ведомстве – не было бы позорной Русско-японской, не было бы революции. Не погибли бы миллионы людей.

Еще со времен Александра Первого русские цари почему-то отличались долготерпением, оглядывались на Запад: а что там скажут? Что там подумают? И прогадили страну. Пришли те, кто ни на кого не оглядывался, кому было плевать на всех, и взяли, забрали страну. Убили царя Николая, в общем-то неплохого человека, оказавшегося не на своем месте. И самое страшное, самое печальное, что в результате его глупости, нерешительности, слабости погибла и его семья. Как кара за то, что он вверг страну в грязную яму, поглотившую ее на долгие десятилетия.

Андрей иногда с досадой и сожалением думал о том, что над его страной, в которой он родился и вырос, как будто проводят эксперименты, сродни изуверским опытам Павлова – а что будет, если вживить социализм? Ага, чуть не сдохли, но еще шевелятся. А ну-ка испытаем их на прочность – уничтожить в лагерях миллионы лучших! Выжили? Хм... странно, коллеги... А может, попробуем привить им либерализм? Смотрите, как интересно – страна развалилась! Живые еще? Надо же... как тараканы! Может, еще что-то попробуем? Давайте мы сделаем из них идиотов – будем целыми днями крутить по телевизору прокладки с крылышками и «Дом-2»! А детям? Детям «Наруто» и «Бакуганов»!

Всегда России не везло с руководителями страны. Если появлялся кто-то более-менее дельный из числа царей или руководителей – его убивали. Как будто установка свыше – чем хуже, тем лучше. Уничтожить все дельное, все прогрессивное, загнать в Средневековье! И загоняют, загоняют, загоняют...

– Капитан Зиртон прибыл по вашему приказу, ваше величество!

Капитан склонился в поклоне, и, выждав паузу, император кивнул:

– Без церемоний. Присаживайся к столу. Ты знаешь моего офицера для особых поручений и первого советника Андрея Монаха?

– Знаю, конечно, ваше величество, – удивленно приподнял брови Зиртон. – Знаю, что офицер для особых поручений, но что первый советник – не знал.

– Да, полковник Андрей Монах мой первый советник. А ты с сегодняшнего дня начальник стражи империи.

– Слушаюсь, ваше величество... это очень, очень неожиданно. – Глаза Зиртона вытаращились и грозили вообще выпасть из орбит. – А вы не ошиблись? Я всего лишь офицер гвардии! А потом будете мне пенять за то, что я не справляюсь?

– Не буду пенять. Я тебе сразу голову отрублю, – хохотнул император, но глаза его остались острыми и внимательными. – Не справишься – будешь отвечать. Как и тот, кто тебя порекомендовал. – Он покосился на безмятежно сидящего Андрея и добавил: – Вот что, прикрепи к нему двух охранников. Его дом под круглосуточную охрану из твоих стражников – мне не надо, чтобы домашних первого советника взяли в заложники и потом диктовали ему, что делать. Возле его комнаты во дворце – круглосуточный пост, как и у моей. Смотри, чтобы ни один волос не упал с его головы. Головой отвечаешь! Твои гвардейцы охраны останутся за тобой, переподчиняясь страже. Два охранника должны ходить за ним по пятам днем и ночью. Отвечаешь за это! Основная твоя задача не допустить беспорядков и бунта в городах, даже если для этого придется вешать бунтовщиков на деревьях. Ну и поддержание законности – преступность надо искоренить. Хватит уже безобразий. Как ты это сделаешь – твое дело. Главное, убери всю шантрапу с улиц. Законы законами, но мне не нужно разбойников, которые будут вносить неразбериху в жизнь городов. Уничтожь их.

«Тебе не кажется, что это не только и не столько охрана? – заметила Шанти. – Такое впечатление, что делается все, чтобы ты не сбежал!»

«У меня тоже такое впечатление складывается, – угрюмо буркнул Андрей. – Да демон с ним. Главное, чтобы не мешал делать дело. Пока все развивается лучше, чем я мог даже подумать. А охранники нам не помешают».

– Слушаюсь, ваше величество! Сейчас же займусь обеспечением охраны господина Андрея!

– Займись. Охранников сюда, а то он собирается идти домой обихаживать свою женушку, – ухмыльнулся император. – Я не могу оставить без охраны такого ценного советника. Потом поезжай в управление стражи и прими дела у временно исполняющего обязанности. Указ получишь в секретариате. Антог! Выдай ему указ и все документы.

Все, господа, я буду отдыхать – после сегодняшнего я должен хорошенько выспаться. Андрей, жду вечером, через два часа после заката, на пир. Пока ты не посмотришь всех гостей, никто не будет запущен в пиршественную залу, учти это. Не опаздывай. Надо будет с инквизитором поговорить по поводу выявления людей с такими же способностями, ведь должен же еще кто-то чують исчадий! Ну не всех же колдунов извел этот осел, бывший первый инквизитор! Интересно, он выбивал магов и колдунов по указке исчадий? Или по своему разумению?

– Мне кажется, по своему разумению, – заметил Андрей. – Он был просто идиот. Человек получил огромную власть и стал видеть исчадий во всех, кто мало-мальски отличается от усредненного уровня. Все красивые женщины – ведьмы. Все лекари, которые умеют лечить наложением рук, – исчадия. Все, кто предсказывает или находит предметы и людей, – исчадия. Вот кто такого идиота поставил на эту должность?

– Патриарх, – усмехнулся император. – Он его родственник, вроде как троюродный кузен. Потом сам взвыл, когда тот вышел из-под контроля, а уже поздно. У него была сильная поддержка в среде церковников, потому и не могли его трогать прежде, чем он совершил преступление. Все, давайте отсюда! Я отдыхать пойду... Кстати, Андрей, пешком по улицам не ходи – за тобой закреплена государственная карета с кучером. Несolidно первому советнику императора ходить пешком. В канцелярии получи распоряжение, секретарь обо всем позаботится.

– Ну ты даешь! – Выйдя из покоев императора, Зиртон остановился и ошеломленно посмотрел на Андрея. – Его величество всегда отличался эксцентричными манерами, но чтобы так?! Никогда не думал, что займу эту должность. Ты вообще представляешь, что я должен делать? Я вот – смутно! Отрубят мне башку, и все. Запомни, когда меня поведут на эшафот, крикну с него: «Спасибо, Андрей, за такое счастье! Чтоб тебя пронесло!»

– Да ладно тебе. Не так все и страшно, – ухмыльнулся Андрей. – Научишься. Кое-что я тебе подскажу, остальное по ходу деятельности узнаешь. Теперь ты будешь иметь гораздо большее жалованье, а кроме того, подношения от купцов – за защиту. Ты теперь богатый человек. Можешь бежать домой и порадовать супругу.

– Прежде чем бежать, я прикреплю к тебе двух охранников. Хорошо, что напомнил, – озабоченно сказал Зиртон.

– Может, не надо, а? Обойдусь. Чего мне эти охранники?

– Нет уж! Император приказал – я делаю! Думаешь, он забудет? Он не забывает. Он только прикидывается, что забыл, и строит из себя простачка.

Заверяю тебя, он не такой простачок, каким хочет казаться. Он мастер интриги. Пойдем в канцелярию получать документы. Потом я закреплю за тобой двух моих гвардейцев. Ты не беспокойся, парни умелые, тренированные и не болтливые. Если что – поддержат, прикроют. Так что не переживай.

Минут через сорок Андрей выезжал из ворот дворца как важный, ну очень важный господин. Карета, отмытая слугами и натертая мастикой, пахла благовониями и дорогой кожей, лошадь, запряженная в нее, – сильная, красивая, вороной масти. Даже не лошадь, а конь – важному господину не пристало ездить на кобылах! На карете – вензеля императора Зарта Четвертого. За пролеткой едут два гвардейца на гарцующих белых конях. Оба в блестящей броне, с саблями, в шлемах и кирасах.

«Не хватает только милицейского экипажа впереди, расталкивающего горожан и мерзко вопящего в свою дуделку: “Хррр! Хррр! Водители... хррр... прижаться к обочине! Хррр... пропустить кортеж!”» – подумал Андрей.

Карета, важно покачиваясь, ехала по улице, и Андрей, с удовольствием развалившись на широких кожаных скамьях этого «лимузина», размышлял о сегодняшнем дне.

Все шло хорошо, очень хорошо. Лучше, чем он мог рассчитывать. Все-таки в самодержавии есть свои очень, очень хорошие стороны. До тех пор пока во главе стоит более-менее разумный человек...

Мысли текли спокойные и плавные: «Надо будет съездить к Надилу, алхимика тоже навестить. Конечно, непросто будет наладить оружейный завод практически с нуля, но... что делать? Интересно, чем они заправляют свои шутихи? Может, они уже знают порох? И кто делает шутихи? Этих людей надо привлечь к изготовлению пороха. И литейщиков согнать в наши мастерские. Наши? Ну да. С Надилом пополам же... Мои идеи, половина вкладываемых денег тоже мои. Протекция у императора моя. Может, многовато ему половину? Тьфу! Какая мне разница? Моя задача что, обогатиться? Моя задача – создать боеспособную армию. И все. Денег мне и так хватит, теперь я богатый человек... пока император жив. Беречь его надо. Прибьют алкаша – я и пяти минут у трона не продержусь. Кузены Зарта тут же всей толпой обступят трон и будут за него драться. И меня затопчут...»

Андрей ушел в свои мысли и то, что карета остановилась, заметил только через несколько секунд. Он выглянул в окно, не понимая, в чем дело, и тут в дверцу постучали:

– Господин Андрей! Впереди что-то происходит! Улица перекрыта непонятными людьми, не пропускающими карету! Мы не рискуем ехать дальше – мой напарник отправился за помощью. Какой-то бунт! – Гвардеец взял под козырек и встал возле дверцы, перекрывая ее крупом своего коня, защищая объект охраны от возможного нападения.

Андрей вышел из кареты и зашагал по улице, все ускоряя и ускоряя шаг, пока не перешел практически на бег. Переулок был запружен зеваками, наблюдавшими за штурмом одного из домов. Десяток людей, вывернув из мостовой столб с табличкой, на которой написано название улицы, со всей дури долбили им в ворота. На мостовой, возле забора, лежали еще человек десять – порубленные, изломанные, с разбитыми головами, выглядевшие как старые тряпичные куклы. Еще человек двадцать, с оружием, стояли вокруг таранящих – готовые ворваться, как только ворота падут.

Андрей сделался холодным и сосредоточенным. У ближайшего зрителя из числа любопытных горожан, везде сующих свой нос, он спросил:

– Что тут происходит?

– А колдуна-исчадие пытаются выкурить! Веселое дело! Уже часа три пытаются взять дом, но там две бабы какие-то зlostные, побили уже массу народу, не даются! Видите, на стены лезли, так они их всех побили. А ворота крепкие – никак не сломают. Говорят, колдун заслан Славией, чтобы наводить смуту и порчу! Ой! Да вы он и есть! – Горожанин вытаращил глаза от страха и скользнул в толпу, а Андрей, прищурившись, стал прикидывать, как ему действовать дальше.

– Я чем-нибудь могу помочь? – осторожно спросила Шанти, не желая помешать мыслям Андрея.

– Можешь. Беги в дом – ты щелку в заборе найдешь, проникнешь, – и предупреди Марго, что я уже рядом, пусть не боятся.

Андрей аккуратно спустил Шанти на землю, и она, как молния метнувшись между ног любопытных, мгновенно исчезла за забором. Монах вздохнул и решительно шагнул к осаждавшим дом неизвестным. Сзади его тронули за плечо:

– Господин Андрей! Прошу вас дождаться подкрепления! Их там тридцать человек – чистое самоубийство для вас! Нельзя этого делать!

Андрей посмотрел на хмурое лицо гвардейца, сжавшего рукоять сабли, и спокойно сказал:

– Жди здесь, не ходи за мной. Это приказ. Пока я буду дожидаться подкрепления, ворота сломают и моих домочадцев перебьют. Так что выбора нет.

– Тогда я с вами! – Мужчина был сама собранность, его бледное лицо выражало отчаяние и решимость. – Я не могу вас отпустить одного. У меня приказ командира. Лучше я погибну тут, чем он убьет меня своей рукой за невыполнение приказа!

– Как знаешь, – пожал плечами Андрей, – только под руку не подворачивайся, зашибу.

Двадцать метров до осаждающих Андрей прошел под пристальными взглядами затихшей толпы. Народ перешептывался:

– Он! Это он! Победитель турнира!

– И что, неужели он исчадие? Это какая-то ошибка! Я слышал, сегодня пытались убить императора, так он его защитил от исчадия!

– Да что ты, Ширта, понимаешь в исчадиях! – снисходительно отвечал другой голос. – Они такие хитрые, что могли устроить и не такое представление. Тем более что кто это все видел? Может, и покушения-то никакого и не было, а все выдумала пирожница Эльтера! Она постоянно сплетни распускает. Помнишь, говорили, что служанка одного богатого купца родила наполовину козла, наполовину человека? Так вот, она все придумала. Служанка ей сказала, что купец козел и она от него беременна. И что эта дура рассказала на базаре? Что эта девка сношается с козлом и скоро родит чудовище! Ну не дура ли?

– Ну не знаю, не знаю... Я вот жил-жил и не знал, что зеленщик Нарак, оказывается, скрытое исчадие. Когда его жгли, он такую хулу на инквизицию изрыгал, что дамы в первых рядах, собравшиеся на сожжение, упали в обморок, а одна от его грязных речей родила раньше времени, и это при том, что муж не был с ней уже пять лет по причине импотенции!

– А при чем тут зеленщик? Вот вечно ты такой бред начнешь нести, что задумываешься – а не пора ли тебя в дом скорби, полечить холодными ваннами и смирительными рубашками.

– А в лоб не хочешь, рожа твоя тупая?!

– Ты, что ли, мне засветишь? Да ты своей жене-то как следует вставить не можешь, не то что мне в лоб дать!

– Ах ты ж сучонок! Ах ты ж... н-н-на! Получи!

В толпе вспыхнула драка, грозящая перерасти в большой бунт, если появится дельный лидер. Но Андрей ничего не слышал и ни на что не обращал внимания, кроме как на этих людей в гражданской одежде, нетерпеливо дожидаящихся, когда же наконец войдут и убьют всех, кто находится в этом доме.

Подойдя к «штурмовикам», Андрей небрежно спросил, выбрав из группы человека, по виду похожего на командира:

– Господа! Кто вам разрешил штурмовать мой дом?

Боевики обернулись, и в их глазах заплескалось изумление. Один из них растерянно сказал:

– Какого демона? Нам же сказали, что он сейчас дома?! То-то он не показывался на глаза!

– Заткнись! – резко отреагировал на слова подчиненного командир, отличающийся от остальных слегка надменным видом. – Андрей Монах? Ты арестован по распоряжению исполняющего обязанности начальника стражи Эдрана и будешь препровожден в городскую тюрьму для дальнейшего следствия!

– А какие основания? – спокойно спросил Андрей. – Что вы мне предъявляете?

– Это вопросы к исполняющему обязанности. Он приказал арестовать тебя и твою жену, – надменно пояснил агент стражи, – но к обвинениям теперь добавилось сопротивление представителям власти! Твои люди во главе с женой и кухаркой организовали сопротивление законным требованиям стражи и будут наказаны согласно закону. У нас имеются сведения, что ты пособник исчадий, преступник и грабитель. Чтобы не усугублять свою вину, предлагаю сдаться на милость правосудия!

– А вы кто такой? Представьтесь! – потребовал Андрей.

– Я следователь первого класса следственного корпуса имперской стражи! Имя мое Барот. Сдайте оружие! Не заставляйте вас калечить!

– Господин Барот! – выступил вперед гвардеец, держа обнаженную саблю наготове. – Я гвардеец охраны императора и в настоящее время – телохранитель первого советника императора Андрея Монаха! У меня приказ от нынешнего начальника стражи Зиртона не допустить, чтобы с головы господина Андрея упал хоть один волос! Это распоряжение императора! Вы совершаете ошибку, которая может быть воспринята как попытка мятежа, и вы все будете казнены! Отступите от дома советника, вернитесь в корпус для расследования, кто отдал этот преступный приказ. Не усугубляйте свое положение, и без того тяжелое! Скоро здесь будет отряд гвардейцев, и вы погибнете!

– У нас-то тяжелое?! – усмехнулся следователь. – Это у вас тяжелое! Нас тридцать человек, а вас двое. Не считая двух злостных баб в доме – они еще ответят за гибель моих людей! А вы посланцы исчадий, лжецы! Никаких Зиртонов на посту начальника стражи нет! Никаких гвардейцев тут не будет! Ребята, хватайте исчадие!

Следователи зашевелились, и один сказал:

– Барот, может, стоит подождать? Я знаю этого гвардейца, он точно из

имперской охраны! Я не буду участвовать в этом деле. Сам хватай!

– И я не буду. Подозрительно все это, – подхватил второй и вместе с первым отошел в сторону.

– Вы уволены! – яростно крикнул Барот. – Хватайте их или вы тоже будете уволены!

Андрей с шелестом выхватил саблю и встретил трех первых приблизившихся к нему агрессоров молниеносными ударами, после которых те упали, как подрубленные деревья. Гвардеец бился рядом, искусно сражаясь против двух следователей, отражая атаки кинжалом и нанося удары саблей. Андрей пошел вперед, кинув гвардейцу:

– Прикрывай с тыла!

Он напоминал танк, который идет к цели, не обращая внимания на пулеметные очереди, несущиеся со всех сторон, и осколки. Все, кто оказывался в пределах досягаемости его смертоносной сабли, умирали или калечились в мгновение ока. Внезапно ворота дома раскрылись, и оттуда вылетели Марго с саблей в руках и кухарка Эрна, держащая наперевес здоровенную оглоблю. Они врезались в тыл нападавшим, и судьба тех сразу стала незавидной.

Девушка, с громадной скоростью вращая саблей (не зря они с Андреем каждый день уделяли час на тренировки!), секла супостатов, как сорную траву, а Эрна, страшно ухая, мерно поднимала и опускала свою дубину, каждым ударом выбивая одного из следователей.

Глухо тренькнул арбалет, другой, взвизгнули болты, высекая искры из мостовой. Закричал в толпе любопытных раненый – болт рикошетом ударил в кого-то из зевак. Остальные с воплями кинулись прочь. Стрелки тут же погибли, зарубленные Марго и Андреем, – один целил в него, другой в Эрну. Девушка саблей успела отбить болт за мгновение до того, как тот вонзился великанше в грудь, Андрей тоже не сплеховал.

Улица очистилась от толпы, оставившей на земле мужичка, зажавшего руками кровоточащую ногу, да мусор – шелуху семечек, огрызки яблок и груш, местный аналог попкорна. Вдалеке уже был слышен топот копыт – блестело солнце на наконечниках пик, на шлемах конных гвардейцев. Послышались команды:

– Рассыпаться! Приготовиться к атаке! По сигналу! Рысью, марш!

– Гвардейцы, гвардейцы! – закричали последние из оставшихся в живых следователи. Они стали бросать оружие и, встав на колени, накрывали голову руками – так тут выглядела сдача в плен.

Андрей осмотрелся: из тридцати вступивших в схватку в живых осталось семь человек, и среди них те двое, кто не захотел участвовать в

этой резне. Барот был мертв – он умер одним из первых. Андрей сразу же пробился к нему и зарубил, справедливо решив, что, если не будет командира, остальные десять раз подумают, прежде чем лезть в драку.

– Жив?! Слава богу! А то бы император башку с меня снял! – Разгоряченный Зиртон соскочил с лошади и скомандовал: – Взять этих уродов! В следственную тюрьму! Потом разберемся, кто отдал этот преступный приказ! – Затем начальник стражи перевел взгляд на толпу зрителей, снова вернувшуюся на исходные позиции, и крикнул: – Что вам, представление комедиантов тут, что ли? Все вон отсюда! Сержант, разогнать придурков!

Несколько гвардейцев с плетями в руках поскакали к любопытным, хлеща их по спинам и плечам. В результате толпа с криками и матерной руганью тут же рассыпалась и исчезла, как будто никого перед домом и не было.

Андрей пошел к жене и, вложив саблю в ножны, крепко обнял Антану. Отстранил и спросил озабоченно:

– Цела? Все целы?

– Нет, не все, – ответила та и зарыдала. – Зорана убили. Когда они начали атаку, полезли на забор – он вместе с нами стоял, отбивался, и его убило болтом, прямо промеж глаз. Только что был живой – и вот его нет! Ну как же так, а? Как матери сказать?!

– Бывает, – Андрей сглотнул комок в горле и легонько похлопал жену по спине, – все бывает. Мне жаль. Очень жаль.

– Эрна сильно помогла, – утерла глаза Марго. – Если бы не она, я бы не успела везде – они и с тыла дома лезли. Вначале попытались войти – охранник их не пустил, тогда они его застрелили. Второй побежал за нами – мы как раз обедали. Бросили, прибежали – тут и началось. Эрну тоже ранили – ей бок прострелили и ногу. Но она все равно их била. Таина там рыдает над Зораном. Она тоже с нами была, но ее стрелы обошли. Она их сковородой чугунной била. Ой-ой... ну как же так, а? Он только что рассказывал, как они с матерью ходили устраивать его в магистрат, так смешно было, и вот – он мертв! Мать с горя умрет! Кошмар, кошмар какой! Убью, твари! – Горе Марго сменилось дикой яростью, она побежала к стоящим в окружении гвардейцев следователям и, растолкав в стороны солдат, с кулаками набросилась на людей в черном.

Гвардейцы разлетелись, будто по ним ударили громадным шаром для боулинга, а плененные агрессоры с ужасом смотрели, как валятся на землю их товарищи, сбитые разъяренной фурией. Она избивала их так, что, скорее всего, всех бы убила, если бы не Андрей. Он подхватил жену, несмотря на

ее яростное сопротивление, прижал к себе и понес в дом. Возле устало стоящей у ворот Эрны на секунду остановился:

– Спасибо тебе. Пойдем в дом, я тебя полечу.

Антана успокоилась в его руках и лишь всхлипывала.

Андрей прекрасно ее понимал – очень тяжело терять товарищей. Он знал это ощущение, когда ты только что разговаривал с человеком, шутил – и вдруг он уже лежит мертвый, с дыркой в голове. Война. Везде война.

«Покой нам только снится», – с грустью подумал он, поднимаясь по лестнице в дом.

Глава 7

– Приветствую, господин Андрей! Его величество рвет и мечет – требует вас! Времени уже много, народ толпится, без вас никого не пускают! Скорее, скорее! – Церемониймейстер пошел вперед почти бегом, Андрей следом.

В большой комнате и вправду толпились люди – по прикидкам Андрея, тут было человек семьдесят, не меньше. Стоял гул – кто-то смеялся, кто-то разговаривал, кто-то зевал или обмахивался веером – в помещении было жарко, и от жары и жажды не спасали даже всевозможные напитки, расставленные на столиках у стен. Люди постоянно что-то пили, звенели бокалами и обмахивались разноцветными веерами.

Все сразу замолчали при появлении Андрея, и по толпе прошли шепотки:

– Фаворит императора! Первый советник! Победитель турнира! А он душка... смотрите, какая крепкая задница... лицо такое мужественное. Я бы не отказалась... И я. И я! Шлюхи! Я лучше! Ну мы же еще его не пробовали – может, ты и лучше... хотя... Говорят, сегодня он защитил императора? Да, точно, столько родовитых аристократов погибло – это просто ужас! Целую повозку трупов вывозили! Ой, не надо про трупы – и так плохо – жарко, меня сейчас стошнит...

Андрей прошел в дверь, открытую перед ним слугой, и с облегчением вдохнул свежий воздух, струившийся из открытых фрамуг наверху оконных проемов. В фойе пиршественного зала было не просто жарко, а еще и воняло – запах духов и благовоний, смешанный с запахом пота и газами, тихонько выпускаемыми галантными кавалерами и их дамами. «Атмосфера сродни газовой камере», – подумал Андрей.

– Ты где бродишь! – рассерженно закричал Зарт. – Все уже собрались, а тебя нет! Демон тебя заberi – ты что, хотел, чтобы я запустил гостей и меня прибили скрытые среди них исчадия? Распустились все! Обнаглели! Надо парочку казнить – тогда будете знать, как надо вести себя с вашим императором! Объяснись!

– На мой дом напали. Моего человека убили. И кстати, я вовремя пришел, как мне и было сказано.

– Знаю про нападение, – нахмурился император. – Все равно надо было прийти раньше. Все надоели! Все меня злят! И ты тоже!

Андрей пожал плечами:

– Слушаю ваши распоряжения.

– Слушаешь ты! Становись к двери – всех будут впускать по одному. Если будет кто-то подозрительный – показывай на него, охрана его схватит. Потом пройдешь в комнату, где переодеваются комедианты, обследуешь всех. С тобой пять стражников. Все ясно?

– Ясно, ваше величество. – Андрей внутренне усмехнулся, а Шанти недовольно заметила:

«Чего это он так разорался-то? Так бы и откусила ему башку! Почему ты позволяешь ему орать на себя? Вот мерзкий ползучий гад!»

«Ну... мало ли кому я позволяю орать на себя – и ничего, голову не откусываю».

«Чего ты сравниваешь! Я – это я! А это какой-то императоришка!»

«От скромности ты не погибнешь, о Великая Драконица! Лучше присматривайся и сообщи мне, если почувствуешь что-то подозрительное».

«Навряд ли почувствую. Тут столько народу в сравнительно небольшом, замкнутом пространстве, что отделить одну эмоцию от другой невозможно. Извини, тут я тебе вряд ли помогу. Вся надежда на твой крест. Кстати, почему он обрел такие свойства? Раньше он что-то подобное, на твоей родине, вытворял?»

«Нет, конечно. Да и откуда у нас исчадия? Впрочем, беру свои слова назад... чего-чего, а исчадий у нас на Земле хватает. Вот только кресты на них не действуют. Не знаю я, почему мой крест приобрел такие свойства. Приобрел, и все тут. На свете много необъяснимого, и, если задумываться над всем, что не укладывается в привычную логическую схему, можно сойти с ума. Ладно, заболтались мы с тобой!»

Андрей встал справа возле двери и подал сигнал гвардейцам. Они начали неспешно, по одному, запускать приглашенных на пир, и те под наблюдением слуг рассаживались по тем местам, которые им были уготованы. Занимался этим церемониймейстер, он же и определял место, которое должен был занять человек – согласно рангу. Те, кто сановитее, – ближе императору, те, кто поплоче, – дальше.

Гости прошли довольно быстро, но никаких проблем с ними не было – обычные сластолюбцы и похотливые козлы, как выразилась Шанти. Все, что они хотели, – это есть, пить и совокупляться со своими спутницами. Впрочем, и со спутницами своих соседей тоже.

Закончив с гостями, Андрей кивнул церемониймейстеру, и тот повел его через зал в неприметную дверь сбоку. За ней находился коридор с несколькими дверями справа и слева.

– Вот тут у нас комедианты, готовящиеся к представлению, господин

Андрей. Я вас оставляю, мне необходимо вернуться к гостям. – Церемониймейстер поклонился, и Андрей остался один, если не считать пятерых гвардейцев за спиной.

– Вы трое, оставайтесь здесь и не давайте никому перебегать из комнаты в комнату. А вы – за мной.

Первая же распахнутая дверь повергла Андрея в некое смущение: в длинной комнате с зеркалами на стенах сидели, ходили, стояли около двадцати, не меньше, девушек в различной степени раздетости. Часть – вообще голые. Они красились, припудривались, натягивали или стягивали с себя части белья и сценических костюмов, а при виде Андрея с двумя стражниками замерли в удивлении.

– Это еще что такое?! – возмущенно сказала одна из них. – Вы уже здесь трахать собираетесь, что ли? Хоть на сцену выйти дайте!

– Заткнись! – грозно прикрикнул один из гвардейцев. – Никто вас трахать не собирается, и не надейся! Проверка на наличие исчадий! По одной проходите мимо господина Андрея. Пройдете – потом можете заниматься своими делами.

– А одеваться обязательно? – промурлыкала одна девица, голая, как в момент рождения. Она подошла к Андрею и будто невзначай задела его плечо обнаженной грудью. – Вы такой мужественный... вы такой красивый... хотите, я буду с вами этим вечером? – Девица выдохнула это грудным голосом и облизнула губы красным язычком.

– У меня жена есть, – невозмутимо ответил Андрей, окидывая взглядом примерную.

– Ну и что? – не унималась девица. – Мы можем и втроем... я многое умею... не только жонглировать шарами.

– Она сломает тебе шею, – спокойно пояснил Андрей. – Увы, тебе ничего не светит.

– Дура! Отвали от него! – насмешливо крикнула с другого конца комнаты миловидная маленькая брюнетка, натягивая на себя микротрусики и извиваясь при этом, как змея. – Ты что, не знаешь господина Андрея? Он же победитель турнира, а его жена... поостереглась бы ты с ней иметь дело. Говорят, она сегодня зарубила саблей пятнадцать человек и семерым оторвала голову голыми руками, когда они напали на их дом! Весь город об этом шумит, а ты не знаешь?

– Ой! Это тот самый господин?! Я ничего не предлагала, погорячилась и вообще была не права. – Девица тут же ретировалась.

«Пятнадцать человек саблей и семерых голыми руками. Зоран бы сказал – вот они, слухи! – грустно заметила Шанти. – Жаль парнишку».

«Жаль, – угрюмо ответил Андрей. – Ни за что погиб. Впрочем, как и следователи, которых натравили на нас. А этот гад скрылся, не застали на месте. Видно, кто-то донес ему о том, что произошло у моего дома. Жаль. Я бы сам с ним хотел разобраться».

«Уж как я бы хотела! Ладно, заканчивай с этими голыми самками. Кстати, замечаю прогресс – ты не реагируешь на них как на сексуальные объекты. Или это, наоборот, регресс? Стареешь?»

«После такой жены, как Марго, на кой демон мне эти потасканные девки! – хмыкнул Андрей. – Она красотка, притом горячая как огонь. Настоящая Зверица! После нее уже ни на кого не тянет. Сам не знал, что такие женщины могут быть. Прямо вулкан страстей какой-то».

«Не зря ты ее во дворец забрал? Не скучно ей тут будет?»

«Это только на сегодня. Потом опять домой пойдет. Что-то у меня сердце не на месте после сегодняшнего. Пусть уж сегодня она поближе ко мне будет».

Андрей обошел гримерную под вздохи, взгляды и шаловливые касания разбитных девиц и, облегченно вздохнув, вышел в коридор.

Гвардейцы, сопровождавшие его, дружно перевели дух, и один из них, утерев пот со лба, воскликнул:

– Слава богу, ушли! При виде этих девиц у меня аж кольчугу подняло! Скорей бы дежурство окончилось, я бы к подружке побежал, напряжение снимать... эдак можно и бессильным по мужской части сделаться! Смотреть на таких девиц и не иметь возможности...

– Тихо! – приказал Андрей. – Сейчас изменим тактику. Я как-то не подумал, не нужно вам заходить со мной. Если обнаружится исчадие, он сразу атакует. Мне он ничего не может сделать, а вот вы точно поляжете трупами. Так что стойте тут, в коридоре, и не давайте никому выходить.

– Нам приказали везде следовать за вами, – нерешительно воспротивился один из гвардейцев.

– Я беру ответственность на себя, – холодно отрезал Андрей. – Хотите стать трупами – пошли со мной. И вообще, если я вам приказываю – должны выполнять. Потом можете обжаловать мой приказ у командира. Иначе я сам добьюсь, чтобы вас вышибли со службы!

– Господин Андрей, это же нечестно, – уныло сказал гвардеец. – Нам же приказали!

– А я вам приказал обратное! И если хотите еще пожить – стойте тут. Никуда я не денусь, выйду, – усмехнулся Андрей.

Дверь скрипнула, пропуская Андрея, и за ней оказались десятка два мужчин, самому молодому из которых было лет пятнадцать, совсем

молоденький мальчик.

Они выжидающе посмотрели на Андрея, потом один, лет пятидесяти на вид, настороженно спросил:

– Вы что желаете, господин?

– Я – советник императора Андрей Монах. Сейчас я пройду мимо вас и, если среди вас есть исчадие, сразу определю. Предупреждаю: выйти отсюда нельзя, за дверями стоят гвардейцы. Кто сделает резкое движение – может потерять жизнь. Итак, стойте спокойно...

Андрей пошел по длинной комнате вдоль выстроившихся в ряд мужчин. Кто-то переглядывался, кто-то шептался, другие смотрели с насмешкой, некоторые были равнодушны, и на их пустых лицах застыла маска брезгливости. Андрей шел мимо этих людей, выключив мысли и думая лишь о том, чтобы не пропустить нападение, успеть почувствовать врага. Дойдя до последнего в ряду, Андрей собрался поворачивать назад, когда Шанти неожиданно подала голос:

«Стой! Тут есть кто-то еще! Я чувствую – вон за той занавеской кто-то есть, этот кто-то просто исходит ненавистью к тебе!»

– Что там у вас за занавеской? – коротко спросил Андрей у ближайшего к нему комедианта.

– Туалет, душ. Там сейчас наш новенький, живот прихватило, как вы пришли. Нормальный парень, так что вы зря...

Мужчина не договорил. Занавеска с треском слетела, и из-за нее вылетел человек с искаженным яростью лицом, в руках которого был топор.

Потом Андрей, вспоминая этот момент, пытался понять, откуда этот человек взял топор – здоровенный, похожий на топор мясника. Может, он пронес его с собой в реквизите? Все может быть. И самое интересное, что исчадие, видимо, уже знал о том, что не сможет убить Андрея своим проклятием. Он сделал ставку на неожиданность и силу. Парень был довольно мускулистым, и плечи как у акробата, кем он в общем-то и являлся. Вернее, изображал.

Еще Андрей долго не мог понять, что заставляет исчадий идти на верную смерть. Ведь это были фактически камикадзе, с его точки зрения. У них не было практически никаких шансов уйти! И пришел к выводу: а почему, собственно, никаких шансов? Исчадие может убить того же императора и не показывая на него пальцем – к чему эта излишняя мелодраматичность? Ведь это результат мозговой деятельности, не в пальце же у него сидит проклятие. Палец это так, для концентрации. Убить, а потом уйти, выбивая всех, кто окажется на пути. Пока сообразят, что это

исчадие и его нужно остановить стрелами, а он уже и ушел.

Топор со свистом рассек воздух, и, когда Андрей сделал небольшой поворот и шаг в сторону, тяжелое стальное лезвие врезалось в столик с актерскими париками, задев плечо одного из мужчин, сразу окрасившееся кровью. Столик с грохотом разлетелся вдребезги, а раненый жалобно заверещал.

Топор начал движение вверх для следующего удара, когда Андрей сделал шаг вперед и коротким, очень сильным ударом перебил исчадию гортань. Тот захлебнулся своей кровью и, не выпуская топора из рук, упал навзничь под ноги своим коллегам. Крестик перестал обжигать грудь Андрея, в гримерной повисла напряженная тишина, прерываемая хрипом и клекотом из перебитого горла умирающего.

– Я... я... мы не с ним! – испуганно отодвинулся мужчина, зажимая рану на плече, из которой капала кровь. – Он с нами недавно, вместо заболевшего акробата! Тот заболел какой-то дурной болезнью, покрылся нарывами и умер. А этот вызвался с нами идти. А нам как раз нужно было в номер крепкого парня-акробата, держать пирамиду! Теперь не знаю, как и работать-то без нижнего, – сокрушенно добавил мужчина. – Откуда нам было знать, что он исчадие?!

«Не врет, – отметила Шанти, – точно не в курсе».

«Согласен. Похоже, что к ним его внедрили – прежнего акробата убили, а этого и подсунули. Откуда-то знали, что они пойдут во дворец».

– А вы часто бываете во дворце? – осведомился Андрей.

– Довольно часто... его императорское величество любит смотреть на наши игры.

«Андрей, исчадие ведь жив! Добей его, что ли! Я не могу терпеть, идет такая волна...»

– «Живой, говоришь? Ну-ка...»

– Все выйдите в коридор! Быстро! Быстро, я сказал! – Андрей рывкнул так, что комедианты выскочили, будто за ними гнались демоны ада.

В комнату заглянул гвардеец:

– Что случилось? Помощь нужна?

– Закрой дверь! И не заглядывайте, пока я не выйду!

Гвардеец испуганно захлопнул дверь, и в комнате стало тихо.

Монах подошел к лежащему на полу исчадию и досадливо взгляделся в его лицо. Мужчина как мужчина. Ничего особенного. Никакой каиновой печати на лбу, никаких рогов и копыт.

Андрей наклонился над ним и взгляделся в ауру. Она была слабой, пульсирующей, но исчадие был все еще жив. Монах стал накачивать

энергию в ауру врага, и та с каждой секундой становилась все ярче и ярче. Андрей убрал красные и черные сполохи, дыхание раненого стало глубоким, ровным – он спал.

Реанимация заняла минут пятнадцать, и Андрей слегка выдохся – исчадие был на грани смерти, так что вытащить его было непросто. Оглянувшись, он нашел взглядом какие-то веревки – видимо, ими увязывали тюки с реквизитом. Взял две штуки и, вернувшись к исчадию, крепко перевязал ему руки и ноги, спеленав, как куклу. Теперь можно и будить.

– Очнулся?

– Я разве не умер?! Я должен был отправиться в чертоги моего господина Сагана для награды! Кто мне помешал?! Ты? Проклятый! Будь ты проклят! Будь ты проклят! Будь ты проклят!

Крестик на груди Андрея нагрелся так, что, казалось, он сейчас врастет в обугленную кожу. Монах сморщился от боли и, наклонившись, поднял исчадие. Затем, как мешок картошки, кинул в деревянное кресло, чем-то напоминающее электрический стул.

Исчадие продолжал бормотать свои проклятия, Андрею это надоело, и он открытой ладонью нанес сильный удар по лицу противника. Звук был таким, как если бы кто-то хлопнул пятерней по полированной столешнице. Исчадие, похоже, слегка «поплыл», потеряв ориентацию, потом очухался и хрипло попросил:

– Убей меня! Я хочу попасть в чертоги Сагана! Ты не сможешь меня удержать! Я не знаю, почему на тебя не действует мое проклятие... – И тут исчадие замолчал, его глаза расширились. – Брат? Ты брат? Проклятие не действует только на братьев! Почему ты меня удержал, не дал выполнить миссию?

– Какова твоя миссия?

– Ты не знаешь? Убить императора, конечно. Задание я получил от адепта, ты должен знать!

– Где находится адепт? Как его найти?

– Ты не брат! Все братья знают, где находится адепт! Я ничего тебе не скажу, тварь! – Исчадие харкнул зеленой слюной в лицо Андрею, промахнулся, и только мелкие брызги вонючей слюны долетели до кожи. Однако все равно это было противно, и Андрей скривился в отвращении. Исчадие это заметил и радостно захохотал:

– Убей меня! Убей!

– Да что ты заладил – убей, убей! – сплюнул Андрей. – Что за чертоги, кто там тебя ждет?

– Там девушки. Сотни девушек – молоденьких, невинных... и все мои! Лучшие угощения, лучшие яства... и так вечно, вечно! – Глаза исчадия затуманились, и из уголка рта потекла тонкая струйка слюны.

«Знаешь, а ведь он верит в эти самые чертоги и в девушек, – удивленно сказала Шанти. – Это что за демонство такое? Они что с ним сделали?»

«Мозги промыли. Такое на Земле практиковали и практикуют в некоторых запретных течениях религий. И не запретных тоже. К примеру, приглашает его этот самый адепт к себе, угощает напитком. Говорит, что может отправить в чертоги Сагана, чтобы исчадие знал, что его ждет после смерти. В напиток подмешан наркотик, исчадие засыпает. Просыпается – он в чертогах Сагана. Девушки, безудержный трах, пьянка – его ублажают всеми доступными методами. Просыпается – он снова в комнате адепта. Типа вернулся. И ему объявляется: мол, все, кто верно служит Сагану, окажутся в таком вот раю. Ну и еще, чтобы наверняка, подчинение закрепляется внушением. Человек верит, выпитывает внушение, вот тебе и готовое оружие».

«Нелогично как-то – неужели им не жалко своих соратников? Получается очень непрактично. Эдак все ресурсы исчадий можно потратить! Потом набирать, обучать...»

«Ерунда, исчадий много. Всегда есть какой-то запас для того, чтобы сделать из них живое оружие».

«А зачем ты его оживил? Допросить?»

«Само собой. Я сделал глупость – надо было его вырубить так, чтобы он мог говорить. А я бил сразу на поражение – по привычке. Учили меня так. В бою с противником не поговоришь, там убивать надо, и чем быстрее, эффективнее, тем лучше. Вот я и сглупил».

«А если он откажется говорить? Вернее, он уже отказался говорить. Что будешь делать?»

Андрей ничего не ответил своей нареченной сестре. Помолчал и сказал исчадию:

– Сейчас я сделаю тебе больно, очень больно, если не расскажешь, где находится ваш адепт, кто еще состоит в вашей организации, как ты сюда попал. Если расскажешь, я убью тебя быстро и безболезненно, обещаю.

– Я ничего тебе не скажу! – хрипло засмеялся мужчина. – Я люблю боль! И чем больше боли, тем слаще будет мое пребывание в чертогах Сагана.

– Ну что же, ты не оставил мне выбора, – вздохнул Андрей. – Шанти, держись. Сейчас будет нехорошо.

Он подошел и с силой ударил мужчину в бок. Хрустнула кость ребра,

но исчадие лишь засмеялся:

– Да, да! Убивай меня, убивай! Скорее! Чего ты остановился?!

Следующие десять минут были отвратительны. Исчадие кричал, вопил от боли, его дикие крики были слышны, вероятно, и в коридоре, потому что в дверь заглянул озабоченный гвардеец. Увидев то, что происходит, он тут же захлопнул дверь с выражением отвращения на лице. Исчадие только смеялся или завывал от боли, он как будто ею наслаждался, и чем сильнее была боль, тем в больший восторг он приходил.

«Не могу больше терпеть! – взмолилась Шанти. – Давай я уйду! Это невыносимо!»

«Невыносимо, говоришь? – угрюмо переспросил Андрей, вытирая залитые кровью руки о рубаху врага. – Мне зато выносимо, демон заberi все это дело! Так, стоп! Мне пришла в голову одна мысль!»

Андрей огляделся и, сдвинув с места здоровенный шкаф, подпер им дверь.

«Превращайся в драконицу! В полный рост!»

Шанти выскользнула из его нагрудного кармана, спрыгнула на пол, замерцала, и вот уже на полу стояла здоровенная драконица со сложенными крыльями, с гребнем на голове и рядами белоснежных, острейших акульих зубов. Чешуя Шанти блистала в свете нескольких масляных светильников, драконица лучилась красотой и здоровьем.

– Хороша, да! – восхищенно сказал Андрей. – Ты с каждым разом все красивее и больше! Эдак ты скоро и свою мать превзойдешь по размерам, силе и красоте!

– Говори, говори, – весело хмыкнула Шанти, – так бы слушала и слушала тебя! Вот умеешь же сделать комплимент девушке! Не зря тебя Марго любит – эх, был бы ты драконом...

– Так, хватит эротических фантазий, займемся нашим супостатом. Эй, придурок, чего глаза вытаращил? Драконов не видал?

– Нельзя! Это нельзя! Касаться дракона нельзя! Я не попаду в чертоги! Пожалуйста, не надо!

– Ничего себе! – поразился Андрей. – А я-то хотел попросить тебя попугать его. Интересные вещи открываются... Знаешь, такая штука есть на Земле – такие же истово верующие боятся, что их останки враги после смерти завернут в свиную кожу. По верованиям им нельзя не то что есть свинину, даже касаться ее. Похоже, тут такой же запрет на драконов. Интересно... Кстати, заметила – он прекрасно знает о драконах и заранее предупрежден? Эй, придурок, если сейчас не расскажешь мне все, что я хочу знать, она примет тебя в свои ласковые объятия. И не видашь тебе

чертогов как своих ушей. Ты меня понял? А расскажешь – убью тебя легко и приятно. Шанти, подойди к нему, дыхни своим фиалковым дыханием в его лицо.

– Ты что, намекаешь, что у меня изо рта пахнет? – подозрительно осведомилась Шанти. – Конечно, я же не могу чистить зубы, как ты, у меня рук нет! А ты вряд ли будешь чистить мне зубы каждое утро! Так что нечего меня преследовать за это дело!

– Да это я так, к слову сказал, – смущенно хмыкнул Андрей. – Просто подойди и постой перед ним. А если он не будет говорить правду – слышишь, скотина?! – откусишь ему голову.

«Не вздумай, пока я не скажу! А то и правда порешишь его, и все. Я не для того этого гада оживлял».

«Я что, дура, что ли?! Мог бы и не говорить, даже обидно!»

Через полчаса Андрей знал все то, что знал об организации исчадий допрашиваемый. Конечно, многое ему было неизвестно – кто он был такой? Живая торпеда? Камикадзе? Но он знал главное – где найти адепта. А там уже от Андрея зависело, как он использует полученные сведения.

– Давай я оторву ему голову! – кровожадно предложила Шанти. – Дерьма ему, а не чертогов!

– Вы же обещали! – взмолился исчадие. – Обещали!

– Я слово свое держу! – ответил Андрей, невольно повторив слова одного персонажа.

Он подошел к исчадию, схватил его за голову и свернул шею. Позвонки хрустнули, и мужчина застыл в кресле со счастливой улыбкой на губах. Андрей брезгливо вытер руки о его одежду – ему все время казалось, что где-то на руках осталось пятнышко крови. Он знал, что отмыть ее непросто, кровь.

Отодвинув шкаф, Андрей открыл дверь и, выйдя в коридор, сказал напуганным комедиантам, толпящимся у двери:

– Заходите. Я знаю, что вы ни при чем, так что не бойтесь преследования, вас никто не тронет. Кроме тебя, – Андрей показал на стоящего у стены пятидесятилетнего мужчину с бледным лицом, – тварь, ты же убил своего товарища ради денег! Жалкие двадцать золотых – вот во что он оценил жизнь парня. Он подсыпал ему порошок, который получил от исчадия, и парень умер. А на его место принял негодяя исчадие. Арестуйте его! – Андрей кивнул гвардейцам, и те тут же схватили комедианта под руки. Мужчина обвис, глаза его вытаращились от ужаса, а на штанах расплылось мокрое пятно.

– Я не хотел! Нет-нет, я не знал! Он сказал, что Хурас не умрет! Я не хотел убивать! А-а-а! Не-е-ет! Не-е-ет!

– Отряд гвардейцев, – скомандовал Андрей, – человек пятьдесят. Быстро к первому инквизитору, пусть даст несколько человек. Сейчас поедem брать адепта исчадий.

Гвардеец озабоченно кивнул и понесся по коридору бегом, громыхая сапогами.

– Тут есть еще комнаты, где переодеваются комедианты?

– Нет, все здесь! – с готовностью отсалютовал ему один из оставшихся гвардейцев.

– Тогда пошли со мной, я должен доложить императору. Один – останься, сообщишь мне, как отряд будет собран и инквизиторы будут здесь. Пошли!

В пиршественном зале, как говорится, дым стоял коромыслом – гости уже перепились, сидели раскрасневшиеся, веселые. Многие женщины сидели на коленях у мужчин, и те и другие вели себя весьма фривольно.

Андрей искал глазами императора. Тот сидел во главе стола, в окружении нескольких девушек и женщин. Они наперебой подкладывали ему на тарелку с блюд и подливали в бокал из кувшинов, а некоторые сами клали кусочки в рот Зарта. Он хохотал, целовал очередную подругу, и все это выглядело так мерзко, что Андрею расхотелось подходить к монарху. Но он пересилил себя и стал пробираться через зал, отрывая от себя руки возбужденных полуголых женщин и отбрасывая мужчин, оказавшихся у него на дороге. Они возмущались, но, когда поднимали глаза и видели, кто перед ними, сразу терялись и отступали в сторону, поникнув.

Какая-то бабенка все же повисла у Андрея на шее. От нее пахло приторными духами, и Андрей с досадой подумал, что Марго точно предъявит ему за эту вонь – все впитывается в одежду, в кожу, а нос оборотня чувствительнее человеческого во много раз. Вот и сейчас Монах задышался от воню, стоящей в зале, и мечтал поскорее отсюда выбраться.

Император заметил своего первого советника, когда Андрей встал перед ним и крикнул в лицо Зарту, перекрывая шум и визг девок:

– Ваше величество! Ваше величество!

Зарт перевел мутные глаза на Андрея, и тень узнавания прошла по его лицу.

– Ну что, нашел исчадий?

– Нашел, ваше величество. Мне необходимо сейчас уехать – есть шанс уничтожить адепта, обосновавшегося в столице. Сейчас прибудет отряд гвардейцев и инквизиторы, и мы отправимся на захват.

– Да, да! Уничтожить! Убить! На кол их! Поймай живьем, я с него шкуру спущу! – Император вскочил, и стало видно, что сидел он со спущенными штанами. Из-под стола с заляпанной винными и паштетными пятнами скатертью высунулась молоденькая девица с голой грудью. – На кол! Всех исчадий уничтожить! Иди, Андрей, убей их всех! – Зарт плюхнулся голым задом на кресло, выполнив свой долг направляющего и руководящего, и блондинка снова исчезла под столом.

– Слушать внимательно! – Андрей обвел взглядом строй гвардейцев во главе с лейтенантом. – Окружаете церковь. Внутри захожу один я. Вы ждете сигнала снаружи. Всех, кто выскакивает из храма, задерживать. Повторюсь, если кто не понял: не заходить внутрь, пока я не позову! Иначе вы бесполезно и глупо умрете! Внутри – адепт исчадий, один из их высших мастеров магических проклятий. Он может с ходу положить весь отряд! Вопросы есть?

– А как же вы? Вас он тоже положит? И что нам делать? – осведомился незнакомый Андрею лейтенант.

– Меня – не положит. Заклятия исчадий на меня не действуют, – коротко ответил он. – Итак, все на коней, и к церкви Первого пришествия, что на Прямоколенном переулке. Сейчас у них идет черная месса, так что мы имеем шанс захватить не только адепта, но и всю их шайку.

Церковь стояла белая, красивая, как какой-то космический корабль, устремленный ввысь. Андрей всегда подозревал, что к этим формам приложили руку некие пришельцы из космоса, прилетавшие в незапамятные времена. Форма этих зданий очень напоминала форму какого-нибудь звездолета.

Внешне церковь, в которой проводили черные мессы, не отличалась от остальных церквей ничем – купола, кресты, все как полагается. Только Андрей да исчадия знали, что отец Онофрий на самом деле является адептом исчадий и главой их местной структуры. Днем и вечером это была обычная церковь, в которой каждый желающий мог поставить свечку, помолиться за здоровье или за упокой, в общем – сделать все то, что в обычной церкви. Ночью наступал черед исчадий.

Все иконы, что находились в церкви, были двусторонними – на обратной стороне иконы с ликом Бога нарисованы личины Сагана, попирающего Светлого Бога, казнящего, терзающего, убивающего свои жертвы с издевательской ухмылкой на мерзкой морде. И самое гадкое, что люди молились этим иконам, не зная, что на тех с обратной стороны личина Сагана, – обращались к Богу и не подозревали, что обращались и к

демону.

Гвардейцы спешили за полквартала от церкви и оставили лошадей под охраной трех бойцов – не хватало еще на радость всему городу лишиться лошадей, уведенных какой-нибудь шпаной.

Темной улицей, спотыкаясь, тихо матерясь и придерживая сабли, болтающиеся на боку, люди из отряда дошли до церкви и, растянувшись цепью, замкнули ее в кольцо. Их было восемьдесят человек – почти весь состав особого отряда телохранителей, поднятых по тревоге. Они горели желанием отомстить за своих товарищей, убитых исчадием на приеме у императора. Возглавлял их Зиртон – его известили об операции, и он долго ругался, что Андрей сразу же не поставил его в известность о планируемой акции, – все-таки он начальник стражи или так, сбоку припеку?

Никого из следователей с собой брать не стали – после сегодняшнего нападения на дом Андрея были подозрения, что среди следователей зреет заговор. Требовалась чистка рядов, прежде чем можно будет положиться на этих служителей закона.

Вообще, Андрей считал – нельзя полагаться на людей, которые получают мизерную зарплату и живут за счет поборов с тех, кого должны охранять. В Славии это было возведено в ранг закона, здесь законным это не было, но на самом деле так же, как в соседнем государстве, служители закона были вынуждены брать мзду с купцов, обирать лавочников, случайных прохожих и, что наиболее гадко, – получать взятки от преступного мира. Ну как служитель закона может бороться с теми, от кого он получает деньги? Это получается – борьба с пчелами, мед которых ты сам и ешь. Глупо.

С отрядом бойцов шли десять инквизиторов, во главе с самим Акодимом. Несмотря на то что священник по рангу своему уже не обязан был участвовать в таких мероприятиях, но ведь это был захват адепта, как священник мог упустить такую возможность?! Акодим скользил по улице рядом с Андреем, как гора возвышаясь над своими соседями чуть не на целую голову.

Что интересно, при своих габаритах он практически не создавал шума. Подвязав полы рясы и обнаружив под ней банальные штаны, заправленные в сапоги, он бодро шагал на встречу со своими извечными врагами. На поясе у него висел кинжал, а в руке была толстая дубинка.

Все встали по местам, скрывшись в тени деревьев, и Андрей открыто, не таясь, пошел к дверям церкви. Как ни странно, никаких часовых у дверей не было, единственно что дверь была заперта, чтобы никто не помешал совершать богопротивные обряды.

Андрей толкнул дверь рукой – она слегка подалась, видимо, была заперта на засов. Уперся в створку плечом, уцепившись за прочную медную стальную ручку, вытертую до блеска множеством ладоней. Напрягся – дверь выдержала. Нажал еще, уже изо всех сил – подалась и провалилась внутрь, вырвав язык тяжелого засова.

В проходе никого не было, а от алтаря слышался заунывный вой и речитатив каких-то слов, смысла которых Андрей не мог понять. Похоже, это были какие-то молитвы, читаемые задом наперед, – так делали сатанисты на Земле, и от них не отставали здешние исчадия. За этими завываниями никто не услышал взлома двери, все взоры «прихожан» были обращены к алтарю.

Андрей с досадой обнаружил, что не успел к основному действию: жертва, мужчина лет сорока с изможденным лицом – видимо, какой-то бедняк, – уже лежал с распаханной грудью, и его кровь стекала с алтаря в специальную емкость. Это чем-то напоминало прозекторский стол, с его канавками для стока крови и нечистот.

Адепт был совершенно обнажен, как и его прихожане. Лишь на голове было что-то вроде тиары, с перевернутым крестом и изображением Сагана. Исчадие время от времени макал кисть руки в кровь, налитую в небольшую чашку, подаваемую помощницей, и мазал себя по телу, выводя непонятные узоры. Прихожане – а их было человек пятьдесят – время от времени воздевали руки и истошно вопили:

– Саган! О Саган! Саган!

При этом они содрогались в конвульсиях, как будто их били судороги. Андрей так и не понял, что это было: то ли они испытывали боль, то ли оргазм – скорее всего, второе.

Адепт по-прежнему не замечал Андрея, тем более что он был занят – поджаривал сердце несчастного на решетке, укрепленной над углями жаровни. По церкви разносился смрад подгорелой человечины, вызывающий тошноту.

Крестик Андрея просто впивался в грудь раскаленным гвоздем от близости мощнейшего источника Зла, и Андрей стал пробираться вперед, раздвигая возбужденных людей, которые уже начали совокупляться – стоя, на коленях и лежа прямо на пыльном полу.

– Кто это?! Что он тут делает?! – Адепт вытянул руку и указал пальцем на пробирающегося меж сектантов чужака.

Андрей ускорил шаг, потом рванулся вперед, но не успел – тень понимания скользнула по лицу адепта, и тот закричал:

– Умри! Умри!

Андрея как будто ударили молотом – этот адепт обладал такой силой, что крестик Монаха засветился белым огнем, видимым даже сквозь рубашку. Боль была сильной и отрезвляющей. Андрей продолжил свой бег и с разгону врезался в исчадие, державшего в руках кривой черный кинжал с нанизанным на него обугленным сердцем.

Удар! Еще удар! Исчадие обвис и стал сползать по стене, как смятая тряпка. Девка, держащая сосуд с собранной кровью жертвы, завизжала и метнула серебряным сосудом в Андрея. Он увернулся, но выплеснувшаяся кровь залила ему лицо и рубаху.

Девка бросилась на него, метя в лицо выставленными вперед руками с согнутыми, как когти, пальцами, и завизжала:

– Хватайте его! Бейте, убивайте! Он напал на нашего господина!

Андрей схватил ее поперек голого, скользкого, извивающегося тела и метнул в толпу подбегающих фанатиков. Они опрокинулись, как кегли, и тогда он засвистел – громко, настолько громко, насколько смог, – в свисток стражника.

Трель раздалась так неожиданно, резко и сильно, что толпа на секунду опешила и остановилась. Затем оголтелые фанатики снова полезли вперед, но было поздно – в церковь ворвались гвардейцы, сметая всех, кто оказался на пути, стальным кулаком.

Сектанты пытались сопротивляться, набрасывались на солдат, кусались, визжали, с ними расправлялись безжалостно и жестоко – короткими дубинками или саблями, плашмя. Иногда лезвие соскальзывало и под удар подворачивался саганист, бросавшийся на представителей власти, – тогда клинок с чавканьем врезался в обнаженное тело и брызгали фонтанчики крови.

Минут через пятнадцать все было закончено – сектанты, живые и мертвые, лежали на полу. Живых вязали путами, специально принесенными с собой, – скоро должны подъехать повозки, на которых и увезут задержанных для разбирательства в подвалы инквизиции. Мертвых – в отдельную повозку. Их было человек пять – семь, еще несколько раненых умрут в ближайшие часы. Они лежали на полу в лужах крови и стонали.

– Хорошо поработали! – удовлетворенно прогудел Акодим. – Вот только церковь эту придется снести. Она опоганена, теперь здесь нельзя проводить службы. Вот откуда брались все эти тела, что находили по городу! Понимаешь, Андрей, уже несколько лет на улицах находили тела людей с вырванными сердцами. И кого только не было – и дети, и старики, и женщины, и взрослые мужчины! Все, теперь конец уроду! Ты его убил?

– Нет. Господа, прошу всех выйти из церкви. Сейчас я буду его допрашивать, он очнется и будет очень зол. Меня проклясть не сможет, а вот вам достанется. Все выходят отсюда, все! Скорее, он сейчас очнется. Зиртон, веревки мне сюда! Я позову, как закончу.

– Андрей, ты не ранен? Может, перевязать? – озабоченно спросил Зиртон, задержавшись на пару секунд.

– Нет. Это кровь жертвы. Девка меня облила. Уходите, уходите скорее! Не хочу его еще раз глушить.

Гвардейцы и инквизиторы быстро ретировались, Андрей же крепко связал руки и ноги адепта. Прикинул – наверняка подглядывать будут. Дверь сломана, через щели видно, что происходит. Нет уж, рисковать ни к чему.

Взялся за веревки, соединяющие ноги адепта, и поволок его во внутреннее помещение храма, не заботясь о том, что доски пола царапают кожу пленника.

Служебное помещение было стандартным, ничем не напоминающим логово адепта исчадий. Но это само собой – он же был тут на положении резидента разведки, нельзя привлекать внимание богопротивными картинками и крестами. Вдруг какая проверка. Само главное – в комнате имела крепкая, закрывающаяся изнутри дверь.

Андрей бросил ноги пленника и, усевшись перед ним на стул, скомандовал:

– Ну что, пугалица крылатая, вылезай! Разоспалась там... А кто собирался ночами искоренять преступность? Дрыхнешь...

– Знаешь, когда ты делаешь это тайком, скрываясь от всех, и устраиваешь из этого развлечение – тогда это интересно. А когда тебя заставляют – лети, искореняй преступность, – это становится скучно. Лучше оленя поймать.

– Такое впечатление, будто тебя заставляли, – удивился Андрей. – Кто это заставлял-то?

– А император чего сказал – надо принять ее на службу... вот я и задумалась.

– Чушь какая... давай преобразовывайся. Кстати, почему, интересно, на вас, драконов, проклятие не действует?

– Потому, что мы высшие существа, – хихикнула Шанти. – А чего ты меня пугалицей назвал? Что за пугалица такая?

– Ну как... пугать тобой будем, вот и пугалица, – рассмеялся Андрей. – Все, он очнулся. Начинаем!

Через час Андрей знал все о сети исчадий, опутывающей столицу.

Корни уходили в Славию, само собой, но то, какое именно количество людей в столице Балрона были инфицированы заразой саганизма, повергло Андрея в шок. Он и не подозревал, что эта мерзкая религия найдет в городе столько последователей.

Впрочем, а что удивительного? Во все времена людей привлекала идея: сильный всегда прав. Если ты сильный, бери все, что тебе хочется. Если ты сильный, можешь не обращать внимания на мнение окружающих и делать то, что тебе хочется. Разве эта религия не пустила глубокие корни на Земле? Разве демон не укоренился глубоко, в самой глубине души множества людей? Злоба, жадность, подлость, лицемерие – что это, Божий дар? Совсем нет.

Пришлось задействовать дополнительные силы для поимки преступников. Подняли по тревоге полк гвардейцев, всех инквизиторов и всю ночь, почти до самого утра, вылавливали пособников исчадий, имена и адреса которых Андрей переписал со слов ныне мертвого адепта. Тот не врал. Вначале попытался, но, когда Шанти начала по частям откусывать у него ногу, сдался и рассказал все, абсолютно все, что вспомнил. А память у него была великолепной.

Исчадий в городе больше не было, но вот их пособников, тех, кто передавал сведения, тех, кто подготавливал город к вторжению, были сотни. Это и сторонники Гортуса, и люди, осознанно работавшие на исчадий – за деньги и по убеждению.

Во дворец Андрей попал только к утру, передав список пособников исчадий Акодиму и взяв с него слово, что с нынешнего дня или, скорее, ночи пособников и вообще никого больше не будут сжигать на кострах. Хватит дикарства. Если уж казнить – чинно-благородно отруби ему башку. Или повесь. Хватит этих диких обычаев, нельзя превращать смерть людей в шоу.

Акодим кивал, щурился, но Андрей не был уверен, что тот сдержит обещание. Впрочем, его это уже мало интересовало. Он хотел спать, страшно устал, хотел прижать к себе молодую, красивую жену. Хватит с него смертей, грязи, крови. На сегодня хватит...

Андрей приказал кучеру везти себя во дворец. Ему хотелось есть, пить, ноги гудели от беготни. Небо уже серело – скоро рассвет. Неудержимо тянуло в сон, и Андрей постоянно зевал, чуть не вывихивая челюсть. Его ждала мягкая постель и вкусная еда. По крайней мере, он на это надеялся. Мечтатель...

– Я не виновата! – Марго зарыдала, закрыв лицо руками, и слезы

капали на длинные обнаженные ноги. Она была одета в короткую кружевную рубашку, порванную на груди и на плече.

Андрей тупо смотрел на Зарта, лежащего рядом с кроватью.

Мертвые глаза императора пристально смотрели в потолок, язык вывалился изо рта, а под задом расплылось мокрое пятно. Штаны Зарта спущены – когда Марго свернула ему шею, он как раз готовился осуществить свое право первой, второй и стопятидесятой ночи со своей подданной и очень удивился, получив вместо желанного удовлетворения перелом шейных позвонков.

– Я спала, а он полез на меня, схватил, прижал к постели, а я уперлась ему в подбородок, толкнула. Он слетел – гляжу, а это император! И он уже и не дышит! Я заперлась и сидела тебя ждала! А он все смотрит, смотрит, смотрит!

Андрей сел рядом с женой, прижал ее к себе и снова посмотрел на труп Зарта. В голове билась мысль: «Все прахом! Все, все прогадил! Зачем я притащил ее с собой?! Этот пьяный сластолюбивый идиот то ли принял ее за императрицу, то ли действительно решил попользоваться женой советника – результат один. Что теперь делать, непонятно. Все планы в топку... какой кошмар!»

Внезапно его осенило: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?! Вот только как избавиться от трупа?»

– Шанти! Вылезай!

– Давно уже вылезла. Сто лет назад. Яйцо было крепким, и маме пришлось его раскусывать – я была слишком слаба. В общем, я в шоке и не знаю, что сказать. Кроме того, что жаль Маргошку, а козлу – так и надо.

– Шанти, на тебя вся надежда!

– Я его есть не буду! Сразу отказываюсь! Такое дерьмо только мухи будут есть! Да он еще и обмочился, и чего похуже! Ф-фу-у!

– Не придуривайся. Ты знаешь, о чем я.

– Знаю. И тем хуже для меня. Я не смогу. Честно – я не смогу!

– Сможешь. Иначе нам конец. Всем нашим планам, всему, к чему мы шли эти долгие месяцы через кровь, боль, страдания. Все рухнет! Шанти, пожалуйста!

Молчание. До-о-олгое молчание.

Угрюмо:

– Пользуешься моей добротой?! Только я с императрицей спать не буду!

– Не будешь, не будешь – он все равно с ней не спал.

– И при первой возможности освободишь меня от этой мерзкой роли.

Хуже нет, чем изображать такого негодяя!

– Шанти, сестренка, спасай!

Ворчливо:

– Сели на Шанти и ножки свесили! Как попадается добрый дракон – так сразу на нем кататься!

– Не помню ни одного доброго дракона, на котором я катался. Мама твоя? Так ее доброй назвать трудно... ну если только с натяжкой.

– Будешь маму обижать – получишь у меня! Мама ему не добрая! Помолчал бы уж!

– Извини. Давай наконец займемся делом! Светает скоро. А нам еще нужно от тела избавиться.

– Раздевай его.

Андрей бросился к трупку императора и стал срывать с него одежду, путаясь в вонючих тряпках, пропитанных мочой. С облегчением увидел, что тот хотя бы не обделался, и то ладно...

– Все, я запомнила его облик. И что, все до мелочей надо воспроизвести? И вот этот отросток? Гадость какая... и как вы им пользуетесь, такой дурацкой штукой... Впрочем, я видела, как ты умеешь ей работать.

– Тьфу! Перестань чушь нести! Тем более при моей жене!

– Извини, забыла... ситуация больно уж нервная. Марго, хватит плакать – он получил по заслугам. Успокойся! Андрей, куда труп денем?

– Сейчас открою окно – уноси его в море и выбрасывай. Акул покорми. Потом срочно возвращайся – светает. Скажешься больной... больным. Мол, голова кружится, болит – все подумают, что тебя удар хватил после возлияний. Будешь лежать, я тебе скажу, чего делать. Постепенно все наладится, не переживай.

Шанти растворилась в небе, унося свой отвратительный груз. На том месте, где лежал император Балрона, осталось лишь темное пятно.

Андрей сел рядом с Марго, которая с широко раскрытыми глазами застыла на кровати и смотрела в пространство.

– Наплевать, не переживай. Он заслужил то, что получил. Я бы сам свернул ему башку, если бы он тебя обидел. Вообще-то он был тварью, так что не жалко.

– Ты считаешь, Шанти справится? – Марго вздохнула и прижалась головой к плечу мужа.

– Не сомневаюсь. Она очень, очень умная девочка. И не бросит меня в беде. Слишком велика ставка.

– А драконы? Старейшины – если узнают?

– Когда-нибудь узнают, да. Но мы постараемся, чтобы попозже. Шанти придется сидеть в своей комнате месяцами, никуда не выходить, только подписывать указы. И пока они прочухают...

– Кстати, как она будет подписывать? Ты задумывался? Она писать-то не умеет, а ты – подписывать!

– Оставят документы, а я за нее подпишу. Образцы подписи есть, печать у секретаря, я неплохо рисую, так что все будет отлично.

Они несколько минут молчали, каждый думая о своем, потом Марго неожиданно сказала:

– Я беременна.

– Ты уверена? – приподнял брови Андрей.

– Вот ты смешной, – улыбнулась она. – Если я говорю, значит, уверена. У меня месячные должны были прийти давным-давно, их нет. Так что ты будешь отцом, дорогой мой. Только меня волнует вот что: ребенок не должен родиться вне брака. Давай поженимся? Или ты против? – Марго настороженно нахмурилась.

– Я не против, – сказал Андрей, о чем-то напряженно размышляя, – только давай отложим это. Ребенок не родится вне брака, я тебе обещаю. Но... в общем, дай-ка я подумаю, как это правильно сделать. Подумаю, подумаю...

Марго демонстративно легла в постель и отвернулась к стене – она обиделась. Муж не был счастлив, что она понесла от него, не побежал к священнику, чтобы срочно утвердить брак по всем церковным и гражданским правилам. Теперь она чувствовала себя несчастной и одинокой.

Андрей выглянул в окно – серый рассвет уже захватывал город, в очередной раз побеждая ночь. Шанти все не было.

Наконец огромная темная тень закрыла оконный проем, и драконица с шумом ввалилась в комнату, едва не оборвав занавески. Она была сильно раздражена и с ходу начала ругаться:

– Занавески бы хоть раздвинул! Не хватало мне запутаться и покатиться по испоганенному полу! Все, выкинула эту падаль! Все лапы вывозила в поганце, теперь сниться будет! И мне еще надо принять его облик? Ужас какой-то!

– Это еще что, – усмехнулся Андрей. – На днях ты в очередной раз женишься.

– Это еще что такое? На ком?! – поразились драконица.

– На Марго. И у тебя скоро родится ребенок, который будет твоим наследником. Ведь ты не вечен, Зарт. Люди имеют свойство умирать. И

когда ты умрешь – власть в свои руки возьмет вначале Марго, а потом ее сын.

– Ничего себе! – восхитилась Шанти. – Вы, люди, такие хитрые, изворотливые существа, что только диву даешься! Это же надо, как ловко ты все вывернул и проигрыш обратил в победу! То есть я, Зарт, умру, перед смертью провозгласив наследником своего ребенка? Пока он растет – править будет императрица Марго. А как вырастет ваш сын – станет императором! Великолепно! И воспитывать его будешь ты, принц-консорт, женившийся на вдовствующей императрице! Ты – гений, Андрей! Я тобой горжусь!

– И я! – пискнула Марго, вытаращенными глазами глядя на мужа и драконицу. – Я что, буду императрицей Балрона?

– Будешь, будешь, – заверил Андрей. – Только напрасно думаешь, что это легкое дело. Кстати, не вздумай теперь преобразовываться в Зверицу. Я не знаю, как твой организм при преобразовании отреагирует на беременность. Он может просто уничтожить ребенка.

– Меня беспокоит только один вопрос... – задумчиво протянула Шанти. – А если родится девочка?

– Значит, будем делать детей, пока не родится мальчик, – развел руками Андрей. – А вообще, есть у меня одна мысль. Понимаете, какое дело – на начальной стадии человеческого зародыш не мужского и не женского рода. Он и то и другое. И только развиваясь, он становится или мальчиком, или девочкой. Согласно исследованиям ученых, если сильнее гены мужчины – рождается девочка, если женщины – мальчик. Так что есть возможность на начальном этапе развития плода попробовать воздействовать на него через ауру матери, частью которой он является. Я попытаюсь это сделать в ближайшее же время.

– Ты так говоришь, как будто зародыш уже есть, – буркнула Шанти, – и осталось лишь... Что? Точно? – Драконица посмотрела на переглянувшихся друзей и фыркнула: – Негодяи! И они молчат! Ну и негодяи! Маргошка, как ты могла скрывать от меня такую новость?! Ну-ка, иди сюда! – Шанти схватила Марго, обхватила могучими лапами и неожиданно подбросила в воздух. – Ну-ка, полетай! По-здрав-ля-ю!

– Ой-ой! – заверещала Марго, а Шанти радостно зауехала, потом прижала подругу к чешуйчатой бронированной груди и с чувством сказала:

– Завидую твоему ребенку! У него будет тетка-драконица, вот кто еще из людей может похвастаться такими родственниками? Береги ребенка!

– Ну все, давай перекидывайся в Зарта, – улыбнулся Андрей, – успеете еще поболтать. Тебе теперь несколько месяцев нельзя будет выходить из

дворца и показываться на людях. Меня очень беспокоит то, что тебя могут узнать драконы. Теперь ты на виду.

– Скорей бы ребенок родился, – серьезно заметила драконица, – я очень не хочу находиться в этом неприятном облике, кроме того, боюсь подставить вас. Вдруг и правда старейшины меня отловят на вмешательстве в дела людей? Вас тоже это может задеть. Родится сын – мне поскорее надо будет «умереть». А тебе жениться на Марго. А что с настоящей императрицей будем делать? С той, что замужем за Зартом?

– Не убивать же ее, само собой – разведешься. Завтра же и начнешь процедуру подготовки к разводу. Надо будет вызвать патриарха и приказать, чтобы занялся разводом. Как я понимаю, тут это не проблема, император женился уже в третий раз. Теперь давай-ка ты принимай его облик и потренируйся в том, как он говорит. Нужно подобрать тембр голоса.

Шанти как будто размазалась в пространстве, и на месте здоровенной драконицы, заполнившей собой половину комнаты, оказался Зарт.

Император стоял обнаженным – решили, что одежду копировать не надо. На всякий случай. Чего-чего, а одежды у Зарта хватало, так что глупо изображать штаны, когда их можно просто надеть. Андрея даже немного покорило – лже-Зарт был так похож на настоящего, что по коже пробежали морозные мурашки. Казалось, сейчас как завопит: «На кол! Всех убить! Всех уничтожить!»

– Всех убить! Всех уничтожить! – неожиданно завопила Шанти.

Андрей вздрогнул и закашлялся, а Марго охнула и испуганно прижала руку к губам:

– Шанти, ты чего?! Я чуть не описалась от страха! Ты похожа на него как две капли воды! Аж жутко стало.

– А я чего... я ничего, – хихикнула драконица. – Сами же сказали – подобрать тембр голоса. Вот я и подобрала. Я же слышала, как он вопил на пиру. Я еще подумала тогда – с этим человеком мы много не поработаем, он идиот! Говорить Андрею не стала, но... в общем, хорошо, что так вышло. Ты молодец, Маргошка-императрица! И моя супруга. А спать мы вместе будем? Интересно было бы попробовать эту штуку...

– Я тебе задам – спать! – фыркнул Андрей. – Я тебе эту «штуку» оторву! Расхулиганилась, безобразница! Смотри, Марго, как дурное тело плохо действует на мозги и нравственность!

– Да я так... шучу, – довольно разулыбалась Шанти. – Вот еще не было печали – ковыряться у вас внутри. Не вижу в этом удовольствия. А вообще ты должен поучить меня, как положено вести себя мужчине. Я не имею в

виду туалет, – снова фыркнула она, – манеры, речь, все что угодно. Кстати, как мой голос, тембр?

– Хм... как ни странно, один в один, – удивленно ответил Андрей. – Голос Зарта, абсолютно точно. Ты молодец!

– А то я не знала, что молодец! – ухмыльнулась Шанти. – Я же тебе говорила, драконы ничего не забывают.

– У тебя тело в сто раз лучше, Андрей... – задумчиво протянула Марго, разглядывая голого Зарта, – и в целом, и в отношении некоторых... хм... частей. Шанти, ты точно его изобразила? Ничего не преуменьшила? Неужели он с такой маленькой штучкой прельщал всех этих баб?

– Ничего не преуменьшила, – хмыкнула драконица. – А что, чего-то ненормально? – Она раскорячилась и стала рассматривать себя со всех сторон.

– Ф-фу-у... иди в другую комнату и надень чего-нибудь! Смотреть противно! – сморщился Андрей. – Кстати, и правда придется тебя научить, как и что надевать. Хотя императора одевает камердинер, но все равно надо знать, что с чем надевать. А то подозрения возникнут. Он хоть и неряшлив был, но розовую рубашу с зеленым камзолом не надевал. Что же касается того, почему к нему лезли бабы, так на титул лезли, само собой. Да и деньги немаловажны. Он подарки делал, казну разбазаривал. Когда есть титул и деньги – какая бы маленькая и тощая штучка у тебя ни была, ты будешь желанным для женщин. Не для всех, но... для многих. На Земле не редкость, а скорее правило, когда рядом с богатым, но страшным, жирным, уродливым мужчиной, ну сущей помеси свиньи и орангутана, молодая, красивая девушка. Чего она ищет? Любви? Чушь. Род проституции, и ничего больше. Все, пошли – будем тебя одевать.

– Пригласи ко мне императрицу! – Голос Зарта был холоден, и на его лице попеременно возникало то выражение неприязни, то маска безразличия.

«Попроще будь! – укоризненно заметил Андрей. – Не переигрывай!»

Через десять минут императрица в сопровождении фрейлин уже входила в кабинет императора. Она также была холодна, и на напряженном лице светился вопрос: что опять задумал этот сумасброд?

– Я слушаю вас, ваше величество, – холодно-неприязненно проронила женщина.

– Я развожусь с вами, – просто сказал Зарт.

– Мотивация? – побледнев, спросила императрица.

– Отсутствие детей. Патриарх ждет в соседней комнате. По моему

приглашению он придет сюда, и нас разведут. У меня есть более перспективная невеста на место императрицы. Она точно подарит мне наследника.

– Будьте вы прокляты! Проклят будь! – Глаза императрицы метали молнии, а голос срывался от ненависти.

– Вы что, госпожа бывшая императрица, исчадие? Вы владеете магией проклятий? Похоже, вами нужно заняться инквизиции. Эй, вызови мне первого инквизитора... – Зарт повернулся к слуге, но императрица упала на колени и взмолилась:

– Пожалуйста, не надо! У меня просто вырвалось! Я не умею колдовать! – Ее глаза грозили выпасть из орбит, а лицо стало белым как мел.

– Да ладно, я пошутил, – легко согласился Зарт. – Извините, императрица, что так получилось. Вероятно, я виноват, что у нас с вами ничего не вышло. Говорят, если организмы людей не совпадают, то у них может не быть детей. Я вас не виню, но государственные нужды заставляют меня совершить то, что я совершаю. Не беспокойтесь, вас никто не обидит – все подарки, все драгоценности останутся у вас, все наряды, можете их забрать. С вас не упадет ни один волос – никаких заточений в монастырь. Можете выходить замуж, если найдется желающий вас взять, и жить как все люди. Одно условие – не распространяете порочащих слухов и не выдвигаете беспочвенных, глупых обвинений. Хорошо? Мы договорились? Или вы предпочитаете смерть на плахе за то, что прошлой ночью вы активно стонали под гвардейцем охраны по имени Юостан? Нет-нет, не падайте в обморок. Я не виню вас, я был слишком к вам невнимателен, груб и вел себя не очень порядочно, но все-таки вынужден вас предупредить: если начнете обо мне распространять какие-то слухи или строить заговоры – я вас уничтожу.

– Ну вот, теперь ты свободный мужчина и можешь заняться поиском невесты, – улыбнулся Андрей, с удовольствием поедая бутербродик с копченым лососем и запивая его красным вином.

– А чего ее искать, невесту-то? Марго, согласна ли ты... бла-бла-бла... замуж за Великую Шанти?

– Нет уж, за дракониц замуж не выхожу! – хихикнула Марго. – А за императора – хоть завтра!

– Завтра рановато, а вот послезавтра – в самый раз, – серьезно сказал Андрей. – Официально объявим о венчании, так что послезавтра ты станешь императрицей.

– Бывшая императрица была удивлена твоей речью, Шанти. По-моему, ты допустила ошибку. Не мог Зарт так говорить со своей женой. Я видел, как они общались. Он вел себя как последний скот. Я понимаю твоё желание как-то сгладить ситуацию – эта девчонка ни в чём не виновата, да. Но нельзя выходить за рамки. Зарт – самовлюбленный эгоист, умный, беспринципный, мастер интриги, но довольно неприятный, властолюбивый и жестокий тип. Можно, конечно, постепенно изменить его поведение, но только ненамного. Не выходи из образа.

– Извини, увлеклась. Мне чего-то жалко стало эту девку, – усмехнулась Шанти. – Учту. А церемонию венчания где будем проводить? Пир будем устраивать?

– В дворцовой часовне. Венчает патриарх. Пир? Да, надо бы пир, иначе дворяне не поймут. Но только для своих. Надо же показать императрицу. А народу – выкатить бочки с пивом, вином, разбросать медяков, озвучить имя императрицы – пусть знают, кто теперь сидит на престоле. Ну что же, всё пока идёт отлично, друзья. Дай Бог и дальше, чтобы так хорошо всё шло! – Андрей улыбнулся и поднял бокал с вином, салютуя своим самым близким в мире существам.

Глава 8

– Это вот тут! Еще немного, и мы на месте. Заворачивай, заворачивай! Тпру-у-у! Чертов город! Вечно тут путаешься, путаешься в улицах – разъехаться проблема. Одно слово – столица. – Федор бросил кнут в фургон, соскочил с подножки и тут же скривился от боли – рана иногда давала себя знать, хотя с момента ранения прошел уже месяц с лишним. Или два... да, два месяца.

По дороге пришлось останавливаться на лечение в одной из деревень – рана воспалилась и у Федора началась лихорадка. Лечение у опытного лекаря встало в неплохие деньги. Благо, что денег у него оставалось более чем достаточно. Кроме того, было и несколько побрякушек из бандитского сундучка, каждая из которых стоила столько, что он мог купить за эти деньги приличный дом в столице. По крайней мере, ему так казалось.

Долгой была дорога к столице, очень долгой. Впрочем, главное, что Алена и Настенка были с ним. У Алены уже вырос заметный животик, и Федор иногда радостно прикладывал ухо, чтобы услышать, как ребенок внутри бьет ножкой и скребется, а жена со смехом его отпихивала: «Дуралей! Да ему еще времени-то совсем мало! Чего ты там услышишь?!» Но Федор истово утверждал, что слышит оттуда шорохи, а иногда ребенок стучит ладошкой – мол, привет, папа! И тогда Алена и Федор весело хохотали. К ним присоединялась Настенка – она не понимала причины смеха, но почему и не похохотать, если родители смеются?

Так что путешествовали они весело, хорошо и приятно. Ну да – и дожди, и пыль, и нудная дорога. Но бывает же и хуже. Они могли остаться лежать в придорожной канаве изуродованными трупами. Так что не надо гневить Бога и сетовать на судьбу, живы, здоровы, деньги есть, будущее есть – все в порядке.

Все-таки они добрались до столицы Балрона. Через преграды, через кровь, смерть, дожди и грязь, пыль и ветра – Федор истово перекрестился, когда они миновали ворота города и он завидел золотые купола церквей. Алена тоже осенила себя крестом – неумело, размашисто, ведь ее не научили молиться Богу, креститься – вера в Бога под запретом в Славии.

Через вереницу узких, мощенных булыжником улиц, через толпы прохожих и скопления телег они все-таки пробились к цели своего путешествия – трактиру, в котором договорились с Андреем оставлять сообщения друг для друга.

Не виделись друзья давно – больше двух месяцев, и Федор не знал, что случилось с Андреем и Шанти. Последний раз он видел драконицу через день после того, как его ранили, и с тех пор известий об Андрее и о его крылатой подруге у него не было. На сердце у Федора было беспокойно – при энергичном характере Андрея, учитывая его цель, с которой тот пришел в столицу Балрона, он обязательно должен был влипнуть в какие-то неприятности. Впрочем, на этот счет Федор особенно не переживал – с такой подругой, как у Андрея, драконицей, способной разогнать целый полк, друг не пропадет.

Федор толкнул дверь в трактир и с удовольствием увидел, что в обеденном зале почти никого нет. Ему не хотелось толкотни, тем более что он был с Настенкой, и шум, гам, пьяные физиономии – не та обстановка, в которой следует кормить ребенка.

Трактирщик за стойкой меланхолично наблюдал за сидящими в углу двумя собеседниками, бурно обсуждающими некую животрепещущую проблему и размахивающими руками, как мельницы. Немного выждав, он крикнул:

– Эй вы, спорщики! Потихе, идите шуметь на улицу!

– Кому мы мешаем?! – возмутился один из мужчин. – Все равно пусто! Радуйся, что хоть мы зашли.

Трактирщик угрюмо отвернулся к стене, решив, что лучше не распугивать посетителей – хотя бы эти двое зашли, а то вообще уж тоска.

– Что, мало посетителей? – осведомился Федор, подходя к стойке.

– О! Здорово! Какими судьбами? С караваном? Что-то непохоже – без оружия, без кольчуги... – Трактирщик оживился, узнав Федора.

Он не раз и не два общался с ним, когда тот приходил в столицу с караванами. Охранники караванов частенько зависали в трактире, а хороший трактирщик должен узнавать своих постоянных гостей – им приятно, что их знают, привечают. Другой раз снова остановятся у него. Этаким нехитрым маркетинг.

– Нет, переезжаю сюда, в Анкарру, жить, с семьей переезжаю. Что-то надоела мне Славия. Совсем от исчадий житья не стало.

– Слышал, слышал, – сочувственно покивал трактирщик, – не ты первый, не ты последний. Говорят, оттуда снова массово пошли переселенцы. Скорее всего, границу скоро закроют. Эдак в Славии останутся одни исчадия да знать. Надо же соображать – ну нельзя так народ зажимать! Впрочем, у нас тут не лучше – нет исчадий, так своего дерьма хватает. Ты немного не вовремя решил переселиться. У нас гражданская война намечается, слышал? Нет? Ага, есть такое дело. Гортус, бывший

победитель турнира, войско собирает на столицу идти, законного императора свергать. Видишь, у меня тут тишина? Как на кладбище... Во время турнира, представляешь, тут протолкнуться негде было! Дополнительные столы приносил, стулья, все комнаты забиты были! А сейчас все комнаты свободны. Может, хочешь занять одну? Я тебе скидку сделаю, как старому знакомому. Ну что? Как ты? Будешь комнату снимать? – с надеждой спросил трактирщик, заглядывая Федору в лицо.

– Не знаю. Пока не знаю. Я только что приехал в город, еще не определился, – вздохнул Федор. – Вот пообедать у тебя точно пообедаем. Я с женой и ребенком – сообрази нам чего-нибудь на стол, хорошо? Ребенку четыре года, так что чего-нибудь молочного, каши можно, попить чего-нибудь. Ну и нам чего повкуснее. Я люблю острые блюда – ты мне хорошенько поперчи. И вот что – мне ничего не оставляли? Письма? Записки?

– Ох, демон меня заberi! Тебя же письмо дожидается! Сказано передать лично в руки! Сейчас найду. Давно дожидается ведь... – Трактирщик шагнул к полке за рядами бутылок и кувшинов и стал рыться, ругаясь под нос и роняя пустые кружки.

– А кто принес? Худощавый мужчина лет тридцати? – на всякий случай осведомился Федор.

– Нет, посыльный – важный, на глазу повязка, лицо со шрамом. Мальчишка лет девятнадцати. Суровый такой, молчаливый, как будто и не молодой парень, а инквизитор какой-то. А! Вот оно! Держи! Видишь, на нем императорская печать! Это чего вдруг тебе, иностранцу, оставляют письма из канцелярии императора? Ты что, балронский шпион? По заданию был в Славии?

– Это известно только мне и императору! – Федор многозначительно подвигал бровями. – Ты там насчет обеда поскорее, а то есть хочется. Ты же не хочешь императорского человека заморить голодом?

Федор просто хохотал в голос – про себя, – внешне он был торжествен и спокоен, как статуя. Комизм ситуации заключался в том, что ни он, ни трактирщик не знали, насколько он был близок к истине. Человек императора Балрона...

«Улица Побочная, дом семь – синий забор, зеленые ставни. Там тебя ждут. Все остальное при встрече. Твой друг Андрей». Федор раз за разом перечитывал письмо, недоумевая – ну какого черта Андрюха не написал поподробнее?! Рука бы отсохла, что ли? Что с Шанти, где Антана, что вообще тут происходит, в стране? Впрочем, на то и трактирщик, чтобы все знать. Ведь трактир не только и не столько место, где едят и выпивают, но и

своеобразный источник информации, откуда расходятся слухи и где аккумулируется вся информация о происходящем в мире.

Федор посмотрел на довольные физиономии Алены и Настенки, поглощающих свой обед, взял кружку и махнул трактирщику, наблюдавшему за их столом:

– Эй, Сунар, иди сюда, поболтаем! Может, тоже кружечку пива пропустишь? На улице жарковато, давай выпьем, я оплачу твое пиво!

Трактирщик махнул рукой подавальщице и, ухмыльнувшись, сел напротив Федора, пересевшего за соседний стол, чтобы не мешать обедать своей семье. Сам он ел очень быстро, по-солдатски, и, пока те мусолили первое блюдо, съел все, что было, и перешел к пиву.

– От дармовой выпивки никто не откажется, – усмехнулся Сунар. – Что хочешь спросить? Ты же не так просто меня позвал?

– Ага. – Федор улыбнулся в пшеничные усы, отпивая из кружки и стряхивая белую пену. – Хорошее у тебя пиво, густое.

– Скоро не будет такого хорошего, – нахмурился трактирщик, – будем пить северное жидкое пойло, да и то – будем ли? Если Гортус захватит столицу, много голов полетят. Они вообще хотят, по слухам, перенести столицу куда-то на юг, в свой город. А пиво это с юга везут. Теперь привоза нет. Последки допьем, и каюк. Говорят, скоро начнутся перебои с зерном – все южные провинции закрыты, дороги перерезаны войсками Гортуса.

– А чего этот самый Гортус так ополчился на императора? – с интересом спросил Федор. – Чего ему надо? Кто он вообще такой?

– Ну как чего? Власти. Хочет сесть вместо императора на трон. Он сын покойного советника Карлоса. Того убил спятивший первый инквизитор, типа за ересь и пособничество исчадиям. Инквизитору отрубили башку, сын остался. Все бы ничего, но он в очередной раз принял участие в турнире. И вот когда он дошел до самого конца и встретился в бою с Андреем, то оказалось, что он оборотень!

– С кем, с кем встретился? Кто оборотень? – поперхнулся пивом Федор.

– Гортус, конечно! Когда Андрей стал его побеждать, тот не выдержал, обратился в зверя и набросился на него. Если бы не гвардия – растерзал бы, наверное. Хотя... кто знает. Андрей очень, очень ловко обращается с саблей. Может, и отрубил бы башку зверюге?

– Да кто такой этот самый Андрей?! – не выдержал Федор. – Демон с ним, с Гортусом. Что за Андрей такой?

– Ты не знаешь Андрея? – поразился трактирщик и спохватился: – А! Забыл! Ты же славиец. Андрей – первый после императора. И то Зарта

давно уже на людях никто не видел – по его указу приемом просителей, разрешением жалоб на официальных приемах занимаются Андрей и императрица. Император все время болеет – говорят, что на него наслали проклятие исчадия, вот он и не выходит на люди. Кроме того, на него были покушения исчадий, и после этого он стал бояться за свою жизнь. Так что на людях появляются или Андрей, или императрица Антана.

– Кто?! – закашлялся Федор. – Какая такая Антана?

– Обычная Антана, – недоумевающе хмыкнул трактирщик. – Имя как имя. Говорят, дочь пропавшего купца Марка Нетурского – был такой, довольно известный, богатый, потом пропал. Дочь обнищала, вроде как у нее дом отнимали за долги отца. Потом она откуда-то выплыла, да не просто выплыла, а невестой императора! Все были в шоке. А кто может императору сказать хоть слово? Он женится на тех, на ком хочет. Кстати, уже в четвертый раз. Прежних жен прогнал – они ему наследников не дали. А вот Антана – та уже беременна, лекари обследовали, говорят – беременность, определено. Так что все злые языки, твердившие, что император бесплоден, заткнулись.

– Ты про Андрея, про Андрея расскажи! – жадно попросил Федор. – Что за человек, откуда взялся, что о нем говорят?

– Откуда взялся? Никто не знает. Пришел на турнир вроде как откуда-то из северной провинции. И вдруг выигрывает турнир! Император его приближает к себе – в принципе он всегда так делал, приближал победителей турнира. Но то, что случилось потом... никогда такого не было. Андрей становится первым советником императора. Прежние все погибли во время покушения на Зарта. Так что теперь император пользуется советами только одного человека – Андрея. Ничьих советов не слушает. Так-то я бы не сказал, чтобы стало хуже, – лучше, это точно. Говорят, император даже перестал кутить – раньше он каждый день пировал, развратничал да охотился. Теперь занимается государственными делами. Может, болезнь подействовала, а может, советник так на него влияет. Но вообще-то все довольны. Изменений много. По улицам патрулирует стража, теперь не надо давать взятку, чтобы нашли преступника, – если стражник откажется принимать жалобу, его лишают жалованья или выгоняют. Инквизиция изменилась – костры с пособниками исчадий ушли в прошлое, раньше каждую неделю сжигали по десятку человек, не меньше. Теперь никого не сжигают. Даже на улицах стало чище. Теперь стали фонари устанавливать на улицах – службу фонарщиков завели. Люди довольны – раньше можно было вечером ноги переломать сослепу, а теперь можно погулять с подружкой, благо что и стражники

рядом, да и шпану прижали, перевешали кучу авторитетов. Не знаю, как они их вычислили, но человек сорок самых отъявленных бандитов недели две раскачивались на веревках. И на каждой табличка: «Я грабил и убивал мирных жителей столицы – плюйте на мой труп!»

«Узнаю Андрюху! – хмыкнул про себя Федор. – Он всегда отличался выдумкой, во всех делах».

– После этого, – продолжал Сунар, – те бандиты, кто уцелел, или свалили из города, или занялись мирной деятельностью... Вон Ягула раньше в банде верховодил – теперь мясную лавку открыл и лавку деликатесов. Говорит, дела идут на удивление хорошо. Собирается ресторан открывать... Началась мобилизация рекрутов из провинций – формируют новые полки, говорят – будут давать им новое оружие...

– Какое новое оружие? Что за оружие? – встрепенулся Федор.

– Никто пока не знает! – заговорщицки шепнул трактирщик. – Строят огромные мастерские за городом, возле реки. Огородили стеной и строят, строят, строят – днем и ночью. Нагнали рабочих – море. Там же кормят, поят, там они и живут. Выгнали всех заключенных на стройку – теперь уже без суда месяцами не содержатся. К судье – и сразу на стройку, отрабатывать за преступление. Ну если, конечно, преступление не тяжкое. За убийства и что-то подобное на стройку не отправляют – сразу на виселицу. Кстати сказать, в тюрьмах теперь чисто, нормально кормят и не избивают. Говорят, Андрей посетил тюрьму, увидел, как там содержат людей, и самолично избил до полусмерти троих надзирателей, на которых жаловались, что те занимаются истязаниями заключенных, – еле уползли. Правда, недалеко. Их посадили в камеру с заключенными. На ночь. Утром нашли повесившимися. Говорят, они нехорошими вещами занимались – взятки брали всем чем угодно. С жен заключенных даже натурой, если денег не было. В общем, поделом им, никто в городе не пожалел.

– Так что за оружие-то? – прервал рассуждения о возмездии надзирателям Федор. – Какое такое оружие?

– Говорю тебе, не знает никто! Секрет! Андрей спелся с мастером Надилом – тот известный механик и любитель всяких чудес, и его подручные такие же. И вот они чего-то там чудят. Алхимиков задействовали – всех собрали, со всего города и из других городов. Литейщиков согнали – льют какие-то трубы, шары чугунные. Алхимики сидят за забором, их тоже никуда не пускают. А если выходят – за ними специальный стражник следом ходит, да не один! Следят, чтобы их не обидели и чтобы язык по пьянке не распускали. В общем, творится чего-то странное.

Рассказывали, несколько шпионов Гортуса пытались проникнуть на завод – поймали и повесили на городской стене. Теперь никто не рискует туда залезть. У алхимиков работают заключенные, совершившие тяжелые преступления, – говорят, там опасно. Уже два раза было – ка-а-ак жахнуло! Будто молния и гром! Несколько заключенных убило, опять же по слухам. Император издал указ: все запасы серы, селитры объявить государственной собственностью. Везде строят селитреницы – вонь стои-и-ит... Зато многие крестьяне получили возможность неплохо заработать – на дерьме! Ее же из дерьма добывают. Раньше только для шутих использовали, а теперь вон чего – как-то из нее оружие делают. Государство скупает селитру, металл, серу – сразу цены на серу поднялись, купцы стали задирать, раз скупают. Но император издал указ – покупать по цене такой, какая была до повышения. Купцы попрятали серу, так он стал вызывать их к себе, и тех, кто прятал и лгал, что серы нет, выпороли на городской площади. Теперь ни один купец не рискует идти против императора. Знаешь, теперь у нас стало жестко как никогда, но самое смешное – стало легче. И поборов меньше – чиновники боятся, и порядка больше. А! Забыл сказать – выгнали каждого третьего священника! Инквизиция собрала сведения, и всех, кто позорил церковь, поперли, и с треском, не обращая внимания на заслуги и возраст. Всю пьянь, всех сластолюбцев и мздоимцев – всех выперли. Идет набор в семинарию, вторую открыли. В общем, перемены у нас – к добру ли или к злу, не знаю. – Трактирщик устало вздохнул. – Пока что для меня хорошего мало. Посетителей нет – все боятся войны, караванов мало, приезжих мало. Если так дальше пойдет – неизвестно как буду жить.

– Да-а-а... картину ты мне нарисовал интересную... очень даже интересную. Ну ладно, спасибо тебе за рассказ, за хороший обед – поедем мы. Извини, комнату снимать не буду – друг меня зовет, надо ехать. Подскажи, где это такая улица – Побочная?

– Поедете направо, мимо пожарной каланчи, свернете...

Трактирщик проводил взглядом семью Федора и вздохнул: женщина смотрела на этого мужика такими влюбленными глазами, что становилось завидно. А ведь он ненамного младше его самого... и как вот таким мужикам, тертым и выдавшим виды, потрепанным жизнью, достаются эдакие красавицы? Да еще любящие их пуще жизни – видно, как она просто тает от его взгляда. Да и он буквально светится, как взглянет на жену... но он-то понятно, баба лет на двадцать его моложе, но она-то, она чего нашла в этом охраннике? Седые усы, еще крепкие плечи – вот и весь капитал. А ему, Сунару, досталась сварливая уродина, целыми днями

пожирающая пирожные и толстеющая не по дням, а по часам! И дочки такие же растут – скандальные, сварливые. Спихнуть бы их скорее замуж. Только приданого нужно будет много дать, чтобы глаза жениху завесить шелками да тугим кошельем. Много, много приданого...

Трактирщик снова вздохнул и, занятый своими мыслями, не заметил вошедшего в зал человека. Только когда тот кашлянул, Сунар очнулся от мыслей и сразу нахмурился: человек был огромен – как ярмарочный силач. Его мощные руки обвивали узлы мышц, но больше всего напрягло трактирщика лицо прищельца – изборожденное шрамами, со сломанным носом и прижатыми к черепу ушами. Человек явно побывал во многих переделках и вышел из них живым, но его словно пропустили через мясорубку. Такие бывают трактирными вышибалами или... бандитами.

Сунар автоматически бросил взгляд в угол, где должен был сидеть вышибала, но того не было – он отпустил его до вечера. Все равно посетителей нет, чего зря стул просиживать. И теперь Сунар об этом пожалел.

– Не беспокойтесь, – неожиданно мелодичным голосом сказал прищелец и улыбнулся, отчего его лицо стало еще страшнее, – мы просто ищем место, где переночевать, и желаем хорошо пообедать.

– Кто это мы? – настороженно спросил трактирщик, сжимая в руке здоровенный тесак, лежащий под стойкой.

– Моя семья и моя хозяйка с приемной дочерью. Нам нужно две комнаты, а сейчас – хороший обед.

Рука трактирщика разжалась, и тревога отпустила сердце. Он незаметно вытер пот со лба, а прищелец открыто улыбнулся:

– Да не переживайте вы, я трактирный вышибала, а моя хозяйка владела таким же трактиром, как ваш. Мы из Славии. Вот, бежим от преследования исчадий, еле ноги унесли. Теперь будем устраиваться в столице.

Дверь распахнулась, и вошли две женщины. Одна молодая, невероятно красивая, как ангел с иконы, с девочкой на руках, вторая постарше – около тридцати лет, тоже красивая, но по-другому, ее красота немного увяла, может, от времени... может – трактирщик заметил ее живот и отеки вокруг глаз – беременная.

«Что-то просто нашествие беременных из Славии, – оторопело подумал Сунар. – Вторая семья беженцев из Славии, и тоже женщина беременна. Интересно, в этом есть какая-то примета? К чему бы это?» Трактирщик был суеверным и верил в различные приметы и предзнаменования. Возможно, к этому его приучила супруга, целыми

днями сидевшая дома и гадавшая на картах. Как говорится – с кем поведешься, от того вшей и наберешь.

– Мама Олра, мама Олра! Вещи заносить? – В дверь вбежала голубоглазая девочка лет девяти-десяти и, запыхавшись, подбежала к женщине постарше. – Я сейчас принесу, ты посиди, тебе трудно ходить!

– Какая у вас дочка заботливая, – улыбнулся трактирщик.

– Да, что есть, то есть, – широко улыбнулась женщина, открыв великолепные белые зубы. – Доченька, не нужно! Никат сейчас принесет все, а то надорвешься! – Улыбка ее увяла, и женщина устало сказала: – Наконец-то добрались. Думала, сдохну в дороге. Я и без живота-то терпеть не могла ездить в фургонах, а беременной это совсем не с руки. Уважаемый, можно у вас получить ванну с горячей водой и мыло? Впрочем, мыло у меня свое. Ванну и горячей воды.

– Конечно, сейчас я прикажу затопить печь в мойне. Но если не хотите ждать – есть теплая вода из емкостей на крыше, она за день уже хорошо прогрелась, так что не замерзнете. Вам выдать полотенца?

– Нет. Все свое есть, – отмахнулась женщина. – Асора, пойдем смоем с себя дорожную пыль. Девочки, пошли! Никат, принеси, пожалуйста, красную большую сумку, там банные принадлежности. И еще мешок с синими узорами. И девочкам своим захвати, не забудь. Уважаемый, минут через сорок подадите обед, хорошо? И комнаты нам подготовьте. Не беспокойтесь, деньги у нас есть.

Вскоре посвежевшие, благостные, переодетые в чистую одежду, слегка помятую в дорожных сумах, путешественники сидели за столом и с наслаждением ели.

– Мне все время кажется, что пол подо мной качается, – пожаловалась жена Никата, – и в ушах скрип колес...

– Не хочу есть, – отодвинула тарелку Олра. – Как подумаю, чтобы взять кусок в рот, меня тошнит. Простите, меня даже от запаха выворачивает. Я, наверное, пойду в свою комнату.

– Бедненькая, – искренне посочувствовала Асора, – меня тоже выворачивало, когда я была беременной, оба раза мучилась. То тошнило, то хотелось съесть чего-то странного – я мел, например, грызла. А то еще – хочу вот редьку, и все тут. Аж трясусь, как ем! Или, бывало, истерику закачу – Никату доставалось от меня, только держись! – Асора рассмеялась и встала. – Тебя проводить?

– Сиди, – отмахнулась Олра. – Я пока с трактирщиком поговорю, потом пойду наверх. Дирта, деточка, сиди, сиди!

– Мама Олра, я с тобой! С тобой лучше пойду. А то ты упадешь и

повредишь братика. Или сестренку. Потом снова надо будет делать. А где мы отыщем дядю Андрея? Придется с другим дядькой делать!

– Ой, я не могу! – Олра не выдержала и расхохоталась. Потом посерьезнела и приложила палец к губам. – Тсс! Дочка, ничего и никому не говори про дядю Андрея, слышишь? Это наша тайна. Никто не должен знать, что ребеночек от него. Дочка, запомни это, а то может быть беда! Помнишь, мы убежали от злых людей, что искали дядю Андрея и пришли к нам, а дядя Никат их убил? Так вот, нас могут найти и здесь, так что молчи!

– Да, мама Олра! – Дирта доверчиво прижалась к животу женщины, а та погрустнела и тихо пробормотала:

– Ну и дура же я! Дура, дура, дура! Упустила свое счастье... Уважаемый, – сказала Олра громко, – можно с вами поговорить?

– Конечно, конечно, – заторопился довольный трактирщик. – Хотите, чтобы я показал вам вашу комнату? Пойдемте! Самые лучшие комнаты для вас!

– Погодите. Мне поговорить с вами надо. – Олра тяжело уселась на стул. Срок в общем-то был еще невелик, но чувствовала себя женщина преотвратно. Отец ей рассказывал, что мать Олры, когда вынашивала ее, тоже сильно страдала.

– Что хотели узнать? – с готовностью спросил Сунар, располагаясь на стуле напротив.

– Почему у вас тихо? Я сама много лет держала трактир, и чтобы было так пусто, да в столице... это удивительно.

– Войну все ждут. Скупают продукты, а на что другое деньги тратить боятся. Караванов стало меньше, так что и нет никого. Тут вот какое дело... – Трактирщик вкратце рассказал о противостоянии Юга и Севера, о назревающей гражданской войне и о том, кто будет задействован в войне.

Олра слушала, ничем не выдав своих чувств, и даже при упоминании имени Андрей удержалась от вскрика и заставила себя спокойно дослушать рассказ. Скоро ей стало понятно, что происходит в городе. Ее интересовал только один вопрос:

– Скажите, а вот этот самый советник... Андрей, он женат? У него есть женщина?

– Хм... тут вопрос сложный и непонятный. – Сунар замолчал, как будто пытался собраться с мыслями.

– Что тут непонятного? – усмехнулась Олра, чувствуя, как колотится ее сердце. – Или женщина есть, или ее нет.

– Понимаете, какая штука... нынешняя императрица, как говорят люди, бывшая жена Андрея.

– Это как так? Император взял в жены жену своего советника? – недоверчиво переспросила женщина. – Это же чушь собачья!

– Ну, во-первых, император может все. На то он и император, – пожал плечами Сунар. – Во-вторых, как говорят – сам-то я точно не знаю, – Антана с Андреем были не венчаны. А значит, официально она ему не жена. Перед Богом и людьми. А вот с императором она венчана. И разлучить их может только смерть. Или же патриарх – совершив обряд расторжения брака. Андрей, говорят, жил с ней несколько месяцев. А потом привел во дворец и вроде как отдал императору. Злые языки говорят – продал за должность первого советника. Это не я, не я так говорю – заторопился Сунар, – вы меня спросили, я вам рассказал, не надо сердиться!

Олра перевела дух – она и вправду чуть не ударила трактирщика за то, что он плохо сказал об Андрее. И сама удивилась: неужели до сих пор так любит Андрея? И тут же дала себе исчерпывающий, откровенный ответ – да. За него она готова драться, как сука за кобеля. И то, что у него нет женщины, жены, привело ее в прекрасное расположение духа.

Андрей взял со стола двуствольное ружье, сдвинул в сторону запирающий рычаг, и оно мягко переломилось. Ствол блестел в солнечных лучах, и от ружья пахло маслом.

– Ну что, пробуем?.. – нерешительно пробормотал Андрей и взял из ряда стоящих на столе цилиндриков два патрона. – Как думаешь, не разорвет?

– Не разорвет. Можешь пробовать, не бойся, – усмехнулся Надил, – мы проверили. Заряд в самый раз. С этого ружья отстреляли уже около сотни патронов – все в норме. В первый раз тоже боялись – закрепляли в тиски и дергали за веревочку, нет, все в порядке, стволы держат. В этих патронах картечь, как ты ее назвал. Сантиметровые свинцовые шарики. По мишени их еще не пробовали, так что честь первого выстрела в цель принадлежит тебе. Ты же изобрел это оружие, так что начинай!

Андрей защелкнул стволы и еще раз осмотрел оружие. Оно напоминало тульскую курковку-бээмку, только гипертрофированную, как будто увеличенную раза в два.

Если бээмки были легкими, для юношей и женщин, то это ружье было для крепкого, сильного мужчины. Широкий приклад, два ствола восьмого калибра. Ружье чем-то напоминало штуцер для слоновьей охоты – Андрей видел такие на картинке. Насколько он знал, эти сверхмощные штуцера ударом пули останавливали слона, сажая его на зад. Только вот это был не

штуцер, увы. Они долго бились над нарезкой ствола, но так и не смогли решить эту задачу – пока не смогли. Пришлось на время отказаться от этой идеи, тем более что сроки поджимали. Нужно было гнать поток, вал ружей, и сейчас не до усовершенствования. Все будет, но позже.

Андрей приподнял ружье – вес его был восемь килограммов с небольшим, а у ружей для пехотинцев еще больше – десять килограммов. Это были довольно тяжелые штуковины, и носить их должны сильные мужчины. Впрочем, и женщины. Андрей указом императора снял ограничения на службу женщин в армии. Теперь они могли не только служить, но и занимать офицерские должности.

– Ну что, пробуем? – возбужденно спросил Надил. – Хочу увидеть в действии эту штуkenцию! Андрей, давай, не томи!

Монах приложил к плечу эту «фузею» и нажал на спуск. Эффект был таким, как будто в плечо ударило копыто лошади. У забора, на крепко сколоченных столах лежали кувшины с отбитыми ручками, какие-то чугунки – удар крупной картечи взметнул эту посуду в стороны и вверх, раздробив на куски, с визгом от ricochetив от каменной стены.

Клуб дыма на мгновение закрыл «поле боя», а когда улетел, отброшенный порывом ветра, стали видны ошеломленные лица Надила и трех его помощников-механиков. Даже Андрей не ожидал такого эффекта – это ружье било как небольшая ручная пушка, и он даже подумал о том, не слишком ли большой калибр они замахнулись делать. Потом решил – нет, нормально. Пойдет.

– Придется в стрельцы брать самых сильных мужчин, – сказал Андрей и потер плечо, – отдача очень велика. И надо подумать, чем защитить плечо – требуется что-то типа небольшой стеганой накладки. Иначе после долгой стрельбы плечо будет синим и распухнет.

Надил долго молчал, глядя на ружье, потом перевел взгляд на Андрея и потрясенно сказал:

– Ты понимаешь, что ты сделал? Теперь войны превратятся в страшные мясорубки, будут убивать сотнями тысяч, миллионами, и страшнее всего – эту штуку может применять любой крестьянин! Направил ее в сторону врага, нажал спуск – и нет противника. И не спасут ни кольчуги, ни броня!

– Подожди еще, – хмуро ответил Андрей, – ты увидишь, как работают пушки. Вот там действительно серьезно. Все равно кто-то до такого бы додумался, почему не мы? Мне удивительно, почему не сделали раньше. Ты не задумывался над этим? Ведь на самом деле порох давно известен – в шутихах же его применяли и раньше. Почему никто не додумался до

военного применения?

– Не знаю, – пожал плечами Надил, – мало ли кто до чего не додумался. Я удивлен, что ты как будто бы сразу знал, как надо делать ружье. Весь механизм. Все подробности – даже изготовление капсюлей! Это же невозможно. Откуда ты узнал? Как смог догадаться, что нужно делать именно так?

– Уснул, проснулся, а уже знаю. Наверное, Бог вложил знания в голову, – усмехнулся Андрей. – К делу: давайте-ка попробуем, какова эффективность выстрела. С какого расстояния эффективнее всего палить по врагу?

Андрей отошел метров на пятьдесят, насыпав в карман несколько патронов. Они были сделаны из плотной бумаги наподобие картона. Завод по производству бумаги для изготовления гильз строился неподалеку. Увы, бумажное производство портило экологию вокруг столицы, но Андрей, как и все люди, заботился о нынешнем дне, а что будет завтра – это уже... Впрочем, он планировал очистные сооружения, но только после того, как наладит производство. Сейчас ему нужна была бумага для патронов, и как можно больше. Они конфисковали всю бумагу, что смогли найти, задействовали все частные мастерские, но бумаги все равно не хватало. Патронов требовалось очень, очень много.

Бах! Бах! – картечь со свистом полетела к стене и выбила облачко пыли из раствора.

– Кучность упала, – кивнул Андрей, – эти короткостволы нужно использовать на расстоянии до пятидесяти метров. Дальше уже менее эффективно. Дайте-ка мне пару патронов с пулями!

Помощник Надила подал Андрею патроны, и тот, резко переломив ружье, выбросил отстрелянные гильзы из ствола. Эжектор сработал безупречно, и Андрей порадовался, что сразу заложил его в конструкцию ружья – это увеличивало скорострельность в разы, что особенно важно в бою, когда дорога каждая секунда и на тебя мчится куча врагов.

Патроны с глухим звуком исчезли в стволе, ружье закрыто, и Андрей стал выцеливать мишень. Выстрел! Пуля с глухим стуком ударила в деревянный щит, проломила его и расплющилась о стену. Толщина дубового щита была сантиметров десять, и Надил задумчиво сказал:

– Врежется такая штука в латы, и если не пробьет, то точно вонзится внутрь. Ребра вдребезги, кишки вдребезги.

– А если туда вставить стальной сердечник? – усмехнулся Андрей. – По технологии ведь не очень сложно?

– Совсем не сложно. Нужно заранее в форме перед заливкой свинца

укрепить стальной стержень. И тогда – смерть рыцарю. Пуля пройдет навывлет, разнеся все на своем пути.

– Делайте их вытянутыми и с бороздками по бокам, в виде винта – когда они пойдут через ствол, то будут закручиваться и устойчивее будут держаться в воздухе. Точность выше, а значит, дальность выстрела больше. Учтите это.

– Учтем! – с готовностью кивнул Надил. – Попробуй пехотные ружья – у них ствол в полтора раза длиннее. Может, для них другие патроны делать? Помощнее?

– Ни в коем случае, – помотал головой Андрей, – только единый патрон. Кончатся патроны – можно взять у товарища. А если патроны разные – куда ты его засунешь? Нельзя этого делать. – Он взял длинноствольное ружье, прикинул на вес и вздохнул. – Надо придумать какие-нибудь сошки для стрельбы стоя. Тяжелые ружья.

– Пусть мышцы тренируют! – усмехнулся Надил. – Может, им еще и кровать с женщиной предоставить?

– Тоже верно. Ну-ка, попробуем...

Пехотное ружье уверенно било картечью с семидесяти метров, и довольно кучно. Кстати сказать, отдача от него была меньше – вероятно, потому, что вес ружья был больше. Андрей остался доволен результатом. Пока они занимались проектированием и изготовлением только лишь ружей – до пистолетов дело не дошло. Хотя что есть пистолет? То же ружье, только с коротким стволом. Все штука в том, что эффективность пистолетов в сравнении с их земными собратьями была бы гораздо меньшей. До тех пор, пока не будет запущен в производство нитропорох и налажено производство нарезных стволов. Впрочем, это дело ближайшего будущего.

Первые образцы нарезных короткоствольных штуцеров должны были выйти уже недели через две. Они были похожи на земные обреза: короткие стволы, рукоять и больше ничего. Их можно будет использовать спецслужбам и офицерам, для них в общем-то они и делались. В массовое производство нарезные стволы пока что не пустили – никак не могли наладить нарезку в стволах. Впрочем, Надил обещал в ближайшие недели все решить.

Андрей верил – решит. Этот мужчина, почти старик, горел огнем, сжигающим его изнутри. Огнем любопытства, огнем инженера-экспериментатора. Ему и деньги-то были не особо нужны, хотя он и любил вкусно покушать и приятно выпить. Денег у него хватало. Ему хотелось все успеть, все попробовать, изобрести новые и новые машины, построить их,

испытать. Он не задумывался о результатах внедрения своих изделий в жизнь людей – для него главное было изобретать, мастерить.

И только ружья Андрея заставили его задуматься о том, что же они вносят в мир. Впрочем, ненадолго – его мысли снова перескочили на технические вопросы, и он уже яростно спорил со своими помощниками, такими же фанатиками своего дела. Один из них был его сыном, другие – выходцы откуда-то из глухих деревень. Надил приблизил их к себе, заметил выдающиеся способности к инженерному делу. Это было оружейное конструкторское бюро, ответственное за разработку оружия.

Андрей нарисовал им все, что хочет сделать, все до мелочей рассказал. Но как сделать, он не знал, да и не мог знать, здесь нужен был практик, человек этого мира.

Андрей погладил ствол ружья – оно было простым, без изысков, но в нем чувствовалась сила, мощь, такая, что перевернет весь этот мир. Торец приклада был окован сталью – в случае чего он мог служить чем-то вроде дубинки, хотя ружье и было очень тяжелым для нанесения ударов.

Они не стали приделывать к ружьям штыки, хотя и были такие мысли. Логичнее было просто бросить ружье на землю, выхватить тесак или саблю и начать биться врукопашную. Но лучше всего не доводить до такого – каждый боец должен иметь большой запас патронов, а при перезарядке в считанные секунды у противника не было никаких шансов.

Возник еще вопрос – нужны были очень, очень качественные гильзы для патронов, иначе эжектор просто отрывал донце гильзы, оставляя цилиндр в стволе. Как следствие – задержка в стрельбе. Пока это выдернешь застрявшую гильзу – на все надо время. Каждый боец должен будет иметь две вещи: специальное приспособление для быстрого выкидывания застрявшей оторванной гильзы, а еще – обжимку для патронов по калибру ствола, чтобы, если вдруг патрон оказался чуть шире казенника, можно было подогнать его по размеру.

Также было организовано производство специальных патронных сумок – из крепкой кожи, специально промасленной, водонепроницаемой. Сумки имели завязки, наглухо закрывающие отверстия, и могли буквально плавать в воде, не позволяя ей подмочить патроны, – проверено.

Кроме сумок для хранения патронов планировалось использовать нательные патронташи на двадцать патронов, достать заряды из которых было делом секунды. Они напоминали стандартные охотничьи, используемые на Земле. Только более герметичные и качественные. Чего-чего, но в этом аграрном мире не было недостатка в коже.

Андрей переломил ружье и положил его на плечо, как это делают

спортсмены-стендовики, затем пошел к группе конструкторов, бурно что-то обсуждавших, и передал оружие одному из помощников.

– Когда вы сможете выдать первую партию ружей и сколько штук?

– Хм... дней через десять – сто пехотных ружей и пятьдесят кавалерийских, – тут же отрапортовал сын Надила, невысокий худощавый молодой человек, как две капли похожий на своего отца. – Пожаловаться хочу. Поставщик цевья и прикладов задерживает поставку готовых изделий на целую неделю. Каждый день кормит обещаниями, но не везет. Прошу воздействовать на негодея. Говорят, какой-то важный вельможа заказал ему мебель, и он отставил наш заказ, делает для него. Если бы не он, мы бы уже сегодня выдали первую партию ружей. Еще нам нужно больше кузнецов и литейщиков. Эти не справляются.

– Обучайте, – пожал плечами Андрей. – Вы на что, если не можете обучить? Что хотите делайте – сулите большое жалованье, бейте, стреляйте по ним картечью, но мне через неделю нужны сто пятьдесят ружей. Как имя поставщика прикладов? Гехем? Где его мастерские? У южных ворот? Ага. Ясно. Будут у вас приклады. Или у него башки не будет.

– Господин советник, там вас какой-то мужчина спрашивает, говорит, ваш друг, – доложил охранник, прибежавший от ворот завода. – Говорит, он с Побочной улицы. Что мне ему сказать?

– Скажи, я сейчас подойду! Ну все, мне нужно идти, господа, рассчитываю на вас. Пушки когда отольют?

– Завтра должны начать литье, – сообщил помощник Надила, отвечающий за литейщиков. – Не беспокойтесь, все по плану. Десять форм готовы, так что скоро будем с пушками. На следующей неделе уже сможем испытать. Как только сделаем лафеты.

Андрей кивнул и быстро пошел к КПП завода. Стражники у ворот ему отсалютовали, и Андрей, выйдя на улицу, увидел знакомую ухмыляющуюся физиономию с пшеничными усами.

– А-а-а! Здорово, старый ты пьяница! – Андрей бросился к другу и стиснул в объятиях медвежьей хваткой.

Тот вскрикнул:

– Стой, стой, задавишь, зверь-зверина! У меня еще кишки болят после ранения!

Андре опустил его на землю и, держа за плечи, посмотрел в голубые глаза друга:

– Как я по тебе соскучился! Ты куда пропал? Что с тобой было?

– Ехал, ехал, ехал и ехал, – усмехнулся Федор. – Это вы с Шанти крыльями помахали – и тут как тут, а на лошадях это совсем не быстро. Тем

более что болел я, пришлось остановиться для лечения. Кстати, а что с твоей подружкой? Куда она подевалась? Я по ней тоже соскучился! Чего она нас не навестила? Ну ты-то человек занятой, как я вижу, а она-то какого демона не прилетела, не узнала, как мы – существуем на самом деле или нет?

– Долгая история, – рассмеялся Андрей, – мне много придется тебе рассказать. И такого, что у тебя глаза на лоб вылезут. Давай-ка поедem ко мне, и я тебе все по дороге расскажу. Отпускай своего извозчика, поедem в моей карете.

– Ух ты! Ты в каретах теперь едешь? – восторженно хмыкнул Федор. – Вот это ты вырос... Я слышал, – он понизил голос, – император под твою дудку пляшет? Это как так?

– Тсс! Не здесь! – Андрей предостерегающе помахал пальцем перед глазами друга. – Все в карете расскажу.

– Ну ты даешь! – Федор смотрел на друга, как будто заново его узнал. – И это за какую-то пару месяцев? Ведь ты фактически теперь первое лицо в империи! И как это воспринимают аристократы? Не начали бунтовать?

– Пока молчат. Не знают, как реагировать, – усмехнулся Андрей, – долго раскачиваются. Пока они раскачиваются – я сколачиваю армию. Скоро буду ее вооружать ружьями, обучать. И это надо сделать как можно быстрее – Гортус шевелится, перекрыл дороги...

– Да-да, слышал. Трактирщик рассказал, да еще твой помощник. Хороший парнишка. Только угрюмый какой-то и молчаливый очень. Слова не вытянешь!

– Видел бы ты его раньше, до ранения, – рассмеялся Андрей, – до того, как он получил арбалетный болт между глаз! Представляешь, болт воткнулся ему в переносицу, выбил глаз и вышел из виска – и он остался жив! Везет же! Но то ли мозг задет, то ли пребывание на грани жизни и смерти его сильно изменило, только из болтуна и веселого парнишки он превратился в то, что ты сейчас видишь. Ходит с повязкой, как разбойник, всех пугает. Предлагал ему искусственный глаз заказать – не хочет. Говорит, как глянет на собеседника своим пустым глазом – они сразу пугаются, и ему приятно.

– А чего ты ему не сделаешь нормальный глаз? Ты же можешь.

– Пока не надо, чтобы он знал, что я могу. И ему ничего не говори. Он работает на меня, но в детали не посвящен, учти. И вообще, поменьше болтай с чужими о том, что увидишь и узнаешь рядом со мной.

– Обижает, – поджал губы Федор. – Я когда чего-то лишнее

сболтнул?

– Я на всякий случай, не обижайся. Просто игра идет по-крупному, и мы не имеем права на ошибку. Ты можешь многого не знать, поэтому, прежде чем сказать что-то или сделать, спроси меня. Представь, что ты сейчас на вражеской территории в разведке. Вокруг враги, стоит ошибиться – убьют. Но самое страшное – убьют не только тебя, убьют всех нас. Ладно, ты понял. Больше к этому вопросу не вернемся. Давай-ка я тебя полечу, пока едем... ты мне здоровый нужен. У меня на тебя большие планы. Пора тебе снова стать солдатом.

– Хочешь меня заставить командовать взводом? – усмехнулся Федор.

– Армией. А возможно, всеми армиями. Тут полный бардак, командование в основном некомпетентно – ставленники аристократов, ни черта ничего не умеют. Показушничать только. Старую гвардию разогнали, придется собирать. Всех полковников, генералов, майоров – придется вытаскивать из их поместий, где те тихо спиваются или мирно толстеют. Нам нужны настоящие, обстрелянные кадры. Война, война скоро! Мне катастрофически не хватает времени! Боюсь, нам надают по мордасам, не успею я подготовить армию как следует. Да еще идиоты палки в колеса вставляют. Сейчас мы с тобой одного из них навестим, – зловеще сказал Андрей.

– И почему это мне кажется, что ему наше посещение не понравится? – ухмыльнулся Федор. – Лечи, а то мне надоело уже при каждом кашле кривиться. Крепко меня все-таки насадили на стрелу эти придурки. Если бы не Шанти... очень хочу увидеть чертовку. Даже не представляю ее в облике какого-то мужика!

– Не мужика, а самого императора! – рассмеялся Андрей. – Мужики в поле пашут. А она – его величество император Зарт Четвертый!

– Господин Гехем изволят почивать после обеда. У него такой распорядок, и не велел беспокоить! – заявил нагловатый молодой слуга, открывший ворота на стук Андрея.

– Быстро его сюда, я сказал! – процедил сквозь зубы Андрей.

– А вы кто? – угрюмо спросил слуга, потирая глаза. Похоже, что он тоже спал, как и его хозяин.

– Я Андрей Монах, и я сию минуту хочу видеть Гехема, иначе я снесу ваш поганый домишко, а всех вас отправлю в темницу! – прорычал Андрей, переводя дыхание.

Ему и вправду хотелось разнести все вокруг. Столько труда, столько надежд, и все может пойти прахом из-за того, что какой-то червяк,

ничтожный поставщик, вовремя не поставил приклады!

– Кто меня спрашивает? – раздался недовольный голос, и высокий грузный мужчина с вывороченными толстыми губами вышел из калитки на улицу. Увидев карету с императорским гербом, он как-то сразу стал меньше ростом, съежился и спросил уже более нежным голосом: – Что вы хотите, господа?

– Что мы хотим? – холодно переспросил Андрей. – Чтобы ты поставил Надилу штуковины, что он заказал!

– Да-да, конечно! – заторопился мужчина. – Через две недели все будет готово! Обязательно!

– Ты когда должен был их поставить? Неделью назад. Почему не поставил?

– Обстоятельства, только лишь обстоятельства! Недостаток нужной древесины, работники болели, а через две недели все поставим!

Андрей задумчиво покивал, потом повернулся и подошел к кучеру:

– Дай сюда! Да-да, кнут дай сюда!

Повернулся к Гехему и без предупреждения со всей силы хлестнул его через спину. Тот вскрикнул, а Андрей хлестал, хлестал, пока мужчина не взмолился:

– Хватит! Ну хватит! Что вы хотите? Я не виноват! Я сделаю все!

– Три дня тебе. Днем и ночью делать. Не сделаешь – тебя повесят на городской площади, а имущество конфискуют! Это имперский заказ, и ты отвечаешь за него головой! Клянусь, казнь тебя лично! Наймешь кого-то или сам будешь делать – мне безразлично. Попробуешь скрыться – найду и живьем в землю зарую! Тварь! Я научу тебя держать слово!

Андрей бросил кнут кучеру и запрыгнул в карету к Федору, удивленно покачавшему головой:

– Ну ты и крут... не видал еще тебя таким. Настоящий вояка! И правильно, сколько мы страдали от этих уродов, всяких там интендантов и чиновников. То без жратвы просидим два дня, то обувь пришлют – все сапоги на одну ногу, то обоз отправят не в то место и мы ночуем под дождем. Их казнить надо, тогда будут бояться пакостить и воровать. В армии вечное воровство и дуболомство – не знаю, как ты сможешь с ними справиться.

– А я и не буду справляться! С чего это ты решил, что я буду справляться? Это *ты* будешь справляться. А не справишься – получишь по балде! – хохотнул Андрей.

– А может, мне не надо в начальники, а? – осторожно осведомился Федор. – Чего-то мне не хочется...

– Перехочется! Хватит отлынивать, мне верные люди нужны. А в стратегии и тактике ты разбираешься не хуже этих болванов.

– Ну спасибо, – хмыкнул Федор, – ты всегда был со мной честен. В общем-то я неплохо знаю военное дело, это ты прав. Но в стратегии не тяну. Придется тебе вытаскивать прежних командиров из их логовищ. Пойдут ли только снова служить? Насколько я понял, сильно обидели их. А вояки – они люди гордые.

– Все есть хотят. Тем более что впереди война со Славией, а они всю жизнь с ней воевали. Вот ты и поедешь их уговаривать. Список тех, кто нам нужен, я тебе дам. Поехали во дворец, Шанти будет рада. Она скучает сильно – сидит целыми днями взаперти. Только ночью вылетает на охоту. Я ей не даю сырое мясо есть и печенку, так что она меня шибко ругает.

– А чего ты ее взаперти держишь?

– А вдруг кто-то из драконов-старейшин увидит? Будет ба-а-альшой скандал. Очень большой скандал. Такой большой, что мы его можем и не пережить. Ведь мы же не останемся в стороне, если Шанти будут убивать, а значит – полетят наши головы по дорожкам дворца. Кстати, как самочувствие?

– Здорово! Давно так хорошо себя не чувствовал, – признался Федор. – Все время болело, зараза! Видишь, у меня живот пропал? Истощал весь. Теперь наедать надо – как генералу и без пуза быть? Генерал должен быть толстым, пузатым!

– Видел там кнут? Вот как потолстеешь – я тебя буду гонять по дворцовому двору, чтобы похудел. Толстопузый генерал – позор армии, – ухмыльнулся Андрей. – Ну все, пошли, навестим нашего императора. Как тебе во дворце?

– Красотища! А мне тоже тут жить? Или можно в своем доме?

– Да как хочешь. Живи в своем. Кстати, тот дом, в котором вы сейчас поселились, я для тебя купил. Это ваш дом. Понравился?

– Да, отличный домишко.

– Пока в нем живи. На днях подыщем тебе поместье – будешь в нем жить. Не пристало нашему генералу жить в какой-то халупе.

– Ничего себе! Алена ахнет... она там дом надраивает, счастливая, как утка в пруду. А тут все снова менять...

– Нормально. Слуг наймешь, будут тебе готовить, убирать, а ты только ходи и наедай.

– Ага, чтобы ты потом кнутом... Где Шанти? Этот вон тот мужик, да? Не могу поверить! Это император?

– Да-да, император, мать вашу за ногу! Федя, иди скорее ко мне! Дай я

тебя обниму! Ну чего глаза таращишь? Думаешь – это император вдруг вспылал к тебе любовью, польстившись на мужественную внешность и пышные усы? Я это, я!

– Ф-фух-х... даже не по себе. Слушай, а не можешь на время превратиться в прежнюю Шантючку?

– Увы, Федь, прежней уже не будет... – «Зарт» грустно и как-то потерянно улыбнулся. – Той Шантючки давно нет. Все мы вырастем, драконы тоже. Как там Настенка? Не скучала по кошечке?

– Ты знаешь, постоянно спрашивала. И сейчас иногда спрашивает. Вот думаем завести ей кошку, а то скучает. Надо вместо тебя кого-то ей подсунуть.

– Вместо меня... – усмехнулась Шанти. – А я, как та кошка, вместо кого-то... и все изображают не тех, кем являются.

– Тэк-с... мы опять в депрессии, как я вижу... Ну чего тебе не хватает, а? Ночью летаешь, отдохнешь! Сестренка, ну чего ты опять взялась ныть?

– Я как в тюрьме, я сама себе не принадлежу! Ни выйти, ни прогуляться, ни поговорить – это разве жизнь? Ты сам себе хотел бы такой жизни?

– Ну давай ты будешь меня сопровождать, а? Ящеркой, например. Залезешь в карман, и мы с тобой поедem по заводам, посмотришь, как наши ружья стреляют!

– А если кто-то войдет, а меня нет?

– А кто это осмелится войти в комнату императора, когда он запретил это делать? Ты чего? Все! Поедем в следующий раз вместе, решено.

– Ладно, уговорил! – повеселела Шанти. – Спасибо. А то мне так надоело тут сидеть.

– Приветствую вас! Это кто тут у нас? Федор, по всей видимости? Мне Андрей о вас рассказывал, и все так хорошо, что и поверить нельзя, что такие хорошие люди бывают!

– Ну прям уж, такие уж хорошие, – пробурчал Федор, с интересом оглядывая фигуру Антаны и задерживаясь глазами на выделяющемся животике.

– Что, заметно? – усмехнулась императрица. – Наследник престола растет! Папина радость!

– Ага, – хихикнул Зарт, – папина радость. И тетина тоже. Будем с ним на охоту летать. Кстати, а вы не думали – ведь ребенок-то родится оборотнем? Если мамка-то... Хм... что, не знал, Федя? Ты ему не сказал? Хе-хе, вон как глаза-то выпучил! Звериная семья тут, ага, – с удовольствием

констатировала Шанти, – зверь на звере! Вишь, как глазами зыркает главный зверь? Того и гляди покусает!

– Узнаю Шантючку, – рассмеялся Федор, – в своем репертуаре! А то, честно говоря, не по себе было. Не привык я к такому ее виду... а правда, ребенок-то родится оборотнем – вы не думали об этом? А если он в колыбельке обернется? Или же на улице? И что будет? А запереть его надолго не удастся – народ будет недоволен, пойдут слухи...

– Я нашла старую, очень старую книгу об оборотнях. – Антана прошла к креслу и уселась рядом с Шанти. – Так вот, там было сказано, что способности к преобразению проявляются у людей-оборотней с начала полового созревания. То есть годам к двенадцати-тринадцати. Иногда раньше, иногда позже. То есть до тех пор можно осторожно рассказать ребенку, что с ним должно произойти. Ну и раньше потихоньку объяснить, почему он не такой, как все, почему бегают быстрее, прыгает выше, побеждает даже взрослых и так далее. И почему у него ранки затягиваются за считанные минуты. Кстати, в старину быть оборотнем не считалось чем-то предосудительным. Подобные люди время от времени появлялись среди обычных людей и всегда были востребованы в жизни. Они становились воинами, лекарями – да кем угодно. Их уважали и совсем даже не преследовали. И об исчадиях тогда слухом не слыхивали. Их просто не было.

– Хорошо иметь образованную жену, не правда ли? – усмехнулся Андрей.

– И необразованную тоже, – пробурчал Федор и подмигнул присутствующим. – Так что, Андрей, ты дашь мне время, чтобы обустроиться? Или с места в карьер – на службу?

– На службу, Федя. Некогда обустроиваться. Скоро выступим на юг, как только получу ружья. Кстати сказать, и арбалеты тоже. Они хоть и медленно заряжаются, но бьют достаточно эффективно. Мы поменяем с тобой тактику войны. Эти придурки Гортуса будут очень, очень удивлены! Ну все, разбегаемся! Федя, поедешь домой в имперской карете, я распоряжусь. И еще – теперь ты будешь под круглосуточной охраной. Мне не надо, чтобы кто-то взял тебя в заложники и потом выдвигал мне какие-то требования. Все, хватит. Зорану скажу, чтобы он подыскал тебе хороший особняк из числа конфискованных у пособников исчадий. Таких у нас теперь хватает. Я тут чистку устроил, целую шпионскую сеть исчадий раскрыли. Так там столько местной аристократии было – просто невероятно. Вот от них особняки и остались. Оставили их семьям по домишку, пусть живут, копят злобу. Пошли со мной, я отдам нужные

приказания. Шанти, сестренка, не переживай – всего год, не больше, и снова будешь самой собой! Не расстраивайся. Завтра с тобой вместе поедем.

– Полежишь? Устала? – Андрей притянул к себе Антану и нежно поцеловал в пухлые губы. – Умница ты у меня. Как ты вовремя раскопала эту книгу! И как умудрилась-то?

– Ну я же искала, – усмехнулась женщина. – Я тебе уже говорила, что отец собирал различные старинные книги, свитки. Вот я и нашла там трактат об оборотнях. Там и о драконах было, но мало, не больше, чем мы уже знаем. Ничего нового.

Антана прошла к огромной кровати под балдахином, раздвинула полупрозрачные занавеси и присела на край ложа. Потом осторожно откинулась на спину и, облегченно вздохнув, пожаловалась:

– Поясница болит. И поташнивает. Ну почему все так непросто, почему нельзя, чтобы вынашивание ребенка доставляло удовольствие? И похоже, я начала отекать. Я, наверное, подурнела, да? Прошлой ночью ты не стал заниматься со мной сексом... Я что, стала такой страшной? Живот наметился, груди набухли... страшная, да?

– Глупая ты, – рассмеялся Андрей. – Да ты для меня самая желанная на свете! Я не хотел тебя будить. Ты так сладко спала... Кстати, живот тебя совсем не портит, а только придает пикантности твоим формам! Я где-то читал, что для всех мужчин вид обнаженной беременной женщины очень притягателен. Для меня вот точно. Я тебя как вижу, хочется тут же стянуть с тебя эти тряпки и...

– Ну не такие уж и тряпки, – довольно хихикнула Антана, – это платье шили лучшие портные, кстати – по твоим рисункам. Ты же мне показал, как у вас ходят богатые женщины. Так теперь весь двор срочно стал шить такие же платья и обувь, как у меня.

– Насчет обуви, – нахмурился Андрей, – ругаю себя, болвана, зачем я нарисовал тебе эти туфли – не дай бог, ты с этих каблучков свалишься и повредишь ребенку! Ходи в обуви с низкими каблуками, не надо тебе этих шпилек!

– Я знаю, что не надо, но удержаться не могу. Это выше меня. Ноги в них такие красивые, такие длинные... впрочем, и правда, надо будет поменьше их надевать. А то потом ноги болят... – Антана, задумавшись, помолчала и спросила: – Ты когда собираешься в поход на юг?

– Я же говорил, как только будут готовы ружья и запас патронов. Боюсь, что не придется никуда идти. Война сама к нам придет. Не хотел

говорить, но донесли, будто армия Гортуса вот-вот выйдет из своего лагеря. Шпион передал с почтовым голубем. Так что надо встретить ее на подступах к столице, не позже. Иначе осадят, и будет совсем дерьмово. Тем более что наши оружейные заводы находятся за чертой города. Конечно, они окружены стеной и их так просто не взять, но запасов еды там нет, осаду не выдержать.

В комнату постучали, Андрей встал с кровати, задернул занавеси, чтобы скрыть постель, и пошел к двери: ни к чему слугам видеть, что на его постели лежит императрица.

– Господин советник! Вас у ворот дворца спрашивает некая Олра, она говорит, что является вашей супругой. Что мне делать? Прогнать ее?

Андрей нахмурился:

– Прогонять не надо. Отведи ее в мой кабинет. Подай ей попить, поесть, если потребуется. Если с ней другие спутники – отведи их в другую комнату и тоже прикажи напоить и накормить. Я скоро приду.

Дверь закрылась, и Андрей вернулся к Антане.

– Ничего себе! Вот только этого не хватало для полного счастья. И какого демона она объявила себя моей супругой? Хм... как-то надо выкручиваться из ситуации... Отдыхай, я с ней поговорю.

– Только спокойно, ладно? Я не хочу, чтобы ты ее обижал, – попросила Антана, – все-таки она носит твоего ребенка, как и я. Можно сказать, мы почти сестры...

– Сестры бывают разные, – усмехнулся Андрей, – иногда очень и очень злые, хуже врагов. Впрочем, Олра никогда не была негодяйкой, похоже, что она что-то задумала, а при ее уме можно предположить, что она уже выстроила какую-то свою схему – ту, в которой отвела себе роль моей жены.

– Пока не поговоришь – не узнаешь, не правда ли? – улыбнулась Антана. – Не беспокойся, я всегда с тобой. Знаю, что ты примешь правильное решение, поэтому я всегда тебя поддержу. Иди. И не надо делать такое лицо, как будто ты идешь на бой с сотней Гортусов! – весело захихикала Антана. – Я же чувствую, как ты весь сжался и от тебя идет что-то вроде страха! Не такие мы, женщины, и ужасные – сегодня ночью я тебе это докажу. Иди поговори с Олрой, не бойся...

– Тьфу на тебя! – рассмеялся Андрей. – Вот женский разум, а?! И ведь так все вывернут, так представят, только диву даешься. Не боюсь я. Просто неприятно. Она когда-то меня оттолкнула, хотя я и сделал для нее то, что никто и никогда бы не сделал. А Олра...

– Перестань, – нахмурилась Антана. – Ее тоже можно понять. И еще –

ты не совсем ее забыл, я знаю... она тебе совсем не чужая. Ты волнуешься и даже рад ее видеть. Не лги себе.

– Вот что значит быть женатым на эмпатке! – махнул рукой Андрей. – Ну ничего не скроешь! Отвратительно!

Они рассмеялись, и Андрей, вздохнув, вышел из комнаты.

Глава 9

Андрей помедлил долю секунды перед дверью кабинета, затем толкнул ее, надев на лицо маску спокойствия и бесстрастности. Олра сидела за столиком в кресле, и слуга расставлял перед ней кувшины, блюдечки с канапе и маленькими пирожными. Увидев господина, он поклонился и вышел из комнаты, окинув Андрея и Олру любопытным взглядом. Похоже, что слухи о жене советника уже разошлись по всему дворцу.

– И что это значит? – сурово спросил Андрей. – Зачем ты кричала на всех углах, что я твой муж?

– Здравствуй, Андрей! – Олра улыбнулась и, подойдя к мужчине, потянулась и поцеловала его в губы, легонько толкнув животом. – Прости, я все объясню. Не сердись. Я очень рада тебя видеть. Поговорим?

– Поговорим, – так же сурово ответил Андрей и присел за столик, скрестив руки на груди. – И что же тебя привело в Анкарру? Ведь ты не пожелала поехать со мной, предпочла свой путь в жизни. Теперь-то я тебе зачем?

Олра медленно уселась в кресло, помолчала и грустно улыбнулась:

– Дура я была. Прости меня. Надо было бросить все и бежать за тобой куда угодно. Хоть в Анкарру, хоть на край света. Вот и наказала меня судьба. Теперь мне некуда деться, кроме как жить в Анкарре. Нет у меня моего трактира, папой построенного, ничего нет. Сумела только деньги забрать, я их не хранила в банке, они все лежали в тайнике.

– Как это нет? – помягчел Андрей. – Куда он делся, трактир твой?

– А бросила я его. Когда ты ушел, началось расследование по поводу убийства пяти высокопоставленных офицеров армии Славии. И расследование привело ко мне. Как они вычислили, не знаю. Но только ко мне пришел наряд стражников, чтобы арестовать и доставить в императорский дворец. А оттуда уже не выходят... Благо, что рядом был Никат. Когда они меня схватили, он не позволил им меня увести. Перебил всех шестерых. Я оставила трактир на двоюродного брата и ударилась в бег. Вместе с Диртой и семьей Никата, они все сейчас в трактире сидят, меня ждут. Вот так вот.

– Выходит, я виновник твоих бед? – криво усмехнулся Андрей.

– Да нет, все так, как должно было быть, и не иначе, – грустно улыбнулась женщина. – Просто я подумала – раз ты забрался на самый

верх, может, и мне поможешь? Прости, я говорю тебе откровенно, без обиняков. Я ношу твоего ребенка. Вряд ли ты оставишь его без помощи. Меня – можешь. Но он ведь тебе ничего не сделал, ты не можешь его отбросить. Да, я сама хотела ребенка и не собиралась вешать его тебе на шею, но так сложились обстоятельства. Не без твоей помощи.

– Понятно. То есть ты считаешь, что я тебе должен? – неопределенно спросил Андрей. – А зачем ты у ворот дворца сказала, что ты моя супруга? Теперь слухи разнесутся по всему городу... Тебе зачем это надо было?

Олра открыла рот, чтобы ответить, но внезапно дверь в кабинет открылась и вошла Антана. На ней было голубое шелковое платье, спадающее свободными складками и маскирующее живот. В этом платье она выглядела совсем девчонкой, неискушенной и ясной, как утренний рассвет. Ее синие глаза как будто лучились светом, и Андрей невольно залюбовался своей женщиной. Она подошла к Олре и, осмотрев бывшую подругу мужа, улыбнулась:

– У Андрея хороший вкус!

Олра встала и, глядя в глаза Антане, тоже улыбнулась:

– Да, он умеет выбирать женщин. Насколько я поняла, вы бывшая жена отца моего ребенка, нынешняя императрица Антана?

– Можно просто Антана. А вы Олра. Андрей мне о вас рассказывал.

Женщины замолчали и снова посмотрели друг другу в глаза, как будто испытывая взглядом. Их прекрасные профили затвердели, они сжали зубы и сейчас напоминали двух сук, помахивающих хвостами и обнюхивающих друг друга. То ли одна из них сейчас без боя признает главенство другой, то ли сейчас будет драка и в воздух полетят клочья шерсти и брызги крови – неизвестно. Они едва не соприкасались старательно выпячиваемыми животами, и Андрей с усмешкой подумал, что женщины похожи – не как близнецы, нет, выражением глаз, фигурой, статью, даже рост они имели одинаковый. Их можно было принять за сестер – только одна старше, другая моложе.

Все это пронеслось в голове Андрея за считанные секунды, потом он кашлянул, и обстановка в комнате как будто разрядилась. Поединок взглядов закончился, и ни одна из сторон не одержала в нем победу.

Антана отошла от соперницы и села рядом с Андреем, слегка улыбаясь и поглядывая на мужа.

– Антана, это моя бывшая подруга Олра. Познакомься. А это Антана, Олра. Императрица Антана.

– Почему же ты не добавил – «моя бывшая жена»? – усмехнулась Олра. – Чудные дела тут творятся... Да ладно, ладно, не хмурься. Перед

тем как вы пришли, ваше величество, мы с вашим... хм... советником разговаривали на тему того, как бы помочь нашему с ним ребенку. Дело в том, что враги, преследовавшие вашего... советника, пришли по проторенной дорожке ко мне, и мне пришлось спастись, убежать. Через всю Славию, потом договариваться с контрабандистами, чтобы нас перевели через границу, – они заломили столько, что на это ушли почти все мои деньги. Ведь официально перейти через границу мы не могли – нас разыскивали. Удивляюсь, как нам повезло проскочить через всю страну и не попасться. Впрочем, приходилось менять внешность, изображать купчих и прятать Никата. Он очень заметный. Потом мы ехали через весь Балрон – я, моя приемная дочь, Никат с женой и дочерью. И вот мы здесь, в Анкарре. Собиралась найти Андрея, броситься ему в ноги, сказать, что я дура, потому что не пошла за ним, что до сих пор его люблю, но, как вижу, опоздала. Андрей, ты спросил, зачем я сказала, что являюсь твоей супругой? Да все просто. Меня не пускали во дворец, сказали, что ты принимаешь только по определенным дням. Ну мне и пришлось им пригрозить, что, если ты узнаешь, что твою супругу к тебе не пустили, им всем влетит. Они перепугались и тут же побежали к тебе. Прости меня за маленькую хитрость. Кстати сказать, надо отдать тебе должное – они боятся тебя как огня. Порядок ты держишь железный. Андрей, надеюсь, ты не убьешь меня... все-таки я ношу твоего ребенка. И вы, ваше величество, не будете мне мстить за то, что я люблю вашего... советника. – Олра подняла глаза на сидящую перед ней пару и грустно добавила: – Не верю, чтобы ты мог отдать свою жену императору. Вот хоть убей – не верю, и все. Я вижу, как ты ее любишь и как она тебя любит! Тут какая-то сложная интрига, какое-то хитросплетение, понять которое я не могу. Не бойтесь! – Олра предупреждающе подняла ладонь. – Я не собираюсь причинить вам вред. Просто прошу помощи. Если можете. Я не смогу причинить вреда тому, кого люблю и буду любить. И знаю, Андрей, что ты не оставишь ребенка на произвол судьбы. Ну вот и все, что я хотела тебе сказать, Андрей.

– Она не врет, – спокойно сказала Антана, переведя взгляд на мужа, – она действительно тебя любит и действительно не хочет нанести вред. А еще завидует мне и сильно переживает.

– Эмпатка? – удовлетворенно кивнула Олра. – Вокруг Андрея всегда творятся чудеса.

– Чем я могу помочь? – опустошенно вздохнув, спросил Андрей. – Деньги? Будут у тебя деньги. Еще что-то?

– Да в общем-то ничего, – нахмурилась Олра, и сразу стало видно, что

ей не двадцать с небольшим лет, на которые она выглядела, а гораздо больше. – Если можешь – помоги деньгами, я попробую заняться здесь тем же, чем занималась в Славии. Я порастрясла свою кошину, и сильно, ни на что теперь не хватит. Я верну тебе все, как только раскручусь. Ведь я разбираюсь в этом деле, не сомневайся, не пропадут твои деньги. Жаль только, что ребенок не узнает своего отца. А так все в порядке. Я ведь знала, на что шла.

– Олра, ну хватит тебе юродствовать! Знаешь же, что я никогда не потребую от тебя денег назад. И обеспечу всем, что надо для безбедной жизни. Хочешь трактир – купим мы тебе трактир. Что же касается отцовства, тут я тебе помочь не смогу. Извини.

– Подожди, почему не сможешь? – вмешалась Антана. – Сможешь. Ты замуж ее возьмешь. И у твоего сына или дочери будет отец.

– Ты чего? – неприятно удивился Андрей. – Толкаешь меня в объятия к бывшей подруге?

– С чего это в объятия? – усмехнулась Антана. – Фиг ей, а не объятия. Даже и не думайте – порву обоих! А ребенок должен иметь и отца и мать. Раз уж так получилось – пусть будет. Обвенчаесться, дашь ей особняк, и пусть себе там живет. А ты будешь жить во дворце. Мало ли мужчин живут отдельно от жен. Ну а потом можно будет и развестись – патриарх ведь есть. Не сошлись характерами, и все. Как вам такой план?

– Хм... спасибо, ваше величество. – Олра удивленно раскрыла глаза и благодарно посмотрела на Антану. – Ведь вы могли бы просто приказать, и меня никогда бы не нашли. На кой демон вам бывшая подруга вашего советника... А вы вон как все повернули. Искреннее спасибо.

– Чушь говоришь – она бы никогда не убила женщину с ребенком, – резко ответил Андрей, – а тем более с моим.

– Ну не убила бы, а в монастырь заточить могла, а ребенка кому-нибудь отдать. Ты всегда был немного наивным, Андрей.

– Олра, придержи свое мнение при себе, ладно? – нахмурился Андрей. – Ну что же... если ради ребенка. Но я сразу предупреждаю: как только я скажу, идем к патриарху и разводимся. Согласна?

– Конечно, согласна. Только я все равно прошу помочь с покупкой трактира. Не хочу ни от кого зависеть, даже от тебя, Андрей. Я всю жизнь зарабатывала сама и намерена это делать и в дальнейшем.

– Трактира не будет. Жена первого советника императора не может быть трактирщицей. Ты получишь имение, на твое имя. Когда мы разведемся, оно останется у тебя. Это будет записано в контракте, который мы с тобой заключим.

– Хм... ты не такой уж и наивный, как мне казалось, – усмехнулась Олра. – Прости, что я так сказала. Ты очень умный и хороший.

– Иди в трактир и жди там. Я пришлю к тебе человека, он все устроит. Ты в каком трактире остановилась?

– В «Красной лошади».

– Хм... забавно. Да нет, ничего, – ответил Андрей на вопросительный взгляд Олры. – Жди там, все будет сделано, как мы договорились.

Андрей дернул за шнурок звонка, и через минуту слуга уже переступил порог кабинета.

Олра не оглядываясь вышла в коридор следом за сопровождающим, а Андрей и Антана остались вдвоем. С минуту тянулось молчание, потом Антана сказала:

– В договор внесем пункт о том, что если она начнет распространять порочащие императорскую семью или тебя слухи, то сразу лишается своего поместья.

– Не надо, – поморщился Андрей, – это как раз и укажет на то, что есть основания чего-то опасаться и мы что-то скрываем. А вот с женитьбой ты неплохо придумала. И ребенок при отце, и Олру прикрыли. Кстати сказать, я и вправду испытываю чувство вины за то, что сломал ей жизнь, подставил под удар исчадий. У нас есть поговорка – благими намерениями вымощена дорога в ад. Вот и я так же – хотел как лучше, получилось... в общем, как получилось.

«Правильно ты придумал! – послышался ментальный голос. – Вреда-то тебе она не хочет, это точно. Я слушала. Но баба ушлая, хитрая и очень, очень умная. Как бы ее использовать получше. Такой талант нельзя отставлять в стороне. Она ведь разыграла всю ситуацию по нотам, она вас обыграла, как детей. Ушла довольная, вся просто лучилась счастьем. Хотела положения, достатка, замужества – все получила. Ну не молодец ли? И про трактир красиво – неужто ты позволил бы ей сидеть в какой-то дыре и разливать вино по кружкам? Нет, братец мой, она все предусмотрела. Молодец! Впрочем, вы тоже молодцы. Особенно Марго. Ведь могла ей глаза выцарапать, а не стала. Какая бы женщина ни была, но соперниц она на дух не переносит. Особенно когда в ней зародыш ее самца. Моя мама некогда двух соперниц-дракониц так отлупила, что те еле живые улетели – хотели с моим отцом яйцо оплодотворить. Удивлюсь, если после этого у них осталось место, куда следует оплодотворять. Только клочья летели, когда она их драла. Братец, ты обещал меня с собой везде брать, а какого демона ты один пошел на встречу с Олрой? Не стыдно? Я тут с тоски помираю, а ты?..»

«Прости. Как-то неожиданно все получилось, я и не подумал... – пожал плечами Андрей. – А насчет Олры... ну да, она все разыграла как по нотам. Да и ладно. Все так, как должно быть. Надо к ней приставить охрану, обязательно, как к Федору. Иначе могут быть неприятности. Слишком многие на нас злы...»

Олра вышла из дворца и, махнув рукой, поймала извозчика. На ее губах играла улыбка – она все разыграла так, как хотела. И получилось то, что ей и было нужно. На кой демон ей этот трактир? Нет уж... если она и откроет какое-то заведение, то уж точно не придорожную харчевню. Чего-нибудь поэлитарнее. Но это так, баловство. Если уж она будет женой первого советника, почему бы не заняться политикой? Она умная, дельная, почему не занять место где-нибудь на верхушке власти? Хватит уже заниматься ерундой. Она сыта по горло запахом жарящегося лука, запахом потных грузчиков, таскающих мешки с мукой, и пролитого на пол дешевого вина. Не для этой жизни она была рождена. Рядом с Андреем она может достичь высот... очень больших высот. Трижды дура она была, что не уехала с ним. Нужно было бросать этот трактир к демонам и бежать с ним, вцепившись в его руку. Увы, задним умом мы все сильны. Но ничего, ничего... придет и ее время.

– Сколько? Сколько уже готовых?

– Сотня пехотных. Кавалерийские пока в работе. Приклады и цевья доставили, ремни тоже. Карабины готовы. Патронов по сотне на каждое ружье – мастерские работают день и ночь. Через неделю будет по триста выстрелов на ружья.

– Больше, больше гоните! Платите как следует, кормите, и пусть работают круглосуточно, посменно! И ружья, ружья мне! Федор, завтра доставишь сюда сотню гвардейцев, будем обучать стрельбе из ружей. Надил, что там с нарезными короткостволами?

– Пойдем, посмотришь. Энар, сынок. Принеси... как ты их назвал, Андрей? Пис-то-ле-ты. Пистолеты. И патроны. Все три вида.

– Три? Вы начали делать со стальными сердечниками?

– Ага, – ухмыльнулся Надил. – Думаешь, я мимо ушей пропускаю то, что ты говоришь? Нет уж, компаньон. Все откладывается вот тут. – Надил постучал по высоким залысинам, обрамленным седым пушком. – Потом преобразуется в дело! Прошивают броню, как бумажную! Даже мной сделанную. А она лучшая в мире. Пробовали мы пистолеты – честно говоря, стрелять из них трудно. Для этого надо быть настоящим силачом. Иначе он или вылетит из руки, или лицо разобьет. Вон, Биром стрельнул

разок – гляди, что получилось. – Надил показал на невысокого паренька с раздутой губой и синяком во всю щеку. – Предупредил же его, мол, держи как следует! И что? Он схватил пистолет, как будто подружку за титьку, и ласкает! Ну и получил... Теперь будет знать, как мастера не слушать! Вот, гляди, что вышло! Не скоро теперь забудет.

Надил подал Андрею один из пистолетов. Они были такого же калибра, как и ружья, под унифицированный патрон. Андрей взял в руки это произведение искусства и внутренне содрогнулся – если из этой штуки залепить кому-нибудь в упор... в общем, мало не покажется.

– Федор, попробуешь? Все офицеры будут теперь с такими. – Андрей передал другу пистолет, и тот замер, с интересом разглядывая новое для него оружие.

– Вот тут – так же, как и у ружья, сдвигаешь в сторону, переломил – и закладывай патроны. Ага, вот так. Вводишь курки... эй-эй, аккуратнее!.. направляй или вверх, или вниз. Смотри, эта штука помощнее арбалета и опаснее. Какую цель поставим, Надил?

– Сейчас ребята притащат старую кирасу, посмотрите. Она поржавела, но еще крепка. Давайте пока метров с пяти попробуем, чтобы вы наглядно видели результат. Патроны какие заложили? Не помните? Неважно. Сейчас увидим какие. Давай! – Надил закрыл ладонями уши, его примеру последовали и остальные.

Федор неловко поднял пистолет, нацелил его в сторону кирасы... БАМ! Пистолет подпрыгнул вверх, как живой, согнув руки Федора в локтях. Тот ошеломленно вытаращился на пистолет, застывший возле его носа, и громко выругался, преодолевая звон в ушах.

– Это что такое?! А где кираса? Он мне чуть башку не разбил!!! А я ведь хотел сразу из двух стволов пальнуть! Вот он бы мне урезал по башке! Ничего себе штука!

– Вон кираса, – ухмыльнулся Надил, – гляди, что с ней.

Помощники мастера подняли кирасу, и стало видно – ее передняя часть вмялась, будто в нее ударили здоровенным кузнечным молотом. Пуля не пробилла кирасу, она расплющилась о металл, превратившись в небольшую лепешку, – эта пуля была из одного свинца, без сердечника.

– Попробуй ты, – сказал Надил и передал Андрею другой пистолет. – Тут пули со стальными сердечниками.

Андрей прикинул вес пистолета – килограмма три, не меньше. Здоровенная дура.

Бам! Отдача была, как если бы он выстрелил из «Пустынного орла».

Ему однажды довелось пострелять из этого знаменитого пистолета,

который он снял с трупа убитого боевика. Вначале не понял, что это за здоровенный ствол, а когда решил попробовать его в действии, на шум сбежались все бойцы их группы – уши закладывало от выстрелов, а отдача отсушивала руку. Но из «Орла» еще можно было стрелять одной рукой. В этом же случае – исключено. И вес другой, и сила двух рук нужна. И это при том, что Андрей был гораздо сильнее окружающих. Что же должен испытывать при выстреле обычный человек?

Кираса осталась на месте. В ее стальной пластине зияла дыра, как будто пробитая молотком. В кладке каменной стены за мишенью откололся кусок булыжника.

– Картечь будешь пробовать? – усмехнулся Надил.

– Нет, хватит. Похоже, надо будет пистолеты делать калибром поменьше, – сознался Андрей, – чего-то я лишку дал. Эдак из него смогут стрелять только здоровилы вроде Федора.

– Да можно сделать и поменьше, – пожал плечами мастер, – только убойная сила и дальность упадет.

– А из пистолетов и не стреляют на большие расстояния. Это оружие ближнего боя, для рукопашной. Тут я дал задание алхимикам сделать другой порох... из тряпок. Он гораздо мощнее этого. Вот его и надо будет применять для пистолетов. А что с пушками? Опробовали?

– Да. Стреляли пока холостыми зарядами. Держат хорошо, закладывали двойной и даже тройной заряд – все в порядке. Ни одну не разорвало. Мои литейщики! – с гордостью сказал Надил. – Умеют они лить. Я думаю, что и с ядрами проблем не будет. На днях опробуем ядра, заряженные порохом. Несколько уже отлили, надо будет проверить, как работают. Пушки будешь испытывать?

– Нет. Федор потом будет принимать оружие – проверит. Времени нет. Ты вот что, два пистолета положи нам в карету. И патронов штук по пятьдесят. Пулевых – обычных и с сердечниками. Они как-то различаются? Можно отличить, в каких пули с сердечниками, а в каких нет?

– А вот черная полоска – эти с сердечниками, красная – обычные.

– Надо бы весь патрон красить в эти цвета, – хмыкнул Андрей, – когда в горячке боя солдату разглядывать эти полоски? Он должен сразу определять патрон, отличать его от других, похожих.

– Согласен. – Надил озабоченно повертел патрон в руках. – Как-то не подумал... Сделаем. Сейчас погрузим пистолеты. Кстати, я придумал сбрую для их ношения. Погляди – вот сюда он вставляется, а потом вынул и стреляй! А можно на спине носить или на груди. Дать тебе пару штук?

– Давай. Это называется кобура, – усмехнулся Андрей и пошел к

кажете.

– Становись! Чего ты держишь ружье, как будто тебе хрен на плечо положили? Крепче держи, крепче! Готовься! В боевой порядок! Становись! Мать вашу! Я как вам показал?! Идиоты! Гвардейцы хреновы! Вы не гвардейцы, вы помесь осла и индюка – тупые и надутые! Сколько раз говорить – первая шеренга падает на колено, вторая стреляет поверх их голов! Встали, построились в походную колонну... марш! Левой! Левой! В боевой порядок – становись! Раз, два! Умеете же, когда захотите, ослиные выкидыши! Заряжай! Пли! Заряжай! Пли! Заряжай! Пли! Когда научитесь держать ружья, тогда и выдадим вам патроны! Пока вы полные ослы! Отрабатывайте, отрабатывайте взаимодействие! Сержант, продолжать без меня! После обеда – на стрельбище.

– Ну что, получается у них? – с интересом осведомился Андрей. – Вообще, какие ощущения от обучения? Скоро они смогут представлять собой реальную силу?

– Да нормально все, – ответил Федор, – это я так уж, для порядка ору. Вообще-то они довольно быстро схватывают. Все-таки не рекруты, а обученные гвардейцы. Не первый год в армии.

– А тебе не кажется, что как раз обученные гвардейцы обучаются хуже? Что они зашорены, в них вбиты правила ведения войны те, которые были им даны в военном училище, и теперь они не могут перестроиться как следует? Часть ружей дадим роте рекрутов, будут обучаться параллельно основной группе гвардейцев. Посмотрим, что получится. Сделай вот что – из всех рекрутов выбери тех, кто часто охотился, кто ловок и силен. Создадим из них группу снайперов. Возможно, попозже дадим им нарезные ружья. А что с конными гвардейцами?

– Так же. Правда, уже приступили к стрельбам. Основная задача была приучить лошадей не бояться выстрелов. Ты бы видел, что вытворяют кони во время стрельбы! Двух гвардейцев отвезли в лазарет – сломали себе руки при падении с лошади, когда те понесли. Картина была забавная. Но надо отдать должное гвардейцам – даже падая, они не выпустили ружей из рук. Может, потому и разбились так сильно.

– Поощри их. Издай приказ, что за сохранность оружия они награждаются премией. И надо повысить жалованье всем стрельцам. Раза в полтора. Это должны быть элитные войска, люди должны стремиться туда попасть.

– Они и так стремятся – каждый день приходят солдаты и просят направить их в полк стрельцов, – улыбнулся Федор. – Эта служба считается

престижной.

– Сделай им особую форму. Пусть они носят красные и зеленые береты, а также форму, скрывающую их в лесу и кустарнике, – я тебе потом нарисую расцветку. Впрочем, прямо сейчас нарисую. – Андрей открыл дверцу кареты и крикнул: – Эй, соня, вставай! Мне нужен лист бумаги и чем писать.

– А я и не спал. Я думал, как жить, – невозмутимо ответил Зоран и подал Андрею лист бумаги и свинцовый карандаш. – Вот тут можно, на бюро!

Секретарь раскрыл походное бюро и откинул специальный столик для письма. Андрей несколькими штрихами нарисовал образцы обмундирования, сказал о расцветке, и Федор удивленно раскрыл глаза:

– Но это же некрасиво! Все будут против такой формы! Ну что такое – зеленый фон и на нем черные и коричневые полосы! Ну да, в лесу или на земле их будет трудно разглядеть, но зачем это нужно?

– А ты представь: идет отряд врага, никого вокруг нет, и вдруг – из леса выстрелы, из кустов выстрелы, с земли поднимаются ранее невидимые бойцы – снова выстрелы. Паника, крики, грохот – враг бежит. А то, что это якобы некрасиво, – ты увидишь, как скоро все, кто носит эту форму, будут гордиться ею. Мы назовем эти войска войсками специального назначения. Спецназ. Они будут совершать диверсии в тылу врага, нападать исподтишка, стрелять из укрытий, не входя в прямой контакт. Никакой им брони. Только форма – она называется камуфляж, – никаких столкновений в упор. Стрелять и бежать. Ну да, все равно придется обучать их фехтованию и рукопашному бою – вдруг патроны кончились, нужно уметь драться без ружей. Но основной упор все-таки на точность и скорострельность. У нас уже триста пехотных ружей, сотня короткостволов – это огромная сила. Ускоряй обучение.

– Ускорю, – кивнул Федор и со вздохом одернул на себе офицерский мундир. – Никак не могу привыкнуть, что снова надел форму. Три месяца уже, как в ней хожу, и никак не привыкну, будто она чужая. Вот ты как умудрился перевернуть мою жизнь... Думал ли я когда-то, что буду главнокомандующим вооруженными силами Балрона? В голове не укладывается. Кстати, а как отреагировали на мое назначение аристократы? Как они восприняли то, что со своего поста был смещен брат императора?

– Плохо они отреагировали, – усмехнулся Андрей. – Злоба, интриги, чего-то там по-своему соображают, ездят друг к другу, договариваются. Кое-кто мне рассказал, чего они там крутят-вертят.

– Этот кое-кто где сейчас?

– Кое-кто отправился гулять. Сказал, что вернется, как только соскучится.

– Значит, минут через пятнадцать? – хохотнул Федор. – Кстати, как там императрица? Как ее беременность?

– В общем-то очень неплохо, даже на удивление, – улыбнулся Андрей. – Тошноты больше нет, бодренькая, бегают со своим животом быстрее гвардейцев, не утонишься. То строит фрейлин на предмет образования, то принимает просителей – кстати, великолепно разбирается в делах. Мы с императором перевалили на нее все приемы – и она просто молодец! Интересно, как народ ее воспринимает? Эй, Зоран, чего там на базарах говорят об императрице и императоре? Ты же все сплетни собираешь, должен знать.

– Кому сплетни, а кому источник ценной информации. Итак, императрица: красавица, беременность ее не портит, умница, но с жестким характером. Правду видит насквозь и тех, кто пытается обмануть, карает нещадно. Добра к простым людям, но не принимает их сторону, если они не правы. Справедлива. Император: при смерти, никуда не ходит, все дела решают его первый советник и императрица. Ходят слухи, что они любовники и ребенок совсем не императорский. Все.

– Вот суки! – расстроился Андрей. – Кто же это такие слухи-то распускает, какая гадина?

– А вы что, хотели что-то скрыть от слуг во дворце? – усмехнулся Зоран, и его единственный глаз хитро блеснул. – Они же все видят, все слышат... ну почти все – заглядывают даже в ваш горшок! Меняют постели... видно, когда кто-то спит один. Но слухи не имеют юридической силы. Так что ерунда это все. Спите спокойно.

– Видал, негодяй какой? – восхитился Андрей. – Вроде бы и не подколот, но одновременно все ясно. Учись, Федор, как надо выражать свои мысли. Зоран, когда-нибудь твой острый язык доведет тебя до беды.

– А они и так довел, – погрустнел парень, – не встретился бы я с вами – сидел бы сейчас в своем затхлом присутствии, здоровый, бодрый, веселый, и думал о том, как срубить денег, пойти в трактир и снять шлюшку. А теперь вон думаю, как бы это не дать вас свергнуть, иначе и моя голова полетит с плеч. Кстати, я вот что хотел вам сказать – моя мать ведь швея. Может, организуем цех по пошиву формы, она бы там руководила? Мать вообще-то дельная женщина, и даже очень.

– Почему и нет? Займись. Подготовь документы, я подпишу у императора.

– Ага. Сделаю. Кстати, насколько я знаю, у нас кое-какие проблемы с

наличностью. Я посмотрел документы – налоги с юга не идут вообще, так что казна пустовата. Надо что-то придумывать, чтобы заработать денег. Скоро нечем будет платить жалованье. Распродать конфискованные имения сейчас не представляется возможным – в преддверии войны цены на недвижимость и землю сильно упали. Вернее, вообще никто ничего не покупает. Так что думайте, господин советник, что делать.

– Есть у меня одна задумка... надо поговорить с Олрой – хочу ее пристроить к делу, чтобы не засиживалась особо в своем поместье.

– А у нее как дела? Чем она вообще занимается? – подозрительно хмыкнул Федор. – Козней не строит?

– Нет, все тихо. Катается на пролетке по гостям, наслаждается жизнью. Несколько раз заезжала к Антане с визитом. Та говорит – Олра действительно к ней относится по-хорошему, не собирается вредить. По крайней мере, не видно, чтобы она нас ненавидела или же строила какие-то козни.

– И то хорошо, – вздохнул Федор. – Чего-чего, но козней нам не надо. Гортус, как мне доложили, остановился, стягивает силы со всего юга. Теперь у него у него десять тысяч конницы, двадцать тысяч пехоты. Стрелков из арбалетов – сотня.

– А чего так мало? – удивился Андрей.

– Зато лучников три тысячи. Так что нам мало не покажется.

– Это точно... А какого демона он до сих пор стоит в лагере и не выходит? Нет, так-то это хорошо, дает нам время на подготовку, но странно – собрать такое войско и стоять, как идиоту?

– Не идиот он. В это время на юге сезон дождей. Дороги превращаются в непролазные реки. А ему обозы тащить. Через три месяца дожди окончатся, еще две-три недели на то, чтобы подсохли дороги, потом марш до столицы – это верст десять – пятнадцать в сутки. От него до столицы шестьсот верст – значит, он доберется, по грубым прикидкам, за полтора-два месяца. Итак, полгода нам на подготовку обеспечены. Повезло. Ты вообще везунчик, Андрей! – усмехнулся Федор. – Сделал карьеру от кухонного рабочего до первого человека в империи. И не сломил на этом пути шею.

– Не сглазь, – серьезно заметил Андрей. – Одного не пойму: почему Гортус не вышел раньше, до сезона дождей? Почему протянул до половодья?

– Вот сразу видно, что ты не от... в общем, не знаешь, как это делается, – смущенно поправился Федор. – Ну представь себе тот же юг – десятки и сотни землевладельцев, и каждый с гонором. Надо их уговорить

принять участие в кампании, заставить выделить солдат и средства. Кого-то купить, кому-то пригрозить. Ладно, согласились, уломали – теперь надо всех собрать. Собирают. Отряды стекаются в одну «лужу». Оп! А тут и сезон дождей подоспел. Ну и хорошо – ополченцы обучаются, србатываются в команды, а как только сезон дождей закончится – вот и пошли вперед, на столицу.

– Но ты представляешь, какие это средства? – недоверчиво покачал головой Андрей. – Эту массу народу надо поить, кормить, содержать все это время! На какие средства? Мы-то уже еле-еле концы с концами сводим! Если бы не наш сундук с сокровищами – туго бы пришлось.

– Ты плохо представляешь, что такое юг. Юг – богатейшая провинция. Бесчисленные стада коров, овец, поля, где колосится лучшая пшеница и рожь в мире! Два урожая успевают снять за сезон. Ну и фрукты, овощи. А рядом – море, очень богатое. Туда идут нереститься многие рыбы, море просто кишит ценными видами рыб, как наши воды – акулами.

– Кстати, а они не могут высадить десант на кораблях? А если используют суда и вместо двух месяцев будут идти неделю? И дожидаться, когда высохнут дороги не надо. Как тогда?

– Нет. Что, десять тысяч конников перевезут на кораблях? Или двадцать тысяч пехотинцев? Столько кораблей не найдут. И представляешь – те же лошади на кораблях? Кормить, поить и так далее. Нет, совершенно нереально. Полгода у нас есть, уверен.

– Не понимаю, откуда они взяли столько народу? У нас вся армия пять тысяч! Что, ополченцы? Крестьяне?

– Крестьяне, потом – солдаты из гарнизонов земельных баронов. Бароны мелкие, но вонючие – у каждого есть по своему отряду. Вот они и дали Гортусу войска. А попробуй не дай – он вообще-то может и сжечь. У него-то как раз самая крупная группировка солдат на юге. Вот все конники – это и есть гвардия землевладельцев. Наемники и потомственные солдаты. Кроме того, он мог нанять и тех же наемников – им все равно с кем воевать, лишь бы деньги платили.

– Но тут ведь пахнет государственной изменой? Как они на это пошли?

– Да все в деньги упирается. Тем более что они рассчитывают пограбить, когда ворвутся в столицу. Что касается пяти тысяч – не забывай, это наша регулярная армия, какие ни есть, а профессионалы. Каждый стоит троих ополченцев. А с ружьями – десятерых. И ополченцев мы тоже собираем, и думаю – догоним численность до десяти тысяч.

– Не в численности дело. Если мы успеем вооружить наших бойцов ружьями, плевали мы на их тридцать тысяч. Представляю, какая у них

сейчас творится неразбериха... Ладно, я уехал. Зоран, прыгай в карету. Все никак не привыкну, что ты стал такой молчаливый. Может, некоторым личностям стрелять из арбалетов по головам, чтобы они стали такими разумными и молчаливыми?

– Знаете, я ведь был на том свете, у Бога. И Он услал меня обратно. А мне так не хотелось возвращаться! Там так хорошо... – Зоран грустно посмотрел на Андрея. – Я все помню... полет, длинный такой, светлый коридор, сквозь который я пролетел. Ощущение счастья, непередаваемого, великого, захлестывающего... и голос: «Тебе нужно вернуться, Зоран!» И меня стало утягивать обратно. Р-р-раз! – и надо мной ваше лицо. Только я так и не понял, как мои раны так быстро зажили. Не поясните? Нет? Ну и ладно. Спасибо, что спасли, – мать бы сильно убивалась по мне. Больше-то некому...

– Ну не ври... – нахмурился Андрей. – Марго думала, что тебя убили, так она кинулась и чуть не поубивала этих следователей. Еле оторвал ее. Ребра им переломала. И все мы плакали. Все расстроились. Так что ты зря так говоришь – ты нам нужен, ты нам дорог. Поэтому прекрати свое депрессивно-мрачное нытье и займись делом. Кстати, что у тебя с Таиной? Я слышал, ты ее забрал во дворец?

– Ну да... она... хм... секретарь мой. Да, секретарь. А что, не так что-то?

– Да нет... нормально все. Только ты мог бы вместо нее найти немало высокородных девиц – не поверю, что на тебя никто из баб не вешался. Зачем тебя такая простушка?

– Простушка? Ну да, простушка, – усмехнулся Зоран, – но в постели она дивно хороша, совсем не глупа, послушна, меня любит, и самое главное – любит не за то, что я секретарь влиятельного вельможи, а просто за то, что я есть. А эти бабы вешаются на шею только потому, что я ваш секретарь. Нет, я не против трахнуть парочку-другую, особенно интересно замужних – ворованный кусок-то слаще, но чтобы постоянно жить с такой, спать с ней – боже упаси. Она же продаст за медяк. Притом я не могу себе позволить связаться с какой-то неизвестной женщиной – вдруг она подслана, чтобы навредить мне и вам? Самое главное – вам, конечно. Так что пошли они... в общем, не спутницы они мне. А про Марго не знал. Да, она горячая штучка... я за нее бы жизнь отдал, не сомневайтесь. – Зоран улыбнулся, и улыбка осветила его хмурое, изувеченное шрамом лицо. – Ладно, что-то я разговорился, как в прежние времена, не правда ли? Куда едем?

– К Олре.

– Привет, Никат! Как устроились с супругой? – Андрей похлопал по плечу уродливого богатыря, и тот улыбнулся. Он явно был рад видеть старого знакомого, можно сказать – друга.

– Отлично. У нас комнаты в доме, Асора управляет слугами, ну а я охраной. Ваша... твоя супруга у себя в кабинете. Она будет рада видеть вас.

– Надеюсь, – криво усмехнулся Андрей. – Зоран, пошли со мной. Нам нужно кое-что обсудить с моей... женой.

Они поднялись по каменной лестнице – дом был довольно большим, даже больше, чем дом Антаны. Двухэтажный – ранее он принадлежал одному из репрессированных баронов, пойманных на пособничестве исчадиям. Был и еще один дом – в нескольких верстах от столицы, но Олра там жить не пожелала. За домом присматривали слуги, а землями занимался управляющий, которого она контролировала. Олра быстро, в считанные дни навела порядок в делах. Выгнала прежнего управляющего, запустившего дела до полного безобразия, и наняла нового, по совету Зиртона – у него какой-то дальний деревенский родственник хорошо разбирался в сельском хозяйстве и умел ладить с людьми. Он и был когда-то управляющим, но ушел от прежнего хозяина по причине склочности того и склонности к запоям, во время которых этот землевладелец становился совершенно неуправляемым. Андрей лично с ним беседовал, контролируя с помощью Шанти, и человек этот ему понравился.

Андрей постучал в дверь кабинета и, дождавшись ответа, вошел. Олра улыбнулась:

– Чего стучишь-то? Как чужой. Все-таки муж...

– Ну мало ли... тем более я не один. Это мой секретарь, Зоран. Очень дельный молодой человек. Нам нужно поговорить.

– Втроем?

– Втроем. Деловой разговор.

– Ты все в делах, – вздохнула Олра. – Дай хоть обниму тебя. Соскучилась... – Она подошла к Андрею и неловко притянула его к себе. Живот мешал двигаться, и Олра невольно поморщилась, потирая спину. – Здоровенный твой отпрыск! Постарался ты на славу!

– Ладно, ладно... смущаешь парня, – улыбнулся Андрей.

– Его смутишь – вон, даже бровью не дернет, как статуя стоит! Присаживайся. Ну что же, давайте поговорим...

– Дело вот какое. Можно сказать, по твоей части. Хотела трактир – будет тебе трактир. Только не совсем трактир. Или совсем не трактир.

– Что-то мудрено, – усмехнулась женщина. – А покороче нельзя?

Поконкретнее?

– Хорошо. Покороче так покороче. В казне нет денег. Деньги нужно добыть. Как? Самый просто способ – отнять у аристократов. Но боюсь, что простые способы отъема денег вызовут волнения и бунты. Значит, надо придумать способ, как это сделать и не получить нехороших последствий. Вот что я хочу...

Андрей с полчаса рассказывал, объяснял Олре суть всего, что он задумал. Потом замолчал, и в комнате стало тихо, так что слышно было, как возле ворот Никат распекал охранника своим красивым голосом.

– Что же, я согласна. Только два вопроса. Первый: что мы с тобой с этого будем иметь? И второй: ты ведь не только деньги зарабатывать меня заставишь? Тебе еще что-то надо?

– Информация. Ты будешь общаться с аристократами. Они неизбежно будут проигрывать, и иногда ты будешь прощать им долги – за очень важную информацию. А еще брать с них расписки и делать так, чтобы они зависели от нас. Денег будет много – это выгодное заведение. Я дам тебе лучшего повара, который только есть в стране, а может, и в столице. Ее звать Эрна. Она повар от Бога. Ты должна сделать так, чтобы к тебе съезжались все самые родовитые и богатые. Под это дело будет выделен большой особняк в центре столицы, завтра Зоран тебе его покажет. Особняк принадлежал советнику Карлосу, это лучший дом в городе, за исключением императорского дворца, конечно. Деньги на реконструкцию будут выделены. Что ты будешь иметь? Пять процентов с прибыли. И не забывай – обмануть невозможно. Обманешь – потеряешь все. Это чтобы окончательно расставить все по своим местам.

– Ты изменился, – с грустью заметила Олра. – Кажется, только вчера ты был мужчиной, способным ради меня на безумные поступки. А теперь разговариваешь со мной, как с чужой... Скажи своему секретарю подождать в коридоре.

– Выйди, Зоран, – кивнул Андрей.

Они дождались, когда парень выйдет. Потом Андрей перевел взгляд на Олру и тихо сказал:

– Все мы меняемся. И ты изменилась. Раньше ты бы не стала так себя вести.

– Во мне что-то надломилось, Андрей... сама не понимаю что, – опустошенно ответила женщина. – Была жизнь, был трактир. Худо ли бедно ли – я жила. Мужчины были. Детей не было. И тут появился ты. Я влюбилась в тебя, как только увидела. Решила – ты останешься со мной, чего бы это мне ни стоило. А когда оказалось, что ты не совсем тот, за кого

я тебя принимала, я заколебалась. И проиграла. Ты ушел, я осталась одна, события закружили меня и выбросили на берег, как волныдохлую рыбу. И теперь у меня одна задача – выносить сына или дочь, вырастить, дать возможность жить. И кто, как не ты, поможет мне? Да, я честолюбива и хочу большего, чем обычная трактирщица. Но никогда не сделаю ничего, что повредит тебе, я уже это говорила. Я сделаю все, что тебе нужно, но и ты, пожалуйста, не отбрасывай меня. Деньги-то мне, собственно, нужны для твоего ребенка. Не такая уж я стяжательница, если ты так решил. М-да-а-а... повезло Антане. Завидую ей. Ты с ней, а я тут одна, в холодной постели. Может, хоть иногда будешь у меня ночевать, а? Так иногда хочется прижаться к твоей спине...

– Нет, Олра. Антана этого не поймет, – мотнул головой Андрей. – Что ушло, то ушло.

– Да, ушло... Я ездила в гости к Антане. Ты в курсе, да? Мы общались на разные темы. Она очень умная и хорошая девочка. Повезло тебе. Впрочем, как и ей. А вот император... Знаешь, что я тебе скажу, – от него не пахнет. Не понял? От него не пахнет потом, не пахнет ничем живым. Как будто перед тобой не живое существо. Я не знаю, как это так и что вы сделали с Зартом, но это... не он. И будь осторожен – если я смогла это понять, поймут и другие. Ладно, зови своего одноглазого. Будем решать, как нам все сделать и с чего начать. Ты же должен где-то заказать эти... рулетки, так ты их назвал?

– А сейчас куда едем? – спросил Зоран, запрыгивая в карету, омытую послеобеденным дождем.

– К патриарху. Разговор к нему есть. Церковь должна же, в конце концов, выделить средства на борьбу со своим врагом? Или деньги должен давать только я? Нужно слегка потрясти церковь. Пусть заем дают или просто на войну с исчадиями.

Крики, звон сабель – карета замедлила ход и остановилась. Андрей выглянул в окно и увидел, как четверо его гвардейцев бьются с десятком неизвестных, нападающих толпой. Похоже, что кучера убили, так как карета застыла на месте и на козлах не было слышно движения.

– Хватай быстрее! Будешь заряжать и подавать мне! – Андрей сунул оружие в руки Зорана и взял второй пистолет, засовывая в него патроны со стальным сердечником.

Высунув ствол из окна, он выцелил одного из нападавших, особенно активно размахивающего железякой, и спустил курок. В замкнутом

пространстве грохот был ужасающим – звук ударил по чувствительным ушам Андрея как молотком. Зато и супостат свалился с лошади. Его просто вынесло из седла, будто по нему ударили огромной кувалдой. До нападавших было всего метров десять, не больше, поэтому Андрей не боялся промахнуться. Тем более что стрельба из огнестрелов всегда была его коньком на Земле.

Второй выстрел! Еще один нападавший упал. Андрей не глядя сунул использованный пистолет назад, и Зоран ткнул ему в руку второй ствол. Бам! Бам! Двух нападавших снесло, а в окно кареты влетели два арбалетных болта, вонзившись в противоположную стену.

Двое гвардейцев Андрея уже лежали на земле, двое еще бились, прижавшись к стене дома. В карету попытались ворваться сразу двое, с разных сторон. Андрей снес одного, выстрелив ему в голову, второго застрелил Зоран, разворотив тому грудь. Кровь и мозги из раздробленной головы забрызгали лицо Андрея, он выругался и подумал о том, что Зоран оказался умнее – стрелять надо было в грудь! Мельком оглянулся – Зоран был бледен, но спокоен. Андрей подмигнул ему, тот криво ухмыльнулся:

– Все-таки я удержал в руках эту штуку. Боялся – выроню.

– Бей! Бей! – яростно крикнул Андрей и выстрелил в кучу нападавших, ломящихся в дверцу.

Зоран последовал его примеру, врагов отбросило, и у осажденных в карете появилось несколько секунд на то, чтобы перезарядить стволы.

– Мы не выдержим долго, – пробормотал Зоран, – надо что-то придумать, иначе они сейчас сядут на козлы и...

Как бы отвечая его словам, карета вздрогнула – кто-то запрыгнул на нее спереди. Андрей огляделся – наверху был сделан люк для вентиляции. Когда становилось жарко, люк можно было приподнять. Использовать его? Андрей вскочил на сиденье, примерился – слишком высоко. Выругался, потом приказал:

– Сиди тут и не вылезай. Я пойду наружу. Пистолет зарядил? Хорошо. Не бойся, все будет нормально.

– Я и не боюсь. Чего мне бояться? – ухмыльнулся Зоран. – В крайнем случае опять вернусь туда! – Он показал пальцем вверх.

Андрей кивнул и, взяв в руки по пистолету, выскочил наружу, тут же отпрыгнув в сторону. И не зря – в обшивку кареты, там, где только что находилась его голова, воткнулись два арбалетных болта.

Андрей рывками, дергаясь из стороны в сторону, приблизился к куче нападавших на двух оставшихся в живых стражников и открыл беглый огонь. Каждый из его выстрелов выбивал одного из нападавших. Они

ошеломленно забегали, приснули в стороны, что дало возможность перезарядить пистолет. Второй, разряженный, он бросил на землю – от него пользы уже не было никакой, только помеха заряданию.

Андрей переломил стволы, продолжая двигаться в рваном ритме, затрудняя прицеливание арбалетчикам, засевшим где-то в доме напротив. Ему удалось уклониться от двух болтов, высекавших искры из мостовой, но третий болт ударил в левое плечо, сразу онемевшее и зашедшее от боли. Удар болта сбил его прицел, и Андрей почти промахнулся – вместо того чтобы гарантированно снести очередного супостата, его пуля ударом оторвала тому руку, повисшую на лохмотьях кожи и мяса. Боевик упал, сбитый выстрелом, и застыл на мостовой, слабо шевелясь и пытаясь зажать хлещущую из раздробленной руки кровь.

– Возьмите! – Андрей с удивлением оглянулся и увидел Зорана, подающего ему пистолет. Тот спокойно стоял посреди поля боя, не обращая внимания на звон сабель.

– Болван! Подстрелят! – Андрей толкнул Зорана себе за спину левой рукой, сморщившись от боли в раненом плече, затем поднял пистолет и выпалил в окно дома в десяти метрах от себя – он все-таки засек снайперов с арбалетами.

Там кто-то тоненько закричал, мелькнула еще тень и свалилась от следующего выстрела из пистолета. Похоже, что Зоран зарядил патроны с картечью, так что выстрелы зацепили всех, кто находился в комнате.

Зоран снова подал заряженный пистолет, и Андрей стал расстреливать бегущих от места схватки нападавших, уничтожив еще двух, уже на пределе дальности. Двух последних зарубили гвардейцы, бросившиеся за ними в погоню – пешком. Их лошадям подрубили ноги, и они жалобно ржали, лежа на мостовой и безуспешно пытаясь встать. В их больших карих глазах светилось непонимание и упрек людям: за что?

Андрей подошел к раненым животным, направил пистолет в голову коню. Выстрел! По телу животного прошла судорога, и лошадь затихла. Выстрел! Второй конь успокоился и тоже отправился в конский рай, на луга вечной радости, чтобы снова стать веселым жеребенком и нестись на просторе с развевающейся по ветру гривой...

– Есть живые? – спросил Андрей у тяжело дышащего гвардейца, зажавшего рану на щеке, из которой обильно лилась кровь.

– Есть. Один. Тот, кому вы руку отстрелили.

– А вы чего не стреляли?

– Не успели. Растерялись, – признался второй гвардеец, хмуро осматривающий зазубрины на своей сабле. – Привыкли полагаться на

сабли. Простите.

– Бог простит, – буркнул Андрей. – Если бы стреляли – может, сейчас и ваши товарищи были бы живы.

– У нас времени не было, даже чтобы снять ружья, – возразил второй. – Они как-то сразу выскочили, из переулка. Когда бы мы успели снять ружья, взвести курки и выстрелить? Только и успели, что сабли выхватить.

– Ладно. Выжили, и то молодцы. И врагов побили. – Андрей сморщился – арбалетный болт так и торчал у него в плече. Он уцепился за него пальцами и резко выдернул. Брызнула кровь, но сосуды быстро были перекрыты системой регенерации. – Перетяните ему руку, чтобы не истек кровью. Мне нужно его допросить! – Андрей подошел к раненому врагу и посмотрел ему в лицо. Тот был бледен и, похоже, находился в шоковом состоянии от боли и потери крови.

Гвардейцы перетянули тому руку, Андрей наклонился и поправил ему ауру, сняв болевой шок и закрыв порванные сосуды. Раненый вздохнул, и взгляд его стал осмысленным.

– Кто вас послал?

– Я не буду тебе отвечать. – Раненый угрюмо уперся взглядом в землю.

– Отвечать ты будешь, иначе тебе будет очень больно. Мне всего лишь надо знать, кто тебя послал и зачем. И ты останешься жить. Пусть даже и одноруким. Все лучше, чем гнить в яме. Итак, повторяю: кто вас послал и зачем? Послушай, ну не делай мою задачу труднее, чем она есть!

Андрей покачал головой и, коснувшись ауры мужчины, накачал ее болью так, что она вся покраснела от багровых всполохов. Мужчина завыл, забился в судорогах, глаза его закатились, и Андрей тут же снял болевые ощущения. Наемник вздохнул, тяжело дыша, и широко открыл глаза, с ужасом глядя на Андрея.

– Это Хеарт. Я работаю на него. Задача была захватить вас, а при невозможности захвата – убить. Сегодня начинается восстание – император будет низложен, а на его место встанет Хеарт. Он родственник императора и достоин занять его место. Больше ничего не знаю. Сейчас штурмуют мастерские по изготовлению ружей.

– Сколько вас?

– Несколько сотен, точнее не знаю. Может, тысяча. Может, больше. Должны поднять смуту, кричать, что в том, что имеется недостаток хлеба, виноват император. Потом, когда начнется бунт, раздать им оружие и повести толпу на дворец. Больше ничего не знаю. Вы оставите меня жить?

– Оставим, я же обещал, – напряженно размышляя, отстраненно

отозвался Андрей и обратился к гвардейцам: – Ты – быстро в казармы гвардейцев! Поднимай всех! Ты – найди Зиртона, он сейчас должен быть в управлении стражи. Объясни ему ситуацию, выводите всех на улицы. Прикройте дворец, часть сил отправьте на оружейный завод. Я на завод. Зоран, лови лошадей, поехали! Забыл – этого доставьте в казармы, пусть поместят в тюрьму. Потом допросим как следует.

Через десять минут Андрей и Зоран уже неслись по улицам города на лошадях, оставшихся от убитых гвардейцев. Карету они бросили – не до нее. Захватили лишь пистолеты и все патроны, что были.

Первое, что они слышали, приближаясь к заводу, – выстрелы. Их не спутаешь ни с чем. Защитники завода палили по нападавшим из всех видов оружия, исключая лишь пушки. Впрочем, если бы пушки были боеспособны, осаждавшим досталось бы и из пушек.

Их было несколько сотен – сказать точно, сколько именно, невозможно. Андрей и Зоран спешили метров за пятьсот от завода, под прикрытием кустов, росших на небольшом пригорке возле дороги, и несколько минут напряженно наблюдали за происходящим.

Завод покрывали клубы порохового дыма, и время от времени сквозь него мелькали красные сполохи огня – завод защищался яростно, не собираясь сдаваться. Андрей заметил, что красные всполохи мелькали и на территории завода – как будто защитники стреляли не только в осаждавших, но и в кого-то на своей территории. Он задумался и с досадой понял – заключенные. Похоже, что возник мятеж еще и на самом заводе. То ли они воспользовались ситуацией и решили попробовать освободиться под шумок, то ли это была специальная акция – осаждающие заранее подготовили план захвата завода, и заключенные были «пятой колонной» на его территории.

Андрей задумался: что он может сделать в одиночку? Героически принять в себя кучу арбалетных болтов? Нет. Тут нужна была помощь гвардейцев, и никак иначе.

– Пошли. Будем ждать гвардейцев. – Монах потянул секретаря за руку, и они уселись на землю под кустом, вне зоны видимости нападавших.

Ожидание затянулось, и Андрей с тяжелым сердцем слушал канонаду на заводе. Она не стихала – охранники палили непрерывно, благо патронов хватало, но людей было слишком мало, чтобы они могли выйти и уничтожить агрессоров. Его очень беспокоило то, что могли пострадать мастера – Надил и его помощники. На них держалось все производство, и не дай бог они погибнут, тогда все его планы пойдут прахом. Эта мысль билась в голове, доводила до иступления, и Андрею хотелось броситься к

заводу и открыть беспорядочную стрельбу, уничтожая тех, кто пытался уничтожить его труд.

Ждать пришлось с полчаса, и наконец Андрей увидел отряд гвардейцев, скачущий по дороге в направлении завода. Он бросился наперерез и замахал руками, останавливая бойцов. Их было человек сто, все из стрельцов.

– Слушаю, господин советник! – отсалютовал капитан, мужчина лет тридцати пяти, с ружьем за плечами.

– Слушайте: ружья эффективны метров с пятидесяти – семидесяти. Арбалеты – с трехсот. Значит, нужно сблизиться как можно быстрее, не давая им шансов расстрелять вас издалека. Готовьте ружья, потом построитесь в линию и поскачете на врагов. Как только будете в пределах досягаемости – стреляйте. Заряды – картечь. Палите по толпе не целясь. Их всех зацепит. Все ясно? В первую очередь выбивайте арбалетчиков.

– Ясно, господин советник! – Капитан повысил голос и скомандовал: – Становись в ряд! Готовься, заряжай картечью! По сближению с противником – беглый огонь! В первую очередь выбивать стрелков! Вперед!

Отряд лавиной полетел на врага, молча, без криков и воплей. Лошади, приученные повиноваться всадникам без управления удилами, только толчками коленей – неслись вперед, а всадники, наклонившись, целились из кавалерийских укороченных ружей, заряженных сантиметровой картечью.

Андрей еще никогда не видел действия этих патронов в реальных боевых действиях и с невольным любопытством ждал, что сейчас будет происходить.

Осаждающие завод были увлечены единственным и главным занятием: они долбили по воротам здоровенным бревном, видимо сделанным из срубленной неподалеку ели – ветки и остальные ненужные части дерева, обрубленные топорами, валялись метрах в ста от дороги. Человек пятьдесят держали длинный толстый ствол, разбегались и с разгону, с хаканьем и криками, били в ворота. Вокруг них стояли остальные наемники, ожидавшие, когда смогут ворваться на завод.

Боевики не смотрели на дорогу – все их внимание было занято отстрелом защитников крепости, пытавшихся со стен завода стрелять по тем, кто раскачивал таран и бил бревном по воротам.

Арбалетчиков было довольно много – человек семьдесят, так что у защитников завода не было возможности подобраться к воротам поближе и перестрелять таранщиков – как только они высывались из-за парапета

стены, сразу сыпался град стрел из мощных арбалетов. Им приходилось стрелять издалека, и пули почти не находили цели. О картечи уж и говорить нечего – она лишь щелкала по латам нападавших, ослабев на излете и не имея возможности пробить стальные кирасы. Кроме того, раскачивающих таран прикрывали с боков щитами, сколоченными из нетолстых бревен, – пули вязли в дереве. Щиты держали несколько десятков боевиков.

Андрей досадливо закусил губу. Хотя нападавшие и не смогли проникнуть на завод – возле забора валялось несколько десятков убитых, видимо, такие попытки они уже делали, – но и уничтожить всех их осажденные не могли, и постепенно завод все равно был бы взят. Дело лишь во времени. Все это было наглядным пособием – что будет, если враг осадит эту небольшую крепость. Плохо будет. И нужно полностью перестраивать систему защиты.

Лавина гвардейцев уже проскакала половину пути, когда осаждающие наконец заметили угрозу со спины, закричали и повернулись к новому противнику. Во всадников полетела туча болтов, но сбить скачущего всадника навскидку не так просто. Да, из седел вылетели человек десять бойцов, несколько лошадей кувыркнулись, подстреленные на ходу, но остальные гвардейцы дали залп из ружей.

Густое облако дыма заволочло поле боя, и, когда оно рассеялось, раздутое ветерком, открылась ужасающая картина – нападавшие были буквально сметены выстрелами солдат. Не помогла и броня, тем более что в тяжелую броню были одеты не все, а примерно тридцать процентов нападавших. Остальные носили длинные кольчужные рубахи с кольчужными капюшонами, а на некоторых не было и этого – в основном на стрелках.

На земле остались лежать сотни, буквально сотни людей – убитых и раненых, стонущих и кричащих от боли. Картечь, круглые шарики которой летели как капли свинцового смертоносного дождя, снесла вражеское войско.

Они не были готовы к атаке с тыла – их упущение, отметил Андрей. Надо было выставить боевое охранение, заслоны на дороге, но это не было сделано.

«Непрофессионалы!» – с презрением военного к гражданским ополченцам подумал Андрей.

Мало кто из осаждавших смог остаться на ногах под смертоносным огнем, но и они были ошеломлены и находились в шоковом состоянии.

Прийти в себя им не дали. Гвардейцы остановились в десяти метрах от нападавших и дали второй залп.

Это был конец. Если кто-то еще и остался жив, то сражаться он точно не мог. Поле боя заливали лужи крови, в которых копошились раненые. Со стен завода падали защитники крепости, добивая выживших пулями со стальным сердечником. Не прекращались выстрелы и в сторону территории завода, видимо, внутренний бунт еще не был остановлен.

Ворота стали открываться – они были сильно побиты, покорежены, но нападавшим все-таки не удалось их разбить. Крепкий дуб, окованный сталью, – его не смог взять таран.

Андрей побежал к воротам, следом припустил Зоран. Они добежали до завода, когда гвардейцы уже втянулись внутрь и снова началась активная пальба. Затем все стихло.

Вбежав в ворота, Андрей увидел площадь перед конторой Надила, заваленную десятками трупов. У многих были заточенные железки, кайла, лопаты – видимо, они шли на приступ конторы, когда их встретили залпами из ружей.

Это были заключенные – их сразу можно узнать по специальной форме, которую им пошили по указанию Андрей, чтобы их было видно издалека. Ярко-желтые штаны и рубахи.

Стекла в окнах конторы были перебиты камнями, в комнатах копошились люди. Из окон торчали ружья, оставленные защитниками на месте стрельбы.

– Отец ранен! – крикнул сын Надила, выбежавший навстречу Андрею. Лицо парня было черным от порохового дыма.

Андрей вытер ноги у порога, счищая прилипшие к подошвам кусочки костей, кожи, желтоватые куски мозга и сгустки крови – пока шел через площадь, испачкал башмаки буквально по щиколотку. Оттерлось плохо, и он, махнув рукой, пошел следом за Энаром.

Надил лежал в соседней комнате, и в груди у него торчал арбалетный болт. Он был в сознании и, увидев Андрея, попытался что-то сказать, пошевелил рукой, но из его рта полился пенистый поток крови, и мастер затах, глядя мертвыми глазами в потолок. Андрей бросился к нему, попытался подкачать, восстановить ауру, но та была серой и недвижимой, жалким подобием ауры человека. Надил умер.

Андрей присмотрелся – оказывается, из груди мастера торчало два болта, один в легком, второй засел рядом с сердцем. Даже если бы Андрей успел к нему живому, тот почти не имел никаких шансов выжить – удивительно, что мастер вообще прожил столько времени, дотянул до прихода компаньона.

– Когда это случилось? И как? – хрипло спросил Андрей, опустошенно

глядя на человека, с которым связывал свои надежды.

– Он полез на стену. Я его останавливал, но он не слушал. И высунулся из-за парапета. Вот результат. Он ждал вас, что-то хотел сказать. И не успел. Его ранили буквально за минуту до атаки гвардейцев. Мы его отнесли сюда. И все. Не дожил...

Энар зарыдал, Андрей тоже проглотил комок в горле и откашлялся. Потом спросил:

– Как все получилось? Когда начался штурм?

– Как только вы и господин Гнатьев уехали, минут через двадцать стражники доложили, что сюда бежит толпа вооруженных людей, – вытерев глаза, начал рассказывать Энар. – Мы закрыли ворота. Они вначале потребовали старшего, на переговоры. Отец пошел на стену. Те предложили сдаться, сказав, что здесь по распоряжению настоящего, истинного императора Балрона Хеарта Первого. И если мы не сдадимся – нам конец. Отец их обматерил. И началось... Они вначале полезли на стены – тут им обломалось. Мы их раздолбали из ружей. Тогда они начали стрелять из арбалетов и не давали нам поднять головы. Затем срубили здоровенное дерево, притащили его и принялись долбить в ворота. Вместе с деревом сделали щиты – наверное, заранее готовились, знали о ружьях, тактика была уже разработана. Все бы ничего, но заключенные подняли бунт и бросились на контору, видимо, хотели захватить ружья. Пришлось перебить практически половину. Мы бились на две стороны – снаружи люди Хеарта, изнутри заключенные. Погибло много рабочих, несколько охранников – заключенные побили. Все наши – помощники – все живы. Некоторые легко ранены, но ничего серьезного. И только отец... – Энар снова всхлипнул, справился с собой и спросил: – Что происходит в городе?

– Бунт. В городе бунт. Мятеж, – угрюмо ответил Андрей и, опустившись на колени, ладонями закрыл невидящие глаза Надила.

Ему было больно и горько.

Глава 10

– Как вы могли проморгать?! Почему вы не знали, что зреет бунт? Как вы допустили, чтобы даже некоторые священники поддержали мятеж и проповедуют о необходимости смены императора? – Андрей почти выкрикнул эти слова и ударил кулаком по столу, по очереди глядя в глаза начальнику стражи и первому инквизитору.

В кабинете воцарилось молчание. Оба чиновника силовых структур потупили глаза.

Андрей сел на место и заставил себя успокоиться. Потом глухо сказал:

– Доложите, каково состояние дел на полдень сегодняшнего дня. Кто доложит?

– Я. – Федор поднялся с места, но Андрей махнул рукой – сиди, мол. – На сегодня мятежом охвачены три района города. Само собой, портový район – это главный рассадник шпаны. Тем более что они недовольны истреблением своих главарей. Ремесленный район – эти недовольны всегда и всем. Например тем, что выросли цены на хлеб. Подстрекатели из числа наймитов аристократии бегают и кричат, что виноват император и нужно его поменять. На улицы вышли студенты.

– Этим-то какого демона надо? – не выдержал Андрей. – Учатся себе и учатся! Эти-то чего полезли?

– Студенты всегда были склонны к бунтам, – вмешался Зиртон. – Как только где-то пахнет погромами, беспорядками, бунтом – значит, жди, что там будут студенты. Я не знаю, почему так. Большинство из них дети из обеспеченных семей, им-то чего надо? Бунт ради бунта, я полагаю. Студенчество всегда было той массой, кинув в которую дрожжи бунта можно было получить хороший мятеж. Главное – подкинуть им идею. Например, идею справедливости. Мол, это несправедный император, он не дает хлеба, поэтому несчастные ремесленники голодают. А студенты, как прогрессивные люди, должны содействовать устранению несправедливости. Лидеры, конечно, все куплены, но основная масса просто тупо идет и громит – по идейным соображениям или из любви к беспорядкам, как я уже сказал.

– Идиоты! – бросил император, сидящий в стороне, возле окна. – Я, что ли, этот хлеб выращиваю? Сказано же, Гортус перекрыл дороги на юг, нет поставок зерна – при чем тут император?

– Ну... вроде как вы виноваты в том, что Гортус теперь идет войной на

столицу. – Зиртон встал со своего места. – Говорят, мол, если придет новый император – войны не будет.

– Дебилы! Гортус как раз и собирается сесть на трон, кто бы его ни занимал в настоящее время! Сиди, Зиртон... не до церемоний.

– Им доказать невозможно, ваше величество... – пожал плечами Зиртон и сел на место. – Извини, Федор, я тебя прервал.

Федор кивнул и продолжил:

– Итак, на улицы вышло тысяч тридцать человек. Часть их вооружена, но большинство с голыми руками или же подручными средствами типа кирпичей и палок. Большая часть движется к дворцу императора, похоже, что намечается штурм. Я вывел гвардейцев из казарм, окружил дворец. Вывел пехотные части. Тоже сейчас у дворца. Ждут приказаний. Что будем делать?

– У кого спрашиваешь? У меня? – усмехнулся император. – Вон советник, пусть и советует, как прикрыть мою императорскую задницу.

– Кто зачинщики бунта, узнали? – нахмурился Андрей.

– Да кто... Хеарт, двоюродный брат императора, Шамор, бывший командир корпуса гвардейцев, ну и еще несколько родовитых аристократов.

– А почему я здесь не вижу главного бургомистра? – спросил Андрей.

– Сбежал он, на север, в свое поместье, как только жареным запахло, – ухмыльнулся Зиртон.

– Так, почему священники вышли из подчинения, святые отцы? Им-то чего надо?

– Боятся, что их уберут со своих мест. Мы начали чистку рядов церкви, освобождаясь от нарушителей церковного закона, от пьяниц, растлителей и распутников. Вот они и взбунтовались, – прогудел Акодим.

– А я говорил, что надо проводить реформу мягче, не рубить сплеча! – яростно выкрикнул патриарх. – И чего теперь делать? Они подзуживают толпу, и, если мы не справимся, висеть нам на столбах!

– Ну что сказать – все мы виноваты. – Зиртон встал и уперся руками в столешницу красного дерева. – Что будем делать? Давайте решать. В одном я уверен – без большой крови не обойдется. Почему проморгали? Не успели, господин советник. Повыгоняли большую часть мздоимцев, подлецов, провели большую чистку в рядах стражи, корпуса следователей – все, кто запятнал себя недостойным поведением, вылетели с треском. Теперь они в рядах мятежников, подстрекатели и активные участники бунта. Эти-то понятно чего бунтуют – надеются на возврат к прошлому, хотят снова занять теплые места.

– У меня так же, – хмуро буркнул Акодим. – Повыгоняли

инквизиторов, теперь они с бунтовщиками. У меня сложилось такое мнение, что нельзя быть добренькими. Надо было укоротить на голову и тех же инквизиторов, и стражников, которые вместо своей непосредственной работы занимались поборами, вымогательствами и грабежами, фактически превратившись в тех, от кого они были обязаны защитить народ, – в бандитов. Мы все виноваты в мягкотелости, в нерешительности. Теперь пожинаем плоды.

– До-лой! До-лой! До-лой! – Толпа бесновалась за воротами императорского дворца, являющегося, по сути, небольшой крепостью.

Андрей приказал, чтобы гвардейцы ушли со стен, так как из толпы летели стрелы, болты и камни. Стена была высокой, метров пять высотой, так что без лестниц или бревен влезть на стену бунтовщики не могли.

У стен собралось тысяч пять разъяренного народа. Со слов разведчиков – основная масса бунтовщиков занималась погромами в купеческом квартале, уничтожая лавки и растаскивая хозяйское добро. Там шел бой – многие купцы были людьми, прошедшими огонь и воду, так что без борьбы свое имущество отдавать не собирались. Они отчаянно дрались, и в поединках погибло уже несколько сотен человек с обеих сторон. Как сказал разведчик, купцы молят о помощи, им до ночи не продержаться.

– Ну что, готовы? – хмуро спросил Андрей. – После того как ворота откроются – действуем, как решили. И никаких промедлений и нерешительности. Иначе страна погрузится в хаос, и будет гораздо больше смертей, чем сейчас.

– Ох, как мне это все не нравится... – пробормотал Федор и крикнул: – Гвардейцы! Сегодня вы должны защитить ваших императора и императрицу с будущим наследником престола! На вас вся надежда, не подведите! Как только откроются ворота и в них ворвутся бунтовщики – открывайте огонь. Потом выходим на дворцовую площадь и начинаем оттеснять мятежников к купеческому кварталу и в порт. Стреляйте во всех, кто идет с оружием в руках или же совершит акт агрессии по отношению к вам – например, бросит камень или попытается ударить! Мирных жителей не трогать, за грабеж – виселица! Подразделения действуют самостоятельно, задачи командирам поставлены! С Богом, солдаты!

– Они притащили лестницы, – подбежал запыхавшийся гвардеец, – сейчас начнут штурм!

– Открыть ворота! – твердым голосом приказал Федор.

Стальные ворота с медными накладками, начищенными кирпичом и сияющими в лучах послеобеденного солнца, медленно поползли вверх,

влекомые системой цепей и блоков. В эти ворота спокойно могли въехать сразу четыре экипажа в ряд и даже не зацепить друг друга. Эта стальная машина весила не менее пятнадцати тонн, и для ее поднятия нужна была сложная система блоков, воротов и несколько сильных мужчин для активации механизма.

Между мостовой и нижним краем образовалась щель... выше... выше... вот она уже полуметровой высоты... еще выше... в щель начинают влезать оружие, разгоряченные вином и революционной яростью мятежники, чтобы оказаться перед рядами гвардейцев в полном боевом вооружении – латах, шлемах, с саблями и кинжалами на поясе и с ружьями в руках. Ружья направлены на ворота, и гвардейцы стоят молча, спокойно, как блестящие стальные статуи. Первый ряд опустился на колено – как учили, второй целится поверх их голов.

Мятежники, первыми прорвавшиеся на территорию, прилегающую к дворцу, вначале опешили и подались назад, увидев ряды безмолвных солдат, но ворота поднимались все выше и выше, сзади напирала яростная, вопящая толпа, и поток людей понесся на солдат, как горный сель, спускающийся после дождей по долинам и сносящий людей, строения... все, что попадется ему на пути.

– Пли! – Федор, бледный, но решительный, махнул рукой, и грянул гром.

Ружья полыхнули пламенем, выдохнули длинные, густые клубы дыма – раз, два! – и двор превратился в мясорубку. Картечь рвала тела, проносила дальше, с визгом рикошетируя от ворот, от мостовой, от немногочисленных лат, надетых на штурмующих. Каждая из маленьких свинцовых смертей нашла свою цель.

Разом полегли несколько десятков человек – по последующим подсчетам, около сотни. Солдаты мгновенно перезарядили ружья и мерным шагом пошли вперед. Толпа снова нахлынула в ворота, не понимая, что произошло. С ними случилось то же самое.

Солдаты организованно вышли из ворот дворца, быстро, как учили, развернулись в шеренги и начали методично палить по пятитысячной толпе. Солдат с ружьями было полторы сотни, и, если бы вся толпа ринулась вперед, им бы не поздоровилось. Но ведь это придется идти на смертоносный рой и погибнуть! И каждый из бунтовщиков думал – пусть гибнут другие. А лучшая тактика в случае опасности – сбежать и спрятаться дома.

И толпа побежала.

Вопли, крики, звенит по булыжникам мостовой брошенное оружие.

Улица не могла сразу вместить такое количество людей, ворвавшихся в нее с дворцовой площади, – люди давились, хрипели, рвались вперед, спасаясь от неминуемой гибели.

Началась паника, и в ней погибло людей больше, чем от выстрелов солдат. Мятежники дрались друг с другом, резали, кололи, били, затаптывали упавших – на месте давки осталось более пятисот человек убитых и покалеченных своими «коллегами». Они стонали, хрипели, плакали, выхаркивая красную, густую кровь, и проклинали тот день, когда поддались на призывы своих предводителей и пошли штурмовать дворец императора. Ведь, по сути, им было все равно, какой император сидит на троне. Их это не очень-то и касалось – главное, чтобы были деньги на еду, выпивку и женщин. А поход на дворец казался забавным приключением да еще возможностью неплохо заработать. Ведь во дворце хранятся сокровища императора. А вот кровь, боль, смерть и дерьмо, выпадающее из распоротого живота, никто не обещал...

С территории дворца вытягивались остальные подразделения – гвардейцы, пехота. За ними – конные гвардейцы. Они с ходу перестраивались в боевые порядки, и началась операция по умиротворению.

Мужчина выглянул из-за шкафа, прикрывавшего окно, и едва не получил стрелу в глаз. Она скользнула по черепу, пробороздив лоб, и вонзилась в настенную полку, расщепив доску надвое. Жена купца пронзительно взвизгнула, а дети, спрятавшиеся под столом в дальнем углу, громко заплакали.

– Тихо! – хрипло сказал купец, вытирая кровь, заливавшую ему глаза. – Живой я. Пьяные они, потому стреляют неточно. Натягивай арбалет – возьми крюк. Я сейчас... мне кажется, по крыше кто-то топает.

Купец взял саблю в правую руку, в левую кинжал и полез по лестнице на второй этаж.

Тут было тихо. На втором этаже располагались спальни его и жены, а также четверых детей – Бог дал их ему после того, как прежняя жена умерла, захватив с собой и двоих маленьких детей. Он смог жениться только через двадцать лет, когда память о прежней семье затянулась тиной долгих-предолгих лет. Все эти годы он путешествовал по стране, участвовал в войне со Славией – вначале служил солдатом, поднялся до капрала, но оставил службу и стал торговать тканями и пряностями. У него открылся талант купца, и мужчина скоро разбогател – не так чтобы быть совсем уж богатым, вроде крупных аристократов или землевладельцев, но

достаточно для того, чтобы больше не думать о будущем, не прикидывать, хватит ли ему денег до следующей выдачи жалованья и может ли он позволить себе купить ту или иную вещь и посидеть в дорогом трактире.

На шестом десятке лет он влюбился. В дочь своего старого знакомого – партнера по торговле коврами. Самое смешное, что она тоже полюбила его. Он долго не мог ей признаться в любви, пока она сама не взяла все в свои руки – заманила в библиотеку и, бросившись на шею, впилась в губы долгим поцелуем. Он стоял как идиот, не зная, как поступить, и, когда она заявила, что любит его с детства, растерялся. Впрочем, все завершилось хорошо. Ее отец, посмеиваясь, требовал, чтобы он называл его папой, когда они собирались на легкую дружескую попойку, а жена быстренько нарожала ему четверых детей – одного за другим, каждый год, как будто опасаясь, что муж скоро не сможет заделать ей больше ни одного.

Он как-то сказал ей об этом, она долго смеялась так, что у нее из глаз потекли слезы, и, легонько хлопнув его по лбу, сказала, что он болван и его мужской силы хватит еще лет на пятьдесят – иные молодые не могут столько трудиться в постели, как он. Просто она хочет много, много детей, чтобы дома было шумно и весело, чтобы никогда в доме не переводилось счастье. Ведь дети – это счастье...

Это утро начиналось как обычно: завтрак, потом открытие лавки – продавец пришел как всегда вовремя, он был человеком пунктуальным и работал у купца уже десять лет, став чем-то вроде члена семьи. Он никак не мог жениться и смеялся, что, когда подрастет старшая дочка купца, он обязательно женится на ней. Дочь хихикала и говорила, что дядя Шутар глупый – разве дяденьки женятся на маленьких девочках? На что он отвечал, что она вырастет и узнает, какой дядя Шутар красавчик, и обязательно его полюбит. Все весело смеялись, и разговор этот повторялся примерно раз в неделю, обычно по субботам, когда они закрывали лавку пораньше и чаевничали в гостиной.

Шутар лежал в лавке, мертвый, с недоуменно раскрытыми глазами человека, так и не успевшего завести детей. Он как бы вопрошал у мира: за что? Я хотел, чтобы у меня была такая красивая жена, как у хозяина, и три такие же дочки и мальчишка, шустрый, как таракан, везде пролезающий и хватающийся за то, за что все мальчишки хватаются в первую очередь – огниво и нож.

Мятежники ворвались в лавку с утра, шумной толпой. Они потребовали деньги, забрали все, что было у продавца, а потом прибили его к стене копьём, воткнув его в живот Шутара так, что оно вылезло из

позвоночника, переломив позвонки. Затем они попытались пробиться через смежную дверь, ведущую в жилую часть лавки, собственно в дом купца. Но он, опытный вояка, успел закрыть входы и забаррикадировать двери мебелью, услышав шум и крики на улице. Он сразу понял, что начинаются какие-то беспорядки, скорее всего мятеж. Купец знал, что при всех мятежах в первую очередь грабят лавки купцов – и частенько те же, кто совсем недавно приходил в них за покупками.

Он достал из чулана три боевых арбалета, зарядил и показал жене, как нужно их натягивать. Взял саблю, кинжал, достал длинный прямой меч и поставил у стены – для жены. Хотя она им владеть и не умела, но ткнуть острым концом меча во врага или рубануть сплеча сможет любой человек, даже женщина. А если она защищает своих детей – тут уже берегись враг. Она будет грызть негодяев зубами, до последнего стоя на защите своих кровиночек.

Бандиты попытались выбить двери, но у них ничего не вышло. Потом ломились в окна – купец отбил три атаки, зарубив одного и заколов двух мятежников. Еще двое были подстрелены из арбалетов, и выжили или нет – он не знал. Соппротивление еще больше разъярило бандитов, кроме того, похоже, что среди убитых были родственники нападавших.

Осада длилась уже несколько часов, и купец молился Богу, просил, чтобы Он позволил выжить его семье – сам-то он уже долго пожил, но им за что муки и смерть? Если нападавшие ворвутся в дом – его семью ждет мучительная смерть, это наверняка.

Купец сделал еще несколько шагов, ему показалось, что из конца коридора дунул порыв свежего ветерка. Он насторожился... и вдруг из комнаты старшей дочери с ревом выскочили двое мужчин, с саблями и короткими кинжалами. Похоже, что они перебрались на крышу дома с соседнего здания, а потом спустились по веревке на балкончик второго этажа.

«Какого демона я согласился на постройку этого балкончика?» – промелькнуло в голове купца в те мгновения, пока небритые хари с ревом летели на него по паркетному полу коридора второго этажа. Они рассчитывали на легкую добычу – что может сделать седой мужик под шестьдесят лет с двумя молодыми, полными сил двадцатипятилетними отморозками?

Со скрежетом скрестились сабли бандита и старого солдата, молниеносное движение, и кинжал погрузился в живот нападавшего, вспоров его справа налево. Резко завоняло калом из перебитых кишок, брызнула кровь, и бандит остановился, с удивлением глядя на фиолетовые

внутренности, вывалившиеся ему на ладони.

Второй успел зацепить клинком плечо купца, и белая рубаха окрасилась вишневым цветом. Этот был поопытнее, но после трех ударов он почувствовал, что его опыта не хватает против умения старого солдата. Они ожидали встретить «жирного клопа» с тугой мошной в загашнике, а встретили постаревшего, но сильного и умудренного волка, которого в отряде пехотинцев называли Мясником. Не за то, что он хорошо разделял тушу козули...

Финт, удар, звон отброшенного кинжалом клинка, и сабля на вершок погружается в пах неприятеля. Очень болезненная и практически стопроцентно смертельная рана – если вовремя не зажать кровоточащие сосуды опытной рукой лекаря.

Снизу послышался отчаянный крик жены, визг детей, и побелевший купец, подхватив выпавшую из рук бандита саблю, бросился вниз.

Его жена стояла у стола, под которым прятались дети, и яростно размахивала мечом, похожая на лесоруба размашистыми ударами, прекрасная даже с растрепанными волосами и перекошенным в яростном крике лицом.

Бандиты все-таки сумели отодвинуть баррикаду у окна и ворваться в дом. Жена успела выпустить болт в одного из них – он висел теперь в оконной раме, и ветер шевелил его редкие, засаленные волосы. Двое бандитов стояли перед женщиной и старались достать ее ударами сабель. Она была легко ранена, но дралась так неистово, что ей бы позавидовал даже воин, впадавший на поле боя в боевую ярость и не чувствующий при этом боли. В окно за ее спиной влез еще бандит, с арбалетом – теперь участь женщины была предрешена. Если бы не ее муж.

Он с ревом медведя налетел на негодяев и с ходу срубил одного, чисто снес ему левую сторону черепа. Тренькнула тетива арбалета, и болт воткнулся рядом с ключицей купца, погружившись почти до основания. Это не остановило старого солдата. Стрелок с криком отчаяния попытался прикрыться арбалетом, но сабля перерубила оружие надвое, пройдя насквозь и застряв в черепе врага.

Оставшийся в живых бандит вонзил саблю в бок купцу, но лишь пробил мышцы и кожу, не задев жизненно важных органов, скребанув клинком по нижнему ребру. Жена купца с хканьем рубанула его сзади, надрубив плечо так, что голова почти отвалилась от плеч. Кровь залила ее молодое, прекрасное лицо, но она даже не заметила этого – оттолкнув падающий труп бандита, женщина бросилась к оседающему на пол мужу. Тот подмигнул ей, улыбнулся и тихо сказал:

– Здорово ты его! Я бы тебя взял в солдаты! Поживем еще, не переживай. Гвардейцы подросли.

За окном слышался грохот – это били ружья гвардейцев, разгонявших толпу мародеров. Кто-то крикнул в разбитое окно:

– Эй, вы живы?! Чужих нет?! Бандитов нет?!

– Нет... только мертвые! – звонко крикнула женщина, обняв своего мужа, лежавшего на полу, и заплакала, заливая его лицо горячими слезами.

В окне появилось усатое лицо в блестящем шлеме, и, посмотрев внутрь, гвардеец озабоченно сказал:

– Похоже, вам понадобится ремонт!

– Точно, понадобится, – ухмыльнулся купец и тихо засмеялся в окровавленные усы.

– Разворачивайтесь цепью! К морю их зажимайте, к морю! – командовал сержант сорванным в крике голосом. – Эй, бросайте оружие! Считаю до трех! Раз, два, три... пли! Не жалея патронов!

Бабах! Бах! Бабах! Бах! Бах! Солдаты стреляли, тут же перезаряжая ружья, и вооруженная разношерстная толпа бросилась врассыпную, но часть людей, подняв сабли, кинулись на ряды стрелков. Добежать им не удалось – они были скошены свинцовым дождем, однако с маниакальным упорством бросались и бросались на ряды гвардейцев.

– Да они пьяные! Или под наркотой! – с возмущением выкрикнул один из солдат, а соседи зло засмеялись.

– Нет, ты думал, что они начитались романов про любовь и опьянели от счастья?! Само собой, под наркотой! – фыркнул капрал, переламывая ружье. – Хватит болтовни! Заряжай, готовься! Пли! Пли!

– Валим, валим отсюда! – Трое молодых людей осторожно пробрались боковыми улочками.

Они были покрыты кровью и грязью, каждый из них тащил на плече мешок, в который сложил награбленные вещи. В основном это были браслеты, украшения – часть из них парни сорвали с трупов убитых мужчин и женщин, когда толпа врывалась в лавки и грабила все, что могла найти. Двое парней были студентами, один – медик, другой учился на законника, третий еще только собирался учиться в университете. Сегодня был веселый день, народ носился по улицам, бил стекла, насиловал, убивал – парни были вместе со всеми. Их переполняла радость: разрушить, сломать, попрыгать на трупах жертв – разве не весело? Какая разница, какой там император будет сидеть на троне! Главное – весело провести

время, отвлечься от скучной учебы. А какая сладкая была молодая женщина, которую они по очереди насиловали в разграбленном доме!..

Это была лавка торговца украшениями, и, хотя самое ценное уже расхватали, студенты тоже кое-чем поживились. Будет что подарить подружкам...

– Тихо! – Они остановились и прислушались. – Там кто-то бежит! Скорее, скорее, валим отсюда!

Это был неудачный день для студентов.

Вернулся муж изнасилованной ими женщины, и он был отличным охотником и следопытом. Собака, которую он воспитал для охоты на оленей, а также для охраны лавки и каравана, легко взяла след мародеров. И среди тех, кто грабил лавку, она почему-то выбрала след одного – высокого парня, главного в этой троице.

Впрочем, ларчик просто открывался – его ботинки сильно пахли свежей, только что обработанной кожей. Обувщик пропитал их особым раствором, секрет которого передавался от отца к сыну. Он придавал обуви водонепроницаемые свойства, но был невероятно вонючим. Парни иногда в насмешку над своим приятелем говорили, что он воняет, как передвижная яма с дерьмом. Теперь этот запах их погубил.

Первое, что сделал бледный и страшный как смерть муж убитой женщины, – спустил с поводка волкодава. Это была собака семидесяти килограммов весом, с лоснящейся холкой и белыми, как сахарными, зубами.

Волкодав с ходу запрыгнул на спину бегущему парню, сбил его с ног и стал рвать затылок, буквально оскальпировав за считанные секунды.

Один из оставшихся в живых парней в ужасе упал на колени, умоляя о пощаде. Преследователь с размаху полоснул его ножом, раскроив ему горло от уха до уха так, что казалось – парень улыбается страшной кровавой улыбкой.

Второй попытался убежать, но почувствовал, как в спину что-то сильно ударило. Он покачнулся, хотел бежать дальше, но ноги не слушались, стали ватными, в ушах зашумело, и мародер упал ничком, так и не узнав, отчего умер. В его спине торчала рукоять короткого засапожного ножа, который служил купцу и для того, чтобы нарезать хлеб, и для того, чтобы отбиться от врага в ближнем бою.

Все было закончено в считанные секунды.

Мужчина опустошенно посмотрел на трупы мародеров, сел возле дороги и, опустив руки на колени, замер, напоминая камень, на котором сидел. Пес оторвался от трупа, который яростно продолжал терзать, таская

то за руку, то за одежду по грязной, усыпанной осколками стекол мостовой, и подошел к хозяину, дыша горячим воздухом в его лицо. От пса пахло собачьим потом и человеческой кровью.

Мужчина посмотрел в глаза собаки, потом сказал мертвым голосом:

– А ее все равно не вернешь... она просилась со мной, а я – оставайся, я же ненадолго, ты беременна, вдруг что случится? – Из глаз купца потекли слезы. Пес лизнул хозяина горячим языком в левый глаз, мужчина обнял пса за шею. – Как мы жить-то теперь будем, Акар?! Без нее... как? – Он завыл как зверь, и пес тьякнул, подхватил за хозяином заунывную песнь смерти, и они выли уже в два голоса, как два осиротевших зверя, потерявшие свою самку.

– Это вы виноваты! Вы! – Хеарт взволнованно мерил шагами свой большой кабинет, яростно глядя на двух неприметных мужчин в темной, незапоминающейся одежде. – Вы настояли, чтобы я организовал восстание, вы настояли, чтобы мои люди напали на этого самого Андрея! И это вы расписали, что все будет замечательно, главное – чтобы мы уничтожили оружейный завод! Вы обещали нам поддержку! И где она? Где эта поддержка?

– Вероятно, ты нас не понял! – бесстрастно парировал один из мужчин. – Мы обещали тебе поддержку, если ты уничтожишь завод. Вспомнил? И что мы видим? Твои бездарные вояки уничтожены, ваше восстание захлебнулось в крови. Ты идиот. И мы не будем поддерживать тебя. Плата была одна: уничтожишь завод – мы тебя поддержим. Ты не уничтожил завод. Тогда заткни свою пасть и не дыши в нашу сторону. Мы уходим.

– Твари! Вы подговорили меня, а теперь оставляете на произвол судьбы?! Охрана – убейте их!

Тренькнул арбалет, другой, но болты отскочили от незнакомцев, как от каменной скалы. Один из мужчин сделал шаг, поднял Хеарта, как ребенка, и метнул в стражников, покотившихся по полу. Второй незнакомец сделал два шага по направлению к поверженному вельможе, но первый остановил его:

– Не надо. Он и так обречен. Скоро до него доберется Андрей. Кстати, почему мы вынуждены действовать через таких идиотов? Не пора ли вмешаться самим? Что за глупости с этим невмешательством? Этот договор устарел, как отмершая чешуя!

– Договор есть договор. Прямое вмешательство может быть не одобрено остальными. Впрочем, если рассказать об опасности, об оружейном заводе, о новейшем смертоносном оружии – возможно, что они

изменяют свое мнение. Нужно созывать сбор. Уходим. Здесь нам делать нечего.

Мужчины спокойно открыли дверь и вышли в длинный коридор поместья бывшего военачальника. Спускался вечер, но стены поместья были ярко освещены факелами – там шел бой. К воротам подтаскивали пушки, и скоро история с восстанием должна была завершиться.

Пришельцы прошли за угол дома, отыскивая укромное, темное местечко. Такого не нашли, и, выругавшись, они мгновенно превратились в двух ворон, вспорхнувших ввысь и ушедших в сторону леса. Наемники Хеарта ошеломленно перекрестились, и один из них озабоченно сказал:

– Не пора ли нам драпать? Мы что, обязаны отдать жизнь за этого придурка? Эй, капитан, не пора ли нам начать переговоры с гвардейцами? Я не хочу подыхать в этом поганом дворе!

Капитан наемников думал ровно секунду, потом крикнул:

– Поднять красный щит переговоров! – И тихо добавил: – Вовремя предать – не предать, а предвидеть, господин Хеарт...

– Каковы результаты? – Андрей посмотрел на своих соратников.

Их лица осунулись, глаза покраснели – люди не спали уже более суток. Полчаса-час, когда организм отключается, не в силах выдержать непосильную нагрузку, за сон считать нельзя.

– На полдень сегодняшнего дня: центр города, купеческий квартал, квартал ремесленников очищены практически полностью. В порту еще есть очаги сопротивления, но мы их подавляем. Часть мятежников ушли под город, в канализационные тоннели, и вытащить их оттуда не представляется возможным. Загонять в реки дерьма стражников и гвардейцев не имеет смысла – лишние жертвы, а для чего они? Основная цель достигнута – бунт подавлен.

– Зачинщики, главари?

– Хеарт ушел.

– Как это ушел? – угрюмо сдвинул брови Андрей. – Каким способом ушел? Как вы это допустили?

– На небеса ушел. Или, скорее, в преисподнюю, – усмехнулся Зиртон. – Пока штурмовали его особняк, он вскрыл себе вены и истек кровью. Вот тварь! Так и вижу, как он хихикал, представляя наши лица. Жаль, очень жаль... я бы ему...

– Так-то плевать на него – судьба предателя, убийцы императора, определена. Но он обладал информацией – как начался мятеж, как он развивался, кто в нем участвовал. Почему-то мне кажется, что не все так

однозначно, как видится. Кто-то стоял за этим заговором.

– Точно. Мы захватили Шамора, допросили, так он показал, что Хеарт постоянно общался с какими-то двумя мужчинами. Кто это был, зачем они там были – неизвестно. Хеарт относился к ним очень почтительно. А когда Шамор как-то спросил, кто это такие, Хеарт его оборвал, предложив не лезть не в свое дело. Установить их личности не представляется возможным. И еще – наемники, которые сдались в особняке Хеарта, рассказывают странную историю... уж не знаю, как к этому относиться... – Зиртон на пару секунд замолчал и, как будто решившись, продолжил: – В общем, наемники видели двух мужчин, вышедших из особняка во двор. Там они внезапно превратились в ворон и улетели. Нет, ну так они говорят, только не смейтесь!

– А никто и не смеется, – ответил Андрей, напряженно соображая и приходя к одному-единственному выводу. И этот вывод очень, очень ему не нравился. Сложив части мозаики, он уже выстроил картину происшедшего. И ему стало ясно многое, многое об этом мире.

– На какой день назначим похороны? – нерешительно спросил патриарх. – Может, забальзамировать императора? И похоронить, когда в городе все уляжется?

– Нет. Император завещал, чтобы его опустили в море, далеко от берегов. Сказал, что не желает гнить в земле или быть поджаренным, как кусок осьминога.

– А как мы можем убедиться в том, что он именно так завещал? – осторожно осведомился патриарх. – Есть ли официальное завещание?

– Есть. Он написал его за несколько дней до событий. Вот оно – подпись, печать, все есть. По нему он после своей смерти передает трон своей любимой жене, императрице Антане, до того, как родится и достигнет возраста совершеннолетия его наследник, или до тех пор, пока она не выйдет замуж. Тогда ее избранник станет императором. Это не противоречит законам Балрона, мы убедились. Зоран, что там сказано по поводу прецедентов?

– Совершенно верно, господин советник! Такое уже было – за триста лет до этих событий император Затран оставил трон на свою супругу, императрицу Ниому, и скончался в возрасте восьмидесяти лет. После чего молодая императрица вышла замуж снова, за графа Юфара, и родила от него двух детей, старший из которых стал основателем нынешней ветви императорской семьи. Граф Юфар был коронован как император Балрона и правил сорок лет, пока внезапно не умер от острого желудочного расстройства, оставив трон своему старшему сыну. Так что прецедент есть.

Что касается завещания покойного императора Зарта – да упокоится его душа в небесных чертогах! – я лично присутствовал при подписании завещания, тут же были – господин советник Андрей, ее величество императрица Антана, господин Гнатьев, что и было зафиксировано в завещании. Конечно, мы все ожидали, что его императорское величество пожелает быть упокоенным рядом со своими великими предками в семейной усыпальнице, но он пожелал сделать по-другому. Его величество, насколько я знаю, всегда отличался эксцентричным характером. Но в любом случае его воля – закон. Данное завещание законно и вступило в силу после его подписания.

– Еще вопросы? – приподняв брови, спросил Андрей и осмотрел всех присутствующих.

Зиртон был невозмутим, по большому счету ему было все равно. Его поставил на это место советник, и он это знал. Лицо патриарха было кислым, как будто он съел что-то не вполне съедобное. Федор выглядел как всегда – будто слегка улыбался в пшеничные усы. Акодим благодушен и расслаблен. Бургомистра не было, он по-прежнему отсиживался в своем поместье на севере, и Андрей уже решил – гнать его к чертовой матери. Зачем такой градоначальник, который в тяжелый для города момент просто смывается, как дерьмо в канализацию. Фактически можно счесть его поведение и за предательство.

– А где ее величество императрица? Почему она не присутствует на заседании совета? – бесцветным голосом спросил патриарх.

– Ее величество молится над телом убитого мятежниками императора, – сухо ответил Андрей, – и не может присутствовать на заседании. Она просила меня заняться организацией похорон супруга, и я сейчас предлагаю не отвлекаться, а обозначить план похорон. Мне кажется, надо будет выставить угощение народу, за помин души императора и за здоровье императрицы Антаны, вошедшей на престол. Разбросать денег – благо, что в особняке Хеарта мы взяли круглую сумму, позволяющую оплатить ближайшие расходы. Глава стражи и главнокомандующий, имеются данные, сколько людей погибло в этом мятеже?

– По предварительным подсчетам, около трех тысяч человек. Большинство мятежники, но много жертв и среди мирных горожан, а также стражников и гвардейцев, – посерьезнев, ответил Федор. – Сейчас солдаты копают общие могилы для тех, кого не смогли опознать или же кого родственники не пожелали похоронить в отдельной могиле. Это нужно сделать очень срочно – жара, как бы не начался мор. Если начнется черный мор, будет совсем туго. Солдаты и горожане в разрушенных при мятеже

кварталах занимаются расчисткой улиц, ремонтом домов, выносят трупы и свозят их на телеге в сарай при кладбище, а также раскладывают у кладбищенской часовни для опознания.

– Ясно. Итак, предлагаю организовать вынос тела императора завтра в полдень. Для того чтобы доставить его в море, арендуйте самый большой корабль, и за ночь пусть его украсят тканями и цветами. По завещанию на церемонии погружения тела императора в море должны присутствовать только близкие – императрица и высшее руководство империи. Во время отплытия погребального корабля в порту могут присутствовать все желающие. Огласите весть о восхождении императрицы на престол и о предстоящих похоронах во всех местах массового скопления народа – например, на рынке. Задача ясна? Тогда к делу. Да, вот еще что – к утру порт должен быть очищен. Что хотите делайте – подвозите пушки, поджигайте, но чтобы от бунтовщиков и следа не осталось. Хватит нам одного императора, павшего от случайной стрелы. Императрицу мы им не отдадим. Я уйду к телу императора, поддержать императрицу в ее горе, а вы займитесь организационными вопросами. Зоран, остаешься с ними, будете держать связь со мной через него. Ваше святейшество, у вас все готово для церемонии коронования императрицы на царствование?

– Да, сегодня в полночь я возложу на нее императорскую корону и совершу помазание на царствование, как положено.

– Это хорошо. Все, господа, до полуночи.

Андрей встал и вышел из кабинета.

А в это время «тело императора» яростно вопило на «безутешную императрицу»:

– Как ты могла?! Ты жульничала! Ты не можешь выиграть пять раз подряд! Это свинство какое-то! Люди глупее драконов по определению, а ты выигрываешь пять раз подряд! Этого не может быть!

– Тише, сестричка, – хихикала Антана, снова расставляя фигуры на шахматной доске, – надо думать, а не только крылышками махать. Ну как я могу жульничать? Просто я лучше тебя играю, и все. И вообще, прими скорбный вид, полагающийся порядочным трупам. Чего ты вопишь и скачешь? Эдак кто-то заинтересуется – чего это там императрица вытворяет с мертвым императором такое, что он вопит как свин. Я не сплю с трупами – что могут подумать люди!

– Полное неуважение к императорской особе с твоей стороны! Тебя надо заточить в темницу! Нет, я в эту дурацкую игру играть не буду. А давай в кости?

– А на что?

– А кто проиграет большее количество раз из десяти бросков, будет сидеть на корточках и кудахтать как курица, выпятив вперед живот с наследником трона!

– А с чего ты решила, что я проиграю? – вкрадчиво осведомилась Антана. – Может, ты проиграешь? Тогда сделаем так: ты будешь бродить по комнате и блять, время от времени приговаривая: «Я бедная овечка, полюбите меня!»

– Чего это полюбите-то? – подозрительно спросила Шанти. – Это как – полюбите? Что за эротические фантазии? Как муж в могилу, так сразу в голову всякая пакость лезет, да? Как тебе не стыдно, императрица! Ты готова на труп своего императора устроить гадкую оргию со своим советником!

– Вот у кого фантазии, так это у тебя! – фыркнула Антана. – Надо же до такого додуматься! Ты на себя вообще в зеркало-то глядела? Такую страсть покажи ночью кому-нибудь из горожан – они жизни от страха лишатся!

– Издеваешься? Сами и заставили такую рожу сделать! – Шанти посмотрела в зеркало на стене и хмыкнула, потеряв дырку на месте левого глаза. В ней виднелись остатки глазного яблока и темный тоннель, ведущий к мозгу. Сюда якобы воткнулась стрела супостатов, лежащая теперь на бархатной подушечке, как некий раритет. Она, по распоряжению Андрея, будет помещена в специальную комнату-музей для семейных реликвий императорской семьи.

Там уже хранился помятый шлем императора Славии, который тот потерял четыреста лет назад после бегства с поля боя, жезл одного из императоров, молочный зуб наследника престола, прапрапрадедушки Зарта, погнутый меч его деда, новая броня из драконьей чешуи, на которую Шанти, фыркнув, сказала, что это отвратительно – делать какие-то поделки из естественных отправлений драконов. Стрела, обагренная кровью императора, станет святой реликвией и со временем приобретет магические свойства – например, будет излечивать стригущий лишай и геморрой (предположение Андрея). Чья кровь была на стреле – неизвестно. В эти дни луж крови на улицах города было предостаточно...

В дверь постучали, Шанти всполошилась и плюхнулась на свое ложе из цветов, закрыв глаза и сложив руки на груди.

«Это я, открывайте», – передал мыслеречью Андрей.

Антана открыла дверь, и он вошел в комнату, внимательным глазом выцепив разбросанные фигурки, сбитую на пол доску и раскрасневшуюся

Антану, переводящую дыхание и придерживающую живот.

– Что, снова играли? Опять ты, с точки зрения некой драконицы, жульничала и выигрывала?

– Опять, каюсь... прегрешения мои велики, – повинно склонила голову Антана. – Видишь, какая дырка в голове несчастного императора? Она мешает ему думать как следует. Вот и результат. Может, дырочку хлебным мякишем замажем? Мысли и не будут вываливаться...

– Бесстыжие! – страдальчески ответила Шанти, повернув набок «мертвую» голову. – Заговор против мертвого императора?! Бунтовщики проклятые! Несите мне пожрать чего-нибудь, а то я и вправду сдохну тут, на смертном моем одре!

– Сестренка, потерпи, пожалуйста, – попросила Антана. – Вот, хочешь пирожное? Я потихоньку пронесла пакет под юбкой. Мне тоже в общем-то не положено есть, пока тело императора не упокоится с миром. Но не голодать же теперь?

– Давай сюда свои пирожные, – милостиво разрешила Шанти. – Какую только дрянь я не ела, когда с вами связалась! Ф-фу-у-у... какие приторные... фу-у-у! – Шанти зачавкала, поглощая угощение, и с набитым ртом заметила: – Напоминают приторные сопли! Гадость какая!

– Бесстыжая! – возмутился Андрей. – Тебе от души оторвали, отдали последнее, а ты еще и хаешь!

– Не знаю, от какой души, а вот от тела – точно! – Шанти сглотнула последний кусок и громко рыгнула. – Теплые, потаяли! Ты их в панталоны совала, что ли, когда несла? Отвратительно!

– Дай мне стрелу! Я воткну ее в этого императоришку, чтобы он гадости не говорил, – зловеще прошипел Андрей. – Болтунишка, давай готовься к погребению в желудках акул! Завтра после полудня ты отправишься им на корм.

– Ой, наконец-то я наемся как следует, полакомлюсь свежей акульей печенкой, а заодно освобожусь от этого дурацкого человеческого облика! – хмыкнула Шанти. – Если бы ты знал, как я устала от несвободы! Туда не пойдешь, это не делай, тут не скажи, здесь не садись... да я плевала на такую жизнь! Это не жизнь, это ад какой-то.

– Ладно-ладно, страдальца! Потерпи еще немного, завтра все закончится.

– Я не хочу, чтобы завтра все закончилось. Я всего лишь хочу, чтобы закончилось мое гнусное пребывание в облике этого человека, а теперь – в облике его трупа. Слушай, а если я ночью поброжу по коридорам дворца, а? Представляешь, как забавно будет!

– Не вздумай! Не вздумай! – практически одновременно выкрикнули Андрей и Антана.

– Ох, мне аж дурно стало! – Антана вытерла лоб и присела на край стула возле «смертного одра» императора. – Как представила эту картину – даже затошнило. Да-а-а... сестрица, ты не помрешь от скуки, это точно. Скорее всего, ты всех окружающих в гроб загонишь, развлекаясь. Ты представляешь, если тебе навстречу попадет кто-нибудь со слабым сердцем? Разрыв сердца гарантирован! Нет, не думаю, что ты способна на такой поступок, не такая же ты безголовая...

– Думаешь, не такая? – задумчиво сказал Андрей и оценивающе посмотрел на «живой труп». – И почему это во мне проснулись ужасные сомнения... почему это я так живо и ясно представил эту безумную картину... Наверное, есть основания полагать, что кое-кто именно такой вот безголовый... или безголовая? Как лучше сказать?

– Никак! – буркнула Шанти. – Иди отсюда! Я тосковать буду! Анташка, бессовестная, расставляй фигуры! Я сейчас тебе покажу, что драконы умнее всех на свете! И не жульничай – не знаю, как ты это делаешь, но дело нечисто. Андрей, ты не забыл про похороны Надила?

– Я помню, – погрустнел Андрей. – Сейчас еду. Жалко старика. Он мне нравился. Такой увлеченный, такой дельный дедок – он душой был моложе всех молодых. Жаль, что его нет.

– Ты думаешь, без него все планы рухнут? – осторожно спросила Антана.

– Рухнут не рухнут, но замедлятся, это точно. Мне так кажется. Не знаю, насколько его сын перенял у отца умение изобретать, творить, придумывать. Впрочем, те же ружья уже поставлены на поток, станки для их изготовления сделаны, производство пороха налажено – и уже начали делать нитропорох, так что все впереди. Остановить можно, только уничтожив все – заводы и меня в придачу... Кстати, Шанти, похоже, что у нас нарисовалась проблема. Знаешь, кто на самом деле все закрутил? Кто заварил эту кашу? Некие двое мужчин – они были в поместье Хеарта во время штурма и покинули осажденную территорию, обратившись в ворон. Тебе это ничего не напоминает?

– Ох... только не это! Неужели старейшины? – Шанти замолчала и через несколько секунд добавила упавшим голосом: – Если это так, то у нас большие, очень большие проблемы.

– Скажи, что они могут сделать после того, как попытка уничтожить меня и завод не удалась? И вообще – зачем они это сделали? Ведь они якобы не должны вмешиваться в жизнь людей! Так какого демона они

вмешиваются?

– Я разговаривала с мамой по поводу старейшин, и вот что мне припомнилось: да, договор, да, не вмешиваться в жизнь людей. До тех пор пока их действия не угрожают жизни драконов. Их существованию. И они не могут вмешиваться напрямую – лишь потихоньку влиять на происходящее, устраняя опасность руками самих же людей. Ты понял?

– Чего там не понять... – хмыкнул Андрей. – Появляюсь я, «изобретаю» боевое использование пороха и создаю оружие, способное убивать драконов. Что нужно сделать? Уничтожить меня и то, что я создал, – завод. Так? Так. Все-таки – что они будут делать теперь? Ты сама дракон, поразмысли драконьим мозгом – что бы ты сделала?

– Собрала бы сход, – уверенно ответила Шанти, – и на нем рассказала бы сообществу старейшин о том, какая ты гадина и как ты угрожаешь драконьему роду. И потребовала бы разрешения на прямое вмешательство в жизнь людей путем откусывания тебе головы. А также разрушения завода всеми доступными методами. Впрочем, тут они сжигать и уничтожать напрямую не будут. Скорее всего, найдут людей, наемников, которые согласятся напасть на завод, например изнутри. Наймутся в виде рабочих, а потом нападут и всех перебьют.

– Мне кажется, все равно у них ничего уже не выйдет, – заметил Андрей. – Вернуть все назад не удастся – если только не совершить прямое вмешательство и не перебить всех, кто есть на заводе, сжечь его дотла так, чтобы все поплавилось. Но ведь тогда это будет открытая демонстрация силы драконов, а драконы не любят показывать миру, что они вообще есть в этом мире и пытаются манипулировать жизнью людей.

– Я так понимаю, что наш род драконов не *пытается* манипулировать жизнью людей, – усмехнулась Шанти, – он успешно это *делает*, и уже тысячи лет. Ну даже если кто-то увидит, как драконы жгут завод, – и что? Ну что это изменит? Ну да, сожгли. Дальше что? Кроме того, представь себе: ночь, тихо, никого не видать, и вдруг с темного неба налетают огромные существа и весь завод залит реками пламени – кто это увидит? Город спит, никого нет. Утром посмотрели – а вместо завода оплавленные развалины. Ай-ай – да кто же это?! Как же это?! Ай-ай! И все. Завода нет.

– Я вижу только один путь к спасению – быть всегда настороже. И сделать так, чтобы драконы не смогли нас убить. По крайней мере – без боя. Оставляю вас. Время уже за полдень, пора прощаться с Надилом.

– Андрей, пожалуйста, будь осторожен, ладно? – попросила Антана.

– Это точно, – поддержала ее Шанти, – держи наготове свои штуки – пистолеты – и всегда будь готов отбить нападение. По-хорошему мне бы с

тобой походить, на всякий случай... хоть я и маленькая, но кое-кому крылышки могу пооборвать! Пусть не думают, что нас так просто взять!

– Успокойся, сестричка... не дай бог они узнают о тебе, нам только *этих* проблем не хватало, – устало вздохнул Андрей. – Сиди тихо и не высовывайся. Завтра похороним тебя в море – и летай себе на просторе. Ну все, все, мне пора. Никак от вас не оторвусь. Соскучился, видать. Ухожу.

– Здравствуйте, господин советник... – Сын Надила горестно смотрел на бледное лицо мертвого отца, лежавшего в простом гробу, и только после того, как Андрей прикоснулся к его плечу, поднял глаза. – Он так вас уважал, вы даже не представляете этого. Чуть не молился на вас. Говорил – вы дали ему радость на склоне лет. Он никогда так много и интересно не изобретал. Хотел пожить, и вот – не повезло. Отец всегда лез везде – где надо и где не надо. Не сумел я его сберечь. Спасибо, что приехали. Вы не беспокойтесь, все будет как при нем. Я не хуже его умею работать с металлом, разбираюсь в механике. Последние годы он все больше и больше перекидывал дела на меня, занимаясь чистым проектированием. Команда наша цела, будем жить... – Губы Энара горестно скривились, и Андрей подумал, что тот сейчас расплачется. У него самого-то стоял ком в горле...

Андрей посмотрел в спокойное, умиротворенное лицо старого мастера и мысленно попрощался: «Прощай, товарищ. Жаль, что так вышло. Господи, прими его душу!» Потом перекрестился и тронул Энара за плечо:

– Мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

– Сейчас? – недоуменно поднял голову тот.

– Сейчас. Прости, это *очень* важно.

Энар кивнул, встал с табурета и пошел к двери из комнаты, в которой прежде работал его отец. Пройдя по длинному коридору конторы, они оказались в комнате, как две капли воды похожей на кабинет старого мастера. Энар пододвинул один стул Андрею, сам сел на другой.

– Я слушаю. Знаю, что без веской причины вы бы не стали отрывать меня от прощания с отцом. Только сразу, без предисловий – скоро катафалк подъедет, пора на кладбище. Вы со мной поедете?

– Нет. Я простился с твоим отцом. А видеть, как его закапывают, не хочу. В своей жизни я много раз видел, как хоронят моих друзей, еще раз – не хочу. Извини.

– Я понимаю, – кивнул Энар. – Итак, я слушаю.

– Дай лист бумаги и карандаш. Ага. Теперь смотри. – Андрей быстро набросал несколько рисунков, и Энар с удивлением уставился на них.

– Вы что, серьезно? Этого не может быть!

– Энар, я похож на идиота? Или на пьяного? Или на наркомана? Делай такие штуки – они называются турели. Их нужно установить по угловым башням стены и просто на стене. Чем больше, тем лучше. Они должны простреливать все пространство, вращаясь на триста шестьдесят градусов. Самое главное – воздух. Впрочем, ты понял, что турели можно сделать и так, что они будут стрелять и вниз. Турель вращается вокруг оси, угол наклона пушки тоже меняется. У пушек днем и ночью должны стоять люди, готовые выстрелить – с огнем, как положено. Пушки постоянно заряжены – крупной картечью, с голубиное яйцо. Как только увидите, направляете пушки и стреляете не раздумывая. Если не успеете – вас спалят. Никому не говори, что это драконы. Скажи – есть сведения, что исчадия вызвали демонов и те могут напасть с воздуха. Кроме того, те, кто будет стоять на посту, должны иметь нарезные пистолеты – может случиться так, что времени на второй выстрел не будет. Надо, чтобы был шанс победить и без пушек. Еще раз – не считай меня идиотом, я знаю много такого, что тебе неизвестно. И сообщить информацию не могу. Прими как факт – на завод могут напасть несколько драконов весом в несколько тонн. Струя их огня бьет метров на пятьдесят, так что ближе этого расстояния подпускать нельзя.

– Если бы это были не вы, я бы не поверил, – потрясенно сказал Энар, – но вам не верить я не могу. Отец всегда говорил: «Энар, держись этого человека! Он знает много такого, что нам неизвестно. И в нем нет червотчины».

– Мне очень, очень, очень жаль твоего отца, – вздохнул Андрей, – надеюсь, ты будешь не худшим партнером, чем он. Я еще минуту тебя отвлеку – пока катафалка нет. Смотри сюда, мне нужно сделать вот такую штуку, твой отец не успел. Гляди – колесо, цифры...

Через пятнадцать минут Андрей уже ехал в город, грустный и печальный. Ему было жаль Надила, а еще он очень опасался за судьбу завода. И главное – за судьбу людей, которые там работали. Если драконы нападут, у персонала производства шансов не было ни малейших. По крайней мере до тех пор, пока не установят пушки. А вот тогда... тогда уже можно будет проверить, как драконья шкура держит свинцовые орехи!

Андрея захлестнул приступ ярости – это на совести драконов гибель тысяч людей! Это они раздули пожар мятежа! Неожиданно ему в голову закралась мысль: а не сам ли он стал причиной бунта? Может, как раз он-то и является первопричиной случившегося и главным преступником?

Выбросив эти мысли из головы, Андрей прикрыл глаза. Ехать до дворца было около часа, так что он мог спокойно подремать. Отряд

гвардейцев из двадцати человек прикрывал его карету, если что и случится – он услышит. Спать-то когда-то все равно надо, не будешь же постоянно бодрствовать, ожидая нападения драконов.

– Обещаешь ли ты, Антана, заботиться о Балроне, как о себе самой?

– Обещаю!

– Милостью Божьей, нарекаем тебя императрицей Антаной! Правь нами словом Божьим и разумением своим! Да сбудется!

Патриарх возложил корону на голову женщины – та даже покачнулась под тяжестью украшенного драгоценностями золотого сооружения.

Эта корона передавалась из поколения в поколение императоров Балрона и служила именно для такой церемонии. Естественно – такую тяжесть на голове носить каждый день никто не собирался. Для повседневности был узкий золотой обруч с императорскими знаками. Впрочем, и тот носили не всегда. Зарт так вообще практически всегда ходил без него. Говорил, что корона ему давит на голову. Это шепотом сообщил Андрею Акодим, стоящий рядом с ним на церемонии.

Она была довольно простой – в придворной часовне, где сочетали браком, отпевали и короновали множество императоров Балрона, патриарх помазал голову Антаны каким-то ароматическим маслом, надел корону и подвел к временно водруженному посреди зала трону. Она села на трон, взяла в руки символы императорской власти – жезл, чтобы погонять нерадивых подданных, и чашу, чтобы кормить и поить их же.

Потом была довольно долгая, почти часовая, молитва, в которой патриарх просил у Бога милости к новой императрице. Глядя на бледную Антану, его святейшество поспешил свернуть церемонию – в часовне было душно, корона тяжелая, того и гляди новоиспеченная хозяйка империи грохнет в обморок. Все-таки беременная женщина...

После церемонии разошлись кто куда. Императрица – бдеть у «тела императора», нетерпеливо дожидавшегося окончания церемонии, чтобы услышать о ней рассказ и увидеть переданные картинки; Андрей, вымотанный и хмурый, – в постель, в смежную комнату с императорской спальней. Скоро к нему присоединилась и Антана, отбившаяся от скучающей Шанти, жаждущей развлечений. Была уже глубокая ночь, так что скоро императрица и ее советник спали глубоким сном, прижавшись друг к другу. Антана во сне шлепала пухлыми губами, то легонько улыбаясь, то хмурясь. Андрей спал тихо, но мозг его работал, будучи настороже, как верный пес. И когда над ним нависла Шанти, чтобы убедиться, что он спит, Монах тут же раскрыл глаза и погрозил ей пальцем:

– Я тебе задам! Быстро на свое место и спи! Завтра, все завтра! Не вздумай бродить по дворцу – я тебе этого не прощу, негодяйка!

Шанти фыркнула и уныло побрела на свое «смертное ложе». Ей до последней степени надоел запах лилий, которыми ее обложили, и она решила для себя, что теперь ненавидит запах этих цветов.

Похоронная процессия медленно и важно выехала из дворца. Гвардейцы и стражники оцепили дорогу по пути следования, не давая горожанам подойти к гробу с телом императора и бросить в него какой-нибудь дрянью. А также плюнуть.

Зиртон отдал приказ безжалостно долбить такого святотатца чем попало, ежели его поймают на месте преступления.

Впрочем, попыток опоганить императора замечено не было. Для горожан, падких на зрелища, это было великолепным поводом отвлечься от повседневности и в который раз убедиться – какой бы ты ни был великий, богатый, могущественный, в конце концов ты гарантированно превратишься в кучу протухающего мяса. Приятно посмотреть, как самый главный человек в империи отправляется в свой последний приют. Тем более что после похорон народу обещаны бесплатная выпивка, закуска – и деньги в честь императрицы Антаны, скорбно сидящей над телом убиенного мятежниками императора. Мятеж сошел на нет, горожане были благостны и довольны – кроме тех, кто пострадал в этом бунте.

Во время следования процессии глашатаи поставленными голосами выкрикивали специальный текст, что-то вроде эпитафии или некролога. Газет в этом мире не было, так что все новости приходилось узнавать вот таким образом – выслушивая императорских глашатаев. Ну или обычным образом: «Соседская тетенька сказала, что она слышала на базаре, как...»

– Слушайте, люди Анкарры! Слушайте, все жители империи Балрон! Слушайте, гости города и страны! Сегодня мы провожаем в последний путь великого императора, великого человека! Император Зарт бы убит подлой стрелой, пущенной мятежниками, лишившими жизни тысячи горожан! Но они были наказаны за свое злодеяние императрицей Антаной – да славится ее имя в веках! Да будет она здорова и живет многие, многие лета! Плачьте, люди, над убиенным императором и славьте императрицу!

И так всю дорогу до порта. Народ был очень доволен, а как же: и пышная процессия, и запоминающееся событие – часто ли хоронят императоров, да еще и убитых мятежниками? А гулянка после окончания?!

Андрей ехал на коне возле колеса траурной повозки и с тревогой смотрел на Антану, парящую на жаре. Она поймала его взгляд и, поняв,

тихо сказала:

– Не беспокойся, все в порядке. Я держусь. Чувствую себя вполне даже хорошо.

«Я тоже! – добавила по мыслесвязи Шанти. – Стоило помереть, чтобы получить такой почет и поклонение! Век помнить буду. Это что-то!»

«Лежи спокойно, трупик, – ответил Андрей, – что-то у меня сердце не на месте... это первый раз, когда ты появилась на людях. Надеюсь, все пройдет нормально».

«А что может быть ненормально? – не поняла Шанти. – Скоро поплаваю, поем от пуза. Все просто отлично».

«Ну-ну...» – неопределенно хмыкнул Андрей и замолчал, углубившись в свои мысли.

Со стороны казалось, что он усиленно скорбит по безвременно ушедшему императору. Никто и помыслить не мог, что же на самом деле сейчас обдумывает первый советник. А обдумывал он вот что: а почему бы не сделать типографию? Печатать вначале газетку, что-то вроде городских новостей и свода указов, а потом – книги. Нужно обучать народ, молодежь, и сделать это не по сословному признаку, а как некогда сделал Петр Первый – брать в школы и академии по способностям. Нужно двигать прогресс в этом мире. Хватит им сидеть в средневековье. Подзадержались они в нем.

За траурным катафалком кавалькадой ехали самые родовитые люди империи, которые спешили засвидетельствовать свое почтение и верноподданность новой хозяйке империи и ее будущему наследнику. Хотя и поговаривали, что наследник-то совсем не сын Зарта – больно уж живот у императрицы далеко торчит для такого малого срока – и что к этому делу приложил руку или, скорее, другую часть тела первый советник императора, но... Кому какое дело? Мало ли наследников самых родовитых дворян совсем не от них... слухи ходят, но что кроме слухов можно предъявить? И кто предъявит? Эдак можно лишиться головы...

Императрица уже доказала, что крута на руку и может разобратся с самым горячим мятежом, какой может быть. А ее советник – опасная штучка... лучше с ним не ссориться. Тем более что как бы он не стал в ближайшем будущем императором... если разведется со своей женой, ставшей ему обузой. Или отравит ее, как принято в благородных домах. Впрочем, вариант заточения в монастырь на острове Шитур тоже неплох.

Некоторые дворяне уже делали ставки на все три варианта:

– развод;

– отравление (удушение);

– заточение в монастырь.

Больше всего ставок было принято тайными букмекерами на третий вариант – это наиболее принято в семьях, приближенных к императору. Впрочем, второй и третий пункты вполне могли быть совмещены...

Олга ехала в составе процессии, в ее карете сидели еще две дамы, обе довольно родовитые. Несмотря на то что у жены советника не было в предках ни баронов, ни графов, относились они к ней, как ни странно, очень почтительно и с большим уважением. Конечно, тут имело значение то, что Олру осеняла тень могущества мужа. Впрочем, все дамы, вхожие в высший круг столицы, вскорости убедились, что она обладает живым умом и острым языком, так что эта женщина была довольно опасна. Тем более что уже не раз она обращалась к Андрею за решением каких-либо вопросов – в основном приносящих деньги, и он решал их так, как ей было выгодно.

Естественно, с какими-то дурацкими или же несправедливыми делами Олга к «мужу» не приходила – она знала реакцию Андрея и решала только те проблемы, которые наверняка будут им разрешены.

Она грустно думала о том, что скоро ее замужество закончится, и вздыхала, понимая, что все когда-то кончается. В любом случае ее нынешнее и будущее положение не ухудшится – по крайней мере, пока Андрей у власти. А она знала, что убить его трудно, почти невозможно... Но Олга много чего не знала.

Для церемонии погребения использовали здоровенную купеческую шхуну. За ночь с ней произошли чудесные изменения – весь корабль был обит черной тканью, похожей на шелк, везде разбросаны лилии.

«Проклятые лилии! Если ты, Андрей, став императором, указом не прикажешь истребить все лилии в государстве – я с тобой разговаривать не буду!»

«Лежи и не выступай!»

Гроб перенесли на борт шхуны, и на ее мачтах заполоскались паруса, тут же надутые свежим ветерком, летящим с гор.

Шхуна сделала плавный разворот и, оставив за кормой берег, медленно пошла в открытое море. Провожаящие остались на берегу, за исключением императрицы, патриарха, первого инквизитора, Федора Гнатьева, Зиртона и Андрея с Олрой. Не считая команды шхуны, конечно, да полсотни гвардейцев охраны.

Берег был еще виден, когда Андрей – по завещанию императора распорядитель похорон – приказал опустить паруса. Шхуна заколыхалась на мелкой зыби, раскачиваясь с борта на борт, отчего Федор позеленел и

тихо шепнул, что всегда ненавидел корабли – эти лоханки не по нему.

Труп императора положили на широкую полированную дубовую доску, и патриарх замер над ним, читая наизусть молитву для прощания с покойным. Он просил Бога, чтобы тот даровал покойному загробную жизнь в райских кущах, упоминал имя покойного – Зарт, так что все было нормально, ведь отпевали Зарта, а не Шанти. Зарт и вправду покоился где-то в желудках акул, обитающих в этом районе. Вернее, он уже покинул их в виде испражнений.

Внезапно Олра схватила руку Андрея и в волнении сжала ее, вздрогнув и ошеломленно прошептал:

– Он мне подмигнул! Император мне подмигнул! Он что, жив?!

– Тебе привиделось, успокойся, – невозмутимо ответил Андрей. – Мертвее некуда этот самый Зарт.

– Уверен?

– Уверен, – опустил и поднял веки Андрей и тут же мысленно передал:

«Ты бессовестная драконья девка! Чуть все не испортила! Ты в своем уме?! Ты что делаешь? Столько труда, столько приготовлений!»

«А чего я? Никто и не видел. Только Олра. А ей никто не поверит – мало ли что беременной самке привидится!»

«Ну что ты такая несносная?! Олра умнейшая женщина и тут же почувствует фальшь, если уже не почувствовала!»

«Плевать... хуже то, что я почувствовала в толпе кое-что другое... потом тебе расскажу. Сейчас я не в настроении. Ты меня все время ругаешь! Все время обижаешь!»

«Сестренка, ну согласись, это был безрассудный и глупый жест... ладно, не обижайся. Ты молодец – столько терпела. Потерпи еще немного, скоро ты будешь свободна».

«И я этому очень, очень рада...»

Патриарх закончил читать молитву, все перекрестились, обращаясь к Богу, а двое гвардейцев в парадной форме и начищенных, сияющих кирасах подняли доску вверх, сбросив тело императора в пучину вод.

Привязанный к его ногам груз в виде позолоченной гири (всю ночь начищали и золотили! Пришлось посреди ночи вытащить из постели ювелира) утянул труп в глубину, оставив у присутствующих тягостное воспоминание – белое лицо с дыркой вместо глаза, уходящее ко дну. Дырка-глаз как будто вглядывался в людей, остающихся в этом мире, стараясь запомнить перед встречей на том свете...

В глубине замелькали тени, и Андрей с усмешкой подумал, что теперь Шанти наестся до отвала. Заморилась девочка!

Проводившие императора в последний путь облегченно вздохнули, расслабились, и тут произошло неожиданное: из глубины моря, как гигантская торпеда, выскочила огромная акула – что-то подобное Андрей видел в фильме «Челюсти», только эта, как ему показалось, была гораздо больше. Акула с разгону умудрилась перескочить через корабль, едва не врезавшись в мачту, и все присутствующие при этом странном событии явственно услышали утробный хохот, исходивший как будто от этого существа.

Акула ушла в воду, подняв брюхом тучу брызг, а матросы с ужасом загомонили:

– Акулий король! Акулий король!

«Тогда уж – акулья императрица, – хмыкнул Андрей. – Ну никак не может без эффектных появлений! Она неисправима!»

Но это было правда забавно, и Андрей не стал ругаться.

Похороны Зарта Четвертого народ Балрона запомнил навсегда.

Эпилог

– Люди всегда были склонны к дурацкой пышности, особенно когда это касается упокоения их мертвых тел. Как ты думаешь, почему?

– Спроси чего полегче. Это же люди. Ты вот понимаешь мотивы передвижения червей? Или кровососущих паразитов?

– Как раз мотивы кровососущих паразитов я понимаю. А вот людские помыслы иногда являются непреодолимой тайной. Что это?! Смотри туда! – Неприметный мужчина в неброской одежде впился глазами в проплывающий мимо гроб с телом императора, установленный на катафалке. – Ты видел ауру?!

– Видел, – потрясенно ответил второй. – Нарушение договора! Преступник! Не понимаю, что происходит!

– Это звенья одной цепи. Этот человек по имени Андрей, дракон-преступник, все это складывается в очень нехорошую картину. Сбор, только сбор! Нужно обсудить эту проблему.

– А может, решим дело своими силами? Что нам эти жалкие людишки и дракон-одиночка? Зачем сбор? Тысячи лет решали все сами, а теперь распишемся в несостоятельности, слабости? Как это воспримет род драконов? Не покажется ли им, что мы стали слабы и стары?

– Хм... нужно это обдумать.

Мужчины повернулись и, раздвигая толпу, выбрались на боковую улицу. Зайдя за один из домов и выбрав тихое место, увы – загаженное добропорядочными горожанами, они поморщились, огляделись по сторонам и мгновенно перекинулись в двух черных как уголь птиц. Птицы ушли в небо, удаляясь по направлению к морю.

Здесь, в тридцати верстах от берега, на небольшом островке, населенном лишь черепахами и непрерывно орущими птицами, с незапамятных времен облюбовавшими прибрежные скалы, находилось логово драконов – существ, от которых многие тысячи лет зависела судьба миллионов людей этого мира...

Вот только те об этом не знали – и не должны были узнать никогда.